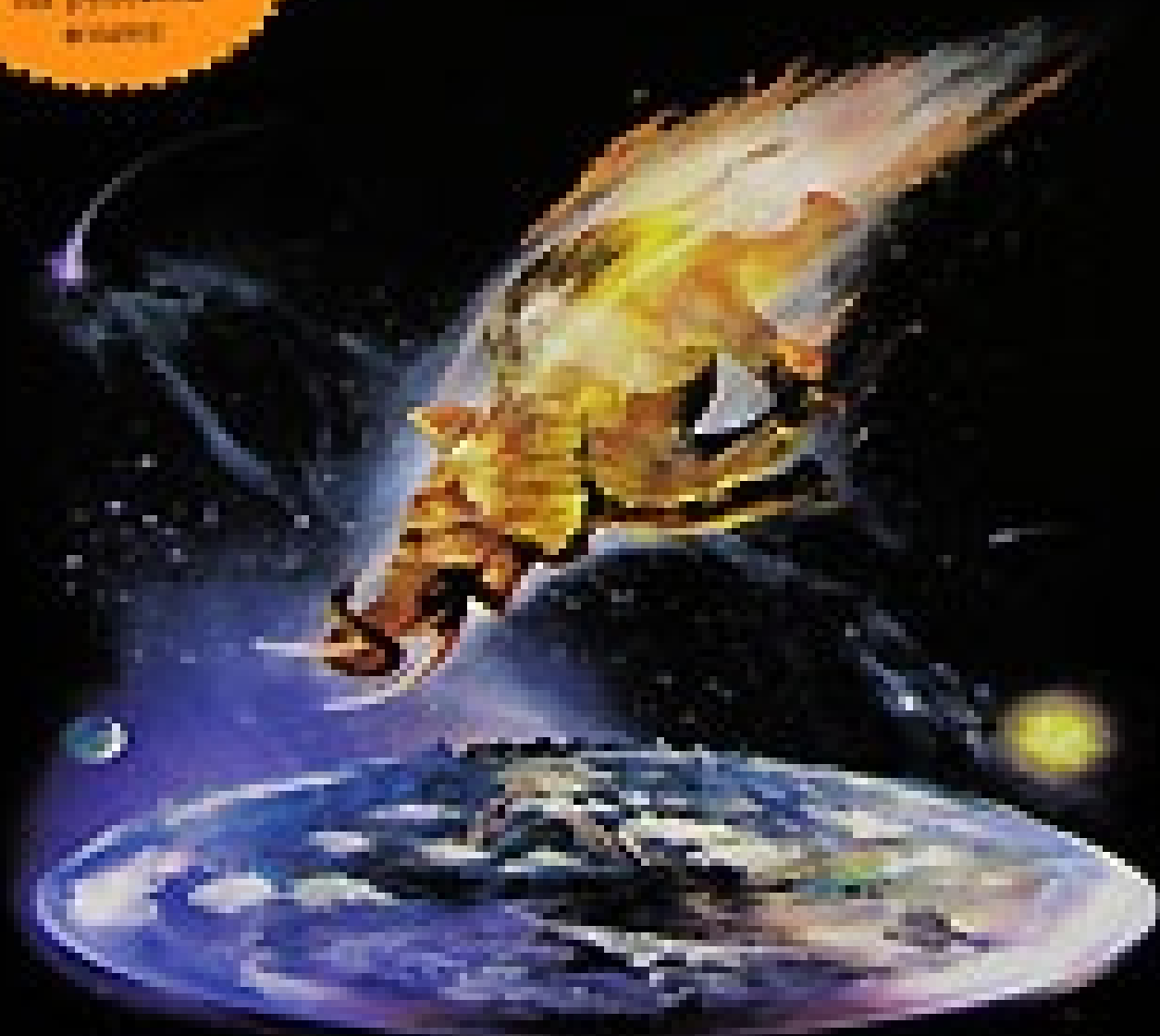

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

ПЯТЫЙ ЭЛЕФАНТ

The Fifth Elephant

САМЫЙ
НОВЫЙ РОМАН
Всего
на русском
языке

Annotation

Добро пожаловать в Убервальд! В страну, славную вековыми традициями, где до сих пор играют в такие замечательные игры, как «попробуй убеги, чтобы тебя не сожрали» и «успей домой до захода солнца». Здесь вас встретят ласково улыбающиеся вампиры, милые игривые вервольфы и радушные, отзывчивые гномы.

А еще здесь лежит легендарный Пятый Слон, некогда упавший на Плоский мир и устроивший чудовищное дискотрясение. А еще здесь множество железа, золота и жировых месторождений – в общем, тех самых штук, которые до зарезу нужны такому цивилизованному городу, как Анк-Морпорк.

Так что вперед, сэр Сэмюель Ваймс! Отныне вы – дипломат. Добудьте нам всего побольше и подешевле. Добро пожаловать в гостеприимный и смертоносный Убервальд!

Ну что, Анк-Морпорк, побегаем?

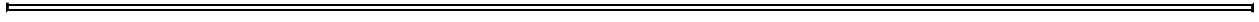
- [Терри Прагчетт](#)

-

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)

- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)

Терри Пратчетт

Пятый элефант

Огромное спасибо Питеру Бликли за его помощь в написании гномьей оперы «Кровавый Топор и Железный Молот». В его версии она была значительно лучше (и в ней было куда больше песен про золото)

Говорят, будто бы мир плоский и покоится на спинах четырех слонов, которые, в свою очередь, плывут по вселенной на панцире гигантской черепахи.

Говорят, будто кости этих преогромнейших слонов состоят из камня и железа^[1], а нервы – из чистого золота для обеспечения лучшей проводимости на большие расстояния.

А еще говорят, что много-много лет назад пятый слон с жутким ревом и трубом ворвался в атмосферу тогда еще молодого мира и рухнул на землю с такой силой, что вознеслись в небо горы и возникли континенты.

Правда, как падал слон, никто не видел, и тут встает очень интересный философский вопрос: когда миллионы тонн разъяренной слонятины нисходят на землю, но рядом нет никого, кто мог бы услышать данное падение, – производит ли этот слон шум?

И если никто не видел этого падения, то вообще... а падал ли слон?

Иными словами, а может, все это какая-нибудь история для детишек, выдуманная специально, чтобы объяснить необычные природные явления?

Но что касается гномов, которые сочинили эту легенду и которые копают куда глубже, чем кто-либо, – гномы говорят, что в этой истории все же присутствует крупица истины.

В ясный день с вершин Овцепикских гор открывается замечательнейший вид на равнины. В самый разгар лета можно сосчитать все столбы пыли, поднятые воловьими караванами: по два вола на две сцепленные друг с другом повозки, каждая повозка – по четыре тонны весом; итого максимальная скорость – две мили в час. На Плоском мире перемещение из точки А в пункт Б – достаточно длительный процесс, зато когда груз наконец прибывает в нужное место, этого груза хоть завались.

Именно при помощи подобных караванов в города, расположенные вдоль побережья Круглого моря, доставлялось основное сырье. Иногда к сырью прилагались искатели приключений, отправившиеся на поиски удачи и горстки-другой алмазов.

Обратно в горы везли промышленные изделия и заокеанские диковинки. А также бывших искателей приключений, обретших мудрость и пару-другую шрамов.

Друг от друга караваны отделял один день пути. Таким образом, равнины превращались в действующую модель машины времени. В ясный день можно было увидеть прошлый четверг.

В зыбком мареве бодро мигали гелиографы, передававшие от каравана к каравану информацию о том, где устроили засаду разбойники, какой груз куда направляется и где можно выгодно поужинать двойной яичницей, тройными чипсами и бифштексом, свисающим за край тарелки.

Воловьими караванами путешествовали многие. Это было, во-первых, дешево; во-вторых, вас не беспокоили мозоли; и в конце концов вы все-таки попадали в нужное вам место.

Но кое-кто умудрялся путешествовать «зайцем».

Волы одной из повозок вели себя слишком уж беспокойно. Подобное поведение вполне объяснимо в горах, где обитают всевозможные дикие животные, рассматривающие волов исключительно как передвижной обед, но на равнинах не водилось ничего опаснее капусты.

За спиной возницы, забившись в узкую щель между штабелями досок, спало какое-то существо.

А в Анк-Морпорке начинался очередной день...

Сержант Колон балансировал на шаткой стремянке, стоявшей на Бронзовом мосту, одной из самых загруженных мостострад города. Правой рукой Колон хватался за высокий столб с закрепленным на его вершине ящиком, а левой держал перед отверстием ящика самодельную книжицу с картинками.

– А это – повозка другого вида, – сказал он. – Понятно?

– 'а, – откликнулся из ящика едва слышный голосок.

– Вот и чудно, – довольным тоном произнес Колон. Бросив книжицу на землю, он указал на мост. – Так, теперь... Видишь вон те две отметины на булыжнике?

– 'а.

– Что они означают?

– Если-возка-ойдет-одной-другой-ньше-за-минуту-начит-она-едет-

лишком-быстро, – повторил заученное голосок из ящика.

– Молодец. И ты что должен сделать?

– Рисовать-картинку.

– Так, чтобы было видно что?

– Лицо-зницы-или-омер-возки.

– А если на улице темная ночь?

– Освещу-возку-помощи-саламандры.

– Молодец, Родни. Один из наших раз в день будет приходить и забирать нарисованные тобой картинки. Тебе там всего хватает?

– 'а.

– А что это такое, сержант?

Колон опустил взгляд на очень большое темнокожее лицо и улыбнулся.

– Привет, Весь, – поздоровался он, неуклюже спускаясь со стремянки. – Ты, господин Джолсон, смотришь сейчас на современную версию, так сказать, часов. Новые часы для нового миллениума... мума.

– Часы, Фред? – переспросил Весь Джолсон, критически рассматривая ящик. – А стрелки вы куда подевали?

– Да нет, Весь, какие стрелки. Слышал выражение «стоять на часах»? Так вот это те самые часы. Только нового вида.

– А, ну да.

– Если кто проедет по мосту слишком быстро, уже на следующее утро лорд Витинари увидит его физиономию. Иконографы никогда не врут, Весь.

– Конечно, Фред. Мозгов-то у них совсем нет, куда уж тут врать?

– Его сиятельству надоело, что повозки носятся по мосту с бешеной скоростью, и он попросил нас что-нибудь придумать. Теперь я – главный по уличному движению.

– Фред, а это хорошо?

– Ну разумеется! – возмущенно воскликнул сержант Колон. – Я отвечаю за то, чтобы эти, ну, артерии не забивались, ведь это может привести к полному упадку торговли и всеобщему разорению. Жизненно важная и необходимая работа, откуда ни посмотри.

– И выполняешь ее ты один?

– Ага. В основном. Иногда капрал Шноббс помогает, ну и другие ребята...

Весь Джолсон задумчиво почесал нос.

– Как раз об этом я и хотел с тобой поговорить, Фред.

– Нет проблем, Весь.

– Рядом с моим рестораном кое-что случилось.

Весь Джолсон двинулся за угол, к своему ресторанчику, и сержант Колон зашагал следом. Рядом с гигантским ресторатором Колон всегда чувствовал себя очень уютно – по сравнению со Всем он выглядел настоящим стройнягой. Весь Джолсон относился к людям, которые способны влиять на орбиты мелких планет и достойны отображения в атласах. Под его шагами подпрыгивали булыжники мостовой. В одном теле соединились лучший в Анк-Морпорке шеф-повар и самый прожорливый в городе едок – союз, заключаемый на небесах картофельного пюре. Настоящего имени Джолсона никто не помнил, а называли его, как правило, по кличке, ибо, впервые сталкиваясь с ресторатором лицом к лицу, люди сначала не верили собственным глазам: неужели *все это* – Джолсон?

На Брод-авеню стояла огромная повозка. Другие телеги пытались ее объехать, вследствие чего возникла огромная пробка.

– Понимаешь ли, Фред, мне доставили свежее мясо, но стоило моему вознице отлучиться, как вдруг...

Весь Джолсон ткнул пальцем в треугольное устройство, установленное на одно из колес телеги. Толстые дубовые доски неведомого приспособления были окованы сталью и обильно политы желтой краской.

Фред осторожно постучал по одной из досок.

– Кажется, Весь, я понимаю, в чем твоя проблема. И как долго твой возница пробыл в ресторане?

– Ну, я накормил его обедом.

– О, твои обеды – это нечто. Всегда так считал и буду считать. И что сегодня на комплексный обед?

– Отбивная под сметанным соусом, пирог с требухой и меренги «черная смерть», – сказал Весь Джолсон.

На некоторое время воцарилась тишина – собеседники представляли себе вышеперечисленные блюда. Наконец Колон едва слышно вздохнул.

– А к требуховому пирогу масло дают?

– Ты хочешь меня оскорбить, предположив, что я могу подать пирог без масла?

– Таким обедом можно долго наслаждаться. Очень долго, – сказал Фред. – Видишь ли, Весь, патриций довольно-таки недвусмысленно выразился насчет повозок, стоящих на улице больше десяти минут и мешающих движению. По словам патриция, это самое настоящее преступление.

– Но съесть мой обед меньше чем за десять минут – это даже не преступление, а самая настоящая трагедия, – парировал Весь. – Вот здесь

написано: «Гарадская Стража – \$15 шоб снять». Фред, это моя выручка за целых два дня!

– А моя работа? Представляешь, сколько бумаг мне придется заполнить? – отозвался Колон. – Я ведь не могу просто так махнуть рукой и снять эту штуковину – даже если б очень захотел. У меня в кабинете есть такой специальный гвоздик, на который накальваются квитанции за нелегальную парковку. Конечно, если б я командовал Стражей, дело другое... Но пойми правильно, Весь, я ведь человек подневольный.

Сунув руки в карманы, они стояли рядом и как будто не обращали друг на друга внимания. Сержант Колон начал насвистывать какой-то мотивчик.

– Я кое-что знаю, Фред, – осторожно произнес Весь. – Люди считают, что у официантов нет ушей, ну и...

– Я много чего знаю, Весь, – ответил Колон, позвякивая мелочью в кармане.

Джолсон и Колон разглядывали небо еще где-то с минуту.

– По-моему, у меня со вчерашнего дня осталось немного медового мороженого...

Сержант Колон опустил глаза на телегу.

– Ну надо же, господин Джолсон! – воскликнул он полным удивления голосом. – Какой-то невероятный гад установил на твое колесо «башмак»! Так, сейчас разберемся!

Колон снял с ремня пару выкрашенных белой краской круглых дощечек-ракеток, повернулся к выглядывавшей из-за старой лимонадной фабрики клик-башне и, дождавшись сигнала дежурившей там горгульи, с жаром и пылом попытался изобразить человека, который ведет сеанс одновременной игры в настольный теннис на двух столах сразу и негнуцимся руками.

– Наряд прибудет буквально через минуту. Ага, смотри, смотри...

Чуть дальше по улице двое троллей аккуратно «обували» очередную телегу с сеном. Через минуту или две один из троллей бросил взгляд на клик-башню, толкнул приятеля в бок локтем, снял с пояса свой комплект ракеток и послал ответный сигнал (правда, с меньшим, чем у Колона, воодушевлением). Получив от горгульи необходимые указания, тролли огляделись по сторонам, заметили Колона и неуклюже двинулись к нему.

– Та-да! – с гордостью воскликнул Колон.

– Ваша новая техника просто поразительна, – восхитился Весь Джолсон. – До них было ажно пятьдесят шагов!

– Правильно, Весь. В прежние времена мне пришлось бы дуть в свисток. А кроме того, они уже знают, что их вызвал именно я.

– Ну надо же. Им даже не пришлось напрягать зрение, чтобы увидеть, что это именно ты, – сказал Джолсон.

– Ага, – подтвердил Колон, подсознательно понимая, что происшедшее никак нельзя признать ярчайшим лучом света, предваряющим долгожданную революцию в области средств связи. – Но представь: они находятся в нескольких улицах от нас. И знают, что это я их вызвал! Да хоть на другом конце города! И вообще, я мог бы приказать горгулье перекинуть сигнал на «большую» башню на Бугре. И буквально через несколько минут мое сообщение получили бы в Сто Лате. Прикинь?

– А до Сто Лата двадцать миль.

– По меньшей мере.

– Невероятно, Фред.

– Время идет вперед, Весь, – гордо хмыкнул Колон.

Наконец к ним подошли тролли.

– Констебль Сланец, кто приказал тебе установить «башмак» на повозку моего друга?

– Ну, сержант, ты ж сам сутрева велел: мол, обувайте все теле...

– Все, но не *эту*, – перебил его Колон. – Сними «башмак» немедленно, и закрыли тему, понял?

Слегка поворочав мозгами, констебль Сланец пришел к заключению, что платят ему вовсе не за мыслительные процессы. Подобного же мнения придерживался и Фред Колон. С точки зрения сержанта, платить троллю за то, чтобы он думал, означало швырять деньги на ветер.

– Как прикажешь, сержант...

– А пока вы тут трудитесь, я пойду поболтаю кое о чем с господином Джолсоном. Верно, Весь?

– Верно, Фред.

– Я сказал «поболтаем», но в основном я буду слушать, поскольку рот мой будет занят.

Снег падал с еловых ветвей. С трудом пробиравшийся сквозь глубокие сугробы человек остановился на мгновение, чтобы перевести дыхание, после чего трусцой пересек полянку.

С противоположной стороны долины донесся первый звук охотничьего рога.

Значит, у него есть час. Возможно, добраться до башни не удастся, но были и другие варианты.

У него имелась пара-другая задумок. Он перехитрит их. Как можно меньше идти по снегу, возвращаться по собственным следам, путая

погоню. Использовать ручки... Это удавалось другим, получится и у него. Человек был уверен в этом.

В нескольких милях от полянки поджарые звери углубились в лес. Охота началась.

А в Анк-Морпорке горела Гильдия Шутовских Дел и Баламутства.

Проблема заключалась в том, что пожарная команда Гильдии состояла большей частью из клоунов.

А проблема *этой* проблемы заключалась в том, что при виде лестницы и ведра с водой клоун мог действовать лишь определенным образом. Сказывались долгие годы тренировок. Клоун поступал так, как приказывал ему его красный нос. С красным носом особо не поспоришь.

Сэм Ваймс, главнокомандующий Городской Стражей Анк-Морпорка, прислонившись к стене, наблюдал за разворачивающимся представлением.

– Пожалуй, надо бы еще раз подать патрицию прошение о создании гражданской противопожарной службы, – сказал он.

На противоположной стороне улицы клоун поднял лестницу, повернулся, сбил стоявшего за его спиной клоуна в ведро с водой, снова повернулся, чтобы посмотреть, чем вызван шум, и свалил пытавшуюся встать жертву обратно в ведро. Толпа молча смотрела. Если бы это было смешно, клоуны бы этого не делали.

– Все Гильдии против, – сказал заместитель Ваймса, капитан Моркоу Железобетонссон, когда клоуну с лестницей вылили в штаны ушат воды. – По-ихнему это не что иное, как «вторжение в частные владения».

Огонь охватил комнату на первом этаже.

– Если мы позволим зданию сгореть, по индустрии городских развлечений будет нанесен серьезный удар, – совершенно искренне произнес Моркоу.

Ваймс бросил на него косой взгляд. Впрочем, весьма характерное для Моркоу замечание. Оно звучало вполне невинно, но заключало в себе второй смысл.

– Определенно, – кивнул Ваймс. – Таким образом, предлагаю что-нибудь предпринять. – Он сделал шаг вперед и поднес сложенные ладони к губам. – Слушайте все, говорит Стража! Делаем водяную цепочку!

– А может, не надо? – выкрикнул кто-то из толпы.

– Надо, – решительно ответил капитан Моркоу. – Давайте пошевеливайтесь. Если организуем две цепочки, с пожаром будет мигмом покончено! Ну, чего застыли? Это ведь даже весело!

И многие зеваки, как заметил Ваймс, подчинились. Моркоу искренне

считал, что в Анк-Морпорке нет плохих людей, и почему-то горожане испытывали совершенно необъяснимое стремление оправдывать это его отношение.

К вящему разочарованию толпы, как только клоунов разоружили и отвели в сторонку, пожар был быстро потушен.

Ваймс закурил сигару. К нему подошел Моркоу, вытирающий пот со лба.

– Причина пожара – пожиратель огня, – отрапортовал Моркоу. – Видимо, съел что-нибудь.

– За сегодняшнее нам еще воздастся. Небесная кара постигнет нас, – хмыкнул Ваймс, когда они двинулись дальше, патрулируя городские улицы. – О нет... А там-то что?

Моркоу поднял взгляд на ближайшую клик-башню.

– Беспорядки на Цепной улице, сэр, – сказал он. – Объявлена общая тревога.

Они перешли на бег. Именно так полагалось поступать по сигналу общей тревоги. На месте попавшего в беду вполне мог оказаться ты сам.

На улицах все чаще стали попадаться гномы, и Ваймс начал догадываться, что их ждет впереди. Гномы выглядели крайне озабоченными, и двигались они в одном и том же направлении.

– Все уже кончилось, – констатировал Ваймс, когда они завернули за угол. – Слишком много подозрительно невинных зевак.

Что бы тут ни случилось, действовали с размахом. Улица была усеяна всевозможными обломками и значительным количеством гномов. Ваймс замедлил шаг.

– Третий раз за неделю, – покачал головой он. – Да что такое на них нашло?

– Трудно сказать, сэр, – ответил Моркоу.

Ваймс бросил на него пронзительный взгляд.

Моркоу был воспитан гномами. Кроме того, в любых ситуациях он старался говорить правду.

– «Трудно сказать»... Это то же самое, что и «не знаю»?

Капитан смущенно потупился.

– Думаю, тут замешаны... политические вопросы, – наконец пробормотал Моркоу.

Ваймс заметил торчащий из стены метательный топорик.

– Да, это я и сам вижу.

Кто-то шагал им навстречу по улице, и, вероятно, этот кто-то и был истинной причиной прекращения беспорядков. Младший констебль Шпат,

самый здоровенный тролль из всех, что доводилось видеть Ваймсу. Он нависал над всем и вся. Шпат был настолько большим, что совершенно не выделялся в толпе, поскольку сам по себе был толпой. Люди не замечали его, потому что он загораживал все остальное. А еще, как и большинство крупных существ, он был инстинктивно добрым и довольно-таки стеснительным, предпочитая выполнять приказы других, нежели решать самому. Приведи его судьба в какую-нибудь уличную банду, он стал бы ее мускулами. В Страже он выполнял роль щита, за которым прятались остальные стражники.

– Похоже, все началось в кулинарии Буравчика, – сказал Ваймс, когда подтянулись остальные стражники. – Допросите владельца.

– Не слишком удачная мысль, сэр, – твердо заявил Моркоу. – Он ничего не видел.

– Откуда ты знаешь? Ты ведь даже не поговорил с ним.

– Просто знаю, сэр. Он ничего не видел. И ничего не слышал тоже.

– Хотя толпа разгромила его закусочную, а потом устроила на улице драку?

– Именно так, сэр.

– Ага, понимаю. Хочешь сказать: не тот глух, кто не слышит, а тот, кто не хочет слышать?

– Нечто в этом роде, сэр. Послушайте, сэр, все уже закончилось. Думаю, никто серьезно не пострадал. Так будет лучше, сэр. Прошу вас.

– То есть... это личное гномье дело, да, капитан?

– Так точно, сэр.

– Но это Анк-Морпорк, капитан, а не какой-нибудь рудник далеко в горах, и я обязан поддерживать в городе порядок! А это, капитан, совсем не похоже на порядок. На улицах творится хаос! Что скажут люди?

– Так и скажут, сэр. Еще один день в жизни большого города, – с деревянным лицом откликнулся Моркоу.

– Да, полагаю, примерно так они и выразятся. Тем не менее... – Ваймс поднял с земли стонущего гнома. – Кто это сделал? – спросил он. – Я не в настроении играть с тобой в молчанку. Имя! Ну?

– Аги Молотокрад, – пробормотал гном, вяло трепыхаясь в хватке Ваймса.

– Отлично, – сказал Ваймс, отпуская гнома. – Моркоу, запиши.

Гном благоразумно поспешил скрыться за углом.

– Никак нет, сэр.

– Не понял?

– В городе нет никакого Аги Молотокрада, сэр.

– Ты что, всех местных гномов знаешь?

– Многих из них, сэр. Но Аги Молотокрада можно встретить только в рудниках, сэр. Это дух-проказник, сэр. Например, «сунуть туда, куда Аги уголь сует» означает...

– Я уже догадался, – перебил его Ваймс. – Ты хочешь убедить меня в том, что, судя по словам этого гнома, беспорядки возникли без какой-либо причины? На пустом месте?

– Более или менее, сэр. Прошу прощения, сэр. – Моркоу пересек улицу и снял с ремня две белые ракетки. – Я просто переместился в зону видимости башни. Думаю, нам следует послать сигнал.

– Зачем?

– Мы заставляем патриция ждать, сэр. Воспитанные люди должны предупреждать о своем опоздании.

Ваймс достал часы и уставился на циферблат. Похоже, это будет один из тех самых дней... которые случаются каждый день.

Вселенная устроена так, что человек, всегда заставляющий вас ждать как минимум десять минут, в тот день, когда *вы* опоздаете на десять минут, будет готов к встрече десятью минутами раньше. И постарается подчеркнуть ваше опоздание, *ни словом о нем не упомянув*.

– Прошу нас извинить, сэр, – сказал Ваймс, когда они вошли в Продолговатый кабинет.

– А вы опоздали? – спросил Витинари, поднимая взгляд от документов. – Я и не заметил. Надеюсь, ничего серьезного?

– Пожар в Гильдии Шутовских Дел и Баламутства, сэр, – отрапортовал Моркоу.

– Много жертв?

– Никак нет, сэр.

– Повезло, – с сомнением произнес лорд Витинари и положил на стол перо. – Итак... что нам предстоит обсудить?

Он придвинул к себе очередной документ и быстро пробежал его глазами.

– Ага... Как вижу, новое отделение уличного движения добилось желаемых результатов. – Он кивнул на огромную кипу бумаг на столе. – Я получил кучу жалоб от Гильдии Возниц и Гуртовщиков. Отличная работа. Передайте мою благодарность сержанту Колону и его команде.

– Обязательно, сэр.

– Всего за один день они установили «башмаки» на семнадцать повозок, десять лошадей, восемнадцать волов и одну утку.

– Она была незаконно припаркована, сэр.

– Разумеется. Тем не менее наблюдается странная закономерность.

– Сэр?

– Многие возницы заявляют, что они не парковались, но были вынуждены стоять, пока крайне старая и крайне безобразная женщина крайне медленно переходила улицу.

– Это их версия, сэр.

– Что женщина старая, они заключили из постоянно повторяемых ею слов «Ах, бедная я, бедная, мои бедные старые ножки» и других подобных выражений.

– Я бы тоже пришел к такому выводу, сэр, – с каменным лицом согласился Ваймс.

– Именно. Странно другое. Некоторые возницы сообщают, что видели, как немногим позже та же самая немощная старуха вприпрыжку неслась по переулку. Я бы не обратил на это внимания, если бы некоторое время спустя данную старуху не увидели медленно переходящей улицу уже в другом районе. Тут кроется какая-то загадка, Ваймс.

Ваймс устало прикрыл глаза рукой.

– Эту загадку, сэр, я разгадаю достаточно быстро.

Патриций кивнул, сделал пометку на лежавшем перед ним листе и отодвинул его в сторону.

Под листком обнаружился другой клочок бумаги – грязный и скомканный. При помощи двух ножей для писем патриций брезгливо расправил его и толкнул по столу к Ваймсу.

– А что Страже известно вот об этом? – спросил он.

Ваймс прочел написанные мелком крупные округлые буквы:

«ДраГУСчий Сёр, ЖыСТОКость к БИЗДОМным ПсАм В
этам ГОРаде ПаЗЗор, ШТО СшРАжа придПРИНИМат НаЩет
ЭТАГО? ЛуиГАНет ЖыСТОкасти К СабАкаМ».

– Абсолютно ничего, – сказал Ваймс.

– Мои писари говорят, что подобные послания подсовывают под двери дворца почти каждую ночь. Автор их, само собой, неизвестен.

– Вы хотите, чтобы я занялся расследованием? – спросил Ваймс. – Думаю, нам не трудно будет отыскать подозреваемого. У него, когда он пишет, течет слюна, а с грамотностью дела обстоят даже хуже, чем у Моркоу.

– Спасибо, сэр, – сказал Моркоу.

– Дворцовые стражники никого не видели, – продолжил патриций. – В

Анк-Морпорке существует какая-нибудь группировка, особо заинтересованная в благополучии собак?

– Сомневаюсь, сэр.

– В таком случае я на время забуду об этом, – сказал Витинари и позволил мокрому клочку бумаги шлепнуться в мусорную корзину. – Перейдем же к более безотлагательным делам. Итак... что вам известно о Здеце?

Ваймс вытаращил глаза.

Моркоу вежливо откашлялся.

– О реке или городе, сэр?

Патриций улыбнулся.

– Капитан, я давно перестал удивляться твоим познаниям. Я имел в виду город.

– Один из основных городов Убервальда, сэр? – уточнил Моркоу. – Экспорт: драгоценные металлы, кожа, лес и, конечно, жир из богатейших подземных месторождений Шмальцберга...

– Здец? В смысле... Что, такой город и вправду существует? – запоздало изумился Ваймс. Буквально секунду назад они обсуждали какое-то изжеванное воззвание, а теперь уже разговор переключился на совсем иную тему.

– Строго говоря, сэр, правильнее произносить название города как Задец. «За» – в смысле «за», «по ту сторону».

– Знаешь ли, это не легче...

– А в Здеце, сэр, «морпорк» – это название определенной части дамского туалета, – сообщил Моркоу. – Если вдуматься, букв так мало, а языков так много...

– Но, Моркоу, откуда ты все это знаешь?

– Нахвтался знаний, сэр. Чуток там, чуток здесь.

– Правда? И какая же именно часть туалета...

– Через несколько недель в этом городке произойдет чрезвычайно важное событие, – перебил лорд Витинари. – Не могу не добавить, что оно имеет жизненно важное значение для процветания Анк-Морпорка.

– Коронация короля-под-горой, – кивнул Моркоу.

Ваймс ошеломленно переводил взгляд с капитана на патриция и обратно.

– До меня не дошел какой-нибудь циркуляр? – наконец спросил он.

– Уже несколько месяцев гномья община только об этом и говорит, сэр.

– Правда? Ты имеешь в виду беспорядки? Драки, которые происходят каждый вечер в гномьих трактирах?

– Капитан Моркоу абсолютно прав, Ваймс. Это событие чрезвычайной важности, на котором будут присутствовать представители правительств многих стран, не говоря уже о княжествах Убервальда. Король-под-горой правит всеми находящимися под землей областями Убервальда. Его благосклонность ценится очень высоко. Там, несомненно, будут представители Борогравии и Орлей, возможно, даже Клатча.

– Клатча? Но они еще дальше от Убервальда, чем мы! Им-то что там делать? – Буквально на мгновение Ваймс замолчал, а потом добавил: – Ха, я, похоже, сморозил глупость. Ну и в чем навар?

– Прошу прощения, командор?

– Сэр, данный вопрос всегда задавал мой старый сержант, когда оказывался в затруднительном положении. Как он выражался: определи, в чем навар, и можешь считать, что проблема наполовину решена.

Витинари встал, подошел к огромному окну и повернулся к ним спиной.

– Убервальд – большая страна, – произнес он, обращаясь, по-видимому, к стеклу. – Темная. Таинственная. Древняя...

– Огромные неиспользованные запасы угля и железной руды, – сказал Моркоу. – И конечно, жира. Лучшие свечи, ламповое масло и мыло получают из жира, добытого на Шмальцбергских месторождениях.

– А при чем тут мы? У нас собственных боен хватает.

– Анк-Морпорк потребляет очень, очень много свечей, сэр.

– Зато мы экономим на мыле, – хмыкнул Ваймс.

– Жир и сало используются во многих областях промышленности, сэр. Мы не способны обеспечивать себя самостоятельно.

– Ага, – многозначительно сказал Ваймс. Патриций вздохнул.

– Я от души надеюсь, что нам удастся наладить прочные торговые связи с проживающими в Убервальде народами. Ситуация в стране крайне взрывоопасна. Но Убервальд... Кто о нем что знает? Вот, к примеру... Командор Ваймс?

Ваймс, который обладал микроскопически детальными познаниями в области географии Анк-Морпорка и просто микроскопическими познаниями в области всей остальной географии, издал некий невнятный звук.

– На самом деле это и не страна вовсе, – сказал Витинари. – Это...

– Скорее Убервальд – то, что появляется перед тем, как возникают страны, – встрял Моркоу. – Убервальд – это укрепленные городки и разрозненные феодальные поместья, разделенные лесами. Там постоянно происходят междоусобные стычки. Не существует законов, кроме

насаждаемых местными князьками. И разумеется, процветает бандитизм всех мастей.

– О, как это не похоже на тихую, спокойную жизнь в нашем любимом городке, – буркнул себе под нос Ваймс, но все же недостаточно тихо, а потому удостоился бесстрастного взгляда патриция.

– Убервальдские гномы и тролли до сих пор не уладили свои древние споры, – продолжал Моркоу. – Обширные области контролируются феодальными кланами вампиров и вервольфов. Магический фон в ряде районов невероятно высок. В общем и целом там царит такой хаос, что в это невозможно поверить, ведь на дворе давным-давно век Летучей Мыши. Однако мы не теряем надежды, что вскоре ситуация изменится к лучшему и Убервальд счастливо волеется в содружество наций Плоского мира.

Ваймс и Витинари переглянулись. Иногда Моркоу говорил так, словно бы читал вслух гражданское эссе, написанное обалдевшим от радужных перспектив мальчиком-певчим.

– Хорошо сказано, – произнес наконец патриций. – Но до наступления сего славного дня Убервальд останется настоящей головоломкой, скрытой в шараде, зашифрованной в загадке.

– Если я правильно понял, – вмешался Ваймс, – Убервальд – это большой жирный пудинг, на который все вдруг обратили внимание, и сейчас, воспользовавшись предстоящей коронацией как предлогом, мы должны нестись туда со всех ног с ножом, вилкой и ложкой, чтобы попытаться навалить на свою тарелку как можно больше кусков?

– Ваймс, твоя способность к осмыслению политической действительности достойна восхищения. Не хватает лишь соответствующего словарного запаса. Анк-Морпорк, как вы понимаете, просто обязан послать на коронацию своего представителя. Так сказать, официального посла.

– Надеюсь, сия великая честь выпадет не мне? – с подозрением осведомился Ваймс.

– О нет. Послать в Убервальд командора Городской Стражи? Ни в коем случае, – пожал плечами лорд Витинари. – Тамошние княжества еще не настолько развиты, чтобы воспринять концепцию гражданских сил, поддерживающих законопорядок.

Ваймс немного успокоился.

– Я пошлю туда герцога Анкского.

Ваймс резко выпрямился.

– Система там в основном феодальная, – продолжал Витинари. – И титулам придается огромное значение.

– Но вы не можете приказать мне отправиться в Убервальд!

– Приказать? А кто говорил о приказе? – Витинари выглядел удивленно-озабоченным. – О боги, видимо, я неправильно понял госпожу Сибиллу... Вчера она сказала мне, что вам обоим не повредил бы отпуск. Где-нибудь подальше от Анк-Морпорка...

– Вы *говорили* с Сибиллой?

– На приеме в честь нового президента Гильдии Портных. Ты ушел в самом начале. Возникла какая-то чрезвычайная ситуация, насколько мне известно. Тогда-то госпожа Сибилла и упомянула, что ты света белого не видишь из-за этой работы, а затем разговор зашел об Убервальде... Надеюсь, я не стал причиной семейной размолвки?

– Но я не могу сейчас покинуть город! – в отчаянии воскликнул Ваймс. – У меня столько дел!

– Именно поэтому госпожа Сибилла настаивает на том, чтобы ты покинул город, – кивнул Витинари.

– Но новобранцы, их обучение...

– Обучение новых кадров протекает по графику, сэр, – отрапортовал Моркоу.

– И в службе почтовых голубей такой беспо...

– Мы более или менее решили проблему, сэр. Сменили корм, сэр. Кроме того, система клик-башен работает превосходно.

– Но нужно еще организовать работу Речного Дозора...

– Может подождать пару недель, сэр. Мы откапываем утонувшую лодку.

– Канализация в штаб-квартире на Рубцовой...

– Я все организовал, сэр. Проблему уже устраняют.

Ваймс осознал, что проиграл. Причем проиграл в тот момент, когда в дело вмешалась Сибилла. Его жена была тем самым безотказным осадным орудием, перед которым стены Ваймсовой крепости неизменно пасовали. И все же он не мог сдаться без борьбы.

– Вы же знаете, сэр, я не больно-то силен в дипломатических штучках, – сказал он.

– А вот анк-морпоркский дипломатический корпус считает несколько иначе, – возразил лорд Витинари. – Ты сразил их наповал. Дипломаты не привыкли к простой речи, она приводит их в замешательство. Что ты там сказал истанзийскому послу примерно с месяц назад? – Патриций зашуршал бумагами на столе. – Жалоба должна быть где-то здесь... Да, вот она. По вопросу набегов, совершаемых через реку Скользячую, ты прямо и недвусмысленно заявил, что дальнейшие случаи вторжения на наши

территории повлияют непосредственно на его, то бишь посла, судьбу и он, цитирую, «отправится домой в карете „скорой помощи“».

– Прошу меня простить, сэр, но день выдался тяжелым, а этот тип так нагло вел себя...

– После чего вооруженные силы Истанзии отступили настолько далеко, что едва не оказались в соседней стране, – закончил лорд Витинари, откладывая документ в сторону. – Должен заметить, твое высказывание совпадало лишь с общим направлением моих мыслей касательно данного вопроса, но ты выразился кратко и емко. И наверняка сопроводил слова своим фирменным многозначительным взглядом.

– Привычка, сэр.

– Само собой. К счастью, в Убервальде ничего подобного не потребуется. Нам надо лишь заявить о том, что мы настроены дружелюбно.

– Надеюсь, мне не придется вести переговоры, сэр? – с отчаянием в голосе спросил Ваймс. – «Эй, как насчет того, чтобы продать нам ваш жир подешевле» и всякое такое?

– Нет, Ваймс, тебе не потребуется ничего говорить. Переговорами займется один из моих чиновников, который организует работу временного посольства и обсудит все эти вопросы с послами от Убервальдских графств. Чиновники говорят на одном и том же языке. Ты же просто попытаешься выглядеть как можно больше похожим на герцога. У тебя даже будет свита. Персонал. – Увидев бессмысленный взгляд Ваймса, Витинари вздохнул. – Специальные люди, которые будут сопровождать вас с госпожой Сибиллой. В качестве кандидатур предлагаю сержанта Ангву, сержанта Детрита и капрала Задранец.

– А, – сказал Моркоу и одобрительно закивал.

– Прошу прощения? – переспросил Ваймс. – Кажется, я пропустил очень важную часть разговора.

– Вервольф, тролль и гном, – пояснил Моркоу. – Этнические меньшинства, сэр.

– Зато в Убервальде они составляют этническое *большинство*, – добавил лорд Витинари. – Кроме того, насколько я знаю, все трое родом из Убервальда. Их присутствие будет говорить красноречивее всяких слов.

– Вы двое что-то знаете? – Ваймс нахмурился. – Лично я лучше бы взял с собой...

– Сэр, это продемонстрирует жителям Убервальда, что общество Анк-Морпорка многокультурно и многонационально. Понимаете? – сказал Моркоу.

– Ах да, конечно. Они как мы. Ура-ура, с ними можно делать бизнес, – с мрачным видом произнес Ваймс.

– Порой у меня создается впечатление, – несколько раздраженно произнес Витинари, – что культура цинизма в Городской Страже развита несколько...

– Недостаточно? – помог Ваймс. Воцарилась тишина. – Ну, хорошо, – наконец сказал он и вздохнул. – Пойду драить шишки на своей герцогской короне...

– Насколько я разбираюсь в геральдике, на герцогской короне нет шишек. Зато на ней бесспорно имеются... шипы, – улыбнулся патриций и подтолкнул в направлении Ваймса небольшую пачку бумаг, на самом верху которой лежала пригласительная карточка с золоченой кромкой. – Вот и прекрасно. А я немедленно прикажу послать через башню соответствующий клик-ответ. Более подробный инструктаж, Ваймс, ты получишь чуть позже. И передавай поклон герцогине. А теперь, умоляю, не позволяйте мне задерживать вас боле.

– Он всегда передает ей поклон. *герцогине...* – пробормотал Ваймс, сбегая вниз по лестнице. – Знает, что мне это герцогство как собаке пятая нога.

– Но, сэр, я думал, вы и госпожа Сибилла...

– Против Сибиллы я ничего не имею, – торопливо перебил его Ваймс. – Я очень рад, что женился на ней. Правда рад. Мне не нравится лишь то, что она герцогиня. Так... Кто где у нас сегодня?

– Капрал Задранец дежурит у голубей. Детрит – в ночном патруле в паре со Свирсом, Ангва отправилась со спецзаданием в Тени. Ну, вы помните, сэр... Вместе со Шнобби.

– О боги, конечно, конечно. Ладно, когда они завтра вернутся, скажи, я лично жду их доклада. Кстати, отбери у Шнобби этот дурацкий парик и спрячь его куда-нибудь. – Ваймс пролистал бумаги. – Король-под-горой? Никогда о таком не слышал. Я думал, что «король» на гномьем языке означает что-то вроде старшего инженера.

– Ну, король-под-горой – особый случай, – сказал Моркоу.

– Почему?

– Все начинается с Каменной Лепешки, сэр.

– С чего?

– Если не возражаете, на обратном пути мы сделаем небольшой крюк, сэр. Это поможет вам лучше понять то, что происходит.

Некая девушка стояла на углу улицы в Тенях. Ее поза на специальном

жаргоне данного района недвусмысленно говорила о том, что девушка кое-кого ждет. Даже не кое-кого, а весьма определенного господина. У которого имеется определенное количество денег.

Девушка рассеянно помахивала сумочкой.

Этот сигнал был понятен даже человеку с голубиными мозгами. Члены Гильдии Воров предпочитали обходить ждущую кого-то дамочку по другой стороне улицы, приветствуя ее вежливыми и – что крайне важно – лишенными всякой агрессивности кивками. Даже куда менее культурные свободные воры, промышлявшие в Тенях, несколько раз подумали бы, прежде чем положить глаз на сумочку. Возмездие Гильдии Белошвеек было быстрым и неотвратимым.

Однако тощее тельце Это-Все-Я Дункана не обладало даже голубиными мозгами. Вот уже пять минут воришка, как кот, следил за качающейся сумочкой. Сама мысль о ее содержимом действовала гипнотически. Дункан практически чувствовал вкус монет. Приподнявшись на носочки и пригнув голову, он сорвался с места, вылетел из переулка, схватил сумочку и даже успел пробежать еще несколько дюймов, прежде чем мир взорвался где-то в районе его затылка, а сам он рухнул лицом в грязь.

На ухо закапала чья-то слюна, а затем раздалось протяжное, выверенное ворчание, тон которого не менялся, но весьма доходчиво объяснял, что произойдет, если воришка попытается пошевелиться.

После чего послышались чьи-то шаги, и краем глаза Дункан заметил мелькнувшие кружева.

– А, Это-Все-Ты, – произнес чей-то голос. – Сумочки, значит, рвем? По-моему, совсем уж подло, а? Даже для тебя. Ты еще легко отделался. Ладно, поднимайся давай, уже можно.

Вес исчез со спины Дункана, и он услышал удалявшийся в темный переулок мягкий топоток лап.

– Это все я! Это все я! – отчаянно завопил воришка, пока капрал Шноббс помогал ему встать на ноги.

– Знаю, что ты, собственными глазами видел, – буркнул Шнобби. – Ты вообще понимаешь, что б с тобой было, если бы ты попался на глаза Гильдии Воров? Валялся бы сейчасдохлый где-нибудь в реке, и никакого тебе досрочного условного.

– Меня все ненавидят! За мое мастерство... – пробормотал Дункан сквозь спутанную бороду. – Помнишь ограбление Всего Джолсона в прошлом месяце? Это все я!

– Верно, Дункан. Это все ты.

– А помнишь, на прошлой неделе стибрили сейфы с золотом? Это тоже все я. А вовсе не Углеморд со своими парнями.

– Ага, Дункан, это все ты, кто ж еще.

– И ту кражу у золотых дел мастера, которую, как все считают, провернул Крипучий Рон...

– На самом деле это все ты, да?

– Ага, – радостно подтвердил Дункан.

– А огонь у богов – это ведь тоже ты, верно, Дункан? – поинтересовался Шнобби, сияя из-под парика мерзкой улыбочкой.

– Точняк, все я! – кивнул Дункан и шмыгнул носом. – Тогда я, конечно, был моложе. – Он близоруко прищурился на Шнобби Шноббса. – Шнобби, а почему на тебе платье?

– Это большой секрет, Дункан.

– Понятно... – Дункан смущенно переступил с ноги на ногу. – Шнобби, у тебя, случаем, нет пары долларов? Не жрал уже два дня.

Мелкие монеты блеснули в полумраке.

– А теперь проваливай, – велел капрал Шноббс.

– Спасибо, Шнобби. Если случатся нераскрытые преступления, ты знаешь, где меня искать.

С этими словами Дункан исчез в ночи. За спиной Шнобби, застегивая нагрудник кирасы, появилась Ангва.

– Бедняга, – покачала головой она.

– А в свое время был хорошим вором, – сказал Шнобби, доставая из сумочки блокнот и делая в нем какую-то пометку.

– Было очень мило с твоей стороны помочь ему, – похвалила Ангва.

– Ну, я всегда могу вернуть деньги из суммы на мелкие расходы, – пожал плечами Шнобби. – Зато теперь мы знаем, кто украл те слитки. И господин Ваймс украсит мой шлем очередным пером.

– Скорее чепец, Шнобби.

– Что?

– Твой чепец, Шнобби. Неплохие цветочки, кстати. Клево смотрятся.

– А... Ну да.

– Не подумай только, что я жалуюсь, Шнобби, – продолжала Ангва, – но когда нам поручили эту работу, я думала, это я буду приманкой, а ты будешь меня прикрывать.

– Да, но ты ведь... – Шнобби наморщил лоб, вторгаясь в неизведанные лингвистические территории. – Мор... фор... логически одаренная...

– То есть вервольф, Шнобби. Я знаю это слово.

– Верно... И тебе удобнее таиться в засаде... Кроме того, я считаю, что

в нашей, стражнической, работе женщины не должны работать приманкой...

Ангва нахмурилась, подыскивая подходящие слова, после чего взмахнула перед собой руками, словно бы пытаясь вылепить нечто невидимое из теста своих мыслей. Беседовать со Шнобби на деликатные темы было настоящим испытанием.

– Просто... Я имею в виду... Люди могут... Ну, ты ведь знаешь, как называют мужчин, которые носят просторные платья и парики?

– Так точно, госпожа.

– Правда?

– Конечно, госпожа. Законниками, госпожа.

– А, ну да, – медленно произнесла Ангва. – А еще как?

– Э... актерами?

Ангва сдалась.

– Ты отлично выглядишь в платье из тафты, Шнобби.

– А тебе не кажется, что оно меня слегка полнит?

Ангва принялась.

– О нет, – тихо произнесла она.

– Я подушился. Для вящего сходничества, – быстро объяснил Шнобби.

– Для чего? А... – Ангва покачала головой и снова втянула воздух носом. – Нет, я чувствую запах чего-то... иного.

– Странно, потому что запахок у этой дряни тот еще, всем запахам запах, хотя, по-моему, ландыши пахнут несколько иначе...

– Это не духи.

– ...Но лавандовые духи, которые мне предлагали, скорее сошли бы для чистки доспехов...

– Шнобби, ты сможешь вернуться в штаб-квартиру на Рубцовой без моей помощи? – спросила Ангва.

И, несмотря на возрастающую панику, ехидно добавила про себя: «Хотя чего я спрашиваю? Что с ним может случиться? Во всяком случае, будет большой сюрприз».

– Конечно, госпожа.

– Мне нужно проверить... кое-что.

И Ангва поспешила прочь. Новый запах заполнял ноздри, щекотал нос. Перебить аромат *одешнобблона* мог лишь очень сильный запах. *Невероятно сильный.*

«Только не здесь, – подумала она. – Не сейчас. Только не он...»

Убегающий человек со всех сил качнул мокрую от снега ветку и

перелетел на ветвь соседнего дерева. Вроде бы хватит. Ручей остался далеко позади. Насколько острое у них чутье? Очень острое, будь они прокляты. Но не настолько же!

Некоторое время он шел по течению, а потом увидел нависающее над ручьем дерево. Тогда-то у него и возник план. Они наверняка разделятся и пойдут по обоим берегам – они достаточно умны, именно так они и поступят. А он их все равно перехитрит. Подпрыгнув, он ухватился за ветку...

Откуда-то слева донесся далекий вой.

Спрыгнув на землю, человек двинулся направо, в темноту густого леса.

Некоторое время Моркоу шарил руками во мраке. Наконец заскрежетал поворачиваемый в замке ключ.

– По-моему, совсем недавно в этом здании обосновался комитет «Гномы на высоте», – сказал Ваймс.

– Последнее время с добровольцами совсем плохо, – откликнулся Моркоу, проводя командора через низкую дверцу и зажигая свечу. – Я заглядываю сюда каждый день, чтобы проверить, все ли в порядке. Остальным... как-то это неинтересно.

– Ума не приложу почему, – откликнулся Ваймс, окидывая взглядом Музей гномьего хлеба.

Обо всех хлебных продуктах, представленных тут в качестве экспонатов, можно было сказать лишь одно: сейчас они были настолько же съедобными, как и в тот день, когда были выпечены.

Хотя термин «выкованы» будет точнее. Гномий хлеб использовался не только как пища на совсем уж черный день, но также служил оружием и валютой. Особой религиозностью гномы не отличались, однако то, как они относились к своему хлебу, вполне могло сойти за поклонение.

Из темноты донеслось шуршание, за которым раздался звон.

– Крысы, – пояснил Моркоу. – Бедняжки, все зубы себе сточили. Ага, вот и она. Каменная Лепешка. Копия, конечно.

Ваймс уставился на бесформенное нечто, выставленное в покрытой пылью витрине. В экспонате действительно узнавалась лепешка – но только в том случае, если вас об этом предупредили заранее. В противном случае вы могли ошибиться и принять ценный экспонат за обыкновенный кусок камня. Размерами, формой и своей округлостью предмет напоминал подушечку, на которой часто сидели. Кое-где виднелись окаменелые ягодки смуродины.

– Нечто подобное моя жена подкладывает себе под ноги после долгого, утомительного дня, – сообщил Ваймс.

– Каменной Лепешке тысяча пятьсот лет, – сказал Моркоу с некоторым благоговением в голосе.

– Я думал, это копия.

– Да, конечно... Но копия крайне важного по значению предмета, сэр.

Ваймс принялся. В воздухе пахло чем-то едким.

– Сильно пахнет кошками, или я ошибаюсь?

– Они гоняются здесь за крысами, сэр. Крыса, наевшаяся гномьего хлеба, как правило, бежит не очень быстро.

Ваймс закурил сигару. Моркоу глянул на него с неуверенным неодобрением.

– Сэр, мы заранее благодарны людям за некурение в стенах нашего музея.

– Заранее? А откуда вы знаете, будут они курить или нет? – откликнулся Ваймс и прислонился к пыльной витрине. – Итак, капитан. Зачем я *на самом деле* отправляюсь в этот ваш... Здец? Я совершенно не разбираюсь в дипломатии, но точно знаю: это очень многоцелевая штукавина. Кто такой король-под-горой? Почему наши гномы постоянно дерутся?

– Понимаете, сэр... Вы знакомы с таким понятием, как *крук*?

– Это вроде бы горное право гномов?

– Отлично, сэр. Абсолютно правильно. Но касается оно не только поведения в шахтах. Оно касается... образа жизни. Законов собственности, наследования, брачного права, правил разрешения всевозможных споров... Практически всех сторон жизни. А король-под-горой... он в некотором роде суд высшей инстанции. Разумеется, у него масса советников, но последнее слово всегда остается за ним. Понимаете меня?

– Пока все достаточно разумно.

– И коронуется он на Каменной Лепешке, на которой затем и восседает, вынося свои решения, ибо так поступали все короли-под-горой со времен Б'хриана Кровавого Топора, который правил полторы тысячи лет назад. Лепешка... наделяет властью.

Ваймс с мрачным видом кивнул. Это тоже было разумно. Ты поступаешь так потому, что так поступали всегда, и объясняешь свои поступки совершенно логично: «Мы же *всегда* так поступали». Миллионы давно умерших людей не могут ошибаться, правда ведь?

– Он выбирается, наследует трон или занимает свое положение как-нибудь еще?

– Полагаю, можно считать, что его выбирают, – сказал Моркоу. – На самом деле гномьи старейшины договариваются между собой. Выслушав мнения других гномов, конечно. В гномьей среде это называется «прозондировать слои». И по традиции король-под-горой должен быть членом одной из главных семей. Но... э...

– Да?

– В этом году события приняли иной оборот. И обстановка сейчас... немного накалена.

«Ага», – подумал Ваймс.

– Победил не тот гном? – спросил он.

– Кое-кто согласился бы с вами. Но тут скорее... поставлен под сомнение весь процесс, – признался Моркоу. – И это сделали гномы самого крупного, за границами Убервальда, города.

– Самый крупный гномий город? Гм, но это ведь... Ну, как его, тот самый, пупстроннее... Вылетело из головы...

– Это Анк-Морпорк, сэр.

– Что? С каких это пор мы принадлежим гномам?!

– Сейчас в нашем городе проживает пятьдесят тысяч гномов, сэр.

– Правда?

– Да, сэр.

– Ты уверен?

– Так точно, сэр.

«Конечно уверен, – подумал Ваймс. – И вероятно, знает всех их по именам».

– Вы должны понять, сэр, сейчас идут серьезные дебаты, – продолжал Моркоу. – По поводу того, кого должно называть гномом.

– Ну, *кое-кто* считает, что этот народец называют гномами, поскольку все они...

– Нет, сэр. Рост здесь ни при чем. Шнобби Шноббс ростом меньше многих гномов, но его-то мы гномом не называем.

– И человеком тоже, – подметил Ваймс.

– Кроме того, я также гном.

– Знаешь, Моркоу, я давно собирался поговорить с тобой об этом...

– Усыновлен гномами, воспитан гномами. Для гномов я гном, сэр. Я имею право проводить обряд к'закры, посвящен в секреты х'рагны. Умею правильно ха'лкать свою г'ракху... Я – гном.

– Что означают все эти слова?

– Я не имею права рассказывать об этом негному. – Моркоу тактично пытался уклониться от клуба сигарного дыма. – Но, к сожалению,

некоторые горные гномы считают, что гном, покинувший свою родину, лишается права называться настоящим гномом. А так уж сложилось, что нынешняя кандидатура короля-под-горой зависит от того, как проголосуют анк-морпоркские гномы. Что, разумеется, очень не нравится нашим горным собратьям. Разногласия растут. Начали распадаться семьи, и все такое прочее. Зафиксированы случаи выдергивания бород.

– Правда? – Ваймс изо всех сил сдерживал улыбку.

– С гномьей точки зрения, это совсем не смешно, сэр.

– Извини.

– Боюсь, с коронацией нового короля-под-горой ситуация лишь осложнится, хотя я от всей души желаю ему добра.

– И ты считаешь, он потянет?

– Сэр, чтобы просто *рассматриваться* в качестве кандидата на трон короля-под-горой, гном должен добиться весьма и весьма высокого положения в гномьем обществе. Надеюсь, вы и сами догадываетесь, одним распеванием «Хай-хо» и перевязыванием раненых зверюшек в лесах тут не обойдешься. По гномьим стандартам король Рыс Рыссон – выдающийся современный мыслитель, хотя, как я слышал, он крайне невысокого мнения об Анк-Морпорке.

– И правда, похоже, весьма умный гном.

– Так или иначе, его кандидатура вызвала недовольство большого числа... э... традиционно горных гномов, которые считают, что следующим королем должен стать Альбрехт Альбрехтсон.

– Который *не считается* современным мыслителем?

– Он заявляет, что настоящий гном даже носа не покажет на поверхность.

Ваймс вздохнул.

– Моркоу, я сознаю существующую проблему, но самое главное в ней, ключевой фактор, так сказать... это *не моя* проблема. И не твоя, гном ты или нет. – Ваймс постучал пальцем по витрине с Лепешкой. – Копия, стало быть? Ты уверен, что эта штуковина не настоящая?

– Сэр, существует только одна Каменная Лепешка. Мы называем ее «самой вещью и вещью в себе».

– Но копия может быть очень качественной. Кто отличит оригинал от копии?

– Любой гном, сэр.

– Я просто пошутил.

Внизу, в месте слияния двух рек, располагалась деревушка. В которой

наверняка были лодки.

Пока все получалось. Склон за спиной был сплошь белым, никаких темных силуэтов преследователей. Неважно, насколько они хороши, пусть попробуют догнать лодку...

Наст хрустел под его ногами. Он миновал несколько грубо сколоченных хижин, увидел причал, увидел лодки, с трудом развязал обледеневшую веревку, которой было привязано ближайшее суденышко, схватился за весло и выгреб на стремнину.

И по-прежнему ни малейшего движения на склоне.

Теперь, по крайней мере, он мог критически оценить свое положение. Лодка была слишком большой для одного гребца, но ему достаточно было лишь отталкивать ее от берегов. Так он переживет ночь, а утром сойдет на берег, бросив лодку. Может, попросит кого-нибудь передать сообщение на башню, потом купит лошадь и...

За его спиной, из-под брезента, раздалось злобное рычание.

Они и в самом деле были *очень* умны.

В своем замке, неподалеку от места, где происходили описываемые выше события, леди Марголотта тихо перелистывала «Книгу Пэров Твурпа».

В странах, расположенных по эту сторону Овцепикских гор, традиционно использовался «Убервальдский Ежеготник», в котором самой леди Марголотте были посвящены почти четыре страницы^[2], но если нужно было узнать, кто кем себя мнит в Анк-Морпорке, «Книга Пэров» считалась просто незаменимой.

Экземпляр леди Марголотты был сплошь испещрен пометками. Вздыхнув, она отодвинула фолиант в сторону.

Рядом стоял наполненный красной жидкостью рифленый бокал. Сделав глоток, леди Марголотта поморщилась. Затем, уставившись на пламя свечи, попыталась думать как лорд Витинари.

О многом ли он догадывается? Много ли новостей доходит до него? Клик-башни добрались до Здеца всего месяц назад и тут же были объявлены «вмешательством во внутренние дела Убервальда». Тем не менее обмен информацией значительно убыстрился – он происходил пусть скрытно, но весьма энергично.

Кого он может послать?

Его выбор скажет о многом. Это будет кто-нибудь навроде лорда Ржава или лорда Силачии?... В таком случае она будет весьма и весьма разочарована. Судя по тому, что она слышала (а леди Марголотта слышала

многое), без подробной карты дипломатический корпус Анк-Морпорка даже собственную задницу неспособен был отыскать. Конечно, хороший дипломат должен и обязан притворяться тупым – до того самого момента, когда придет время слямзить ваши носки, – но леди Марголотте доводилось встречаться с некоторыми представителями анк-морпоркского высшего общества. Настолько хороших дипломатов среди них не было.

Вой за стенами замка становился все громче и уже начинал действовать на нервы. Леди Марголотта вызвала дворецкого.

– Йа, гофпожа, – произнес материализовавшийся из тени Игорь.

– Ступай говорьи этим детям ночи выбрать другое место для исполнения своей прекрасной музыки. У меня ужасная мигрень.

– Флушайт, гофпожа.

Леди Марголотта зевнула. Ночь была долгой и утомительной. После хорошего дневного сна ей всегда думалось лучше.

Прежде чем задуть свечу, она бросила последний взгляд на книгу. И увидела заложенную страницу на букве «В».

Но... патриций определенно не мог знать *так* много...

Чуть помедлив, она дернула висевший над гробом шнурок. Игорь появился снова – по-игровому бесшумно.

– Эти энергичные молодые люди на клик-башне еще не почивают?

– Нет, госпожа.

– Тогда пошли срочный клик нашему агенту с просьбой выяснить все возможное о командующем Городской Стражей Сэмюеле Ваймсе.

– Он ефть дипломат, гофпожа?

Леди Марголотта легла на подушечки.

– Нет, Игорь. Но именно такие люди, как он, порождают необходимость в дипломатах. И, битте, закрывай крышку.

Сэм Ваймс обладал способностью к параллельной обработке информации. Впрочем, данную способность постепенно развивают большинство мужей. Они учатся думать о своем, *одновременно* слушая то, что говорят их жены. Научиться слушать крайне важно, так как в любой момент от вас могут потребовать повторить последнюю произнесенную фразу да еще и дословно. Жизненно важным дополнительным искусством является способность сканировать диалог на наличие в нем контрольных фраз, таких как «и представляешь, его/ее доставят уже завтра», или «поэтому я пригласила их на ужин», или «все можно исполнить в голубеньких тонах, и это будет очень дешево».

Госпожа Сибилла прекрасно знала об этом его умении. Сэм умел

связно поддерживать беседу, думая совершенно о другом.

– Я прикажу Вилликинсу упаковать зимнюю одежду, – сказала она, внимательно наблюдая за мужем. – В это время года там страшно холодно.

– Ага. Хорошая мысль. – Ваймс продолжал смотреть в какую-то точку над камином.

– Полагаю, нам тоже придется устраивать приемы, поэтому придется тащить за собой целый воз типично анк-морпоркских продуктов. Чтобы высоко держать знамя, понимаешь? Как считаешь, а может, и повара с собой прихватить?

– Конечно, дорогая. Очень разумная идея. Только в этом городе умеют правильно готовить сэндвичи со свиными голяшками.

Сибилла была впечатлена. Уши ее мужа, работавшие совершенно автономно, заставляли губы двигаться и вносить небольшой, но уместный вклад в разговор.

– А что, если нам, – сказала она, – взять с собой аллигатора?

– О да, это было бы замечательно.

Она внимательно следила за его лицом. Наконец уши подтолкнули мозг, и на лбу Ваймса пролегли неглубокие морщины.

– Какого аллигатора?

– Ты был так далеко, Сэм. В Убервальде, не иначе.

– Извини.

– Какие-то проблемы?

– Сибилла, почему он посылает именно *меня*?

– Я всегда говорила, в тебе есть скрытые глубины, и наверняка Хэвлок разделяет со мной эту убежденность.

Ваймс с мрачным видом еще глубже опустил в кресло. Его жена была очень практичным и разумным человеком, и одним из ее крайне немногочисленных недостатков была ничем не оправданная вера в то, что он, Сэмюэль Ваймс, обладает многими талантами. Скрытые глубины? О да, разумеется. Но лучше бы то, что там таится, никогда не всплывало на поверхность. В этих глубинах скрывались вещи, которым следует лежать на дне. А еще его снедала мучительная тревога, причину которой он никак не мог понять. На самом же деле причина тревоги была довольно-таки проста: у настоящего стража правопорядка не может быть отпусков. Как любил подмечать лорд Витинари, где стражник, там и преступление. Таким образом, если он отправится в Здец – или как правильно произносится это треклятое место? – там обязательно случится преступление. Мир всегда подкидывает стражнику подобные сюрпризы.

– Будет очень приятно снова повидаться с Серафиной, – заметила

Сибилла.

– Да, очень, – подтвердил Ваймс.

Но в Здец он отправляется не как стражник. И это ему совсем не нравилось. Нравилось даже меньше, чем все остальное.

В тех немногих случаях, когда ему приходилось покидать Анк-Морпорк и его пригороды, он либо посещал другие местные города, в которых значок стражника Анк-Морпорка кое-что да значил, либо гнался за преступником по горячим следам – самая древняя и, пожалуй, уважаемая из всех стражнических процедур. Однако если верить Моркоу, в Здеце его бляха в лучшем случае встанет у кого-нибудь посреди горла. Только на это она там и сгодится.

Он снова наморщил лоб.

– С Серафиной?

– С леди Серафиной фон Убервальд, – подтвердила Сибилла. – Это мать сержанта Ангвы. Помнишь, я рассказывала тебе о ней в прошлом году? Мы вместе учились в пансионе для благородных девиц. Конечно, все знали, что она вервольф, но в те времена никому и в голову не могло прийти говорить о подобных вещах вслух. О них просто не говорили, и все тут. Разумеется, был какой-то непонятный инцидент с лыжным инструктором, но лично я всегда считала, что он сам свалился в какую-нибудь расщелину. Потом Серафина вышла замуж за барона, и сейчас они живут рядом со Здецом. Каждый свячельник я пишу ей, поздравляю, сообщаю новости. Очень старый вервольфский род.

– Вот что значит порода, – рассеянно заметил Ваймс.

– Вряд ли ты посмел бы так шутить при Ангве. Сэм, да не волнуйся ты. Это прекрасная возможность отдохнуть и расслабиться. Пойдет тебе на пользу.

– Конечно, дорогая.

– Это словно второй медовый месяц, – сказала Сибилла.

– Да, несомненно, – подтвердил Ваймс, припомнив, что первого медового месяца у них так и не было: то одно, то другое...

– Кстати, – несколько неуверенно произнесла Сибилла. – Помнишь, э-э, я говорила тебе, что хочу повидаться со старой госпожой Контент?

– Да, и как у нее дела? – Ваймс снова уставился в точку над камином.

Дело было не в старых однокашницах. Порой у него создавалось впечатление, что Сибилла поддерживает связь буквально со всеми людьми, когда-либо повстречавшимися ей на жизненном пути. Ее список свячельных открыток перевалил на второй том.

– Нормально, насколько мне известно. Так вот, она согласилась со

мною, что...

Раздался стук в дверь. Сибилла вздохнула.

– Вилликинс сегодня выходной. Открой дверь, Сэм. Я знаю, тебе этого хочется.

– Я приказал не беспокоить меня. Только если возникнет очень серьезный повод, – вставая с кресла, сказал Ваймс.

– Да, Сэм, но ты все преступления считаешь серьезными.

На пороге стоял Моркоу.

– Сэр, случилось нечто... политическое, – отрапортовал он.

– Какая еще политика без четверти десять вечера, капитан?

– Музей гномьего хлеба обокрали, сэр, – сказал Моркоу.

Ваймс воззрился в честные голубые глаза Моркоу.

– Капитан, – медленно произнес он, – мне пришла в голову одна мысль. И она заключается в следующем: из музея пропал определенный экспонат.

– Так точно, сэр.

– А именно – копия Лепешки.

– Так точно, сэр. Преступники либо взломали замок сразу после нашего ухода... – Моркоу облизнул губы от волнения, – либо они уже прятались там, когда мы пришли.

– Значит, никакие это были не крысы?

– Так точно, сэр. Простите, сэр.

Ваймс застегнул плащ и снял с крючка шлем.

– Итак, кто-то украл копию Каменной Лепешки за несколько недель до того, как оригинал должен будет использоваться в одной очень важной церемонии, – подвел итог он. – Лично я нахожу это крайне интригующим.

– Я тоже так подумал, сэр.

Ваймс вздохнул.

– *Ненавижу* политические дела.

Когда они ушли, госпожа Сибилла некоторое время сидела, уставившись на собственные руки. Потом взяла лампу, отправилась в библиотеку и достала с полки тонкий альбом в переплете из белой кожи, на котором золотыми буквами было вытиснено «Наша Сватьба».

Свадьба получилась достаточно странной. Все сливки анк-морпоркского общества («Сливки, да только скисшие, ты на рожи их посмотри», – любил говаривать Ваймс) явились на эту церемонию – правда, скорее из любопытства, чем из уважения. Госпожа Сибилла Овнец была самой выгодной анк-морпоркской невестой (она-то думала, что уже никогда не выйдет замуж!), а он был простым капитаном Стражи, этакая

заноза в заднице высшего общества.

В альбоме содержались запечатлевшие свадьбу иконографии. Улыбка на ее лице была скорее широкой, чем лучезарной; Сэм с наспех приглаженными волосами смотрел в иконограф с угрюмым видом. Рядом, надув грудь так, что ноги едва ли не отрывались от земли, стоял сержант Колон. Шнобби то ли похабно ухмылялся, то ли строил рожу. С Шнобби никогда точно не скажешь.

Сибилла осторожно листала альбом. Каждую страницу, чтобы иконографии не смазались, она прокладывала бумажной салфеткой.

Она всегда говорила себе, что во многих смыслах ей очень повезло. Она искренне гордилась Сэмом. Он трудился во благо людей, трудился честно и изо всех сил. Причем во благо самых обычных людей, а не каких-нибудь шишек. Множество проблем, множество забот – и никакой личной выгоды. Он был самым *цивилизованным* человеком из тех, что ей доводилось встречать в своей жизни. Никаких тебе благородных кровей, но благородство было у него в крови.

Она никогда не интересовалась, чем именно он *занимается*. Конечно, она знала, в чем заключаются его обязанности, но также ей было известно, что он очень мало времени проводит за своим столом. Когда поздно вечером Сэм наконец приходил домой, то старался закопать одежду поглубже в корзину для грязного белья, а она только от прачки узнавала о пятнах крови и грязи на его мундире. До нее доносились лишь отдельные слухи о погонях по городским крышам, о рукопашных и дрыгоножных схватках с людьми, которые носили имена типа Гарри «Болторез» Уимс...

Ваймсов было двое. Был известный ей Сэм Ваймс, который уходил и возвращался домой, но там, на улице, существовал совсем другой Сэм Ваймс, который ей уже не принадлежал и который обитал в том же мире, что и все эти люди с ужасными именами.

Госпожа Сибилла Овнец росла вежливой и доброй девочкой, открытой окружающему миру. Ее всегда учили хорошо думать о людях.

В тиши своего дома она снова глянула на альбом с иконографиями, громко высморкалась и отправилась заниматься сборами в дорогу и прочими разумными делами.

Некоторое время назад капрал Шельма Задранец во всеуслышание объявила, что ее теперь зовут Шелли. И она нисколечко не стеснялась своей *онакости*. Редкая птица (вернее, гном, вернее, гномиха) – даже для Анк-Морпорка.

Не то чтобы гномы совсем не интересовались сексом и всем, что с ним

связано. Они понимали жизненную необходимость появления на свет новых гномов, которым можно оставить нажитое добро и которые продолжили бы дело предков в семейных рудниках. Просто гномы не видели необходимости в различии полов где-либо, кроме как в интимной обстановке, В их языке местоимение женского рода отсутствовало как класс, и в их обществе не было места женской работе (ну разумеется, после того как дети переходили на твердую пищу).

А потом Шельма Задранец приехала в Анк-Морпорк и обнаружила, что по улицам ходят мужчины, одетые *не только* в кольчуги и кожаное нижнее белье^[3], но в одежду всяких интересных цветов, и лица их раскрашены специальными волнительными красками. А еще она узнала, что на самом деле эти мужчины называются «женщинами»^[4]. И в ее маленькой головке поселилась навязчивая мысль: «А чем я-то хуже?»

Вскоре все анк-морпоркские подвалы и гномьи трактиры с презрением заговорили о Шелли Задранец как о первом гноме, надевшем юбку. Юбка была сшита из выдубленной коричневой кожи и объективно была столь же эротичной, как, допустим, обломок доски, но ведь, как логично указывали гномы постарше, где-то там, под этой юбкой, находились его *коленки*^[5].

Дальше – больше. Довольно быстро те же самые гномы постарше обнаружили, что некоторые из их сыновей и не сыновья вовсе, а самые что ни на есть... «дочери» (этаким словечком и подавиться недолго!). Шелли была лишь пеной на гребне волны. Кое-кто из гномов помоложе тоже начал подкрашивать глаза и даже заявлять, что вообще-то им нисколько не нравится пиво. Гномье сообщество лихорадило и трясло.

Разумеется, это сообщество совсем не возражало, если заразе, от которой и пошла вся лихорадка, достанется по башке метко брошенным бульжником, но капитан Моркоу распространил по городу заявление, что это будет считаться нападением на офицера Стражи, а у Стражи на сей счет особые *взгляды*, поэтому, как бы глубоко ни закопались виновные, их все равно отроют и укоротят по самые бороды.

Кстати о бородах. Бороду и круглый железный шлем Шелли, само собой, сохранила. Одно дело объявить себя представительницей женского пола, и совсем другое – отказаться от всего гномьего, что в тебе есть.

– Открыто-неприкрытый взлом, сэр, – отрапортовала она, увидев входившего в музей Ваймса. – Пришли со двора через окно, причем открыл его очень аккуратно, и ушли через переднюю дверь, даже не позаботившись ее прикрыть. Витрина, где хранилась Лепешка, была разбита. Вокруг полно осколков стекла. Судя по всему, ничего другого не

взяли. Пол пыльный, поэтому осталось много следов. Я сделала несколько иконографий, но почти все следы смазаны. Вот примерно и все.

– Что, и никаких лоскутов одежды? Никаких бумажников, клочков бумаги с адресами? – спросил Ваймс.

– Ничего, сэр. Воры совсем не думали о других людях.

– Это уж точно, – мрачно заметил Моркоу.

– Первый вопрос, который приходит в голову, – сказал Ваймс. – Почему здесь еще сильнее, чем прежде, воняет кошачьей мочой?

– Запах очень острый, верно? – кивнула Шелли. – К тому же с легким оттенком серы. Констебль Пинг сказал, что, когда он пришел сюда, запах уже присутствовал, а вот кошачьих следов не было.

Ваймс присел на корточки и осмотрел осколки стекла.

– А как мы узнали о преступлении? – спросил он, трогая осколки пальцем.

– Констебль Пинг услышал подозрительный звон, сэр. Он обошел здание со двора и увидел открытое окно. А воры в это время удрали через переднюю дверь.

– Прошу прощения, сэр! – выкрикнул Пинг, выходя вперед и отдавая честь.

Юноша был в Страже новичком – немного дерганый и, казалось бы, всегда готовый ответить на любой вопрос.

– От ошибок никто не застрахован, – отмахнулся Ваймс. – Стало быть, ты услышал звон бьющегося стекла?

– Так точно, сэр. А потом кто-то выругался.

– Правда? И как именно?

– Э... «Вотклятье», – сказал он, сэр.

– Ты обошел дом, увидел разбитое окно и?...

– «Тут есть кто-нибудь?» – крикнул я, сэр.

– Правда? А представь, тебе ответили: «Нет». Как бы ты поступил? Ладно, можешь не отвечать. И что произошло дальше?

– Э... Я услышал, как разбилось другое стекло, а когда снова обошел дом, то увидел, что дверь открыта, а воров и след простыл. После этого я побежал в Ярд и рассказал обо всем капитану Моркоу, сэр, потому что знал, как много значит для него это место.

– Спасибо... Пинг, если не ошибаюсь?

– Так точно, сэр. – И, не услышав дальнейшего вопроса, всегда готовый к ответу Пинг услужливо добавил: – Диалектическое словечко, сэр. Означает «заливной луг», сэр.

– Все, свободен.

Младший констебль заметно обмяк от облегчения и поспешил ретироваться.

Ваймс позволил своим мыслям немного рассредоточиться. Он наслаждался подобными моментами, уютными провалами во времени. Преступление – это своего рода окружающий мир, а стало быть, у всего на свете есть разгадка. Ты стоишь и смотришь, смотришь очень внимательно на то, что находится перед тобой, но, как правило, самым интересным оказывается то, чего ты не видишь.

Лепешка хранилась на постаменте около трех футов высотой, а постамент этот защищала витрина, сделанная из пяти стеклянных листов и привинченная к основанию.

– Стекло было разбито случайно, – наконец сказал он.

– Правда, сэр?

– Взгляни сюда. – Ваймс показал на три вывинченных и аккуратно выложенных в ряд винта. – Воры пытались разобрать витрину. Но, видимо, стекло выскользнуло у них из рук.

– И в чем *смысл*? – не понял Моркоу. – Сэр, это ведь всего лишь копия! Пара долларов в лучшем случае, так нужно ж еще и покупателя найти.

– Ну, если копия действительно хороша, ее всегда можно выдать за оригинал.

– Это и вправду так, – согласился Моркоу. – Хотя возникнут определенные проблемы.

– Какие именно?

– Гномы не так глупы, сэр. На нижней поверхности копии вырезан огромный крест. Кроме того, она сделана из алебастра.

– О.

– Но мысль была неплохой, сэр, – ободряюще добавил Моркоу. – Вы ж не могли всего этого знать.

– Интересно, а знали ли об этом воры?

– Честно говоря, сэр, я вообще не понимаю, на что они надеялись.

– Настоящая Лепешка очень хорошо охраняется, – пояснила Шелли. – Многие гномы ни разу в жизни не видели ее.

– А кроме того, с такой каменюкой по улицам не больно-то побегаешь, – сказал Ваймс, обращаясь скорее к самому себе. – Итак, что мы имеем? С виду наиглупейшее преступление. Но только с виду. К чему, спрашивается, такие сложности? Замок на дверях музея держится на честном слове. Его можно вышибить одним пинком. Вот если б я собирался украсть эту штуковину, то вошел бы сюда и вышел обратно прежде, чем смолк бы звон стекла. На дворе поздний вечер, никто бы даже проснулся

не успел.

Шелли тем временем что-то разглядывала под соседней витриной. Потом она сунула туда руку и достала отвертку, на острие которой блеснула засыхающая кровь.

– Вот видите? – сказал Ваймс. – Что-то выскользнуло, кто-то порезался. Моркоу, ну скажи, какой во всем этом смысл? Кошачья моча, сера, отвертки... Ненавижу, когда столько улик. Чем больше улик, тем труднее что-либо раскрыть.

Он со злостью отшвырнул отвертку. Чисто случайно она воткнулась в дощатый пол острым концом и гулко задрожала.

– Так, я иду домой, – объявил Ваймс. – Когда начнет вонять, все само собой прояснится.

Следующее утро Ваймс посвятил тому, чтобы узнать побольше о двух чужеземных державах. Как ни странно, одна из этих держав звалась Анк-Морпорк.

С Убервальдом все было просто. Он был в пять или шесть раз обширнее всей равнины Сто, тянулся до самого Пупа и был настолько густо покрыт лесом, настолько иссечен горными хребтами и реками, что точных карт его не существовало. Кроме того, он был практически не исследован^[6]. У обитателей Убервальда и своих дел хватало, а всякие сторонние исследователи, как правило, уходили в местные леса и больше никогда не возвращались. На протяжении многих столетий всем было практически наплевать на Убервальд. Сплошные деревья, ни до кого не докричишься – какая тут торговля?

Данную ситуацию отчасти изменила гужевая дорога, проложенная несколько лет назад до самой Орлей. Все дороги куда-то кого-то ведут. С гор так и тянет сойти вниз, и обитатели Убервальда не стали исключением из правил. Домой потекли сообщения примерно следующего содержания: «В Анк-Морпорке можно сделать кучу денег. Привозите детей. В чесноке нет необходимости, все тутошние вампиры работают на кошерных скотобойнях. И если в Анк-Морпорке тебя кто-нибудь толкнул, ты можешь ответить тем же. Ты никому тут не нужен, а потому убивать тебя никто не станет».

Ваймс немного владел предметом и мог отличить убервальдских гномов от гномов с Медной горы, которые были поменьше ростом, зато куда более шумливыми и поэтому хорошо ладившими с людьми. Убервальдские гномы, напротив, вели себя тихо, предпочитали лишний раз не попадаться на глаза и почти не говорили по-морпоркски. Заглянув в

один из темных переулков рядом с улицей Паточной Шахты, ты оказывался словно бы в другой стране. Но эти гномы были мечтой любого стражника. Не доставляли никаких хлопот. В основном работали друг на друга и охотнее, чем кто-либо, платили налоги (хотя справедливости ради следует отметить, что некоторые кучки мышинового помета приносили больше денег, чем большинство жителей Анк-Морпорка). Кроме того, все возникающие проблемы убервальдские гномы, как правило, решали между собой. Если такие горожане и привлекают внимание Стражи, то лишь в виде обведенного мелом силуэта на мостовой.

Но как выяснилось, внутри гномьего сообщества, за неопрятными фасадами всех этих жилых домов и мастерских на Цепной улице и в Корсетном переулке, тоже существовали кровная месть и вражда, начало которым было положено в двух соседних шахтах в пятистах милях отсюда и две тысячи лет назад. Некоторые пивные ты мог посещать только в том случае, если был родом с определенной горы. Твой клан разрабатывает такую-то жилу? Будь добр, на эти улицы не суйся. То, как ты носишь шлем, как расчесываешь бороду, сразу сообщит гномам информацию, которая не поместилась бы и в нескольких томах. Однако никто не удосужился снабдить Ваймса даже клочком инструкций.

– А еще очень важно то, как ты кразачишь своего Г'ардргха, – добавила капрал Задранец.

– Не осмеливаюсь даже уточнять, – сказал Ваймс.

– Боюсь, я все равно не смогла бы объяснить, – пожала плечами Шелли.

– А этот самый Гаадрергхух у меня вообще есть? – спросил Ваймс.

Шелли слегка поморщилась при неправильном произношении.

– Разумеется, сэр. Он есть у каждого. Но только гном умеет кразачить его надлежащим образом. Ну, или гномиха, – добавила она, подумав.

Ваймс вздохнул и опустил взгляд на пометки в блокноте, сделанные им под заглавием «Убервальд». К географии он безотчетно относился так же, как к преступлениям. («Вы видели, кто проложил эту долину? Узнаете этот ледник, если увидите его еще раз?»)

– Шельма, я наделаю кучу ошибок, – пожаловался он.

– Об этом можете не волноваться, сэр. Нет такого человека, который бы не ошибся. Но большинство гномов поймут и оценят ваши старания.

– Ты уверена в том, что хочешь поехать?

– Мне все равно пришлось бы столкнуться с этим, сэр. Рано или поздно.

Ваймс печально покачал головой.

– И все же, Шельма, я не понимаю. Столько шума из-за того, что какой-то гном, оказавшийся женщиной, пытается вести себя как... как...

– Настоящая дама?

– Вот именно, спасибо. И в то же время все как будто не замечают Моркоу, который никакой не гном, а самый настоящий человек...

– Никак нет, сэр. Он гном, как и утверждает. Он был усыновлен гномами, исполнил Й'град, соблюдает ж'каргру, насколько это возможно в городе. Следовательно, он – гном.

– Но он почти два метра ростом!

– Он очень высокий гном, сэр. Но если бы он захотел стать человеком, мы бы не стали возражать. Даже с друдак'аками не возникло бы проблем.

– Шельма, пожалей меня. У меня и так уже все горло саднит. Это еще кто такие?

– Видите ли, сэр, большинство гномов придерживаются достаточно... как вы это называете, либеральных взглядов. В основном все они родом из окрестностей Медной горы. Они прекрасно ладят с людьми. Некоторые даже признают, что у них есть... дочери, сэр. Но многие из более... старомодных... убервальдских гномов не настолько продвинуты. Они ведут себя так, словно Б'хриан Кровавый Топор до сих пор жив. И мы называем их друдак'аками.

Ваймс сделал попытку процитировать соответствующее гномье присловье, хотя для того, чтобы хорошо разговаривать на гномьем (если это вообще возможно), нужно изучать этот язык всю жизнь и одновременно страдать хроническим воспалением горла.

– ...«Поверхностно-отрицательно... они вылезать»... – запинаясь, выговорил он.

– «Они недостаточно часто бывают на свежем воздухе», – поправила-подсказала Шелли.

– Ну да, точно. И они считали, что новый король будет выбран из ихних?

– Говорят, Альбрехт никогда в жизни не видел солнечного света. Никто из его клана не бывал на поверхности днем. Убервальдцы были уверены, что королем станет он.

«А все случилось совершенно иначе, – подумал Ваймс. – Некоторые из убервальдских гномов не поддержали его. И мир продолжал двигаться дальше. Многие гномы родились в Анк-Морпорке. Их дети болтаются по улицам в надетых задом наперед шлемах и разговаривают на гномьем только дома. А некоторые не узнают кирку, даже если треснуть ею им по голове^[7]. И чтобы этих новогномов учил жить заскорузный старикашка,

восседающий на черствой булке под какой-то далекой горой?»

Ваймс задумчиво постучал карандашом по блокноту. «И из-за всего этого, – подумал он, – гномы лупят друг друга по башке на *моих* улицах».

– В последнее время мне частенько попадаются на глаза гномьи паланкины, – сказал он. – Как правило, их несет парочка троллей. Толстые кожаные занавески, все такое...

– Друдак'аки, – кивнула Шелли. – Очень... традиционные гномы. Если им приходится выходить на улицу днем, они всячески избегают солнечного света.

– По-моему, еще год назад ничего такого у нас не встречалось.

Шелли пожала плечами.

– Сейчас в Анк-Морпорке очень много гномов, сэр. А друдак'аки могут жить только среди гномов. Но теперь им вовсе не обязательно иметь дело с людьми.

– А что, мы им так не нравимся?

– Они не станут даже разговаривать с человеком. Сказать по чести, они и не со всяким гномом заговорят, настолько они разборчивы.

– Но это уже просто глупо! – воскликнул Ваймс. – А где они берут еду? Всю жизнь на одних грибах не проживешь! Как они торгуют рудой, запруживают реки, добывают лес для укрепления своих шахт?

– Ну, за это получают деньги другие гномы. Или нанимаются люди, – ответила Шелли. – Друдак'аки могут себе это позволить. Они *очень* хорошие рудокопы. По крайней мере, владеют очень богатыми рудниками.

– А по-моему, эти твои друдак'аки – самая обычная шайка... – Ваймс вовремя прикусил язык.

Как любил провозглашать щедрый на доброту Моркоу, мудрый человек должен уважать чужие обычаи. С данной концепцией Ваймс был не совсем согласен. К примеру, в мире существовали племена, в обычаи которых входило потрошить людей, как моллюсков. Подобные привычки не вызывали у Ваймса ну абсолютно никакого уважения.

– Я мыслю не по-дипломатически, да? – спросил он.

Шелли бросила на него нарочито безразличный взгляд.

– В дипломатии я ничего не смыслю, сэр, – сказала она. – Кроме того, вы ведь так и не закончили фразу. Но многие гномы уважают друдак'аков. Они видят их... и на сердце легчает.

Ваймс озадаченно воззрился на нее. А потом до него дошло.

– А, понял, – кивнул он. – Они видят этих своих друдак'аков, возносят очи к небу и провозглашают: «Хвала богам, что есть те, кто еще поддерживает старые традиции». Я прав?

– Абсолютно, сэр. Наверное, внутри каждого живущего в Анк-Морпорке гнома – или гномихи – существует частичка, которая втайне осознает: место настоящего гнома – под землей.

Ваймс что-то черкнул в блокноте. «Дом... – подумал он. – Моркоу частенько поминает свой „дом“ – там, в горах. Горы – вот настоящий гномий дом, как бы далеко эти гномы ни забрались. Поразительно, куда бы ты ни отправился, ты считаешь, что люди – везде люди. Хотя, быть может, тот, кто придумал данное выражение, никогда не держал встреченных тобой людей за людей. И все же... пусть даже в собственных глазах ты не так добродетелен, тебе нравится видеть добродетель в своем соседе. Тем более что это тебе ничегошеньки не стоит».

– Тогда *зачем* эти дур... традиционные гномы заявили сюда? Анк-Морпорк битком набит людьми. Надо очень постараться, чтобы избежать встречи с нами.

– Друдак'аки... необходимы, сэр. Законы гномов достаточно трудны для понимания, и часто возникают споры. Друдак'аки проводят обряды бракосочетания и занимаются решением других подобных вопросов.

– Судя по твоим словам, они являются своего рода жрецами.

– Гномы совсем не религиозны, сэр.

– Конечно. Ну ладно. Спасибо, капрал. Ты свободна. Никаких последствий вчерашних событий? Серные коты, страдающие недержанием мочи, не пришли на явку с повинной?

– Никак нет, сэр. Но комитет «Гномы на высоте» выпустил специальный памфлет с заявлением, что данное ограбление – еще один пример отношения к гномам как к гражданам второго сорта. Дальше все слово в слово, как и во всех остальных их памфлетах. Плюс прочерки, куда вы можете вписывать те выражения, которые вам больше нравятся.

– Да, Шельма, все как всегда. Что ж, увидимся завтра утром. Вызови ко мне Детрита.

Ну почему именно *он*? В Анк-Морпорке полным-полно дипломатов. Иначе зачем еще нужны представители высшего света? Им все дается легче легкого, потому что половина зарубежных шишек – это их старые приятели, с которыми они еще в школе играли в «А-Ну-Втяни-Ка-Ему-Мокрым-Полотенцем». Они даже со всякими Ахмедами и Фонгами были на «ты». Знали, какими вилками в каком случае следует пользоваться. Увлекались охотой, стрельбой и рыбной ловлей. Вращались в кругах, которые совпадали с кругами их заграничных приятелей и которые были крайне далеки от тех кругов, в которых каждый рабочий день вращался Ваймс. Эти люди знали, когда и как следует кивать, когда и как

подмигивать. Какие шансы у него против всех этих гербов и галстуков?

Витинари бросал его на съедение волкам. И гномам. И вампирам. Ваймс поежился. Лорд Витинари никогда ничего не делал без причины.

– Входи, Детрит.

Эта способность Ваймса всегда приводила сержанта Детрита в восторг. Всякий раз Ваймс точно знал, что за дверью именно он, Детрит. А Ваймс никогда не упоминал, что стена кабинета скрипела и прогибалась, когда огромный тролль шагал по коридору.

– Вы звали, сэр?

– Да, присаживайся. Это касается Убервальда.

– Так точно, сэр.

– Ты не против посетить отечество?

Лицо Детрита оставалось бесстрастным – он терпеливо ждал, когда сказанное станет более понятным.

– Я имею в виду Убервальд, – подсказал Ваймс.

– Не знаю, сэр. Я ж был совсем еще бульжником, когда мы уехали оттуда. Отец отправился в большой город искать лучшей жизни.

– Там будет много гномов, Детрит.

Ваймс не стал упоминать про вампиров и вервольфов. Попытавшись напасть на тролля, любой из них совершит роковую, и последнюю, ошибку в своей карьере. В качестве личного оружия Детрит всегда имел при себе здоровенный арбалет, натянуть который мог только он один.

– Все клево, сэр. Я по-современному отношусь к гномам.

– Эти гномы могут показаться тебе несколько старомодными.

– Они типа глубинные?

– Именно.

– Слыхал.

– Насколько мне известно, в прилегающих к Пупу областях до сих пор идут войны между троллями и гномами. Но нам придется проявлять тактичность и дипломатичность.

– Значица, вы обратились к нужному троллю, сэр, – ухмыльнулся Детрит.

– На прошлой неделе, Детрит, ты пробил одним человеком стену.

– Но сделал это крайне тактично, сэр. Просто стена попалась ненадежная.

Ваймс решил не развивать данную тему. Вышеупомянутый преступник уложил трех стражников, но потом явился Детрит и сломал его дубинку, как спичку, одной рукой. После чего выбрал стену потактичнее.

– Ну, тогда до завтра. Не забудь про парадные доспехи. А сейчас

позови-ка сюда Ангву.

– Так ее нет тутова, сэра.

– Проклятье. Тогда оставь для нее сообщение, хорошо?

Игорь ковылял по коридору, фирменно приволакивая ноги.

Он был Игорем, сыном Игоря, племянником нескольких Игорей, братом Игорей и кузеном такого числа Игорей, которое и сам не вспомнил бы, не заглянув предварительно в дневник^[8].

Игорям как клану нравилось служить вампирам. Вампиры вели размеренный образ жизни, вежливо относились к своим прислужникам, а также – крайне важный для слуги плюс! – не особо нуждались в застилке постелей и приготовлении пищи. Кроме того, в их замках было полным-полно просторных холодных подвалов, где Игори могли заниматься своим любимым делом. Все это более чем компенсировало хлопоты, связанные с достаточно редкими случаями, когда приходилось убирать оставшийся от хозяина или хозяйки прах.

Он вошел в склеп леди Марголотты и вежливо постучал по крышке гроба. Крышка немного сдвинулась в сторону.

– Да?

– Прошайт прощений, что пробуждайт ваф пофреди дня, гофпожа, но вы фказайт...

– Ладно, ладно. Ну и?...

– Это ефть Ваймф, гофпожа.

Из полуоткрытого гроба появилась элегантная рука и триумфально взмахнула кулачком.

– Да!

– Йа, гофпожа.

– Так. Значьит, Сэмюель Ваймс. Бедняга. А песики уже знают?

– Бароний Игорь тоже забирайт фообщение, гофпожа, – кивнул Игорь.

– А гномы?

– Это ефть официальный назначение, гофпожа. Вфе знавайт. Его фветлофть герцог Анк-Морпоркфкий, фэр Фэмюель Ваймф, главнокомандующий Городфкой Фтражи Анк-Морпорка.

– Стало бьить, Игорь, навозная куча угодила прямиком в ветряную мельницу, а?

– Очень в цель фказайт, гофпожа. И фкоро проходить неприятный дождичек.

– О да, Сэмюель Ваймс им еще покажет.

Давайте рассмотрим замок с точки зрения имеющейся в нем мебели.

В этом замке наличествовали стулья, но вид у них был такой, словно на них никто никогда не сидел. Да, рядом с камином стояла гигантская софа, вся потертая от постоянного использования, но остальная меблировка, казалось, существовала только для внешнего эффекта.

Был длинный дубовый стол, отлично отполированный и выглядевший поразительно новым для столь антикварного предмета. Возможно, это объяснялось большим количеством белых керамических мисок, расставленных вокруг него на полу.

На одной из них было написано: «Отец».

Баронесса Серафина фон Убервальд раздраженно захлопнула «Книгу Пэров Твурпа для Пятнадцати Гор и равнины Сто».

– Этот человек... никто! – воскликнула она. – Существует лишь на бумаге. Подставное лицо. *Оскорбление!*

– У имени Ваймс очень длинная история, – возразил Вольфганг фон Убервальд, отжимавшийся на одной руке перед камином.

– Как и у имени Смит. Что с того?

Вольфганг переместился на другую руку, зависнув на мгновение в воздухе. Он был абсолютно голым. Ему нравилось, когда мускулы обдувал воздух. Они блестели. Человек с анатомическим атласом определил бы каждую мышцу. А еще он мог бы заметить, что светлые волосы Вольфганга фон Убервальда росли не только на голове, но также на шее и плечах.

– Он *герцог*, матушка.

– Ха! В Анк-Морпорке нет даже короля!

– ...Девятнадцать, двадцать... Я слышал об этом много историй, матушка...

– Ох уж эти истории. Сибилла каждый год присылает мне свои глупые письма! Сэм то, Сэм сё. Конечно, она должна быть благодарна судьбе за то, что ей удалось заполучить хотя бы его, но... этот человек занимается тем, что гоняется за каким-то жульем! Мне придется отказать ему в приеме.

– Ты так не поступишь, матушка, – прохрипел Вольфганг. – Это может быть... двадцать девять, тридцать... опасно. Что ты рассказывала о нас госпоже Сибилле?

– Ничего! Естественно, я не ответила ни на одно ее письмо. Довольно унылая и глупая женщина.

– И она по-прежнему пишет тебе каждый год?... Тридцать шесть, тридцать семь...

– Да. По четыре страницы. Это говорит о человеке все, что необходимо знать. Где твой отец?

Дверца в нижней части двери откинулась, и в комнату пронырнул огромный волк. Оглядевшись, он принялся энергично отряхиваться. Баронесса пришла в ярость.

– Гай! Ты забыл, что я говорила? Уже седьмой час! И *перекидывайся*, когда возвращаешься из парка!

Волк бросил на нее укоризненный взгляд и затрусил к массивной дубовой ширме в дальнем конце комнаты. Послышался... шум, тихий и довольно странный, который был даже не звуком, но изменением структуры воздуха.

Барон вышел из-за ширмы, завязывая поясок поношенного халата. Баронесса принялась.

– По крайней мере, твой отец хоть иногда ходит одетым, – укоризненно заметила она.

– Одежда вредит здоровью, матушка, – спокойно парировал Вольф. – А в наготе заключается чистота.

Барон сел. Он был крупным краснолицым мужчиной – насколько можно было судить по участкам кожи, не закрытым бородой, волосами, усами и бровями. Эта растительность вела отчаянную четырехстороннюю борьбу за оставшиеся незанятыми части лица.

– Ну? – прорычал он.

– Так называемым послом станет некто Ваймс из Анк-Морпорка, ловец воришек и всякого жулья! – резко произнесла баронесса.

– Гномы?

– Разумеется, они это уже знают.

Некоторое время барон сидел и смотрел в пустоту с выражением, которое, как правило, застывало на лице Детрита, когда тот собирал слова в новую мысль.

– Плохо? – произнес он наконец.

– Гай, я говорила тебе уже тысячу раз! – воскликнула баронесса. – Ты слишком много времени проводишь в ином обличье! Сам знаешь, на кого ты похож после этого. А если к нам пожалуют официальные гости?

– Всех покусая!

– Вот видишь? Отправляйся в постель и не возвращайся, пока не примешь человеческий облик!

– Ваймс может все погубить, отец, – сказал Вольфганг.

Теперь он делал стойку на руках. Вернее, на одной руке.

– Гай! *Лежать!*

Барон прекратил попытки почесать ухо ногой.

– Да? – спросил он.

Блестящее тело Вольфганга на мгновение опустилось и снова поднялось, пока он менял руки.

– Городская жизнь делает людей слабыми. Впрочем, надеюсь, с этим Ваймсом будет весело. Говорят, что он любит бегать. – Вольфганг рассмеялся. – Придется проверить, насколько быстро он умеет перебирать ногами.

– Его жена уверяет, что он очень мягкосердечный... *Гай! Не смей этого делать! А не можешь сдержаться – ступай наверх!*

Запахивая полы халата, барон выглядел лишь чуточку смущенным.

– Разбойники! – рыкнул он.

– Ну да, в это время года они могут представлять некоторую проблему, – подтвердил Вольфганг.

– Не меньше дюжины, – добавила баронесса. – Согласна, это может...

Стоявший вверх ногами Вольфганг презрительно хмыкнул.

– Нет, матушка. Ты говоришь глупости. Его карета должна добраться до нас целой и невредимой. Понятно? Но как только он окажется здесь... это совсем другое дело.

Кустистые брови барона напряженно сдвинулись в приступе мысли.

– План! Король! – рявкнул он.

– Вот именно.

– Не доверяю я этому мелкому пакостнику, – вздохнула баронесса.

Вольф, сделав сальто, встал на ноги.

– Верно. Но доверие, недоверие – другой альтернативы у нас нет. Этот Ваймс должен приехать сюда живым, его мягкое сердце должно биться у него в груди. Возможно, он будет нам полезен. Быть может, нам даже следует... немного пособить ему.

– Почему? – резко спросила баронесса. – Пусть Анк-Морпорк сам заботится о своих людях.

Ваймс как раз завтракал, когда раздался стук в дверь. Вилликинс впустил в дом низкорослого тощего человечка в аккуратной, но поношенной черной одежде. Из-за непропорционально большой головы человечек напоминал дососанный почти до конца леденец на палочке. Свой черный котелок он нес на сгибе руки, по-солдатски, а шагал так, словно у него были серьезные проблемы с коленными суставами.

– Прошу прощения за беспокойство, ваша светлость...

Ваймс положил на стол нож, которым чистил апельсин. Сибилла настаивала на том, чтобы он ел фрукты.

– Только не ваша светлость, – сказал он. – Просто Ваймс. В крайнем

случае сэра Сэмюеля. Ты человек Витинари?

– Иниго Сепаратор, сэра. Мхм-мхм. Я должен сопровождать вас в Убервальд.

– А, ты тот самый чиновник, который будет заниматься перешептыванием-перемигиванием, пока я буду раздавать бутерброды с огурцами?

– Изю всех сил постараюсь быть вам полезным, сэра, хотя не могу сказать, что являюсь большим мастером перемигивания. Мхм-мхм.

– Не желаешь позавтракать?

– Я уже поел, сэра. Мхм-мхм.

Ваймс внимательно осмотрел человечка. На самом деле его голова была не такой уж и большой, просто она выглядела так, словно кто-то сжал нижнюю ее часть, выдавив все содержимое в верхнюю половинку. Иниго Сепаратор уже начинал лысеть и поэтому аккуратно зачесывал оставшиеся жидкие пряди поперек розовой макушки. Возраст его определить было трудно. Он мог быть мучимым треволениями двадцатипятилетним юношей, или же ему могло быть лет сорок, просто он на диво хорошо сохранился. Сам Ваймс склонялся к первому варианту: чиновник выглядел так, словно всю свою жизнь наблюдал за миром поверх грассбуха. А еще это... Что это было? Нервный смешок? Насмешливое пофыркивание? Не совсем удачный способ прочистить горло? И эта странная походка...

– Что, даже бутерброд не хочешь? Кусочек апельсина? Эти апельсины только что привезли из Клатча. Настоятельно рекомендую.

Ваймс метнул один из фруктов чиновнику. Отскочив от руки человечка, апельсин покотился по полу, а Сепаратор сделал шаг назад, очевидно слегка ошеломленный герцогской привычкой швыряться фруктами.

– С вами все в порядке, сэра? Мхм-мхм?

– Прощу меня извинить, – сказал Ваймс. – Меня немного занесло. Наверное, апельсины на меня так действуют.

Отложив салфетку и встав из-за стола, он обнял Сепаратора за плечи.

– Я отведу тебя в Нежно-Желтую гостиную, где ты можешь подождать, – сказал он, подталкивая чиновника к двери и дружески хлопывая его по руке. – Багаж уже погружен в кареты. Сибилла в который раз заливает раствором ванну, учит древнеклатчский и доделывает кучу мелочей, которые женщины всегда доделывают в последнюю минуту. Ты поедешь с нами в большой карете.

Сепаратор отпрянул от него.

– О, я не могу так поступить, сэра! Я предпочитаю ехать с вашей

свитой. Мхм-мхм. Мхм-мхм.

– Если ты имеешь в виду Шельму и Детрита, они тоже едут в карете, – сказал Ваймс, подмечая, что уровень ужаса, содержащегося во взгляде чиновника, резко подпрыгнул. – Для игры в карты нужны четверо, а дорога большей своей частью обещает быть очень долгой и очень скучной.

– А ваши, э-э, слуги?

– Вилликинс, повар и служанка Сибиллы едут в другой карете.

– О.

Ваймс улыбнулся про себя. Он вспомнил одну поговорку из своего детства: слишком беден, чтобы красить, слишком горд, чтобы белить...

– Сложный выбор, правда? – спросил он. – Тогда вот что я могу тебе предложить. Ты можешь ехать в нашей карете, но сиденье у тебя будет очень жестким. И мы время от времени будем относиться к тебе снисходительно. Ну, что скажешь?

– Боюсь, вы подшучиваете надо мной, сэр Сэмюэль. Мхм-мхм.

– Я еще даже не начал смеяться. А теперь, если позволишь, мне еще нужно заскочить в Ярд, чтобы разобраться с парочкой весьма важных проблем...

Через четверть часа Ваймс вошел в дежурку Ярда. Сержант Рукисила поднял на него взгляд, отдал честь и тут же быстро пригнулся, уворачиваясь от брошенного ему прямо в голову апельсина.

– Сэр? – с изумлением спросил он.

– Просто проверял кое-что.

– И я прошел проверку, сэр?

– О да. Апельсин можешь оставить себе. В нем много витаминов.

– А моя мама всегда говорила, что эти мелкие пакостники очень вредны для здоровья, сэр.

Моркоу терпеливо ждал в кабинете Ваймса. Ваймс покачал головой. Он знал все половицы в коридоре, на которые нельзя было наступать, знал, что ходит совершенно бесшумно, – и тем не менее ему ни разу не удалось застать Моркоу за чтением своих документов, пусть даже вверх ногами. Как приятно было бы поймать его на чем-нибудь хоть разок. Если бы этот человек был еще прямее, его можно было бы использовать в качестве доски.

Моркоу встал и отдал честь.

– Да, да, но на всю эту ерунду у нас совершенно нет времени, – отмахнулся Ваймс, располагаясь за собственным столом. – За ночь что-нибудь произошло?

– Необъяснимое убийство, сэр. Жертва – ремесленник Уоллес Сонки. Найден в одном из собственных чанов с перерезанным горлом. Никаких печатей Гильдий, никаких записок. Нам это показалось крайне подозрительным.

– Звучит в известной степени подозрительно, – согласился Ваймс. – Разве что он имел обыкновение крайне неаккуратно бриться. А что за чан?

– Э-э, с резиной, сэр.

– В чанах бывает резина? Но она же... резиновая, от нее, как правило, отскакиваешь.

– Нет, сэр. Я имел в виду вареву в чане. Он делал... кое-какие резиновые штуки.

– погоди, кажется, я что-то такое видел... Берешь нужную форму, окунаешь ее в резину и получаешь перчатки, башмаки... ну и все прочее?

– Э... Да, сэр, и прочее тоже.

Несколько смущенное поведение Моркоу заставило Ваймса задуматься. Вскоре в самой глубине памяти выдвинулся ящик картотеки и радостно помахал ему карточкой.

– Сонки, Сонки... Моркоу, мы говорим о том самом Сонки, что и на «Пачке Сонки»?

Моркоу густо покраснел от смущения.

– Так точно, сэр!

– О боги, но что именно он опускал в чан?

– Его туда сунули целиком, сэр.

– Да он же национальный герой! В смысле был.

– Сэр?

– Капитан, нехватка жилья в Анк-Морпорке ощущалась бы куда сильнее, если бы не старина Сонки и его превентивы по пенсу за пачку. Но кому он помешал?

– Не все одобрительно относились к тому, что он делал, сэр, – холодно заметил Моркоу.

«В том числе и ты, – подумал Ваймс. – Гномы косо смотрят на подобные вещи».

– Ну хорошо, выдели людей, чтобы занялись этим делом. Что-нибудь еще?

– Вчера вечером возница напал на констебля Свирса, когда тот пытался обуть его телегу.

– Напал?

– Точнее, пытался затоптать, сэр.

Ваймс представил себе констебля Свирса – лепрекона шести дюймов

ростом и с кипучей агрессивностью высотой в милю.

– И как он?

– Ну, говорить возница может, но на телегу ему еще долго не садиться.

Все прочее – обычная текучка.

– Ничего нового о краже Лепешки?

– Ничего. Гномы винят друг дружку, но на самом деле никто ничего не знает. Как вы выразились, сэр, когда дела пойдут совсем плохо, все само собой прояснится.

– Что слышно на улицах?

– Скорее видно, сэр. Слово «стой», сэр. Крупными буквами. Сержант Колон написал его на мостовой в самом начале Нижнего Брода. Теперь возницы ведут себя более внимательно, сэр. Правда, каждый час приходится убирать навоз.

– Вся эта регулировка уличного движения не добавляет нам популярности, капитан.

– Абсолютно согласен, сэр. Но мы и так не больно-то популярны. И по крайней мере, она приносит деньги в городскую казну. Кстати, сэр, вот еще что...

– Да?

– Вы, случаем, не видели сержанта Ангву?

– Я? Нет. Вообще-то я думал увидеть ее здесь. – Потом Ваймс наконец обратил внимание на нотки озабоченности в голосе Моркоу. – Что-нибудь случилось?

– Вчера она не вышла на дежурство. Полнолуние еще не наступило, и это показалось мне немного... странным. И Шнобби сказал, что на прошлом дежурстве она была чем-то весьма озабочена.

Ваймс понимающе кивнул. Совсем не удивительно. Дежурство со Шнобби – такое дело, есть чем озаботиться. Дежуря с капралом Шноббсом, люди очень часто поглядывали на часы.

– Ты к ней домой заходил?

– Постель застелена, в ней никто не спал, – сказал Моркоу. – И в корзине тоже.

– Ну, здесь я ничем не могу тебе помочь, Моркоу. Она – твоя подружка.

– Последнее время она была очень обеспокоена... будущим, – сообщил Моркоу.

– Гм... То есть ты... она... и эта, как ее, вервольфность?... – Чувствуя себя крайне неудобно, Ваймс замолк.

– Это буквально поедом её ело, – кивнул Моркоу.

– А может, она просто ушла куда-нибудь, чтобы хорошенько все

обдумать? – предположил Ваймс.

«Да как вообще она могла встречаться с молодым человеком, который, каким бы идеальным он ни был, краснеет от одной мысли о „Пачке Сонки“?»

– Очень на это надеюсь, сэр, – сказал Моркоу. – Иногда с ней такое случается. Очень тяжело быть вервольфом в большом городе. Знаю, нам наверняка сообщили бы, если бы она попала в беду, но...

С улицы донесся грохот колес по мостовой, и призывно брякнула упряжь. Ваймс был спасен. Вид обеспокоенного Моркоу был настолько необычным, что, по сути дела, приравнялся к природному катаклизму.

– Ну что ж, придется ехать без Ангвы, – подвел итог Ваймс. – Держи меня в курсе, капитан. Кража поддельной Лепешки за неделю или две до важной гномьей коронации – не верю я в подобные совпадения, и мне почему-то кажется, что это дело может касаться меня лично. И кстати, распорядись, чтобы мне сообщали буквально всю информацию по делу Сонки. Терпеть не могу загадок. Насколько мне известно, клик-башни уже докликались до Убервальда?

Моркоу мгновенно оживился.

– Просто чудесно, сэр, не так ли? Говорят, буквально через несколько месяцев мы сможем передавать сообщения из Анк-Морпорка в самую Орлею меньше чем за день!

– Ага, настоящее чудо. Надеюсь, к тому времени мы сможем сказать друг другу хоть что-то разумное.

Лорд Витинари стоял у окна и смотрел на клик-башню на другом берегу реки. Все восемь заслонков, направленные на него, отчаянно мигали – черное, белое, белое, черное, белое...

Информация летела по воздуху. В двадцати милях за его спиной, на другой клик-башне в Сто Дате, кто-то смотрел в телескоп и выкрикивал числа.

«Как быстро навалилось на нас будущее», – подумал патриций.

Поэты описывают время как нескончаемый поток, но лично он, лорд Витинари, всегда с некоторым недоверием относился к данному постулату. Согласно его личному опыту, время больше походило на скалы, ползущие друг к другу, сталкивающиеся, накапливающие силы под землей, чтобы потом одним мощным рывком, от которого задребезжит посуда на полках, целое поле турнепса перескочило в сторону на целых шесть футов.

Принцип семафора был известен на протяжении многих веков, все знали, что знание имеет свою цену, знали, что экспорт товара – это способ

делать деньги. А потом, в один прекрасный день, кто-то сложил два и два и понял, сколько деньжищ можно заработать, если экспортировать в Орлею информацию, которая известна в Анк-Морпорке уже сегодня. Некий смысленый молодой человек с улицы Искусных Умельцев проявил необычайную искусность.

Знание, информация, власть, слова... Невидимые, они летели по воздуху...

И вдруг весь мир принялся отбивать чечетку на зыбучем песке.

А кто лучше танцует, того и приз.

Лорд Витинари отвернулся от окна, достал кое-какие бумаги из ящика письменного стола, подошел к стене, прикоснулся к ней в определенном месте и быстро скользнул в бесшумно открывшуюся потайную дверь.

Находившийся за дверью коридор озарялся светом, позаимствованным у высоких окон, и был вымощен небольшими по размеру каменными плитками. Патриций сделал шаг вперед, помедлил, пробормотал: «Нет, сегодня вторник», – и перенес уже готовую опуститься ступню на другую плитку, которая буквально ничем не отличалась от своих сестер^[9].

Человек, случайно подслушавший перемещение патриция по коридору и лестницам, расслышал бы странные фразы типа «Луна нарастает...» и «Ах да, полдень еще не наступил». А действительно *чуткий* слушатель мог уловить едва слышное жужжание и тиканье механизмов, расположенных внутри стен.

А по-настоящему чуткий и *параноидальный* слушатель пришел бы к выводу, что не всему произнесенному лордом Витинари вслух даже наедине с самим собой следует верить. И это был бы очень правильный вывод.

Наконец патриций добрался до некой дверцы и отпер ее.

За ней оказалось просторное мансардное помещение, неожиданно полное воздуха и ярко освещенное солнечным светом, что струился сюда сквозь врезанные в крышу окна. По большому счету мансарда была чем-то средним между мастерской и складом. С потолка свисали скелетики птиц, на верстаках были разложены чьи-то косточки, а также валялись мотки проволоки, металлические пружинки, тубики с краской и большое количество всевозможных, самых невероятных и уникальных инструментов. И лишь узкая койка, втиснутая между каким-то устройством, похожим на ткацкий станок с крыльями, и большой бронзовой статуей, свидетельствовала о том, что в этой комнате кто-то еще и жил. Судя по обстановке, местный жилец страдал остроманиакальным интересом буквально ко всему на свете.

Что же касается лорда Витинари, то в данный момент его интерес обратился на прибор, стоявший на столе в центре комнаты. Механизм был похож на несколько поставленных друг на друга медных шаров. Пар с шипением вырывался из-под заклепок, и периодически прибор издавал громкий «бульк»...

– Ваша светлость!

Витинари оглянулся. Из-за перевернутой скамейки ему отчаянно махала чья-то рука.

Что-то заставило его обратить взгляд вверх. Потолок над головой был выпачкан каким-то коричневым веществом, свисавшим на манер сталактитов.

«Бульк».

С поразительной скоростью Витинари метнулся к скамье и спрятался за ней. Леонард Щеботанский радостно улыбнулся ему из-под самодельного защитного шлема.

– Приношу свои извинения, – сказал он. – Боюсь, я не ждал посетителей. Тем не менее я точно знаю: на сей раз все получится.

«Бульк».

– Что это такое? – спросил Витинари.

«Бульк».

– Я не совсем уверен, но надеюсь, что это...

Вдруг стало слишком шумно для разговоров. Леонард Щеботанский ни в коем разе не мнил себя заключенным. Скорее он был благодарен Витинари за то, что патриций предоставил ему для работы это просторное помещение, регулярно кормил, обеспечивал стирку белья и защищал от тех людей, которые по каким-то немислимым причинам всегда хотели использовать в своих низких целях его невинные изобретения, предназначенные исключительно для улучшения жизни человечества. Просто поразительно, как много их было – и людей, и изобретений. Словно вся гениальность цивилизации сосредоточилась в одной голове, которая посему пребывала в состоянии постоянной изобретательской горячки. «Интересно, – периодически думал Витинари, – как повернулась бы судьба человечества, если бы Леонард Щеботанский уделил какой-нибудь одной теме чуть больше своего внимания? К примеру, час или два?»

Оглушительный шум стих так же внезапно, как и возник.

«Бульк».

Леонард осторожно выглянул из-за скамьи и широко улыбнулся.

– Ага! К счастью, нам, кажется, удалось выделить кофе.

– Кофе?!

Леонард подошел к столу и потянул за маленький рычажок на механизме. С шумом, больше похожим на звук засорившейся канализации, в подставленную чашку потекла светло-коричневая пена.

– *Иной кофе*, – пояснил он. – *Очень быстрый*. Думаю, он вам понравится. Я называю это Очень Быстрой Кофейной Машиной.

– Сегодняшнее изобретение, да? – спросил Витинари.

– Ага. Я собирался сделать макет устройства для достижения луны и прочих небесных тел, но вдруг ощутил страшную жажду.

– Как удачно. – Лорд Витинари аккуратно снял со стула экспериментальную педальную машину для чистки башмаков и сел. – Я принес тебе несколько коротких... сообщений.

Леонард едва не захлопал в ладоши.

– Здорово! Я как раз закончил работу над теми, что вы доставили мне вчера.

Лорд Витинари осторожно слизнул с верхней губы усики из кофейной пенки.

– Прошу прощения... Ты обработал все сообщения? Сумел разгадать все убервальдские шифры?

– О, это было совсем просто, особенно после того, как я закончил свое новое изобретение, – откликнулся Леонард. Он покопался в пачке бумаг на верстаке и передал патрицию несколько исписанных мелким почерком листков. – Главное – понять, что у человека может быть лишь ограниченное число дат рождения и что люди, как правило, думают одинаково. И разгадать любой шифр будет совсем не сложно.

– Ты упомянул какое-то новое изобретение, – сказал патриций.

– О да. Это такая... штуковина. Конструкция еще совсем сырая, но для примитивных кодов вполне сойдет.

Леонард достал нечто, своей формой напоминающее грубый тонкий прямоугольник. Механизм состоял из огромного количества деревянных колесиков и планок, которые, как, приглядевшись, увидел патриций, были испещрены буквами и цифрами. Некоторые колесики были не круглыми, а овальными, или даже сердцевидными, или вообще имели самую странную, замысловатую форму. Когда Леонард повернул ручку, внутренности прибора пришли в движение. Почему-то эта поразительная для простого механического устройства плавность немного тревожила.

– И как ты это назвал?

– О, вы же знаете, милорд, какие трудности я испытываю с названиями. Про себя я называю сей механизм Эрудитом для Нейтрализации Информации через Генерирование Миазматических

Алфавитов. Хотя согласен, это немного длинновато. Э-э...

– Да, Леонард?

– Э... А разве это *правильно*, читать сообщения других людей?

Витинари вздохнул. Этот человек, глядевший на него с неприкрытым беспокойством и настолько трепетно относившийся к жизни, что аккуратно вытирал пыль вокруг пауков, – так вот, этот самый человек однажды изобрел устройство, которое метало свинцовые дробины с потрясающей скоростью и силой. Причем Леонард Щеботанский искренне считал, что данное его изобретение весьма пригодится в борьбе с опасными животными. А еще он изобрел машину, способную разрушать сами горы. Очень полезный для горного дела механизм...

Перед патрицием сидел человек, который, прервавшись на чашку чая, мог между делом набросать чертеж инструмента для массового и абсолютного уничтожения людей. С подробным списком пронумерованных деталей. И все это на полях рисунка, изображавшего хрупкую красоту человеческой улыбки. А в ответ на ваш упрек Леонард лишь изумился бы: «Но такое устройство сделает войну совершенно невозможной, понимаете? *Потому что никто не посмеет использовать его!*»

Вдруг в голову изобретателя пришла некая мысль, и Леонард сразу приободрился.

– Но с другой стороны, чем больше мы узнаем друг о друге, тем лучше научимся друг друга понимать. Также вы просили придумать для вас новые шифры. Прошу прощения, мой господин, но я, очевидно, не так понял ваши требования. А чем вас не устраивают те, что я уже придумал?

Витинари опять вздохнул.

– К сожалению, Леонард, их совершенно невозможно разгадать.

– Само собой разумеется...

– Как бы тебе объяснить? – продолжал патриций, прекрасно понимая: в мутных течениях политики, где он, Витинари, чувствовал себя как рыба в воде, Леонард Щеботанский камнем пошел бы ко дну. – Эти твои новые шифры, которые ты, вижу, уже разработал... они всего лишь... дьявольски сложны?

– Когда вы излагали свои требования, милорд, вы сказали, что шифры должны быть «чертовски» сложными, – поправил явно обеспокоенный Леонард.

– Ну да, конечно.

– Так вот, как оказалось, общепринятого стандарта чертей не существует, милорд, но я тщательно изучил все доступные оккультные тексты и пришел к выводу, что мои шифры будут считаться сложными

примерно девяносто шестью процентами чертей.

– Отлично.

– И даже некоторым процентом дьяво...

– Да, спасибо, я понял. Ты прекрасно справился с заданием.

Однако Леонарду не давала покоя какая-то мысль.

– Причем мне будет совсем не трудно сделать их архидемонически слож...

– Не надо, Леонард, – перебил его Витинари. – Чертовски сложные шифры вполне подойдут.

– Но, милорд, – Леонард едва не рыдал, – я не могу гарантировать, что достаточно умный человек не прочтет ваши сообщения!

– Вот и славно.

– Почему?! Он ведь узнает то, о чем вы думаете, все ваши мысли!

Витинари похлопал изобретателя по плечу.

– Нет, Леонард, он узнает всего лишь то, что будет написано в моих сообщениях.

– Я действительно вас не понимаю, милорд.

– Это нормально. А я не умею делать взрывчатый кофе. Во что превратился бы мир, если бы все люди были похожи друг на друга?

Лицо Леонарда на мгновение омрачилось.

– Гм, я не совсем уверен... – пробормотал он. – Но если вы хотите, чтобы я поработал над этой проблемой, вероятно, я смогу изобрести прибор...

– Это просто фигура речи, Леонард, успокойся.

Витинари с сожалением покачал головой. Зачастую ему казалось, что Леонард, которому удалось поднять человеческий интеллект на неизведанные высоты, нашел там, на самой вершине, богатейшие залежи особого вида глупости. Ну какой смысл шифровать донесения, если умный противник не сможет разгадать твой шифр? В итоге ты сам не будешь знать, что твой противник думает о том, что ты думаешь, что он думает.

– Да, чуть не забыл, милорд, – спохватился Леонард. – Одно из убервальдских сообщений, из тех, что вы принесли мне вчера утром, было довольно-таки странным.

– И чем же?

– Оно не было зашифровано.

– Что, совсем? Я думал, все используют те или иные коды.

– О, разумеется, отправитель и получатель прибегли к кодовым именам, но само сообщение было совершенно понятным. В нем запрашивалась информация относительно командора Ваймса, о котором вы

так часто рассказывали мне.

Лорд Витинари замер.

– И ответное сообщение тоже было достаточно понятным. В нем содержалось некоторое количество... сплетен.

– И все о Ваймсе? Вчера утром? До того как я...

– Милорд?

– Скажи, – промолвил патриций, – а в сообщении из Убервальда... не было ли в нем какого-либо намека на личность отправителя?

Периодически у Леонарда все же случались приступы пронизательности, походившие на пробившийся сквозь густые облака луч солнечного света.

– Вы считаете, что отправитель может оказаться вашим знакомым, милорд?

– В юности некоторое время я жил в Убервальде, – признался патриций. – В те времена у богатых молодых людей из Анк-Морпорка было одно любимое развлечение. Оно называлось «гранд-глумеж». Мы отправлялись в далекие страны и города, чтобы лично убедиться в том, насколько они ущербны по сравнению с нами. По крайней мере, нам так казалось, что они ущербны. Да, я бывал в Убервальде.

Леонард Щеботанский крайне редко обращал внимание на окружающих его людей, но сейчас он заметил мечтательный взгляд лорда Витинари.

– Вы вспомнили о чем-то приятном, милорд? – предположил он.

– Гм-м? О, она была очень... необычной женщиной, но, увы, много старше меня, – откликнулся Витинари. – *Гораздо* старше, смею подчеркнуть. И это было так давно. Жизнь подбрасывает нам уроки, после чего мы продолжаем жить дальше. – Его лицо снова обрело мечтательное выражение. – Так, так, так...

– Но эта женщина наверняка уже умерла, – заметил Леонард, плохо умеющий поддерживать разговоры подобного рода.

– О, лично я в этом сомневаюсь, – покачал головой Витинари. – Вернее, наоборот. Даже не сомневаюсь в том, что она сейчас процветает. – Он улыбнулся. Мир вдруг стал намного... интереснее. – А скажи, Леонард, – продолжил он, – тебе не приходила в голову мысль, что когда-нибудь войны будут вестись не посредством оружия, а посредством человеческих мозгов?

Леонард взял с верстака чашку с кофе.

– Неужели? Ну и грязница тогда начнется.

Витинари снова вздохнул.

– Возможно. Хотя существуют и куда более грязные методы, – сказал он и сделал глоток кофе.

Напиток был действительно хорош.

Герцогская карета, миновав последние, стоявшие на отшибе дома, выкатилась на бескрайние просторы равнины Сто. Шелли и Детрит тактично решили провести утро на крыше кареты, оставив герцога и герцогиню наедине. Иниго Сепаратор из какой-то непонятной классовой солидарности решил часть пути проделать вместе со слугами.

– Кажется, Ангва предпочла на некоторое время спрятаться, – сказал Ваймс, глядя на унылые капустные поля, тянущиеся вдоль дороги.

– Бедняжка, – откликнулась Сибилла. – Ей так неудобно жить в городе.

– А Моркоу не выковырять из Анк-Морпорка даже большой булавкой, – хмыкнул Ваймс. – В этом и проблема, как мне кажется.

– Часть проблемы, – возразила Сибилла. Ваймс кивнул. Другой частью, о которой никто никогда не говорил, были дети.

Иногда Ваймсу казалось, что буквально все знают об этом. Моркоу являлся единственным законным наследником пустующего городского трона. Просто так уж случилось, что он не захотел этот трон занимать, а предпочел стать стражником, и всем эта идея понравилась. Однако королевский сан – это все равно что рояль: его можно укрыть покрывалом, но все сразу догадаются, что под этим покрывалом прячется.

«Интересно, что получится, если человек и вервольф решат завести детей?» – порой гадал Ваймс. Возможно, в итоге на свет появится существо, которому в полнолуние придется бриться два раза в день и у которого периодически будет возникать непреодолимое желание погоняться за телегами. Хотя, если припомнить *отдельных* правителей Анк-Морпорка, идея о вервольфе на троне казалась не такой уж кошмарной. Куда больше проблем создают всякие сволочи, которые *постоянно* выглядят людьми. Впрочем, это была его личная точка зрения. Кое-кто мог с ним не согласиться. Не удивительно, что Ангва предпочла спрятаться, чтобы все обдумать.

Ваймс вдруг понял, что смотрит в окно, но ничего не видит.

Чтобы немного отвлечься, он принялся просматривать бумаги, переданные Сепаратором прямо перед отъездом. «Справочные материалы», как он их назвал. Судя по всему, Сепаратор был настоящим экспертом по Убервальду. Интересно, сколько еще таких чиновников вкалывает во дворце патриция, становясь *экспертами*? Выбросив из головы мрачные мысли, Ваймс принялся за чтение.

На первой странице был изображен герб Пренесвятой империи, которая когда-то правила большей частью этой огромной страны. Ваймс мало что помнил об этом, за исключением того, что один из тамошних императоров как-то раз приколотил к голове одного из подданных шляпу – так, чисто ради шутки. Убервальд был большой, холодной и унылой страной; возможно, ее жители готовы были на все, только бы лишний раз посмеяться.

Герб, венчаемый двухголовой летучей мышью, тоже был чересчур вычурным – с точки зрения Ваймса.

Название первого документа гласило: «Жироносные Залежи Шмальцбергского Региона (он же – Страна Пятого Слона)».

Разумеется, Ваймс знал эту легенду. Когда-то на панцире Великого А'Туина стояли пятеро, а не четверо слонов, но один то ли оступился, то ли был стряхнут в результате некоего катаклизма. В общем, заложив кривую орбиту, он грянулся о Диск всей своей миллиарднотонной разъяренной толстокожестью, да так, что весь мир содрогнулся и разделился на известные сейчас людям континенты. Ссыпавшиеся в глубокую дыру валуны похоронили слоновью тушу глубоко под землей. Дальше потянулись тысячелетия, а там, в глубине, что-то варилось и растапливалось. Такова история происхождения жира земли. Кстати, согласно легенде, золото, железо и все прочие металлы тоже произошли от упавшего слона. В конце концов, если слон настолько силен, чтобы удерживать на спине целый мир, то из чего у него сделаны кости?

Записи перед глазами Ваймса заслуживали несколько большего доверия. В них говорилось о неизвестной катастрофе, в результате которой погибли миллионы мамонтов, бизонов и гигантских землероек, сгинув под земными толщами, как и останки легендарного Пятого Слона. Некоторые заметки касались древних тролльих саг и гномьих легенд. Возможно, в случившемся был замешан лед. Или потоп. Тролли считались первым видом, возникшим на Плоском мире, – быть может, они и в самом деле были там и видели отчаянно трубившего, падавшего с неба слона.

Так или иначе, результат был один и тот же. Все (то есть все, за исключением Ваймса) знали, что лучший жир добывается в шахтах и скважинах Шмальцберга. Из него изготавливались самые белые, самые яркие свечи, самое жирное мыло, самое жаркое и чистое осветительное масло. Желтое сало, поставляемое из салотопок Анк-Морпорка, даже рядом не стояло.

Ваймс непонимающе нахмурился. Что за ерунда? Золото... золото имеет значение. Люди ради него готовы умирать. Железо... Анк-Морпорк

нуждался в железе. И в лесе. Даже в камне. Что же касается серебра...

Он вернулся к странице, озаглавленной «Природные ресурсы», и в подглавке «Серебро» прочел: «Серебро не добывается в Убервальде со времен Клопского конвента (1880 г.), и владение данным металлом официально считается незаконным».

Никаких объяснений приведено не было. Ваймс сделал пометку, что надо бы расспросить об этом Иниго. Когда живешь рядом с вервольфами, серебро очень даже не помешает. Но дела, видимо, обстояли совсем плохо, раз уж там, в Убервальде, даже клопы устраивают свои конвенты.

Так или иначе, серебру тоже можно было найти применение, но жир... это ведь не более чем жир. Он относился к тому, что, как правило, хранится в буфете. Рядом с печеньем, чаем и сахаром. В нем нет ни стилия, ни романтики. Обычный продукт, распространяется в горшках.

К следующей странице была прикреплена записка. Она гласила: «Как метамфора Пятый Слон присутствует во многих убервальдских языках. В зависимости от контекста существуют следующие значения: „нечто несуществующее“ (аналог нашего „напустить клатчского тумана“), „нечто, не соответствующее первому впечатлению“ и „нечто, невидимо контролирующее события“ (аналог нашего „серого кардинала“).

«Вашего, – подумал Ваймс. – Вашего, а не нашего. Я подобными словами не пользуюсь».

– Констебль Башмак, – представился констебль Башмак, когда открылась дверь сапожной фабрики. – Убойный отдел.

– Ты по поводу господина Сонки? – осведомился открывший дверь тролль.

На улицу вырвался теплый влажный воздух, пахнувший серой и страдающими моченедержанием кошками.

– Хочу лишь предупредить: я – зомби, – продолжил Редж Башмак. – Я уже давно понял: если сообщить об этом сразу, избежишь массы нежелательных недоразумений. Но о, *какое совпадение!* Мы действительно пришли по поводу вышеупомянутого покойного.

– Мы? – удивился тролль, ничего не сказав по поводу серой кожи и швов Реджа.

– Опустим морду, верзила!

Тролль опустил голову. Жители Анк-Морпорка крайне неохотно смотрят вниз – порой лучше не знать, в чем ты стоишь.

– О, – удивился тролль и сделал несколько шагов назад.

Некоторые люди считают, что лепреконы не более агрессивны, чем

представители других видов, и тут есть большая доля истины. Но агрессивность лепреконов сжата в теле шесть дюймов ростом, а потому, подобно большинству других сжатых материй, так и стремится взорваться. Констебль Свирс служил в Страже всего несколько месяцев, но слухи о нем распространились быстро – он уже вызывал уважение, ну, или вызывающий дрожь в мочевом пузыре ужас, который во многих случаях успешно заменяет уважение.

– Хватит пучить бельма! Где мертвяк? – спросил Свирс, уверенно входя в помещение фабрики.

– В подвал перенесли, – сказал тролль. – У нас полтонны жидкой резины пропадает. Он очень рассердился бы... если бы был жив, конечно.

– Почему пропадает? – поинтересовался Редж.

– Загустела и стала комковатой, вот почему. Придется сливать ее куда, а это дело непростое. Сегодня мы должны были окунать партию Ребристо-Сказочных Услад, но дамочки едва в обморок не хряпнулись, когда я выудил его из чана, ну и разбежались по домам.

Редж Башмак был шокирован. Сам он по различным причинам не являлся пользователем выпускаемых господином Сонки изделий – жизнь после смерти не особо располагает к романтическим отношениям, – но должны же соблюдаться хоть какие-то приличия в мире живых?!

– У вас тут работают женщины? – спросил он.

Троль явно удивился.

– Ага. А как же? Хорошая постоянная работа. И работают они хорошо. Всегда смеются, шутят, когда занимаются окунанием и упаковкой. Особливо если идет партия Больших Ухажеров. – Троль фыркнул. – Но лично я этих ихних шуточек не понимаю.

– Эти Ухажеры стоят тех денег, что за них просят, – вдруг сказал Сварли Свирс.

Редж Башмак уставился на своего крошечного напарника. Нет, никто и ничто *не заставит* его задать этот вопрос... Но Свирс уже обратил внимание на выражение его лица.

– Немного поработать ножницами, и лучшего макинтоша днем с огнем не сыщешь, – сказал лепреконт и премерзко захихикал.

Констебль Башмак лишь вздохнул. Он знал, что командор Ваймс придерживается неофициальной политики приема в Стражу представителей этнических меньшинств^[10], но лично Редж не был уверен, что такое решение правильно по отношению к лепреконам, хотя меньшую этническую группу невозможно было даже представить. Дело в том, что лепреконт питали врожденную ненависть к любого рода правилам. Это

относилось не только к закону, но и ко всем неписаным правилам, которые почти все люди, не задумываясь, соблюдают, к примеру: «Не пытайся съесть этого жирафа» или «Не пинай людей в лодыжки только потому, что они тебя ничем не угостили». Но констебль Свирс представлял собой такое мелкое автономное оружие.

– Что ж, пойдём глянем на тр... лицо, недавно лишенное жизни, – обратился к троллю Редж.

Их провели по лестнице в подвал. При виде того, что свисало с балки, любой живой человек легко мог присоединиться к рядам зомби.

– Звиняйте, – сказал тролль, стаскивая с балки жуткое нечто и швыряя в угол, где оно опало бесформенной резиновой кучей.

– А это ещё чё за хрень? – осведомился констебль Свирс.

– Ну, мы ж должны были снять с него резину, – объяснил тролль. – На воздухе она быстро затвердевает, понимаешь?

– Эгей, такого большого «сонки» я ещё не видывал, – с гнусным смешком произнес Свирс. – «Сонки», защитися весь! Наверное, именно так он и мечтал уйти из этой жизни, а, чё скажешь?

Редж осмотрел труп. Он ничуть не возражал, когда его посылали расследовать убийства, пусть даже самые грязные. Умереть – это ведь все равно что сменить карьеру. Был, делал, упокоился... Потом ты восстаешь и продолжаешь спокойненько жить дальше. Да, разумеется, такое случалось далеко не со всеми, но Редж искренне считал, что те, кому не повезло, просто плохо старались.

На шее трупа зияла рваная рана.

– Родственники есть? – спросил Редж.

– Брат в Убервальде, – ответил тролль. – Уже сообщили. По клик-башне. Целых двадцать долларов содрали! Вот где настоящие убивцы окопались!

– А ты, случаем, не знаешь, зачем кому-то понадобилось его убивать?

Троль задумчиво почесал затылок.

– Ну, ента, я думаю, потому что кому-то нужно было, чтобы он умер. Очень даже весомая причина.

– А кому могло понадобиться, чтобы он умер? – Редж мог быть очень, очень терпеливым. – У него были какие-то неприятности?

– Ну, последнее время дела у нас шли не больно-то хорошо...

– Правда? А я думал, вы здесь чуть ли не в золоте купаетесь.

– Ага, енто всем так кажется. Только ведь не все «сонки» сделаны нами, понимать? Дело все в том, что мы... – Лицо тролля исказилось от напряженной мозговой деятельности. – ...Не за-пон-тен-ту-ва-лись. Всякие

сволочи так и норовят к нам примазаться. У них и оборудование лучше, и новых идей хоть завались. «Сонки» с ароматом сыра и лука, с бубенцами на кончике, в общем, всяка всячина. А господин Сонки с этим ничего не мог поделаться. Вот наши продажи и ёк.

– Да, полагаю, это можно считать неприятностями, – промолвил Редж и ободряюще кивнул, как бы приглашая собеседника продолжить.

– Последнее время он частенько запирался в своем кабинете...

– Да? И почему же?

– Он – босс. У босса не спрашивают, что да как. Но он все обещал какую-то особую работу. Мол, после нее мы действительно встанем на ноги.

– Правда? – переспросил Редж, запоминая услышанное. – И какую же работу он вам обещал?

– Не знаю. У босса...

– ...Не спрашивают, что да как, – закончил за него Редж. – Это я уже понял. А кто-нибудь видел, как произошло убийство?

Огромное лицо тролля снова исказилось от умственных усилий.

– Ну, енто, наверное, сам убивец и видел. И может, господин Сонки.

– Посторонних точно не было?

– Не знаю. Посторонним вход воспрещен.

– Стало быть, – уточнил терпеливый как могила Башмак, – вчера вечером, кроме убийцы и господина Сонки, тут никого не было?

– Не знаю, – ответил тролль.

– Спасибо, ты нам очень помог, – сказал Башмак. – Если не возражаешь, мы хотели бы осмотреть помещение.

– Конечно.

Троль вернулся к своему чану.

Редж Башмак даже не надеялся что-либо найти, и он не был разочарован. Но по своей природе он был очень скрупулезным – впрочем, как и все зомби. Господин Ваймс всегда твердил: «Не слишком-то радуйтесь уликам, это очень коварная штука. Улики способны превращаться в привычку». К примеру, ты находишь на месте преступления деревянную ногу, шелковую балетную тапочку и перышко, и в голове мгновенно выстраивается элегантная теория об одноногом артисте балета и постановке «Куриного озера».

Дверь в кабинет господина Сонки была открыта. Определить, пропало что или нет, не представлялось возможным – у Башмака сложилось впечатление, что беспорядок являлся тут обычным состоянием. Письменный стол был завален бумагами; видимо, господин Сонки

придерживался метода регистрации документов, иначе называемого «положи хоть куда-нибудь». На рабочем столе валялись образцы резины, обрывки мешковины, стояли бутылки с химикатами и деревянные формы для будущих изделий. Последние Редж рассматривал не слишком внимательно.

– Сварли, ты слышал, как капрал Задранец рассказывала о краже из музея? Ну, когда мы заступали на дежурство? – спросил он, открывая банку с желтым порошком и нюхая содержимое.

– Нека.

– А я слышал.

Башмак закрыл крышкой банку с серой и втянул носом фабричный воздух. Пахло сырой резиной – почти так же, как пахнут кошки, страдающие сильным недержанием мочи.

– И некоторые вещи откладываются в памяти, – сказал Редж. – Особая у нас работа, правда?

Всю эту неделю констебль Посети-Неверующего-С-Разъяснительным-Буклетом дежурил на связи, то есть ухаживал за голубями и следил за клик-башней. Последнее осуществлялось не без помощи констебля Водослея. Констебль Водослей был горгульей. Никто не может сравниться с горгульями в искусстве неотрывно смотреть в одну точку, а поэтому в семафорной индустрии горгульям нашлось самое широкое применение.

Общаться с голубями констеблю Посети нравилось. Он пел им религиозные гимны. Склонив головки набок, они внимательно выслушивали его проповеди. В конце концов, говорил себе Посети, разве епископ Рог не читал свои проповеди моллюскам морским? Свидетельств того, что моллюски его действительно слушали, не было, но голуби чутко внимали – в этом Посети готов был поклясться. Кроме того, их явно заинтересовали буклеты, касающиеся положительных сторон омнианства – правда, пока только в качестве материала для гнезд, но начало было положено.

Когда он чистил насесты, прилетела голубица.

– А, Зебебина, – сказал он, поднимая голубицу и снимая с ее лапки капсулу с сообщением. – Молодец. Это от констебля Башмака. Получишь немного зерна, поставляемого местными зерноторговцами «Иосией Кашеваром и сыновьями». Но все это милостью Ома, разумеется.

Захлопав крыльями, еще одна голубица прилетела на насест. Констебль Посети узнал в ней Вильгельмину, одну из голубиц сержанта Ангвы.

Он взял капсулу с сообщением. Тонкая полоска бумаги была туго скручена, и на ней было написано «Кпт. Моркоу. Лично».

Чуть помедлив, Посети вложил сообщение от Реджа Башмака в пневматическую трубу, и оно со свистом улетело в центральный офис. Второе сообщение, как он решил, заслуживало более аккуратного обращения.

Моркоу работал в кабинете Ваймса, однако сидел он, мысленно подметил Посети, вовсе не за столом командора. Для себя капитан установил складной столик в углу. Груды бумаги на командорском столе выглядели куда менее крутыми и обрывистыми, чем вчера. Кое-где даже проглядывала столешница.

– Личное сообщение, капитан.

– Спасибо.

– А еще констебль Башмак просит прислать на сапожную фабрику какого-нибудь сержанта.

– Ты передал его сообщение в центральный офис?

– Так точно, сэр, – сказал Посети и добавил: – Пневматическая труба – очень полезная штука.

– Командору Ваймсу это нововведение не слишком-то понравилось, но я уверен, оно позволит нам сэкономить массу времени, – откликнулся Моркоу и развернул записку.

Посети внимательно наблюдал за ним. Моркоу читал, едва заметно шевеля губами.

– Откуда прилетел этот голубь? – спросил он наконец, сворачивая записку.

– Голубица выглядела довольно усталой, сэр. Я почти уверен, она летела откуда-то из-за города.

– А, хорошо. Спасибо.

– Плохие новости, сэр? – спросил Посети.

– Просто новости, констебль. Не смею тебя задерживать.

– Слушаюсь, сэр.

Когда разочарованный Посети удалился, Моркоу встал и выглянул из окна. На улице разыгрывалась типичная анк-морпоркская сценка. Анк-морпоркцы слыли истинными знатоками уличного театра.

Через несколько минут Моркоу вернулся к своему столику, черкнул короткую записку, положил ее в небольшую капсулу и сунул в пневматическую трубу.

Еще через пару минут в коридоре раздался топот сержанта Колона. Моркоу был ярым сторонником модернизации Стражи, и ему казалось куда

более современным посылать сообщения по пневмотрубе, вместо того чтобы просто открывать дверь и орать, как обычно поступал командор Ваймс.

Моркоу широко улыбнулся запыхавшемуся Колону.

– А, Фред. Все в порядке?

– Так точно, сэр, – неуверенно ответил Фред Колон.

– Хорошо. Я отбываю на встречу с патрицием, Фред. Как старший сержант, ты будешь командовать Стражей вплоть до возвращения командора Ваймса.

– Есть, сэр. Э... То есть... Ты имел в виду... До *твоего* возвращения...

– Я не вернусь, Фред. Подаю в отставку.

Патриций внимательно изучал лежавшую на столе бляху.

– ...Причем хорошо обученные люди, – говорил находившийся где-то перед ним Моркоу. – Если вспомнить, несколько лет назад нас в Страже было всего четверо. А сейчас она работает как хорошо отлаженная машина.

– Да, хотя некоторые ее части иногда выходят из строя, – сказал лорд Витинари, по-прежнему не сводя глаз с бляхи. – Могу я предложить тебе передумать, капитан?

– Я уже передумывал несколько раз, сэр. И я больше не капитан.

– Городская Стража нуждается в вас, господин Железобетонссон.

– Городская Стража больше, чем один человек, сэр, – откликнулся Моркоу, глядя прямо перед собой.

– Даже больше, чем сержант Колон?

– У людей сложилось неправильное мнение о Фреде, сэр. В сущности, он очень неплохой стражник.

– Вот только он об этом не догадывается, кап... господин Железобетонссон.

– Я хотел сказать, в чрезвычайной ситуации он не растеряется, сэр.

– Ну, во-первых, в чрезвычайную ситуацию он даже не попадет, – пожал плечами патриций. – Убежит или просто спрячется. А во-вторых, этот человек сам по себе чрезвычайная ситуация – в наиболее ярком ее проявлении.

– Я уже принял решение, сэр.

Лорд Витинари вздохнул, откинулся на спинку кресла и некоторое время смотрел в потолок.

– Тогда мне остается только поблагодарить тебя за службу, капитан, и пожелать удачи в дальнейшей деятельности. Денег хватит?

– Мне удалось кое-что скопить, сэр. Достаточно, сэр.

– Тем не менее путь до Убервальда неблизок.

Молчание.

– Сэр?

– Да?

– А откуда вы знаете?

– О, это расстояние было измерено еще много лет назад. Землемерами и прочими людьми.

– Сэр!

Витинари вздохнул.

– Кажется, это называется... дедукцией. Не станем загадывать на будущее, капитан, но лично я буду придерживаться мнения, что ты находишься в длительном отпуске по семейным обстоятельствам. Насколько я знаю, у тебя за все время службы не было ни одного выходного. Уверен, город задолжал тебе пару-другую недель.

Моркоу промолчал.

– На твоём месте я бы первым делом отправился к Расхлябанным воротам, – добавил Витинари. – И начал бы поиски сержанта Ангвы оттуда.

– Вы говорите это на основании полученной откуда-то информации, милорд? – через некоторое время спросил Моркоу.

Витинари едва заметно улыбнулся.

– Нет. Но Убервальд переживает сейчас весьма беспокойные времена, а она – представительница одного известного аристократического рода. Могу предположить, что ее вызвали на родину, но боюсь, больше ничем не смогу тебе помочь. Тебе, как говорится, придется идти по следу, полагаясь на собственное чутье.

– Я постараюсь привлечь кого-нибудь с более надежным, чем у меня, чутьем, – ответил Моркоу.

– Вот и прекрасно. – Лорд Витинари снова выпрямился в своём кресле. – Желаю всяческих успехов. Почему-то я уверен, что мы видимся не в последний раз. В Анк-Морпорке на тебя рассчитывают многие.

– Так точно, сэр.

– Всего тебе доброго.

Когда Моркоу ушел, лорд Витинари встал и направился в другой конец кабинета, туда, где на столе была разложена карта Убервальда. Она была очень старой, но в этой стране любой составитель карт, хотя бы на шаг отступивший от проторенной тропки, весь остаток своей жизни проводил в попытке отыскать эту самую тропку снова. На карте присутствовало несколько рек (правда, их русла были вычерчены скорее по наитию), кое-где встречались даже города – по крайней мере их названия. Но все это

было нарисовано большей частью для того, чтобы избавить художника от неприятной необходимости наносить на карту то, что на картографическом жаргоне называлось ММТУ^[11].

Дверь открылась, и в кабинет тихо, как падающее в соборе перышко, вошел Стукпостук, главный чиновник, секретарь и слуга Витинари.

– Несколько неожиданное развитие событий, милорд, – тихо произнес он.

– Во всяком случае, нетипичное, – подтвердил Витинари.

– Может, передать клик Ваймсу, милорд? Он вернется, и глазом моргнуть не успеете.

Витинари напряженно всматривался в пустую, слепую карту. Она очень напоминала ему будущее – пара-тройка размытых контуров, множество грубых прикидок, но всему остальному только предстоит оформиться.

– Гм-м? – произнес он.

– Я предложил отозвать Ваймса, милорд.

– Нет, нет. Не стоит. Ваймс в Убервальде – это даже забавнее, чем влюбленный броненосец в боулинге. Ну, кого еще я мог послать, спрашивается? Только Ваймс мог поехать в Убервальд.

– Но ситуация чрезвычайная, милорд.

– Гм-м?

– А как еще можно назвать ситуацию, милорд, когда столь многообещающий молодой человек бросает службу ради девушки?

Патриций пригладил бородку и чему-то улыбнулся.

На карту была нанесена линия – по ней строились клик-башни. Она была математически прямой – утверждение интеллекта в непроглядной тьме миль и миль треклятого Убервальда.

– Возможно, неожиданным плюсом? – предположил патриций. – Нам еще многому предстоит научиться у Убервальда. Принеси мне бумаги по вервольфским кланам. Да, кстати, я поклялся никогда этого не делать, но тем не менее подготовь бумаги для сержанта Колона. Увы, грядет повышение по службе.

На мостовой валялась замызганная кепка. Рядом с ней влажным мелом кто-то написал: «ПАжалСта, ПамаГИте ЭТАму МалЕНкому пеСИку».

Рядом сидел тот самый маленький песик.

Природа не наделила его ни дружелюбной внешностью, ни искусством весело махать хвостиком, но пес очень пытался соответствовать. Когда кто-то проходил мимо, он поднимался на задние лапки и жалобно скулил.

Что-то упало в кепку. Это оказался обмылок.

Не успел «щедрый» прохожий сделать и нескольких шагов, как услышал за спиной чей-то голос:

– Чтоб у тебя ноги отсохли, господинчик!

Прохожий оглянулся. Песик внимательно смотрел на него.

– Гав? – спросил пес.

Прохожий озадаченно пожал плечами и продолжил путь.

– Гав тебя через гав, – добавил странный голосок, когда прохожий уже сворачивал за угол.

Тут вниз опустилась чья-то рука и схватила песика за загривок.

– Привет, Гаспод. Кажется, мне удалось разгадать одну загадку.

– О нет... – простонал пес.

– Хорошие песики так не поступают, Гаспод, – продолжал Моркоу, поднимая пса на уровень своих глаз.

– Хорошо, хорошо, отпусти меня. Мне больно, въезжаешь?

– Мне нужна твоя помощь, Гаспод.

– Только не я. Я Страже не помощник. Ничего личного, но может пострадать моя уличная репутация.

– Я говорю не о Страже, Гаспод. У меня личная просьба. Мне нужен твой нос. – Моркоу опустил песика на мостовую и вытер ладонь о рубаху. – К сожалению, это означает, что мне нужно и все остальное, но я всегда подозревал: под этой чесоточной шкурой бьется сердце из чистого золота.

– Ага, само собой, – хмыкнул Гаспод. – Но «мне нужна твоя помощь»? Хорошенькое начало... Что-то запашок мне не нравится.

– Это касается Ангвы.

– Ни фига себе.

– Я хочу, чтобы ты ее выследил.

– Ха, не многие собаки способны выследить вервольфа. Вервольфы очень хитры и коварны.

– А еще я всегда говорил, что за помощью нужно обращаться только к лучшим из лучших, – вкрадчиво промолвил Моркоу.

– О да, лучший нос, известный зверям и людям. – Гаспод сморщил обнюхиваемую часть морды. – И куда же она подевалась?

– Думаю, что в Убервальд.

У Моркоу была прекрасная реакция. Попытка бегства Гаспода была немедленно пресечена рукой, схватившей его за хвост.

– Но дотуда несколько сотен миль! А собачьи мили в семь раз длиннее! Нет, это без шансов!

– Правда? Ну что ж, ладно. Зря я, конечно. Даже предлагать не

стоило, – пожал плечами Моркоу, отпуская хвост. – Ты прав. Это просто нелепо.

Гаспод, мгновенно почуяв неладное, обернулся.

– Я не сказал, что это нелепо. Я лишь сказал, что до Убервальда несколько сотен миль...

– Верно, но также ты сказал, что у тебя нет никаких шансов.

– Нет, я *сказал*, что это у тебя нет никаких шансов втянуть меня в эту авантюру.

– Да, но приближается зима, вервольфа, как ты правильно заметил, очень трудно выследить, а кроме того, Ангва – стражник. Она догадается, что я обращусь к тебе, и попытается замести следы.

– Послушай, господин хороший! – взвыл Гаспод. – Знаешь, как трудно добиться уважения в этом городе? Если мой запах исчезнет с фонарных столбов хотя б на несколько недель, я лишусь всего своего капитала, въезжаешь?

– Да, да, конечно въезжаю. Ладно, договорюсь с кем-нибудь другим. Не в курсе, Нервный Найджел сейчас в городе?

– Кто? Этот спаниель? Да он собственную задницу неспособен учуять, даже если она окажется прямо перед его носом!

– А говорят, он очень хорош.

– Ну да, на него только глянешь, а он уже и лужу напустил, – огрызнулся Гаспод.

– А я слышал, что дохлую крысу он за две мили чует.

– Правда? Зато я чую, какого она *цвета*.

Моркоу вздохнул.

– Ну, боюсь, у меня нет выбора. Ты ведь не можешь мне помочь, а значит, я...

– Я не сказал, что... – Гаспод замолчал, а потом продолжил: – Я сделаю это. Вот так тебе! Еще как сделаю. Ты ведь все равно меня заставишь – хитростью или шантажом. Верно?

– Да. Кстати, как тебе удалось написать эти слова?

– Просто. Взял в пасть мел и написал.

– А ты смысленый пес. Я всегда это знал. К тому же единственный в своем роде, ведь ты еще и говорить умеешь...

– Ты, главное, потише! Чё орешь-то? – опасливо озираясь, шикнул Гаспод. – Послушай, а правда, что Убервальд – волчья страна?

– Да.

– Знаешь, я ведь тоже мог стать волком. Если б у меня были другие предки. – Гаспод принялся и снова украдкой оглядел улицу. –

Бифштексы?

- Каждый день.
- Заметано.

Сержант Колон воплощал собой картину вселенского отчаяния, нарисованную плохим мелком в дождливый день на неровной мостовой. Он сидел на стуле и время от времени бросал взгляды на только что доставленное письмо, словно бы надеясь, что написанные там слова каким-то образом растворятся.

– Проклятье, Шнобби, – простонал он.

– Перестань, Фред, да успокойся ты, – увещевал его одетый в кисейное платье Шнобби.

– Не могу я быть повышен по службе! Я не офицер! Я грубый, простой как грабли человек!

– Фред, лично я всегда говорил: в грубости ты по-настоящему преуспел.

– Но это письменный приказ, Шнобби! Посмотри, его светлость лично подписал!

– Ну, по моему мнению, у тебя есть три выбора, – сказал Шнобби.

– Да?

– Можешь пойти к патрицию и лично сообщить, что не собираешься подчиняться его приказам...

Искаженное паникой лицо Колона мгновенно посерело от ужаса.

– Большое тебе спасибо, Шнобби, – с горечью произнес он. – В следующий раз ты, пожалуйста, предупреждай заранее о таких вот предложениях. Теперь мне придется переодеть штаны.

– Во-вторых, ты можешь согласиться и завалить дело – так, чтобы он сам лишил тебя...

– Ты нарочно это говоришь, а, Шнобби?

– А что? Стоит попробовать, Фред.

– Понимаешь ли, Шнобби, вся беда с завалами состоит в том, что здесь нужно быть очень *точным*. Вот ты думаешь, что заваливаешь дело совсем чуть-чуть, а на самом деле завал становится таким огромным... И тогда его светлость лишит меня не только должности и звания. Надеюсь, нет необходимости уточнять, чего еще он меня лишит?

– Да, Фред, в чем-то ты прав.

– Я просто хочу сказать, что завал... Видишь ли, все дело в том, что невозможно предугадать, какие размеры он примет.

– Ну и *третий* вариант, Фред... Ты просто соглашаешься.

– Ты не слишком-то мне помог, Шнобби.

– Это ведь всего-то на пару недель. Пока не вернется командор Ваймс.

– А если он вообще не вернется? Гнусное место, этот Убервальд. Я слышал, это головоломка внутри загадки, а подо всем этим еще и шарада. Звучит не очень-то здорово. Сгинуть там – раз плюнуть. И вот тогда я влип. Я ведь понятия не имею, как это, офицерствовать.

– *Никто* не знает, что такое офицерствовать, Фред. Поэтому и существуют офицеры. А вот если б они это *знали*, то были бы сержантами.

Лицо Колона снова исказилось от беспросветности. Как человек, всю жизнь прошедший в мундире – этакая затычка, нашедшая соответствующую своему сержантскому званию бочку еще в самом начале своей карьеры, – Фред Колон автоматически и бездумно соглашался с тем, что офицеры как класс даже собственные штаны без подробного руководства неспособны натянуть. Правда, он честно исключал из общеофицерского списка Ваймса и Моркоу, присвоив обоим звание почетных сержантов.

Шнобби наблюдал за своим другом с выражением тревоги, дружелюбия и хищнического умысла.

– Шнобби, и каковы теперь мои обязанности?

– Ну, «капитан»... – сказал Шнобби и откашлялся. – Как ты сам знаешь, офицеры в основном заняты тем, что подписывают всяческие...

Раздался стук в дверь, и в кабинет ворвался взволнованный констебль.

– Сержант, констебль Башмак говорит, ему *срочно* требуется офицер. Редж сейчас на фабрике Сонки.

– Что, на фабрике этих резиновых причиндалов? – переспросил Колон. – Понятно. Офицер. Скоро будем.

– И кстати, уже не сержант, а *капитан*, – встрял Шнобби.

– Э... Да... *Капитан* Колон. Большое спасибо, – сказал Колон. И добавил уже более уверенно: – Заруби себе это на носу!

Констебль изумленно уставился на них, но потом благоразумно решил не пытаться понять происходящее.

– А еще какой-то тролль внизу хочет встретиться с самым главным...

– Рукисила что, не может с ним справиться?

– Э-э... А сержант Рукисила все еще сержант? – уточнил констебль.

– Да!

– И в бессознательном состоянии он тоже должен выполнять свои сержантские обязанности?

– Что?

– Сейчас Рукисила валяется на полу, сер... капитан.

– И что этот тролль хочет?

– Ну, в данный момент он хочет кого-нибудь убить. Но главным образом, как мне кажется, он хочет, чтобы кто-нибудь снял с его ноги «башмак».

Гаспод бегал взад-вперед, держа нос в дюйме от земли. Моркоу, сдерживая лошадь, терпеливо ждал. Лошадь была хорошей. Моркоу почти не тратил жалованья. До настоящего момента.

Наконец Гаспод с удрученным видом сел на землю.

– Поведай-ка мне еще раз о чудесном нюхе патриция, – предложил он.

– Что, ни следочка?

– Твой Витинари такой умный? Тогда пусть сам тут вынюхивает, – огрызнулся Гаспод. – *Почему* мы начали именно отсюда? С худшего во всем городе места! Насколько мне известно, это ворота, через которые гонят скот. Запахи, говоришь? Попробуй *не почувствуй* их тут! Вонь впиталась в саму землю. Если б я хотел кого-то найти, то начинал бы всяко не отсюда.

– Я тебя прекрасно понимаю, – осторожно произнес Моркоу. – Скажи, а какой самый сильный запах из тех, что ведут в сторону Пупа?

– Конечно, вонь от навозных повозок. Вчерашняя. Утром в пятницу всегда чистят стойла.

– И ты сможешь идти по этому запаху?

Гаспод закатил глаза.

– Даже если мне на голову наденут ведро.

– Отлично. Тогда вперед.

– Итак, – сказал Гаспод, когда суматоха ворот осталась немного позади, – стало быть, мы гонимся за этой девчонкой?

– Да.

– В смысле, ты один?

– Да.

– И никаких тебе свор из двадцати–тридцати специально натасканных псов?

– Нет.

– А холодной водой нас точно обливать не будут?

– Нет.

Констебль Башмак отдал честь, но в его жесте сквозило раздражение. Ему пришлось слишком долго ждать.

– Добрый день, сержант...

– Капитан, – перебил его капитан Колон. – Ты что, не видишь

звездочку на погонах?

Редж наклонился ближе.

– Прости, сержант, я думал, птичка накакала.

– Капитан, – автоматически поправил его Колон. – Я нарисовал ее мелом, не было времени сделать все как следует. Так что не наглей тут.

– А что случилось со Шнобби? – спросил Редж.

Капрал Шноббс прижимал к глазу влажную тряпку.

– Немного повздорил с незаконно припаркованным троллем, – объяснил капитан Колон.

– Сразу видно, что он за тролль, – пробормотал Шнобби. – Посметь ударить женщину!...

– Но ты не женщина, Шнобби. То, что на тебе сдерживающий уличное движение костюм, еще ничего не значит.

– Но он-то этого не знал!

– На тебе шлем. И вообще, зачем вы обули тролля?

– Он был припаркован, Фред.

– Его сбила телега, и он просто валялся на обочине, – поправил капитан Колон. – И называй меня капитаном.

– У них всегда найдутся какие-нибудь отмазки, – угрюмо буркнул Шнобби.

– Ну, Редж, где твой труп? – переключился на другую тему Колон.

Тело в подвале было тщательно осмотрено.

– ...И тут я вспоминаю, что Шелли говорила что-то о запахе кошачьей мочи и серы в Музее гномьего хлеба, – завершил свой краткий рассказ Редж.

– Да, тут определенно воняет, – согласился Колон. – Насморк для работающих здесь – чистое благословение.

– И потом я подумал: а что, если кто-то вдруг решил сделать копию копии Лепешки? А, сэр? – сказал Редж.

– Действительно, умная мысль, – кивнул Фред Колон. – После чего незаметно вернул бы настоящую Лепешку обратно в музей. Правильно?

– Э... нет, сержант... то есть капитан. Но мы получаем копию с копии.

– И что с того? Эта твоя копия с копии обладает каким-нибудь влиянием?

– Не могу знать, сэр. Хотя я так не думаю. Любой гном с первого взгляда распознает подделку.

– Но кому понадобилось убивать Сонки?

– Может, какому-нибудь несчастному отцу тринадцати детей? – предположил Шнобби. – Ха-ха.

– Шнобби, хватит воровать товар, – велел Колон. – И не спорь. Я собственными глазами видел, как ты сунул пару дюжин изделий себе в сумку.

– Пуцай берет, – пророкотал тролль. – Господин Сонки всегда говорил: стражникам – бесплатно.

– Это весьма... любезно с его стороны, – сказал капитан Колон.

– Ага. Чем меньше в городе чертовых легавых, тем лучше, добавлял он.

В этот щекотливый момент в помещение фабрики влетел голубь, сел на плечо Колона и тут же повисил его в звании. Колон протянул руку, снял с птичьей лапки капсулу с сообщением и развернул записку.

– Это от Посети, – объявил он. – Говорит, что появилась Улика.

– Улика чего? – спросил Шнобби.

– Ничего, Шнобби. Просто Улика.

Сняв шлем, Колон вытер со лба пот. Именно этого он и боялся. Ваймс и Моркоу умели складывать улики воедино и делать из этого какие-то выводы. У них были такие способности. А вот сержант Колон... обладал другими способностями. Он умел находить с людьми общий язык, нагрудник его кирасы всегда был начищен до ослепительного блеска, и даже во сне Колон мог отсержантить кого угодно.

– Ладно, Редж, жду от тебя рапорт, – наконец сказал он. – Молодец, отличная работа. Мы возвращаемся в Ярд.

– Чувствую, мне это икнется, – пожаловался Колон, когда они со Шнобби покинули фабрику. – Вся эта бумажная канитель. Ты ж знаешь, как я к ней отношусь.

– Дело все в том, что ты слишком внимательный читатель, Фред, – возразил Шнобби. – Я часто замечал, что на чтение одной страницы у тебя уходит *вечность*. Ты вникаешь в суть, так сказать, со всем своим авторитетом.

Колон немного повеселел.

– Ага, что-то вроде, – признал он.

– Даже когда читаешь меню в Клатчской денно-ночной бакалее. Ты на каждую строчку смотришь не меньше минуты.

– Ха, – хмыкнул Колон, раздувая грудь, вернее, раздувая ее еще больше. – Только зазевайся, и тебя миглом надуют.

– В общем, без адъютанта тебе теперь никак, – сказал Шнобби, поднимая платье и перешагивая через лужу.

– Правда?

– Конечно. Ведь ты как образина руководителя должен показывать

пример своим подчиненным, – кивнул Шнобби.

– Да, да, разумеется, – согласился Колон, с радостью хватаясь за эту идею. – Нельзя ж, чтобы человек буквально все делал. Да еще и читал столько длинных слов. Я прав?

– Абсолютно. Кроме того, теперь в Ярде стало на одного сержанта меньше.

– Верно подмечено, Шнобби. Дел будет много.

Некоторое время они шли молча.

– Но ты мог бы кого-нибудь повесить, – подсказал Шнобби.

– В самом деле?

– Иначе какой из тебя начальник? На то он и босс, чтобы повышать – производительность труда, людей...

– А и точно. Кроме того, положение критическое. Гм... И какие у тебя предложения?

Шнобби вздохнул. Монетка проваливалась в жидкий цемент и то быстрее, чем некоторые мысли – в разум Фреда Колона.

– Мне, конечно, пришло в голову одно имя, – сказал он.

– А, понял, понял. Редж Башмак, да? Красиво пишет, трезво мыслит, – закивал Колон. – И как говорится, в холодном теле холодный ум.

– Правда, немного мертвый, – заметил Шнобби.

– Что есть, то есть. Это большой минус.

– В общем и целом от него дурно пахнет, – продолжал Шнобби. – Если ты меня понимаешь.

– Согласен, – кивнул капитан Колон. – И вот уж кого легче легкого разорвать на части. В буквальном смысле слова.

– Может, следует рассмотреть другую кандидатуру, на которую раньше не обращали внимания, хотя она этого... вернее, он этого совсем не заслуживал? – предложил Шнобби, готовый уже идти напролом. – Да, согласен, лицом этот человек не вышел, но его опыт работы в Страже и особенно в отделении уличного движения очень пригодился бы городу. Ну а та парочка упущений, о которых люди болтают... Это ж все болтовня, Фред, не было ничего вовсе.

Рассвет разумности озарил широкие просторы лица Колона.

– Ага, – промолвил новоиспеченный капитан. – Теперь понимаю. Шнобби, что ж ты сразу не сказал?

– Ну, это все-таки твое решение, Фред... то есть капитан, – со всей искренностью отозвался Шнобби.

– А если господин Ваймс не согласится? Он ведь должен вернуться через пару недель.

- Пары недель будет вполне достаточно.
- И ты не станешь возражать?
- Возражать? Я? Только не я. Ты ж меня знаешь, Фред. Долг для меня – святое.
- Шнобби?
- Да, Фред?
- Это платье...
- Да, Фред?
- Я думал, мы больше не... сдерживаем уличное движение?
- Конечно, Фред. Просто решил пока не переодеваться. На всякий случай. Вдруг тебе захочется кого сдерживать.

Ледяной ветер дул над капустными полями.

Помимо оглушительного запаха капусты и темно-красной вони навозных телег он нес запахи сосен, гор, снега, пота и застоявшегося сигарного дыма. Почти все возницы беспрестанно дымили большими дешевыми сигарами. Дым помогал отгонять мух.

Это было куда лучше зрения. Целый мир запахов раскинулся перед Господом.

- Лапы болят, – пожаловался Господ.
 - Хороший песик, – отозвался Моркоу.
- Дорога разветвлялась. Остановившись, Господ принялся.
- Забавно, – сказал он. – Вот здесь часть навоза спрыгнула с телеги и убежала в поля. Ты был прав.
 - Тут где-нибудь поблизости есть вода? Ты ничего не чувствуешь? – спросил Моркоу.

Господ сосредоточенно наморщил пестрый нос.

- Пруд, – наконец сообщил он. – Не очень большой. В миле отсюда.
- Она направилась туда. Ангва очень трепетно относится к чистоте. Что весьма необычно для вервольфов.

- А вот я никогда не любил воду, – сказал Господ.
- Правда?
- Подкальываешь, да? Знаешь, однажды я принимал В-А-Н-Н-У. Спасибо большое, я знаю, о чем говорю.

Пруд обнаружился за небольшой открытой всем ветрам рощицей. Шуршала сухая трава. Одинокая лысуха поспешила скрыться в тростнике, увидев приближавшихся Моркоу и Господа.

- Вот мы и пришли, – пробормотал Господ. – Очень много навоза вошло в воду. – Он обнюхал взбаламученный у берега ил. – А обратно

вышла она. Гм.

– Проблемы? – спросил Моркоу.

– Что? А, нет. Совершенно чистый запах. Идет в направлении гор, как ты и говорил. Гм. – Гаспод сел и принялся отчаянно чесаться задней лапой.

– Есть какие-то проблемы. Я прав? – уточнил Моркоу.

– Ну, предположим, существует нечто весьма скверное, о чем тебе совсем не хотелось бы знать. Видишь ли, мне очень не хочется нарываться, ты ведь можешь по-всякому отреагировать. Некоторые люди предпочитают оставаться в неведении. Это довольно-таки личное.

– Гаспод!

– Она не одна. С ней какой-то волк.

– А. – На лице Моркоу продолжала играть легкая, ничего не выражавшая улыбка.

– Э... Мужского пола, – добавил Гаспод. – Молодой волк. Э... Очень молодой.

– Спасибо, Гаспод.

– В высшей степени мужского пола. Гм. Да, весьма определенно. Несомненно.

– Я уже понял.

– Поверь, я говорю то, что знаю наверняка. С запахом не поспоришь, это штука такая...

– Большое тебе спасибо, Гаспод. И куда они направляются?

– Напрямки в горы, босс, – сказал Гаспод со всей мягкостью, на которую только был способен.

Между людьми существовали сложные сексуальные отношения, и в них Гаспод давно уже отчаялся разобраться, но те немногие подробности, в которые он был посвящен... слегка шокировали. Ясно было одно: в этом плане собачья жизнь намного легче.

– Слушай, а этот вот запах...

– В высшей степени мужской, который я упоминал?

– Ага, он самый, – совершенно спокойно подтвердил Моркоу. – Ты сможешь учуять его с лошади?

– Да я учую его, даже сунув нос в мешок с луком!

– Отлично. Потому что, как мне кажется, нам стоит немного поспешить.

– Я догадывался, что именно это ты и скажешь.

Увидев входящих в Псевдополис-Ярд Шнобби и Колона, констебль Посети бодро отдал честь.

– Сэр, думаю, вам следует знать немедленно! – воскликнул он, размахивая клочком бумаги. – Вот, получил от Родни.

– От кого?

– От бесенка, что дежурит на мосту, сэр. Он рисует повозки, которые едут слишком быстро. Кстати, его забыли покормить, – добавил он слегка порицающим тоном.

– О, кто-то превысил скорость, – сказал Колон. – Ну и что с того? – Он снова посмотрел на иконографию. – В таких паланкинах, как правило, ездят глубинные гномы. Ухты, ну и несутся же эти тролли!

– Это рисунок был сделан сразу после кражи Лепешки, – пояснил Посети. – Видите время в углу. Странно все это, сэр. И очень подозрительно. Похоже на бегство с места преступления.

– Но зачем гному понадобилось воровать ничего не стоящий кусок камня? – спросил Колон. – Особенно одному из темных гномов. Бр-р, от этой их дурацкой одежды мурашки по спине бегают.

Сердитая тишина зазвенела так, как если бы в храме во время молебна вдруг упала железная балка. В данный момент в караулке находилось целых трое гномов.

– Эй, вы двое! – рявкнул сержант Рукисила. – Почему не в патруле? Кстати, мне нужно срочно отбыть на Рубцовую улицу!

Трое гномов поспешили убраться прочь. Их спины недвусмысленно выражали негодование и ярость.

– Что здесь вообще происходит? – осведомился Фред Колон. – Какие-то они сегодня раздражительные. Господин Ваймс постоянно говорит нечто подобное, но на это никто не обращает внимания.

– А все потому, что он – Сэм Ваймс, – пояснил Шнобби.

– О? Ты намекаешь, что я не он? – осведомился капитан Колон.

– Да, Фред. Ты – Фред Колон, – терпеливо подтвердил Шнобби.

– Правда?

– Да, капитан Колон.

– Правильно! И им не стоит об этом забывать, черт подери! – рявкнул Колон. – Я вам не добрая душа! И не потерплю подобного нарушения субординации! Ваймс слишком миндальничал со всеми этими гномами! Я всегда это говорил и сейчас говорю! Они получают такое же жалованье, как мы, а сами в два раза меньше!

– Да, да, разумеется, – замахал руками Шнобби в отчаянной попытке успокоить разъяренного шефа. – Но, Фред, тролли в два раза больше, а получают такое же жалованье, поэтому...

– Зато у них в четыре раза меньше мозгов, а значит...

Звук, который они услышали, был долгим и угрожающим. Это младший констебль Шпат отодвинул свой стул от стола.

Громко скрипя половицами, Шпат прошел мимо Колона, огромной лапицей снял с гвоздя шлем и направился к двери.

– Я в патруль, – буркнул он.

– Но у тебя до патруля еще целый час, – удивился констебль Посети.

– А я уже, – ответил Шпат.

В комнате на мгновение потемнело, когда дверной проем заслонила широченная спина тролля, после чего младший констебль Шпат отбыл в неизвестном направлении.

– С чего это вдруг все стали такими раздражительными? – спросил Колон.

Оставшиеся в комнате констебли старались не попадаться ему на глаза.

– Кто-то хихикнул или мне показалось? – осведомился Колон.

– Лично я не слышал, чтобы кто-то хихикал, – сказал Шнобби.

– О? Правда? Я тебе не какой-нибудь сержант, капрал Шноббс!

– Конечно, Фред, я вовсе не... О боги...

– А дисциплинка-то у нас хромает, – процедил капитан Колон, злобно посверкивая глазами. – Готов поспорить, все вы сейчас думаете: «Да это же старый жирдяй Фред Колон. С ним всегда можно договориться».

– Никто никогда не называл тебя стариком, Фред... О боги...

– А как насчет жирдяя?

Фред окинул комнату яростным взглядом. Все вдруг принялись энергично перекидывать бумаги с места на место.

– Что ж! Начиная с этого момента здесь все будет *по-другому*, – объявил капитан Колон. – Мне известны все ваши мелкие уловки... Так, кто это сказал?

– Что сказал, капитан? – уточнил Шнобби. Он тоже слышал, как кто-то прошептал: «И мы научились им от тебя, сержант», но сейчас скорее предпочел бы проглотить раскаленные угли, чем признаться в этом.

– Кто-то что-то сказал. Гнусным таким голоском.

– Я абсолютно уверен, капитан, никто ничего не говорил, – отозвался Шнобби.

– И не смейте на меня глазеть!

– Да никто на тебя даже не смотрит! – взвыл Шнобби.

– Думаешь, я не знаю, как это делается?! – закричал Колон. – Не знаю, как можно глазеть не глядя, капрал?! Вот этот человек! Вот он наставил на меня свои уши!

– По-моему, констебль Пинг всецело занят составлением рапорта, Фре... серж... капитан.

Колон немного успокоился.

– Ну ладно. Сейчас я поднимусь в свой кабинет, понятно? А всех вас ждут большие *перемены*. И пусть мне принесут чашку чая.

Провожаемый бросаемыми украдкой взглядами, капитан Колон поднялся по лестнице, вошел в кабинет и хлопнул дверью.

– Гм... – начал было констебль Пинг, но Шнобби, который лучше других разбирался в повадках личности по имени Колон, отчаянно замахал одной рукой, а другую поднес к уху нарочито театральным жестом.

Все услышали, как дверь наверху тихонько приоткрылась.

– Что ж, полагаю, перемены нам очень даже не помешают, – объявил констебль Пинг.

– Как сказал пророк Урн, – промолвил констебль Посети, – уж лучше буйвол в гершебской гончарной лавке, чем сандалия в гашской виноградной давилке.

– Я тоже так считаю, – согласился Шнобби. – Пожалуй, отнесу чайку капитану. Хорошая чашка чая еще никому не мешала.

А через пару минут констебли услышали – даже сквозь закрытую дверь – вопль Колона.

– Что это за кружка, капрал?!

– Обычная, серж... сэр. Это ваша кружка, вы всегда пьете чай именно из нее.

– Но это сержантская кружка, капрал! А из каких кружек пьют чай офицеры?

– Ну, у Моркоу и господина Ваймса есть собственные кружки...

– Это их *личное* решение – пить из кружек, но, согласно уставу Стражи, офицерам полагаются чашка и блюдце. Об этом говорится вот здесь, в статье триста один подразделе це. Ты меня понимаешь?

– Но по-моему, у нас нет никаких...

– Тебе известно, где хранятся деньги на мелкие расходы. Как правило, только ты это и знаешь. Свободен, капрал.

С побелевшим лицом, бережно неся в руках оскорбляющий достоинство офицера сосуд, Шнобби спустился по лестнице.

Дверь снова приоткрылась.

– И не смейте плевать мне в чай! – заорал Колон. – Знаю я вас! И чай нужно перемешивать *ложечкой*, понятно?

Дверь захлопнулась.

Констебль Посети вынул кружку из трясущихся рук Шнобби и

похлопал его по плечу.

– Насколько мне известно, тролль Мел делает очень неплохую дешевую посуду... – начал было он.

Дверь распахнулась.

– Чашка должна быть фарфоровой!

Дверь захлопнулась.

– Кстати, кто-нибудь последнее время видел деньги на мелкие расходы? – спросил констебль Пинг.

Шнобби с печальным видом сунул руку в карман, достал несколько долларов и отдал монеты Посети.

– Отправляйся в ту роскошную лавку, что в Королевском проезде, – сказал Шнобби. – Купи чашку и блюдце, ну, знаешь, из тех, сквозь которые все видно. И с золотым ободком. – Шнобби перевел взгляд на остальных констеблей. – А вы что здесь делаете?! Тут вы никаких преступников не поймаете!

– Шнобби, а деньги на мелкие расходы кто-нибудь подсчитывает? – спросил Пинг.

– Не шноббничай тут, Пинг! Чего расселся? Иди лучше улицы патрулируй! И вообще, все проваливайте!

Катились дни. Вернее, грохотали. Карета была удобной, насколько вообще удобной может быть карета, однако дорога состояла сплошь из рытвин, а поэтому карету качало из стороны в сторону, будто колыбель. В начале путешествия это успокаивало, но вскоре начало раздражать. Как и окружающая местность.

Ваймс с мрачным видом таращился в окно.

На горизонте показалась очередная семафорная башня. Клик-башни старались ставить рядом с проезжими трактами – пусть сообщение идет дольше, зато оно гарантированно дойдет. Только дурак стал бы возводить подобные сооружения в дикой местности. В какой-то паре сотен миль от Анк-Морпорка еще обитали тролли, которые до сих пор закусывали человечинкой. Кроме того, рядом с дорогами располагалось большинство деревень и городков.

Новая Гильдия, должно быть, гребла деньги лопатой. На строительных лесах сутились рабочие, крепя к главной башне заслонки. Скорее всего, первый же ураган разнесет эту конструкцию в щепки, но к тому времени Гильдия заработает достаточно, чтобы построить целых пять башен. Или пятьдесят.

Как быстро все случилось. Даже не верится. Основные компоненты

существовали уже много лет. Семафор был изобретен достаточно давно – еще век назад Стража пользовалась подобными штуками для передачи сообщений находившимся в патруле офицерам. А горгульи и так ничего не делают – сидят целыми днями и пялятся в одну точку. Кроме того, они напрочь лишены воображения, что практически исключает вероятность ошибки.

Так что же на самом деле случилось? А то, что люди стали иначе относиться к новостям. Раньше с помощью таких вот устройств передавалась информация о передвижении войск или сообщалось о смерти королей и императоров. Людям нужно было узнавать о подобных вещах, но не каждый день. А каждый день им нужно знать, к примеру, почем сегодня скот в Анк-Морпорке. Быть может, стоит отогнать скотину в Щеботан и получить там цену получше? Люди начали интересоваться всякими мелкими подробностями, столь незначительными на первый взгляд. Самыми разными подробностями. Например: «Дошло ли мое судно до гавани и все ли с ним благополучно?» Именно поэтому Гильдия с дьявольским упорством пробивалась сквозь горы к Орлее, до которой было аж четыре тысячи миль. На то, чтобы обогнуть мыс Ужаса, корабль тратил много месяцев. Сколько готов заплатить торговец за быструю весть о том, что его судно благополучно вошло в гавань? И вообще, какова цена груза? Все ли товары проданы? Какая репутация у того или иного торговца в Анк-Морпорке?

Грести деньги лопатой? Ну разумеется.

Семафорное увлечение оказалось заразительным; оно распространилось с безумной скоростью, как и положено для большого города. В новом бизнесе участвовал всякий, кто смог отыскать столб, пару горгулий и подержанный механизм ветряной мельницы. Частенько можно было наблюдать следующую картину: сидит человек в ресторане, спокойненько ужинает, а потом вдруг срывается с места и бежит к ближайшему шесту проверять, не пришли ли ему какие-нибудь клики. И это еще ладно. Некоторые умудрялись пользоваться семафорами прямо в битком набитых трактирах, нанося сидящим рядом посетителям травмы легкой и средней тяжести...

Ваймс покачал головой. Сообщения без смысла, телепатия без мозгов.

Хотя... на прошлой неделе все очень здорово получилось. Ну, когда Ведать-Не-Ведаю Джек похитил серебро в Сто Лате, а потом поскакал в Анк-Морпорк прятаться в Тенях. Однако сержант Край из Стражи Сто Лата, бывший Ваймсов воспитанник, сразу послал по семафору соответствующий клик, который тут же лег на стол Ваймса. И вот Джек,

ничего дурного не подозревая, входит в городские ворота... и оказывается в распростертых объятиях сержанта Детрита. Да, разумеется, с точки зрения закона ситуация была несколько щекотливой, ведь преступление было совершено не на анк-морпоркской земле, а семафорный клик несколько не соответствует определению «погоня по горячим следам», но все проблемы весьма любезно разрешил сам Джек. Ошеломленный такой встречей, он набросился на тролля с кулаками. В результате – арест по обвинению в нападении на офицера Городской Стражи и сломанное запястье...

Рядом тихо похрапывала госпожа Сибилла. Брачный союз заключается между двумя людьми, которые всегда готовы поклясться, что храпит исключительно другой член союза.

Иниго Сепаратор, съездившись в уголке, читал какую-то книжку. Некоторое время Ваймс рассматривал его.

– Поднимусь-ка, пожалуй, на крышу, подышу воздухом, – сказал он наконец, открывая дверь кареты.

Крошечное замкнутое пространство мигом заполнилось грохотом колес вперемешку с клубами пыли.

– Ваша светлость... – Иниго поспешно вскочил на ноги.

Ваймс, уже поднимавшийся по стенке кареты, опустил голову.

– Вряд ли у тебя много друзей. С таким-то отношением... – хмыкнул он и ногой захлопнул дверцу.

Шелли и Детрит удобно устроились на крыше. Здесь было куда просторнее, и отсюда открывался роскошный вид. Иными словами, вы имели роскошь лицезреть капусту во всем ее многообразии.

Ваймс протиснулся между двумя тюками и наклонился к Шелли.

– Ты знаешь, что такое семафор?

– Ну, сэр, в некотором роде...

– Отлично. – Ваймс передал ей лист бумаги. – Рядом с тем местом, где мы остановимся на ночлег, должна быть какая-нибудь клик-башня. Зашифруй это и передай в штаб-квартиру Стражи, понятно? Если сразу обратятся к нужным людям, ответ придет в течение часа. Пусть попрошают Чисто Топси, она там белье стирает. Или Гилберта Гилберта – он всегда в курсе происходящего.

Шелли прочла сообщение и уставилась на Ваймса.

– Вы уверены, сэр? – спросила она.

– Почти. И обязательно пошли *описание*. Имя тут не поможет, его всегда поменять можно.

– А могу я спросить, что навело вас на такие...

– Его походка. А еще он не поймал апельсин, – сказал Ваймс. – Мхм.

Мхм.

Когда пришел клик, констебль Посети чистил старую голубятню.

В последние дни он все больше времени проводил с голубями. Особой популярностью голубиное дежурство не пользовалось, и претенденты на эту обязанность в очередь не выстраивались. Зато здесь, наверху, было тихо – ни тебе воплей, ни хлопанья дверей.

Насесты буквально сверкали.

Констеблю Посети нравилась эта работа. В Анк-Морпорке у него было мало друзей. Честно говоря, у него и в Страже друзей было не много. Но в Страже с ним хоть разговаривали. А еще он делал явные успехи в религиозном воспитании голубей.

И вдруг *это...*

Сообщение было адресовано капитану Моркоу. Вероятно, это означало, что клик следует доставить капитану Колону. Причем *лично* – капитан Колон подозревал, что сообщения, посланные ему по пневмотрубе, кто-то читает.

До сего момента констебль Посети чувствовал себя в относительной безопасности. Омниане славилась тем, что беспрекословно выполняли приказы, даже абсолютно бессмысленные. Воспитанный в соответствующей манере Посети инстинктивно испытывал уважение к начальству, каким бы безумным это начальство ни было. Кроме того, его доспехи были надраены до яростного блеска. Последнее время чистоте стражнических доспехов уделялось особое внимание.

И все равно для посещения кабинета капитана Колона требовалось проявить недюжинную смелость. Наверное, именно такую отвагу в свое время продемонстрировал легендарный епископ Рог, отправившись в град Улитов. Улиты славилась тем, что крайне нелюбезно обращались со всеми своими гостями.

Посети спустился с голубятни и, печатая нервный шаг, промаршировал в главное здание.

В дежурке практически никого не было. В последние дни здесь почему-то появлялось все меньше и меньше стражников. Как правило, в холода люди всеми правдами и неправдами пытались задержаться в дежурке. Но нынче за всем следило бдительное око капитана Колона.

Посети подошел к кабинету и постучался.

Затем постучался еще раз.

Не услышав ответа, он распахнул дверь, осторожно приблизился к сияющему чистотой письменному столу и уже собирался было подсунуть

сообщение под чернильницу, чтобы бумажку случайно не сдуло сквозняком...

– Ага!

Рука Посети машинально дернулась, подбрасывая чернильницу высоко над столом. Перед его глазами промелькнуло густо-синее облако чернильных капель, а потом он услышал за своей спиной... *всплеск*.

Посети исполнил механический поворот кругом и увидел перед собой капитана Колона, лицо которого было бы смертельно бледным, если бы не заливающие его чернила.

– *Понятненько*, – процедил Колон. – Нападение на старшего по званию, да?

– Это произошло случайно, капитан!

– Неужели? Но скажи на милость, зачем ты прокрался в мой кабинет?

– Я думал, вас здесь нет, капитан, – пробормотал Посети.

– Ага!

– Прошу прощения?

– Небось явился читать мои секретные бумаги?

– Никак нет, капитан! – Посети постарался взять себя в руки. – Но, сэр, почему вы прятались за дверью?

– А что? Мне не разрешается прятаться за дверью собственного кабинета?

И тут констебль Посети совершил очередную ошибку. Он попытался улыбнуться.

– Ну, это немного странно, сэр...

– Значит, констебль, ты находишь мое поведение *странным*? – уточнил капитан Колон. – Быть может, даже *смешным*?

Посети уставился на испещренное чернильными кляксами лицо.

– Никак нет, сэр!

– Ты вполне прилежно служил, констебль, – сказал Колон, подступая к Посети вплотную. – Поэтому... я не стану наказывать тебя слишком уж сурово. Я строг, но справедлив. Ты разжалован в младшие констебли, понятно? И с начала следующего месяца твое жалованье будет соответственно понижено.

Посети отдал честь. Вероятно, это был единственный способ убраться из капитанского кабинета живым. Глаз Колона уже начинал подергиваться.

– Однако ты можешь восстановить свое положение, – продолжал Колон. – Если честно скажешь, кто ворует у меня сахар. Подчеркиваю, *ворует*.

– Сэр?

– Вчера вечером было сорок три кусочка сахара. Я лично их пересчитал. А сегодня утром, констебль, остался сорок один. А ведь сахар был *заперт* в моем письменном столе! И как ты это объяснишь? Итак, кто ворует у меня сахар?

Будь Посети самоубийственно честным, то сказал бы примерно следующее: «Конечно, капитан, я считаю, вы обладаете многими ценными качествами, но я точно знаю: дважды пересчитав собственные пальцы, вы получите два совершенно разных результата».

– Э-э... Мыши? – слабым голосом предположил он.

– Ха! Ты свободен, младший констебль. И не забудь о том, что я тебе сказал.

Когда подавленный Посети ушел, капитан Колон сел за свой огромный и абсолютно чистый письменный стол.

Идущую кругом голову капитана Колона заполнял густой туман, порожденный страхом и ужасом. Лишь изредка на поверхность пробивались сигналы, посылаемые крошечной областью мозга, которая еще способна была мыслить связно. И в сигналах этих говорилось о том, что он, Фред Колон, заплыл в какие-то чужие, неизведанные воды. Его окружали рыбы, на носах которых горели фонарики.

Да, на столе было чисто, но лишь потому, что Колон сразу выбрасывал все поступающие документы.

И *нет*, читать он умел. Просто Фреду Колону нужно было немного... разбежаться, чтобы одолеть любой документ длиннее нескольких строчек. И слова, состоящие более чем из трех слогов, давались ему с некоторым трудом. Он был, так сказать, *функционально* грамотным человеком. То есть к чтению и письму он относился примерно как к башмакам – да, ты в этих штуках нуждаешься, но никакого удовольствия от них не получаешь. Есть, конечно, личности, которым это нравится, однако с такими людьми следует быть осторожным – мало ли что еще им по вкусу.

Стол командора Ваймса был постоянно завален бумагами, но Колон подозревал, что Ваймс и Моркоу разработали некий хитрый тайный способ видеть документы насквозь, сразу определяя, какие из них важные, а какие – нет. Тогда как у Колона от всех этих загадочных бумажек аж живот скручивало. Тут были и жалобы, и докладные, и приглашения, и письма с просьбой «уделить несколько минут вашего времени», и бланки, требующие заполнения, и рапорты, нуждающиеся в прочтении, и выводы, включающие в себя такие слова, как «извращенно-чудовищный» и «безотлагательно пресечь». Все это грозило обрушиться на его сознание гигантской волной, сметающей на своем пути все и вся.

«Интересно, – гадала частичка Колона, еще способная мыслить связно, – может, за этим и нужны офицеры? Чтобы отделять сержантов от всего этого де... дермантина? Чтобы сержанты могли честно выполнять свою работу?»

Капитан Колон сделал глубокий, всхлипывающий вдох.

С другой стороны, если сахар пропадает, неудивительно, что в Страже такой беспорядок! Реши проблему с сахаром, и все остальное само собой наладится!

А в этом есть смысл!

Он повернулся, и на глаза ему попала сваленная в углу осуждающе огромная кипа бумаг.

А еще – пустой камин.

В этом и заключается работа офицера Стражи, не так ли? В принятии решений.

Младший констебль Посети с подавленным видом вошел в караулку. Народа было много – как раз происходил пересменок.

И все толпились вокруг одного стола, на котором лежала... Каменная Лепешка. Несколько запачкавшаяся, но все же Лепешка.

– Констебль Бедрогрыз нашел ее на Зефирной улице. Прямо посреди и валялась, – сказал сержант Рукисила. – Наверное, вора что-то напугало, ну, он ее и бросил.

– Далековато от музея, – заметил Редж Башмак. – Зачем было волочь эту тяжесть через весь город? Чтобы бросить в фешенебельном районе, где на нее кто-то обязательно наткнется?

– О, горе мне, ибо втоптан я в землю! – воскликнул констебль Посети, который вдруг понял, что всеобщее внимание приковано к какому-то... языческому символу (конечно, вслух он бы так никогда не выразился, разве что решил бы организовать себе срочную ампутацию ног).

– Под тролля попал, что ли? – уточнил не ведающий сострадания капрал Шноббс.

– Я имел в виду, что меня разжаловали в младшие констебли, – сказал Посети.

– Что? Но почему? – изумился сержант Рукисила.

– Я не совсем... уверен, – пожал плечами Посети.

– Ну все, с меня довольно! – закричал гном. – Вчера он застучал троих парней в «Сестрах Долли» и уволил на месте. Лично я не собираюсь ждать, когда то же самое произойдет со мной. Немедленно убираюсь в Сто Лат. Там всегда требуются хорошие стражники. Я как-никак сержант. И могу сам себе назначать цену.

– Послушайте, Ваймс тоже частенько устраивал нам головомойки. Даже мне, – возразил Шнобби.

– Но это совсем другое дело.

– Почему?

– Да потому, что это господин Ваймс, – сказал Рукисила. – Помнишь прошлогодние беспорядки на Легкой улице? Валяюсь я на земле, и вдруг на меня бросается здоровенный тип с дубиной. А господин Ваймс как схватит его за руку, как даст по башке!

– Во-во, – подтвердил еще один констебль, гном по имени Коленовал. – Когда тебя прижимают к стене, ты всегда чувствуешь за своей спиной спину господина Ваймса.

– Но старик Фред... Слушайте, парни, вы ж не первый день его знаете, – заюлил Шнобби, снимая с плиты котелок и наливая кипяток в чайник для заварки. – Уж что-что, а стражничество он изведаль вдоль и поперек.

– Да уж, всеми возможными способами, – хмыкнул Коленовал.

– Я имел в виду, что в Страже он дольше всех, – поправился Шнобби.

Один из гномов пробормотал что-то на своем языке, и все низкорослые стражники разом заулыбались.

– Что он там сказал? – спросил Шнобби.

– Ну, если приблизительно... – пояснил Рукисила. – «У меня с моей задницей тоже очень давние отношения, но это вовсе не значит, что я должен ее слушаться».

– Он оштрафовал меня на полдоллара за вымогательство! – воскликнул Коленовал. – И это Фред Колон! Который ходит на патрулирование с хозяйственной сумкой! А я что? Ну, выпил халявную пинту в «Виноградной Горсти», зато узнал, что последнее время Шикарный Уолли сорит деньгами направо-налево. А это стоило узнать. Кстати, как-то, еще в начале своей стражнической карьеры, я ходил в патруль с Фредом Колоном. Он мимо жалкой закуской не мог пройти, не засунув за воротник салфетку. «О нет, сержант, я и подумать не могу о том, чтобы взять с вас деньги...» Фред только выворачивал из-за угла, а ему уже накрывали стол!

– Не он один такой, – буркнул Рукисила.

– Что, и даже капитан Моркоу такой? – осведомился Шнобби.

– Ну, капитан Моркоу... он был особенный.

– А что мне вот с этим делать? – встрял Посети, размахивая залитым чернилами сообщением. – Господину Ваймсу срочно требуется информация.

Рукисила взял у него бумажку и прочел сообщение.

– Ну, это не сложно, – сказал он. – Старина Степенный Вусси с Пиночной улицы боги знают сколько лет работает там уборщиком и кое-чем мне обязан.

– Кстати, раз уж мы будем посылать клик господину Ваймсу... Может, сообщить ему заодно о Лепешке и о Сонки? Да, надо бы это сделать, – сказал Редж Башмак. – Он оставил напоминание. А я уже и рапорт написал.

– Зачем его отвлекать по пустякам? Он в сотнях миль отсюда.

– Так я буду чувствовать себя куда спокойнее, – откликнулся Редж. – Потому что сейчас мне сильно не по себе.

– Но что наш клик изменит?

– Изменит. Это уже будут его тревоги, а не мои, – объяснил Редж.

– *Капрал Шноббс!*

– Он подслушивал за дверью, готов поклясться, – пробормотал Рукисила. – Все, я отваливаю.

– Уже иду, капитан! – крикнул Шнобби, быстренько открыл нижний ящик своего потертого, сплошь покрытого пятнами письменного стола, достал пакет с шоколадным печеньем и красиво разложил печеньюшки на тарелке.

– Даже смотреть на тебя противно, – поморщился Рукисила, одновременно подмигивая другим гномам. – Ты прирожденный плохой стражник, Шнобби. И ты хочешь плюнуть на свой талант, чтобы стать плохой официанткой? У меня буквально сердце разрывается.

– Ха-ха-ха, – сказал Шнобби. – Вы меня еще не знаете. Попомните мои слова... – Он повысил голос. – Иду-иду, капитан!

Войдя в кабинет капитана Колона, Шнобби мгновенно почувствовал резкий запах горелой бумаги.

– Ну что за жизнь, если в ней нет огонька? Правда, капитан? – жизнерадостно осведомился Шнобби, ставя поднос на столешницу.

Но капитан Колон пропустил его слова мимо ушей. На письменном столе перед Колоном аккуратными рядами были выложены кусочки сахара. Рядом стояла пустая сахарница, всегда хранившаяся в запертом на ключ ящичке.

– Капрал, ты ничего странного не замечаешь? – тихо спросил Колон. – В этих кусочках?

– Ну, замызганные немножко, капитан. Но ты их слишком часто перекладываешь, наверное, оттого и...

– Всего тридцать семь, капрал.

– Сочувствую, капитан.

– Наверное, Посети стибрил, когда заглядывал ко мне. Использовал какой-нибудь заморский фокус. Они это умеют... Типа забираются по канату, а потом хлоп – и исчезают.

– У него был с собой канат?

– Ты меня подкальываешь, капрал?

Шнобби стремительно отдал честь.

– Никак нет, сэр! Канат вполне мог быть невидимым, сэр. В конце концов, если они умеют исчезать, забравшись по канату, то заставить исчезнуть и сам канат – это для них раз плюнуть. Точно говорю.

– Правильно мыслишь, капрал.

– Кстати о мыслях, сэр, – сказал, воспользовавшись удобным моментом, Шнобби. – Вы нашли в вашем крайне напряженном графике время поразмыслить над кандидатурой нового сержанта?

– Собственно говоря, я только об этом и думал.

– Отлично, сэр.

– Я принял во внимание все, что ты мне говорил, и мой выбор был очевиден.

– Так точно, сэр! – Шнобби, выпятив грудь, снова отдал честь.

– Очень надеюсь, что он справится. А то ведь повышение по службе по-всякому действует на людей. И не только на людей. Кстати, как только этого подонка, что ворует у меня сахар, поймают – немедленно его ко мне в кабинет, понятно?

– Так точно, сэр! – Ноги Шнобби едва ли не отрывались от земли.

– И на тебя, капрал, я тоже полагаюсь. Если увидишь, что сержант Кремень не справляется, тут же сообщай мне.

– Сержант Кремень? – едва слышно уточнил Шнобби.

– Знаю, знаю, он тролль. Но справедливость превыше всего. Никто не может назвать меня несправедливым.

– Сержант *Кремень*?

– Я знал, что могу положиться на тебя, капрал.

– *Сержант Кремень*?

– Можешь быть свободен. Через час я должен явиться к его светлости, а мне еще многое предстоит обдумать. В этом и заключается моя работа – думать.

– *Сержант Кремень*?

– Да. И на твоём месте я бы поспешил сообщить ему об этом.

Поле было усеяно белыми куриными перьями. Фермер стоял у дверей курятника и качал головой. Потом он поднял взгляд на приближавшегося

всадника.

– Добрый день, господин! У тебя неприятности?

Фермер открыл было рот, чтобы произнести что-нибудь остроумное и, возможно, не слишком любезное, но что-то остановило его. Наверное, меч, видневшийся из-за спины всадника. Или едва заметная улыбка на губах незнакомца. Почему-то эта улыбка пугала даже сильнее, чем меч.

– Э... Кто-то потрепал моих птичек, – наконец ответил фермер. – Видать, лисы.

– А мне кажется, это были волки, – предположил всадник.

Фермер открыл было рот, чтобы сказать: «Не мели ерунды, откуда в наших местах в это время года взяты волкам?» – но уверенная улыбка всадника снова заставила его прикусить язык.

– И много кур задрали? – спросил всадник.

– Шесть.

– И в курятник они пробрались...

– Да, да, именно это и странно, ведь... Эй, что там твой пес делает?

Маленькая дворняжка прыгнула с лошади и принялась деловито обнюхивать землю вокруг курятника.

– Не волнуйся, он смирный, – сказал всадник.

– На твоём месте, приятель, я бы не искушал судьбу. У него сегодня странное настроение, – услышал фермер чей-то голос за спиной и резко обернулся.

Песик с невинным видом смотрел на него. Ведь любой дурак знает: собаки говорить не умеют.

– Гав! Тяв! Визг-визг!

– Он отлично выдрессирован, – сообщил всадник.

Фермер воззрился на незнакомца.

– Ну да, типа того, – подтвердил тот же самый голос из-за фермерской спины.

Фермер вдруг почувствовал непреодолимое желание поскорее отделаться от незваного гостя. Наверное, причиной всему эта его улыбочка... Вот уже и голоса мерещатся.

– Ума не приложу, и как они пробрались в курятник! Дверь-то была на засове...

– Да и денег волки не оставляют, правда? – усмехнулся всадник.

– А это откуда ты знаешь?!

– О господин, все очень просто. Увидев меня, ты что-то крепко сжал в кулаке. Вот я и сделал вывод, что ты нашел в своем курятнике... сейчас прикинем... ну да, три доллара. За три доллара в Анк-Морпорке можно

купить шесть отличных куриц.

Фермер молча разжал кулак. Монеты блеснули на солнце.

– Но... Но у своих ворот я торгую ими всего по десять пенсов! – взвыл фермер. – Можно ж было *спросить*?

– Вероятно, не хотели тебя беспокоить, – предположил всадник. – Кстати, господин, раз уж я к тебе заглянул, не мог бы ты продать мне цыпленка...

– Гав! Гав! – укоризненно *сказал* песик за фермерской спиной.

– ...Двух цыплят. И я не стану больше отнимать у тебя драгоценное время.

– Гав! Гав! Гав!

– Трех цыплят, – устало поправился всадник. – А если ты будешь столь любезен, что разделаешь их и приготовишь, пока я тут занимаюсь лошадью... В общем, я заплачу тебе по доллару за каждого.

– Гав! Гав!

– Двух цыплят приготовь без чеснока и приправ. Заранее большое спасибо.

Фермер, окончательно лишившись дара речи, кивнул. По доллару за курицу – это вам не курам на смех! От такого предложения нос не воротят. Да и не больно-то откажешь, когда на тебя смотрят с подобной улыбкой. Улыбка на губах незнакомца держалась как приклеенная – не менялась, не исчезала. К улыбающемуся человеку сразу чувствуешь расположение, но от этой улыбки, наоборот, хотелось бежать со всех ног. Фермер поспешил в курятник, где держал своих самых лучших птиц, уже было наклонился, чтобы выбрать самых жирных, и вдруг... замер. Если человек достаточно безумен, чтобы платить целый доллар за *хорошую* курицу, значит... он и против *приемлемой* курицы протестовать не будет, не так ли? Фермер выпрямился.

– И смотри, господин хороший, выбирай птичек пожирнее.

Фермер резко повернулся. Позади никого не было – не считая маленького нечесаного песика, который вошел следом за ним в курятник и сейчас поднимал тучи пыли, яростно скребясь задней лапой.

– Гав? – осведомился песик.

Фермер бросил в него камень, и песик лениво затрусил прочь. А потом фермер выбрал трех самых лучших своих куриц.

Моркоу лежал под деревом, пытаясь поудобнее устроить голову на седельной сумке.

– Она заметала следы, ты заметил? – спросил Гаспод.

– Заметил, – сказал Моркоу и закрыл глаза.

– И что, она *всегда* платит за куриц?

– Да.

– Почему?

Моркоу повернулся на бок.

– Потому что животные за них не платят.

Гаспод посмотрел на затылок Моркоу. Да, Гаспод обладал редким даром – он умел говорить, но, глядя на покрасневшие уши Моркоу, он вдруг понял, что сейчас, пожалуй, стоит задействовать намного более редкий дар – умение молчать.

Сначала он принял позу, которую про себя (практически бессознательно) классифицировал как Позу Верного Товарища Начеку, но она ему очень быстро надоела. Тогда Гаспод отсутствующе почесался, свернулся в позу, более известной как Поза Верного Товарища, Уткнувшегося Носом в Задницу^[12], и мгновенно уснул.

Через некоторое время его разбудили голоса и едва ощутимый запах жареной курицы, доносящийся со стороны дома.

Повернув голову, Гаспод увидел фермера, разговаривавшего с каким-то мужчиной на повозке. Некоторое время он слушал, потом сел, задумавшись над некой сложной нравственной дилеммой.

Наконец он разбудил Моркоу, лизнув его в ухо.

– Фзвл... Шо такое?

– Сначала ты должен пообещать, что жареных цыплят ты все-таки забереешь, – настойчиво произнес Гаспод.

– Что? – не понял Моркоу, приподнимаясь на локте.

– Ты забираешь цыплят, и мы уезжаем. Обещай мне.

– Хорошо, хорошо. Обещаю. Но что *случилось-то*?

– Ты когда-нибудь слышал о Скупербурге?

– Кажется, это город. Милях в десяти отсюда.

– Один из соседей нашего господина фермера только что рассказал ему, что в Скупербурге поймали волка.

– Поймали или убили?

– Нет, нет. Никого пока не убивали. Но охотники на волков... Тут имеются специальные охотники, ведь овцы пасутся в горах и... Короче, эти самые охотники тренируют своих собак... *Не забудь, ты обещал взять цыплят!*

Ровно в одиннадцать часов кто-то браво постучал в дверь лорда Витинари. Патриций смерил дверную филенку озадаченным взглядом.

– Войдите, – наконец разрешил он.

Фред Колон входил долго и мучительно. Некоторое время Витинари молча наблюдал за процессом, но в конце концов даже суровое сердце патриция дрогнуло.

– Исполняющий обязанности капитана, нет никакой необходимости *все время* находиться по стойке «смирно», – мягко заметил он. – Чтобы удовлетворительно манипулировать дверной ручкой, нужно согнуться. Я разрешаю тебе это.

– Слушаюсь, сэр!

Болезненно поморщившись, лорд Витинари прикрыл ладонью ухо.

– Можешь садиться.

– Слушаюсь, сэр!

– И можешь говорить чуть потише.

– Слушаюсь, сэр!

Лорд Витинари поспешил укрыться за письменным столом.

– Не могу не отметить твои начищенные до блеска доспехи, исполняющий обязанности капитана...

– Плюнь и разотри, сэр! Лучшее средство, сэр! – Пот ручьями стекал по лицу Колона.

– Замечательно. И насколько мне известно, запасы слюны у Стражи никогда не иссякают. Но перейдем к делу. – Пошуршав бумагами, лорд Витинари вытянул из одной аккуратной стопочки какой-то листок. – Итак, исполняю...

– Сэр!

– Разумеется. Итак, я получил очередную жалобу, связанную с последней тенденцией «обувать» всех и вся. Уверен, ты догадываешься, о чем идет речь.

– Он стал причиной серьезной транспортной пробки, сэр!

– Не сомневаюсь. Но именно этим он и славится. Ведь речь идет об оперном театре.

– Сэр!

– Владелец считает, что огромные желтые «башмаки» на каждом углу принижают, так сказать, общий стиль здания. Зато, конечно, следует отметить, что теперь владелец никуда на нем не уедет.

– Сэр!

– Само собой. Но иногда следует думать, прежде чем действовать, исполняющий обязанности капитана. И это именно такой случай!

– Должен был так поступить, сэр! Чтоб другим неповадно было, сэр!

– Что ж... – Патриций аккуратно, двумя пальцами поднял еще один документ, словно держал некое редкое экзотическое существо. – Перейдем

к другим жалобам. Они касаются... сейчас точно припомню, некоторые вещи очень сильно врезаются в память... ах да... четырех зданий, шести фонтанов, трех статуй и виселицы на Ничегоподобной улице. Плюс мой дворец.

– Ошибочка вышла, сэр! Я прекрасно понимаю, что вы припарковали его по делу, сэр!

Некоторое время лорд Витинари молчал. Говорить с Фредериком Колоном было трудно. Патриций ежедневно имел дело с людьми, которые относились к разговору как к сложной карточной игре, но в случае с Колоном нужно было постоянно подстраиваться, чтобы не заработать «перебор».

– Должен признать, исполняющий обязанности капитана, я с постоянно растущим интересом наблюдаю за последними событиями в твоей карьере... И разумеется, не могу не спросить: почему на данный момент в Страже служат всего двадцать стражников?

– Сэр?

– Насколько мне известно, совсем недавно их было шестьдесят.

Колон вытер пот с лица.

– Избавляемся от плохих кадров, сэр! Так сказать, выкорчевываем сорняки, сэр! Мобильность прежде всего!

– Понятно. Но количество внутренних дисциплинарных взысканий, которые вы наложили на подчиненных, – патриций поднял со стола довольно увесистую пачку бумаги, – кажется мне несколько чрезмерным. Тут я насчитал не меньше ста семидесяти трех обвинений в подглядывании, подслушивании и поднюхивании.

– Сэр!

– Поднюхивании, исполняющий обязанности капитана?

– Сэр!

– О. Плюс обвинение в «опускании руки в неуважительной по отношению к начальнику манере», выдвинутое против констебля Башмака. Кстати, главнокомандующий Стражей Ваймс весьма хвалил данного стражника.

– Довольно мерзкий тип, сэр! Покойникам нельзя доверять!

– И насколько вижу, живым тоже.

– Сэр! – Колон наклонился вперед, искривив лицо в жуткой заговорщической гримасе. – Строго между нами, сэр. Командор проводил слишком мягкую политику. Слишком многое им позволял. А сейчас даже сахар нельзя оставить без присмотра, сэр!

Витинари прищурился, но телескопы на планете Колон были крайне

примитивными, а потому не сумели уловить общей перемены настроения.

– Да, да, сейчас припоминаю... Командор определенно упоминал пару имен. Дисциплина этих стражников, манера себя вести и общая профнепригодность вошли в легенду.

– Именно об этом я и говорю! – ликуяще воскликнул Колон. – Одно гнилое яблоко всю бочку портит.

– Уж скорее корзину, – заметил патриций. – Или даже лукошко.

– Ни о чем не беспокойтесь, ваша светлость! Я все исправлю. Скоро я их всех поумнею!

– Уверен, ты еще сумеешь меня удивить, – сказал Витинари, откидываясь на спинку кресла. – Признаюсь честно, исполняющий обязанности капитана, ты человек, за которым стоит следить. Ну что ж, а как в остальном? Не случилось ли чего еще, о чем мне следовало бы знать?

– Все тихо и спокойно, сэр!

– Хотелось бы верить, – кивнул Витинари. – Однако... Как поживает человек по имени... – Патриций бросил взгляд еще на один листок. – ... Сонки? С ним, случаем, ничего не произошло?

Капитан Колон едва не проглотил язык.

– Ничего заслуживающего внимания, сэр! – выдавил из себя он.

– Стало быть, Сонки жив-здоров?

– Э... Найден мертвым, сэр!

– Так он убит?

– Сэр!

– Вот те на. И это незаслуживающий внимания факт? Многие бы с тобой не согласились. К примеру, сам Сонки.

– Видите ли, сэр, не все были довольны тем, что он делал, сэр.

– Кстати, речь идет не об Уоллесе Сонки? Производителя резиновых изделий?

– Сэр!

– Вряд ли сапоги и перчатки относятся к тем товарам, что способны вызвать в обществе серьезные разногласия.

– Речь идет... э... о других изделиях, сэр! – Колон смущенно откашлялся. – Он делал такие резиновые штуки, сэр.

– А, превентативы.

– И многим это не нравилось, сэр.

– Понимаю.

Колон снова встал по стойке «смирно».

– Как мне кажется, сэр, это неестественно, сэр. А что неестественно, то неправильно, сэр.

– По-твоему, куда правильнее есть мясо сырым и спать на деревьях?

– Сэр?

– Да так, ничего. Совсем недавно кое-кто в Убервальде проявил интерес к Сонки. И вдруг он умирает. Я, конечно, не собираюсь учить Стражу работать...

Замолчав, патриций воззрился на Колона, пытаясь определить, дошел ли намек.

– То есть... Только вы имеете право решать, какое преступление следует расследовать в этом суматошном городе, – попытался подсказать он.

Очутившись в незнакомых землях, да еще и без карты, Колон сразу заблудился.

– Большое спасибо, сэр! – наконец рявкнул он.

Витинари вздохнул.

– Что ж, исполняющий обязанности капитана, уверен, у тебя имеются какие-то планы на сегодняшний день. Много важных и наверняка очень срочных дел...

– Сэр! Из планов на сегодняшний день у меня...

– Я хотел сказать, что не смею тебя боле задерживать.

– О, все в порядке, сэр. У меня полным-полно времени...

– *До свидания*, исполняющий обязанности капитана Колон.

Очутившись в приемной, Фред Колон несколько минут стоял неподвижно, пока сердцебиение не замедлилось с воя идущего в разнос двигателя до ровного урчания.

В целом все прошло хорошо. Очень хорошо. Поразительно хорошо на самом деле. Его светлость практически сделал его, Колона, своим поверенным. Обещал, что будет лично следить за его карьерой.

Ха, офицерство! И стоило его так бояться? Абсолютно ничего страшного, главное – сразу хватать быка за то, что болтается. Давным-давно надо было переходить в офицеры! Конечно, господин Ваймс прекрасно справлялся со своими обязанностями, и сейчас ему очень несладко приходится в опасной, чужой стране... но когда Сэм Ваймс был в Страже еще желторотым юнцом, Фред Колон уже ходил в сержантах! И лишь врожденное чувство уважения сдерживало его все эти годы... Но теперь, когда Сэм Ваймс вернется, патриций определенно замолвит словечко за Фреда Колона. И карьера его резко пойдет в гору.

«Капитанское звание. Определенно, – думал Колон, гордо глядя вдаль и спускаясь по лестнице, но очень осторожно, ибо спуск по лестнице и глядение вдаль, как правило, несовместимые процессы. – Доберусь до

капитана и завязываю».

Ему совсем не хотелось быть старше капитана Моркоу по званию. Это было бы... неправильно.

Эти его мысли доказывали лишь одно. Как бы власть ни туманила человеческую голову, инстинкт самосохранения все равно возьмет свое.

«Он и в самом деле забрал цыплят, – думал Гаспод, петляя между ног столпившихся людей. – Вот уж не думал...»

Впрочем, пообедать так и не удалось. Цыплят сунули в одну сумку, а Гаспода – в другую. Эту поездку он запомнит надолго – целых десять миль бок о бок с жареными курицами...

Народу было словно в базарный день, и, судя по всему, травля волка должна была послужить финальным аккордом этого импровизированного праздника. Из переносных загоронок выстроили почти круглый по форме загон. Люди держали собак за ошейники. Псы были огромными, тяжеловесными и очень неприятными с виду тварюгами, озверевшими от возбуждения и природной тупости.

Рядом с загонем стояла клетка. Гаспод пробрался к ней вплотную и уставился сквозь деревянные прутья на бесформенную кучу серой шерсти, видневшуюся в полумраке.

– Похоже, тебе предстоит нешуточный махач, а, приятель? – спросил он.

О волках существует великое множество легенд, хотя большинство из них является легендами о том, что люди думают о волках. Так вот, вопреки этим легендам загнанный волк скорее будет выть и вилять хвостом, чем беситься от ярости.

Но этот волк явно считал, что терять ему уже нечего. У прутьев клетки хищно щелкнули покрытые пеной зубы.

– А где твоя стая? – спросил Гаспод, отпрыгнув.

– У меня нет стаи, коротышка!

– А, волк-одиночка, значит...

«Хуже не придумать», – подумал Гаспод.

– Жареный цыпленок того не стоит, – пробормотал он, а чуть громче прорычал: – Ты тут других волков не видел?

– Видел!

– Отлично. Хочешь выйти отсюда живым?

– Всех разорву!

– Конечно, конечно, но их слишком много, понимаешь? У тебя нет ни малейшего шанса. Это они тебя разорвут. Собаки гораздо коварнее волков.

Волк прищурился в полумраке.

– А почему ты мне об этом говоришь, псина?

– Потому что хочу помочь. Сделаешь так, как я скажу, и через полчаса будешь на свободе. Иначе уже завтра станешь ковриком в чьей-нибудь прихожей. Тебе выбирать. Хотя не знаю... Из того, что от тебя останется, даже коврик не сделаешь.

Волк прислушался к лаю собак. В их намерениях сомневаться не приходилось.

– И что ты задумал?

Через несколько минут толпа расступилась и к загону подъехал Моркоу. Гвалт мгновенно стих. Меч и конь всегда вызывают уважение, тогда как сам всадник зачастую является лишь необходимым придатком. Но не в этом случае. Служба в Страже придала мышцам Моркоу внушительный лоск.

А еще эта едва заметная улыбка. От такой улыбки хочется попятиться.

– Добрый день. И кто здесь главный?

После некоторого замешательства, пока люди мерялись статусами, один из мужчин осторожно поднял руку.

– Я помощник головы, ваша честь.

– Что здесь происходит?

– Собираемся травить волка, ваша честь.

– Правда? Я и сам являюсь владельцем волкодава, обладающего небывалой силой и отвагой. Могу я проверить его в схватке с этой тварью?

Немного побормотав, зрители пришли к единодушному мнению: а почему бы нет? Учитывая эту его улыбочку...

– Действуй, ваша честь, – разрешил помощник мэра.

Моркоу вставил пальцы в рот и оглушительно свистнул. Из леса людских ног выбрался Гаспод и гордо уселся на небольшом пригорке. Горожане с изумлением оглядели его, а потом раздался дружный хохот.

Который, впрочем, стих достаточно быстро, поскольку едва заметная улыбка странного незнакомца никуда не подевалась.

– Проблемы? – спросил Моркоу.

– Да его ж в клочья разорвут!

– Правда? Вас так заботит судьба волка?

Снова раздался смех. У помощника мэра возникло ощущение, что насмеются скорее над ним, чем над происходящим.

– Что ж, это твой пес, господин, – пожал он плечами.

Песик гавкнул.

– Кстати, чтобы повысить интерес, мы готовы поставить на кон целый

фунт мяса, – предложил Моркоу.

Песик снова гавкнул.

– Даже два фунта.

– Думаю, всем и так будет интересно, – сказал помощник мэра. Эта улыбочка начинала действовать ему на нервы. – Ребята, тащите волка!

Брызжущего слюной, рычащего волка вытащили в центр загона.

– Нет, нет, привязывать не нужно, – попросил Моркоу, увидев, что один из мужчин собирается обмотать веревку вокруг столба.

– Так ведь он убежит.

– Не успеет. Можете мне поверить.

Мужчина посмотрел на улыбку, снял с волка намордник и одним прыжком перемахнул через ограду.

– А сейчас, если ты думаешь кое в чем подправить наш былой договор, – обратился Гаспод к волку, – предлагаю тебе сначала посмотреть на лицо того парня, что на лошади.

Волк поднял взгляд. На лице всадника играла улыбка росوماхи.

Гаспод гавкнул. Волк взвизгнул и перевернулся на спину.

Толпа ждала. А потом...

– И это все?

– Да, обычно именно так все и происходит, – кивнул Моркоу. – У него особый лай, понимаете? Вся кровь в теле жертвы мгновенно застывает в жилах. Из-за жуткого ужаса.

– Но псина к нему даже не притронулась!

– А зачем? – пожал плечами Моркоу.

Он слез с лошади, пробился сквозь толпу к загону, схватил волка за загривок и перебросил зверюгу через седло.

– Он захрипел! Я же слышал!... – крикнул кто-то.

– Это воздух покинул мертвое тело, – объяснил Моркоу. Улыбка так и не исчезла с его губ, и в данный момент она говорила о том, что уж кто-кто, а Моркоу слышал сотни и сотни таких вот предсмертных хрипов.

– Прав мужик-то, – раздался чей-то голос. – Известный факт. И как насчет хорошего бифштекса для храброго песика?

Люди начали озиаться, пытаясь понять, кто это сказал. Вниз посмотреть никто так и не догадался, ведь собаки не умеют разговаривать.

– Так уж и быть, мы готовы отказаться от честно заработанного бифштекса, – сказал Моркоу, вспрыгивая в седло.

– А я... вернее, ты не готов, – произнес тот же голос. – Договор есть договор. Кто тут рисковал жизнью, скажи на милость?

– Гаспод, за мной, – велел Моркоу. Повизгивая и недовольно ворча,

песик выбрался из толпы и затрусил вслед за лошадью.

Только когда они подъехали к границе городской площади, один из горожан воскликнул: «Вот черт, а что случилось-то?», и чары вдруг рассеялись. Но к тому времени и конь, и песик бежали очень-очень быстро.

Ваймс ненавидел и презирал привилегии высокого положения, но очевидный факт он не мог не признать: высокое положение позволяло презирать и ненавидеть их в комфорте.

Вилликинс прибывал на постоянный двор за час до кареты Ваймса и с высокомерием (которое сам Ваймс никогда и не пытался пускать в ход) занимал несколько комнат. Тем временем личный повар Ваймса захватывал местную кухню. Недовольный действиями дворецкого, Ваймс даже пожаловался Иниго.

– Понимаете, ваша светлость, – ответил тот, – сейчас вы путешествуете не как частное лицо, а как представитель Анк-Морпорка. Люди смотрят на вас, а видят целый город, мхм-мхм.

– Правда? Может, мне перестать умываться?

– Да, конечно, это забавно. Но, сэр, понимаете ли, сейчас вы и город едины. Мхм-мхм. Оскорбляя вас, тем самым оскорбляют Анк-Морпорк. Если же к вам относятся по-дружески, значит, и к Анк-Морпорку относятся по-дружески.

– Ну надо же! А ничего, что я иногда хожу в сортир?

– Это уже ваше личное дело, сэр. Город тут ни при чем. Ммхм-ммф.

«Это даже не я, а сам Анк-Морпорк срезает верхнюю часть яйца, – думал Ваймс на следующее утро за завтраком, срезая верхнюю часть яйца. – А если я сейчас вырежу из тоста солдатиков, вероятно, начнется целая война».

В комнату осторожно заглянула капрал Задранец.

– Пришел ответ на ваше сообщение, сэр, – сказала она, бодро салютуя и передавая Ваймсу клочок бумаги. – От сержанта Рукисила. Я расшифровала. Э... Украденная из музея Лепешка найдена, сэр.

– Ну вот, одной проблемой меньше, – вздохнул Ваймс. – А то я уже начал беспокоиться.

– Должна заметить, сэр, констебль Башмак в этом вас полностью поддерживал. Только он продолжает проявлять беспокойство, – ответила Шелли. – Я не совсем поняла, что он имеет в виду, но... Он считает, что кто-то сделал копию Лепешки, сэр.

– Копию копии? Но какой в этом смысл?

– Не могу знать, сэр. И ваше другое... предположение оказалось

правильным.

Ваймс бросил взгляд на клочок бумаги.

– Ха, спасибо, Шельма. Скоро выезжаем.

– Сэм, ты мурлыкаешь, – сказала через некоторое время Сибилла. – А это значит, кому-то сильно не поздоровится.

– Технологии – великая вещь, – откликнулся Ваймс, намазывая кусочек тоста маслом. – Теперь-то я понимаю, насколько полезная штука прогресс.

– А когда ты вот так ухмыляешься, это значит, что кто-то пытается блефовать, даже не догадываясь, что у тебя на руках четыре туза.

– Ума не приложу, что ты имеешь в виду, дорогая. Может, это сельский воздух так благоприятно на меня влияет?

Госпожа Сибилла поставила чашку на стол.

– Сэм?

– Да, дорогая?

– Возможно, сейчас не совсем подходящее время, но помнишь, я рассказывала тебе, что заглядывала к госпоже Контент? Так вот, она сказала...

Тут раздался стук в дверь, и госпожа Сибилла, вздохнув, прервалась.

На сей раз заглянул Иниго.

– Нам пора отправляться в путь, ваша светлость, если не возражаете. Хотелось бы еще до обеда добраться до Утолежки, чтобы миновать перевал Дичий до наступления темноты, мхм-мхм.

– Нам правда нужно так спешить? – тяжело вздохнув, спросила Сибилла.

– Перевал... слегка небезопасен, – ответил Иниго. – Там в некотором роде... не соблюдают закон. Мхм-мхм.

– В некотором роде? – уточнил Ваймс.

– Я буду чувствовать себя куда спокойнее, когда этот перевал останется позади, ваша светлость, – сказал Иниго. – Пойдем двумя каретами бок о бок, и нужно предупредить людей, чтобы были начеку.

– Что, в офисе лорда Витинари обучают тактике, а, Иниго? – усмехнулся Ваймс.

– Я просто пытаюсь проявлять благоразумие, мхм-мхм, сэр.

– А почему не подождать до завтра? Тогда и минуем перевал.

– Со всем уважением, ваша светлость, я бы не советовал. Во-первых, погода ухудшается. А во-вторых, я уверен, что за нами следят. Мы должны продемонстрировать, что на флаге Анк-Морпорка нет места желтому цвету трусости, мхм-мхм.

– Тем не менее этот цвет там есть, – возразил Ваймс. – На сове и на ошейниках гиппопотамов.

– Я имел в виду, – сказал Иниго, – что знамя Анк-Морпорка всегда гордо реет.

– И особенно хорошо оно развевается, когда бежишь со всех ног, – пробормотал Ваймс. – Ну ладно, ладно. Я тебя понял. Но своими людьми я рисковать не стану, можешь даже не возражать. Они останутся здесь, а завтра нагонят нас на почтовой карете. Почтовые кареты никто не грабит.

– Я предлагаю, сэр, чтобы госпожа Сибилла тоже осталась здесь. Мхм.

– Ни в коем случае, – возмутилась Сибилла. – И слушать не хочу! Куда Сэм, туда и я. Таков порядок.

– На твоём месте я не стал бы с ней спорить, – посоветовал Ваймс Иниго. – Правда не стал бы.

Волк был не в восторге от того, что его привязали к дереву, но, как выразился Гаспод, верить никому нельзя.

Они остановились в лесу, милях в пяти от города. Моркоу сказал, что стоянка будет короткой. Некоторые из собравшихся на площади людей выглядели так, будто на протяжении многих поколений холили и лелеяли свое отсутствие чувства юмора.

После непродолжительного периода перелаивания и перевывания Гаспод сообщил:

– Прежде всего ты должен понять: этот приятель, так скажем, волчина нон грата в местном волчьем сообществе. Поскольку предпочитает быть, хе-хе, одиночкой...

– Правда? – сказал Моркоу, доставая из сумки жареных цыплят.

Гаспод мгновенно устремил на них голодный взгляд.

– Но ночью он слышал вой.

– Стало быть, волки умеют разговаривать?

– В основном волчий вой – это то же самое, что помочиться на дерево, чтоб все знали: мол, эта береза – твоя. Но также он содержит и некоторые новости. Что-то скверное происходит в Убервальде, правда наш приятель не знает, что именно. – Гаспод понизил голос. – Строго между нами, когда раздавали мозги, этот парень где-то шастал. Говоря человеческим языком, этот волчара – наш аналог Старикашки Рона.

– А как его зовут? – спросил после некоторых раздумий Моркоу.

Гаспод удивленно посмотрел на него. Зачем кому-то знать, как зовут волка?

– У волков очень трудные имена, – наконец сообщил он. – Они скорее

описывают их натуры, въезжаешь? Никаких тебе Косматиков и Чернышей.

– Понимаю. И как *его* зовут?

– Ты точно хочешь знать, как его зовут?

– Да, Гаспод.

– То есть ты действительно хочешь знать, как зовут этого волка?

– Именно.

Гаспод неловко переступил с лапы на лапу.

– Жопа, – сказал он.

– О.

К своему немалому удивлению, Гаспод увидел, что Моркоу покраснел.

– На самом деле, это *краткий*, но достаточно точный перевод. Я не стал бы упоминать об этом, но ты *настаивал*...

Взвизгнув, Гаспод замолчал, как бы давая понять, что недостаток курятины лишил его сил и дара речи.

– Э... – в конце концов продолжил он, осознав, что намек до Моркоу не дошел. – В общем, во вчерашнем вое много говорилось об Ангве. Волки считают, что она несет беду.

– Почему? Она же передвигается в виде волчицы.

– Волки ненавидят вервольфов.

– Что? Этого просто не может быть! Когда она перекидывается, ее от волка ни в жизнь не отличишь!

– Ну и что? Когда она в человеческом обличье, ее не отличишь от человека. И какое это имеет значение? Люди недолюбливают вервольфов. Вот и волки недолюбливают вервольфов. Людям не нравятся волки, которые способны думать как люди, но также людям не нравятся люди, которые способны поступать как волки. Делаем вывод: люди везде одинаковы, – сказал Гаспод, потом оценил все сказанное и добавил: – Даже когда они волки.

– Знаешь, об этом я никогда не думал...

– И пахнет она по-другому, а волки крайне чувствительны к подобным вещам.

– Расскажи мне побольше о волчьем вое.

– О, это типа клик-башен. Новости распространяются на сотни миль.

– А в этом вое... ничего не говорилось о ее... спутнике?

– Нет, но если хочешь, я могу спросить у Жо...

– Я предпочел бы называть его как-нибудь по-другому, если не возражаешь, – перебил его Моркоу. – Такие слова не совсем приличны.

Гаспод закатил глаза.

– Для нас, четвероного-одаренных видов, ваши человеческие слова

ничего не значит, – сообщил он. – Вы, люди, судите по словам, а мы – по запахам. – Он вздохнул. – Ну хорошо, а как насчет «задницы»? Вполне пристойно и достаточно презрительно, учитывая то, что в основном он промышляет всякими подлостями типа куроцапства?

Повернувшись к волку, Гаспод перешел на собачий:

– Ну что я могу сказать тебе, Задница? Этот человек – полный псих, уж можешь мне поверить, я в этом спец. Сейчас у него пены полон рот. Попробуешь соврать нам, этот чокнутый мигом сдерет с тебя шкуру и приколотит ее к дереву. Даже я его не остановлю.

– Что ты ему сказал? – поинтересовался Моркоу.

– Просто объяснил, что мы – его друзья. – Гаспод повернулся к съезжившемуся от страха волку. – О'кей. Скорее всего, он в любом случае так и поступит, но я могу попробовать с ним поговорить. У тебя есть только один шанс – выложить нам все начистоту...

– Но я ничего не знаю! – взвыл волк. – Она была с огромным волчиной из Убервальда! Из Клана, Который Пахнет Вот Так!

– Далековато от дома он забрался, – приняхавшись, подытожил Гаспод.

– Волк, несущий беду!

– Скажи, мы дадим ему жареного цыпленка за беспокойство, – встрял Моркоу.

Гаспод вздохнул. Тяжело быть переводчиком.

– Ну хорошо, – прорычал он. – Я уговорю его отвязать тебя. Поверь, это будет совсем не просто. Но если он предложит тебе цыпленка, не вздумай брать – цыпленок отравлен. Люди... Что с них возьмешь?

Моркоу проводил взглядом улепетывающего со всех ног волка.

– Странно, – пожал плечами он. – Он ведь не ел по меньшей мере пару дней.

Гаспод поднял морду от жареного цыпленка.

– Волки... Что с них возьмешь?

Той ночью в далеких горах снова выли волки. И лишь чуткие уши Гаспода различили в общем хоре одинокий вой, исходивший из оставшегося позади леса.

Клик-башни сопровождали их до самых гор, хотя конструкция семафоров, как заметил Ваймс, несколько изменилась. Внизу, на равнине, клик-башни представляли собой высокие деревянные мачты с небольшим сарайчиком у основания, а здесь, хотя общий принцип оставался прежним, башни были явно временными сооружениями. Зато основание башни

выкладывалось из камня – в оборонительных целях, как догадался Ваймс. Что означало одно: в этих местах не было места закону. Разумеется, с технической точки зрения его, Ваймса, закон перестал действовать, как только карета выехала из Анк-Морпорка, но закон – штука такая, он действует везде, где ты можешь его применить, и на равнинах к значку Городской Стражи по крайней мере относились с уважением. Здесь же бляха стражника могла сойти лишь за какую-нибудь уродливую брошку, и не более того.

Утолежка состояла в основном из постоянного двора, окруженного высокой каменной стеной. Окна были забраны очень толстыми и прочными ставнями. Также Ваймс заметил странного вида железное сито и только потом осознал, что это своего рода опускаемая решетка, которая закрывает дымовую трубу. Постоялый двор мог выдержать кратковременную осаду, причем со стороны врага, который умеет летать.

Выйдя спустя час с постоянного двора, они обнаружили, что на улице идет дождь со снегом.

– Приближается буря, – сказал Иниго. – Ммф-ммхм. Нужно торопиться.

– Почему? – спросила Сибилла.

– Еще немного – и через перевал будет не проехать, ваша светлость. А если мы застрянем здесь, то, скорее всего, пропустим коронацию. Кроме того, возможна некоторая активизация бандформирований.

– *Некоторая* активизация? – уточнил Ваймс.

– Да, сэр.

– И что это означает? Они типа просыпаются, переворачиваются на другой бок и снова засыпают? Или отбирают у путешественников лишь столько денег, чтобы хватило расплатиться за чашечку кофе?

– Очень смешно, сэр. Разбойники, как правило, берут людей в заложники и...

– Я не боюсь разбойников, – сказала Сибилла.

– С вашего позволения, госпожа...

– Господин Сепаратор, – перебила его госпожа Сибилла, выпрямляясь во всю свою ширину, – по-моему, я весьма ясно обрисовала план наших дальнейших действий. Примите соответствующие меры. В противном случае... Насколько мне известно, в консульстве есть слуги?

– Да, один, как мне кажется...

– Вот видите, мы вполне можем подыскать вам замену. Верно, Сэм?

– Определенно, дорогая.

К тому времени, когда они отправились в путь, дождь перешел в

сильный снег. Огромные пушистые снежинки тяжело падали на землю, издавая унылое шипение. Ваймс ни за что не догадался бы, что они уже достигли перевала, если бы кареты не остановились.

– Карета с вашими... людьми поедет первой, – сказал Иниго, когда они с Ваймсом, прикрываясь от падающего снега, приблизились к взмыленным лошадям. – Мы следом. На всякий случай я займу место рядом с кучером.

– Чтобы, если на нас будет совершено нападение, кратко изложить разбойникам политическую ситуацию в стране? – спросил Ваймс. – Нет, ты поедешь в карете с госпожой Сибиллой, а я займу место на крыше. Долг стражника – защищать гражданское население, не так ли?

– Ваша светлость, я...

– Но спасибо за предложение, – перебил его Ваймс. – Забирайся в карету, господин Сепаратор.

Тот снова открыл рот. Ваймс приподнял бровь.

– Ну хорошо, ваша светлость, но это крайне...

– Вот и молодчина.

– Я лишь достану кое-что из своего чемоданчика.

– Конечно. Почитай что-нибудь, это тебя отвлечет.

Подойдя ко второй карете, Ваймс сунул голову в окно и сказал:

– Ребята, похоже, впереди нас ждет засада.

– Енто интересно, – отозвался Детрит и, крикнув, принялся крутить лебедку своего арбалета.

– О, – сказала Шелли.

– *Вряд ли* нас будут пытаться убить, – продолжил Ваймс.

– Значится, и нам не стоит их убивать? – спросил Детрит.

– Судите по обстановке.

Детрит вставил в арбалет толстую связку стрел. Это была целиком и полностью его идея. Поскольку одна стрела, выпущенная из этого гигантского арбалета, легко пробивала ворота осаждаемого города, Детрит решил, что использовать столь мощное оружие против одного-единственного человека все равно что палить из пушки по воробьям, поэтому внес в конструкцию изменения, позволяющие выпускать несколько дюжин стрел одновременно. Стрелы с огромным ускорением вылетали из арбалета, и связывающая их бечева лопалась. Впрочем, не все стрелы достигали цели – некоторые разлетались в щепки прямо в воздухе, не выдержав чудовищной нагрузки.

Детрит назвал свой арбалет Шматотворцем. Испытал он оружие лишь однажды, на стрельбище. Ваймс сам видел, как исчезла мишень. Кроме того, исчезли мишени по обе стороны от нее, земляной вал позади, зато

появилось огромное облако падавших на землю перьев – все, что осталось от пары чаек, которые оказались не в том месте и не в то время. Следует также отметить, что «не то место» находилось непосредственно над Детритом.

С той поры все стражники, которым не повезло попасть в патруль с Детритом, старались держаться по меньшей мере в сотне ярдов за его спиной. Однако испытания Шматотворца возымели и положительный эффект. Знающие все и вся люди быстро разнесли по Анк-Морпорку новость о бесследно исчезнувших мишенях, и сейчас одна весть о том, что Детрит вышел в патруль, очищала улицы от смутьянов гораздо эффективнее любого оружия.

– Енто типа я сам себе суд? – уточнил Детрит.

– Поосторожнее с этой штуковиной, – посоветовал Ваймс. – Так и поранить кого недолго.

Несмотря на усилившийся снегопад, они продолжили путь. Ваймс удобно устроился на сундуках и закурил сигару, а когда грохот колес убедил его в том, что никто ничего не услышит, извлек из-под брезента потертый дешевый кожаный чемоданчик Иниго.

Из своего кармана Ваймс достал небольшой сверток из черной ткани и развернул его на коленях. Замысловатые отмычки сверкнули в тусклом свете каретных ламп.

Хороший стражник должен уметь думать как преступник, а Ваймс был очень хорошим стражником.

Кроме того, он был *живым* стражником и намеревался оставаться таковым и впредь. Именно поэтому, услышав щелчок замка, он положил чемоданчик на раскачивающуюся крышу кареты так, чтобы тот открывался в противоположную сторону, и осторожно откинул его крышку ногой.

Подобно жалу, выскочило длинное лезвие, способное навсегда расстроить пищеварение любого неосторожного воришки. Кое-кто не больно-то доверял службе безопасности гостиниц, в которых ему предстояло останавливаться.

Преодолевая сопротивление тугой пружины, Ваймс задвинул клинок обратно в потайные ножны, внимательно изучил содержимое чемоданчика, улыбнулся совсем не радостной улыбкой и осторожно достал на свет каретных ламп некий предмет. Это было зло, зло работы настоящего мастера – смертоносное, превосходно исполненное и очень компактное.

«А как приятно было бы хотя бы иногда ошибаться в людях...» – подумал Ваймс.

Насколько мог судить Гаспод, они сейчас приближались к подножию гор. Почти все места, в которых можно было бы купить еду, остались далеко позади. Как бы вежливо ни стучал Моркоу в двери встречавшихся все реже ферм, всякий раз ему приходилось разговаривать со спрятавшимися под кроватями людьми. Местные жители явно не привыкли к визитам вооруженных мечами мускулистых молодых людей, которые изъявляли желание *купить* еду.

В конце концов Моркоу стал действовать проще. Он входил в дом, шарил в кладовой и оставлял деньги на столе, где их потом могли найти спрятавшиеся в чулане хозяева.

Но последняя ферма, попавшаяся им на пути два дня назад, была настолько бедной, что Моркоу, к вящему неудовольствию Гаспода, просто оставил хозяевам немножко денег и ушел, так ничего и не взяв.

Лес становился все гуще. Ольху сменили сосны. Каждую ночь шел сильный снег. Звезды превратились в крошечные морозные точки. С каждым закатом волчий вой звучал все громче.

Он обступал со всех сторон – заунывные завывания, насквозь пронзающие скованные стужей леса.

– Они так близко, что я чувю их запахи, – сообщил Гаспод. – Они уже несколько дней неотступно следуют за нами.

– На данный момент официально не зарегистрировано ни единого случая неспровоцированного нападения волка на взрослого человека, – сказал Моркоу.

Они сидели под его плащом, прижавшись друг к другу.

– Вот это клево, – спустя некоторое время восхитился Гаспод.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну-у-у, у нас, собак, мозгов, конечно, не ахти как много, но мне показалось, что произнесенная тобой фраза имеет второй смысл: ни один взрослый человек еще не вернулся из леса, чтобы пожаловаться на такое «неспровоцированное» нападение. То есть этим твоим волкам нужно лишь выбрать для своих убийств места, где их никто не застукает. Согласен?

Плащ постепенно заваливало снегом. Плащ был большим, тяжелым – своего рода напоминание о долгих дождливых анк-морпоркских ночах. Пламя костра плясало и шипело, поглощая снежинки.

– Знаешь, Гаспод, лучше бы ты этого не говорил.

Снежинки были крупными – даже не снежинки, а скорее небольшие комочки снега. С гор быстро спускалась зима.

– По-твоему, это бы что-то изменило?

– Нет, но... Впрочем, думаю, нам нечего бояться.

Плащ уже напоминал сугроб.

– Зря ты обменял коня на снегоступы на последней ферме, – сказал Гаспод.

– Бедный коняга был совсем изможден. Кроме того, это был не совсем обмен. Хозяева так и не вылезли из дымовой трубы. Сказали лишь, что мы можем брать что захотим.

– Они умоляли нас брать все, что захотим. Только бы мы оставили их в живых.

– Да. Не понимаю почему. Я ведь им улыбался.

Гаспод лишь вздохнул.

– Ладно, не важно... – буркнул он. – Но понимаешь, вся беда в том, что на лошади я мог ехать, а в таком глубоком снегу я всего лишь маленький песик. Мои проблемы расположены ближе к земле. Надеюсь, больше ничего объяснять не надо?

– У меня есть запасная одежда в рюкзаке. Возможно, я смогу сшить тебе... пальто.

– Пальто тут не поможет.

Снова раздался вой, уже совсем рядом.

Снег еще усилился. Костер вдруг издал особо яростный шип, после чего погас.

Гаспод не любил снег. В обычной жизни ему не приходилось сталкиваться с подобными затруднениями. В городе всегда найдется теплое местечко, главное – знать, где искать. Кроме того, городской снег оставался снегом не больше чем на час или два, а потом превращался в коричневатую слякоть и утрамбовывался людскими ногами в привычную уличную корку.

Улицы Анк-Морпорка... Гаспод уже тосковал по ним. На улицах он все понимал. А здесь чувствовал себя полным тупицей.

– Костер погас, – заметил он. Ответа от Моркоу не последовало.

– Я сказал, что *костер погас*...

На сей раз он услышал в ответ храп.

– Эй, нам нельзя спать! – стонуце взлаял Гаспод. – Сейчас не время! Мы ведь замерзнем!

Следующий вой, как ему показалось, донесся буквально из-за соседнего дерева. А еще ему показалось, что в снежной пелене проступили темные силуэты.

– ...И это в лучшем случае, – пробормотал он.

Гаспод лизнул Моркоу в лицо. Как правило, после такого человек, схватив в руки какую-нибудь дубину, долго гнался за Гасподом по улице. Но на этот раз ответом ему был лишь храп.

Теперь уже Гаспод встревожился не на шутку.

Конечно, он был собакой, а собаки и волки... они ведь почти ничем друг от друга не отличаются, верно? Известный факт. «Ну что-о-о ж, – произнес предательский внутренний голос, – быть может, в беду попали вовсе не Гаспод и Моркоу, а только Моркоу?» – «Да, братья, вперед! Давайте вместе носиться под луной! Но сначала сожрем эту обезьяну!»

А с другой стороны...

Он, Гаспод, был счастливым обладателем мозолей на лапах, не раз опаленной шкуры, блох и чесотки – и еще чего-то странного на загривке, докуда он никак не мог дотянуться. «Мужики, это ж наш чувак!» – скажут волки. Ну да, конечно.

Кроме того, в его жизни бывало всякое: он попрошайничал, дрался, обманывал и воровал. Но Плохим Псом его нельзя было назвать.

Чтобы доказать последнее, потребовался бы большой опыт в теологических дискуссиях, особенно учитывая огромное количество сосисок и кусков вырезки, исчезнувших с прилавков мясников, после того как мимо пронеслось, оставляя за собой запах туалетного коврика, нечто серое, но тем не менее сам Гаспод считал себя не более чем Простым Озорником. Он никогда не кусал длань, кормившую его^[13]. Никогда не делал Этого на ковер. Никогда не увиливал от исполнения Долга.

Положение было дерьмовым, но выходить из него следовало, как подобает настоящему псу.

Гаспод громко взвыл, оглядывая смыкающееся кольцо темных силуэтов.

В ответ из тьмы блеснуло множество глаз.

Он снова взвыл, потом зарычал, встречая невидимую зубастую погибель, что приближалась к нему.

Погибель ничуть не впечатлилась. Впрочем, как и сам Гаспод.

Тогда Гаспод избрал другую тактику и нервно завилял хвостом.

– Мы простые путники! – объявил он сдавленно-жизнерадостным голосом. – Пройдем мимо, вы нас даже не заметите!

У него возникло стойкое ощущение, что силуэтов, полускрытых снежной пеленой, резко прибавилось.

– Как вы тут поживаете? Как жены? Как детишки? – пропищал он.

Эта реплика тоже не нашла должного отклика.

Что ж, оставалось одно. Последняя Схватка, Финальное Противостояние. Отважный Пес Защищает Своего Хозяина. Какой Хороший Песик... Жаль, некому будет рассказать о его гибели...

– Он мой! Мой! – пролаял Гаспод, прыгая на ближайший силуэт.

Огромная лапа поймала его в воздухе и прижала, распластав, к покрытой снегом земле.

Он оглядел оскаленные белые клыки и длинную морду. Глаза были странно знакомыми...

– *Нет, мой!* – прорычала волчица. Это была Ангва.

Дорога стала ухабистой, и лошади сбавили ход. Припорошенные снегом глубокие колеи были коварными ловушками, способными переломать все колеса.

Кареты уже углубились в ущелье на несколько миль. Увидев по обе стороны дороги мерцающие огоньки, Ваймс задумчиво кивнул. По бокам тянулись поросшие лесом и покрытые щебнем крутые склоны.

Бесшумно спрыгнув с крыши, он исчез в темноте.

Первая карета остановилась у перегородившего дорогу бревна. Потом последовала какая-то возня, после чего кучер спрыгнул в грязь и со всех ног помчался назад по ущелью.

Из-за деревьев выступили фигуры. Одна из них остановилась у первой кареты и принялась дергать ручку дверцы.

На мгновение мир затаил дыхание. Нападавшие, вероятно, почувствовали это, потому что человек успел отскочить в сторону, когда раздался громкий щелчок и вся дверь вместе с рамой разлетелась тучей щепок.

Как однажды заметил Ваймс, только идиот способен попытаться остановить тролля с двухтысячефунтовым арбалетом. Ад не разверзся. Просто появился Детрит. Хотя с расстояния нескольких футов трудно было заметить разницу.

Еще одна фигура потянулась к ручке двери второй кареты – буквально за мгновение до того, как Ваймс выстрелил. Стрела вонзилась в плечо разбойника с тошнотворным звуком. Потом из окна выпрыгнул Иниго, упал на землю, перекатился с немыслимой для простого чиновника ловкостью, вскочил на ноги перед одним из разбойников и нанес тому стремительный удар ребром ладони по шее.

Ваймсу уже приходилось видеть этот трюк. Как правило, это лишь злило людей и только иногда лишало противника чувств.

Но чтобы ударом ладони снести с плеч голову?

– Всем стоять!

Сибиллу выволокли из кареты. За ее спиной из темноты появился какой-то человек с арбалетом в руках.

– Ваша светлость Ваймс! – крикнул он, и его голос эхом отразился от

почти отвесных стен ущелья. – Я знаю, что ты здесь, ваша светлость Ваймс! У меня твоя жена! Нас много! Соппротивление бесполезно, ваша светлость Ваймс!

Снежинки с шипением испарялись, падая на пламя факелов.

Что-то просвистело в воздухе, затем послышался звук вонзающейся в тело стали. Одна из фигур в капюшонах, схватившись за ногу, упала в грязь.

Иниго медленно поднялся на ноги. Человек с арбалетом, казалось, не замечал его.

– Это как игра в шахматы, ваша светлость Ваймс! Тролля и гнома мы разоружили! А ферзь захвачен мной! Ты можешь попытаться убить меня, но ты точно уверен, что я не успею выстрелить?

Факелы озаряли багровым светом искривленные ветви деревьев по обе стороны дороги.

Прошло несколько секунд.

Потом раздался очень громкий стук арбалета, брошенного в освещенный круг.

– Ты поступил правильно, ваша светлость! А будь так любезен, появись сам!

Иниго разглядел возникшую на границе освещенного пятна тень с поднятыми руками.

– Сибилла, ты в порядке? – спросил Ваймс.

– Немного замерзла, Сэм.

– Ты не ранена?

– Нет, Сэм.

– Держи руки так, чтобы я мог их видеть, ваша светлость Ваймс!

– А ты обещаешь отпустить ее? – прорычал Ваймс.

Рядом с лицом Ваймса ярким пятном вспыхнул огонь – это Сэм раскуривал сигару.

– Да ну, ваша светлость Ваймс, и с чего бы я стал ее отпускать? Анк-Морпорк отвалит за вас двоих кучу денег!

– А. Я так и думал, – сказал Ваймс.

Он потрянул рукой, чтобы погасить спичку, и теперь только тлеющий конец сигары тускло освещал его лицо.

– Сибилла?

– Да, Сэм?

– Пригнись.

Времени хватило ровно на то, чтобы сделать вдох. Резко пригнувшись, госпожа Сибилла бросилась по направлению к Ваймсу, и в

тот же момент рука командора появилась из-за спины, описала широкую дугу, послышался мягкий шелест, и голова разбойника резко откинулась назад.

Прыгнув, Иниго поймал выпавший из руки разбойника арбалет, мягко перекатился, вскочил на ноги и выстрелил. Еще одна фигура зашаталась и упала.

Не обращая внимания на начавшуюся суматоху, Ваймс схватил Сибиллу за руку и помог ей забраться в карету. Иниго куда-то исчез, но очень скоро из темноты донесся вопль. Голоса кричавшего Ваймс не узнал.

И вдруг... воцарилась тишина, нарушаемая только шипением валяющихся в снегу факелов.

– Мне... кажется, они сбежали, – раздался голос Шелли.

– Далеко не убегут. Детрит?

– Сэр?

– Ты в порядке?

– Я мобилен и мобилизован, сэр.

– Вы двое займитесь этой каретой. Я возьму вторую, и давайте поскорее убираться отсюда, понятно?

– А где господин Сепаратор? – спросила Сибилла.

Из леса снова донесся крик.

– Забудь о нем!

– Но он...

– Я сказал, забудь!

На гребне перевала снег усилился. Колеса карет вязли в глубоком снегу, и Ваймс мог разглядеть лишь темные силуэты лошадей на фоне белого снега. Затем облака расступились на мгновение, но он сразу пожалел об этом, поскольку увидел, что темнота слева от него превратилась из сплошной черной стены в бездонное ущелье.

Впереди замерцали огоньки постоянного двора, стоявшего на самой вершине перевала. Ваймс направил лошадей прямо в приоткрытые ворота.

– Детрит?

– Сэр?

– Я прикрою. Убедись, что нас не ждет здесь засада.

– Есть, сэр.

Троль спрыгнул на землю и вложил в арбалет новую связку стрел. Ваймс в последний момент догадался о его намерениях.

– Просто постучи, сержант.

– Так точно, сэр.

Троль постучал и вошел в здание. Доносившийся оттуда шум

мгновенно стих. «Герцог Анк-Морпоркский прибыл, – донесся из-за двери приглушенный голос Детрита. – Возражения есть? Поднимите руку». Ответом было дружное молчание. В абсолютной тишине слышалось лишь тихое гудение натянутой до предела тетивы Шматотворца.

Ваймс помог Сибилле выйти из кареты.

– Как ты себя чувствуешь?

Она едва заметно улыбнулась.

– Думаю, платью придется отправить на тряпки, – сказала она и, увидев выражение его лица, улыбнулась чуть шире. – Сэм, я знала, что ты обязательно что-нибудь придумаешь. У тебя было такое холодное, неподвижное лицо, что я поняла: с этим человеком вот-вот случится что-то очень плохое. Я совсем не боялась.

– Правда? Зато я испугался до усра... очень сильно, – откликнулся Ваймс.

– А что случилось с господином Сепаратором? Помню только, когда все началось, он что-то вытащил из-за пазухи, выругался и прыгнул в окно...

– Подозреваю, Иниго Сепаратор жив и здоров, – мрачно заметил Ваймс. – Чего не скажешь о тех, кто имел неосторожность попасться ему под руку.

В главной комнате постоялого двора было совершенно тихо. Мужчина и женщина, предположительно хозяин и его жена, тщетно пытались слиться с трактирной стойкой. Около дюжины постояльцев жались по стенам. Из пары перевернутых кружек лилось на пол пиво.

– Все тихо-спокойно, – повернувшись лицом к Ваймсу, информировал Детрит.

Ваймс вдруг понял, что все смотрят на него, и опустил взгляд. Рваная рубашка. Заляпанная грязью и кровью одежда. Снег таял, и под ногами уже образовалась лужа. В правой руке он все еще сжимал арбалет.

– Небольшие неприятности на дороге, – объяснил он. – Ну, вы понимаете, путь долгий, всякое случается...

Никто не пошевелился.

– О боги... Детрит, прошу тебя, опусти эту штуковину!

Троль послушно опустил арбалет.

Все люди – общим числом дюжины две – снова начали дышать.

Потом из-за стойки вышла тощая женщина, кивнула Ваймсу, осторожно взяла госпожу Сибиллу за руку и повела к широкой деревянной лестнице. Ее злобный взгляд несколько озадачил Ваймса.

И только через мгновение он понял, что госпожа Сибилла дрожит. По

ее щекам текли слезы.

– Э... Моя жена немного взволнована, – едва слышно произнес он и тут же заорал, чтобы скрыть свое смущение: – Капрал Задренец!

В зал вошла Шелли.

– Ступай с госпожой Си...

Поднявшийся гул заставил его замолчать. Кто-то засмеялся. Шелли остановилась и опустила взгляд.

– В чем дело? – прошипел Ваймс.

– Во мне, сэр. Анк-морпоркская мода досюда еще не добралась, сэр, – сказала Шелли.

– Юбка? – спросил Ваймс.

– Да, сэр.

Ваймс оглядел лица посетителей. Они скорее были шокированными, чем сердитыми, хотя в углу он заметил пару явно недовольных гномов.

– Ступай с госпожой Сибиллой, – повторил он.

– Сэр, мне кажется, это не совсем удачная мы... – начала было Шелли.

– Да будь оно все проклято! – не выдержал Ваймс.

Все мгновенно замолчали. Оборванный, залитый кровью сумасшедший с арбалетом наперевес, как правило, умеет завладеть вниманием аудитории. И вдруг Ваймс задрожал. Больше всего ему хотелось сейчас лечь в постель, но прежде чем лечь и заснуть, ему хотелось – больше всего на свете! – выпить. Но он не мог себе этого позволить. Всего один глоток... но это будет ровно на глоток больше, чем нужно.

– Хорошо, говори.

– Все гномы – мужчины, сэр, – сказала Шелли. – Я имею в виду... традиционно. Здесь все так думают.

– Значит, постой за дверью или... закрой глаза. Или еще что-нибудь придумай. Понятно?

Ваймс ласково взял госпожу Сибиллу за подбородок и заглянул ей в глаза.

– Ты в порядке, дорогая?

– Прости, что подвела тебя, Сэм, – прошептала она. – Все было так ужасно.

Ваймс относился к тому типу мужчин, которые органически не могут целовать собственных жен на людях. Поэтому он похлопал ее по плечу. И это она считает, что подвела его... Просто невыносимо.

– Ты просто... Ну, то есть... Шельма... А я... разберусь здесь и сразу приду. Думаю, нам дадут лучшую спальню.

Она кивнула, не поднимая глаз.

– Чуток... подышу свежим воздухом.

Ваймс вышел на улицу. Снегопад прекратился – по крайней мере на время. Луна была наполовину закрыта облаками, и в воздухе пахло морозом.

Человек, спрыгнувший с карниза, даже глазом не успел моргнуть, как Ваймс крутнулся волчком на месте и прижал его к стене.

Сквозь красную пелену ярости Ваймс рассмотрел озаренное лунным светом лицо Иниго Сепаратора.

– С каким же удовольствием я...

– Ваша светлость, взгляните-ка вниз, – посоветовал Сепаратор. – Мхм-мхм.

Ваймс вдруг почувствовал, что в живот ему упирается очень острый клинок.

– А ты посмотри еще ниже, – ответил он.

Иниго последовал совету и судорожно сглотнул. У Ваймса тоже был нож.

– А как же честь? Благородство в крови? – спросил Иниго.

– Одно резкое движение – и ты не только потеряешь свою кровь вместе с благородством, но и мужское достоинство, – пообещал Ваймс. – По-моему, мы сейчас в ситуации, которую сержант Колон называет «поповой».

– Уверяю, я не стану убивать вас, – сказал Иниго.

– Сейчас нет, – кивнул Ваймс. – А как насчет потом?

– И потом не стану. Я здесь, чтобы вас защищать, мхм-мхм.

– Тебя ведь Витинари послал?

– Вы знаете, мы никогда не разглашаем имена своих...

– Верно. Вы всегда ведете себя крайне *благородно*, – последнее слово Ваймс буквально выплюнул. – Но только в этом смысле.

Они немного расслабили мускулы.

– Вы оставили меня одного в окружении врагов, – сказал Иниго, но в его голосе не чувствовалось обвинения.

– А какое мне дело до шайки разбойников? – пожал плечами Ваймс. – Ты ведь наемный убийца.

– Но как вы об этом узнали? Ммф?

– Стражник всегда смотрит на то, как люди ходят. Как говорят клатчцы, ноги – второе лицо человека. Слышал такую поговорку? А эта твоя конторская, словно вопящая о полной безобидности походочка была слишком неестественной.

– Вы хотите сказать, что только по моей походке...

– Не только. Ты не поймал апельсин, – сказал Ваймс.

– И что с того?

– Пойми, человек либо ловит апельсин, либо уклоняется от него. А ты *увидел*, что никакой опасности нет. И когда я взял тебя за руку, то почувствовал под твоей одеждой металл. Ну а потом я просто послал по семафору клик с твоим описанием.

Он отпустил Иниго и подошел к карете, словно бы нарочито демонстрируя наемному убийце незащищенную спину. Достав что-то из коробки, Ваймс вернулся к Иниго и предъявил ему предмет.

– Я знаю, это принадлежит тебе, – продолжал он. – Нашел в твоём чемоданчике. Поймай я кого-нибудь с такой штуковиной в Анк-Морпорке, бедняге сильно не поздоровилось бы. Уж я бы сумел испортить ему жизнь, недаром я стражник. Я доходчиво выражаюсь?

– Честно говоря, ваша светлость, поймай вы кого-нибудь с такой штуковиной в Анк-Морпорке, мхм, этот человек мог бы считать себя невероятным счастливым человеком. Ведь мы, Гильдия Наемных Убийц, не поймали его первыми, ммф. *Это* находится под запретом даже среди нас. Но сейчас мы далеко от Анк-Морпорка. Ммф-ммф.

Ваймс покрутил предмет в руках. Он немного напоминал молоток с длинной рукояткой или телескоп несколько странной конструкции. Состоял он в основном из пружины. Как и любой другой арбалет.

– Очень трудно взводить, – сказал он. – Я чуть руку не вывихнул, когда взводил пружину. И всего один выстрел.

– Но выстрел, которого никто не ожидает, мхм-мхм.

Ваймс кивнул. Таковую штуку можно спрятать даже в штанах, хотя для этого стальными должны быть не только нервы, но и некоторые другие части тела, которым придется находиться рядом с этой скрученной в спираль немислимой силой.

– Это не оружие, – сказал он. – Оно предназначено для убийства людей.

– Как, впрочем, и все остальное оружие, – возразил Иниго.

– Нет. Оружие предназначено для того, чтобы тебе не пришлось убивать людей. Оружие нужно для того, чтобы ты... *имел* его. Чтобы его было *видно*. Для *предупреждения*. А эта штука к оружию не относится. Ты ее прячешь и выжидаешь удобного момента, а потом достаешь ее и убиваешь. Из-за угла, в темноте... Кстати, а где вторая похожая штуковина?

– Ваша светлость?

– Потайной кинжал. И не делай такие удивленные глаза.

Иниго пожал плечами, и что-то серебристое выскочило у него из

рукава – тщательно подогнанное по форме ладони лезвие с мягкой подушечкой вдоль одной кромки. Из внутренностей одежды Иниго донесся едва слышный щелчок.

– О боги, – едва слышно произнес Ваймс. – Ты знаешь, сколько раз меня пытались убить?

– Знаю, ваша светлость. Девять. Гильдия установила вознаграждение за вашу голову в размере шестисот тысяч долларов. На последнее предложение никто из членов Гильдии не откликнулся. Мхм-мхм.

– Ха!

– Между прочим, не для протокола... Мы бы все-таки хотели знать, где находится тело почтенного Юстаса Бассингли-Кровва, мхм-мхм.

Ваймс задумчиво почесал нос.

– Это тот, кто пытался отравить мой крем для бритья?

– Он самый, ваша светлость.

– Ну, если его тело не является исключительно сильным пловцом, оно все еще пребывает на борту судна, направляющегося в Гат через мыс Ужаса, – ответил Ваймс. – Я заплатил капитану тысячу долларов, чтобы он не снимал цепи аж до Замбинго. Твоего коллегу ждет приятная и продолжительная прогулка домой через джунгли Клатча. Кстати, познания в области экзотических ядов весьма ему пригодятся, хотя, наверное, куда более полезным был бы опыт в противоядиях.

– Тысячу долларов?!

– Ну, тысячу двести долларов я нашел, так сказать, на его теле. Двести пожертвовал Санаторию Для Тяжело Больных Драконов. Кстати, у меня даже есть квитанция. Насколько я знаю, вы большое значение придаете всяким там распискам.

– Вы украли его деньги? Мхм-мхм.

Ваймс сделал глубокий вдох. Когда он заговорил, голос его был абсолютно спокойным и ровным.

– А по-твоему, я должен был тратить свои собственные средства? Он пытался меня убить. Считай это инвестицией на благо его здоровья. Конечно, если он осмелится еще раз навестить меня, то сполна получит все, что недополучил.

– Я просто... поражен, ваша светлость. Мхм-мхм. Бассингли-Кровв слыл исключительно искусным фехтовальщиком.

– Правда? Обычно я стараюсь не дожидаться, когда мой противник начнет демонстрацию своих умений.

Иниго растянул тонкие губы в улыбке.

– А два месяца назад сэр Ричард Крышклея был найден привязанным

к фонтану на Саторской площади. Его тело было выкрашено розовой краской, а флаг воткнут в...

– Это был порыв великодушия с моей стороны, – ухмыльнулся Ваймс–
Извини, но в ваши игры я не играю.

– Заказное убийство – не игра, ваша светлость.

– Это *ваши* правила игры.

– Да. Должны соблюдаться определенные правила, в противном случае наступит анархия. Мхм-мхм. У вас – свои принципы, у нас – свои.

– И тебя послали, чтобы защищать меня?

– У меня есть и другие таланты, но... Да.

– И почему вы решили, что я нуждаюсь в ваших услугах?

– Понимаете ли, ваша светлость, здесь играют *без правил*. Мхм-мхм.

– Я большую часть жизни имел дело с людьми, которые играют без правил!

– Да, разумеется. Но мертвый противник уже никогда больше не поднимется.

– Я никогда никого не убивал! – воскликнул Ваймс.

– Вы прострелили разбойнику горло.

– Я целился в плечо.

– Да, эту штуку немного уводит влево, – согласился Иниго. – Вы хотели сказать, что никогда *не пытались* кого-либо убить. Я, с другой стороны, это делал, и не раз. Сомнения в нашем ремесле только мешают. Ммф.

– Сомнения? По-моему, я ни секунды не колебался!

Иниго вздохнул.

– Не говоря уже о том, что нашей Гильдии... абсолютно чужда показушность.

– Показушность?!

– Этот ваш трюк с сигарой...

– Ты имеешь в виду, когда я закрыл глаза, а они были вынуждены смотреть на горящее в темноте пламя?

– А... – Иниго замялся. – Но вас могли застрелить на месте.

– Ерунда. Я не представлял никакой угрозы. И ты слышал его голос. Мне частенько доводилось слышать такие голоса. Он не собирался стрелять слишком рано, не хотел портить себе веселье. Насколько я понял, у тебя нет на меня контракта?

– Именно.

– И ты можешь в этом поклясться?

– Клянусь честью наемного убийцы.

– Вот, – кивнул Ваймс– Именно это мне и непонятно. Не знаю, как правильнее выразиться, Иниго, но ты ведешь себя совсем не как типичный наемный убийца. Ваша светлость то, сэр это... Кстати о Гильдии, туда ведь набирают только лиц благородного происхождения, но ты... И боги тому свидетели, я не хочу тебя оскорбить... В общем, ты не похож...

Иниго коснулся пальцами пряди волос на лбу.

– Я – стипендиат, ваша светлость.

«О боги, ну конечно, – подумал Ваймс– Обычного убийцу-любителя можно на каждой улице найти. Сюда относятся всякие безумцы, пьяницы или даже какая-нибудь бедная женщина, на которую после тяжелого дня не вовремя поднял руку муж и которая наконец, после двадцати лет унижений, дала волю чувствам. Но способность убить абсолютно незнакомого человека – без всякого злого умысла и удовлетворения, разве что с гордостью мастера за хорошо выполненную работу... Такая способность – очень редкий талант. Армия, к примеру, тратит много месяцев на то, чтобы привить его молодым солдатам. Тогда как обычный человек просто неспособен убить такого же, как он, обычного человека, если они прежде не были представлены друг другу.

В Гильдии непременно должны быть люди, подобные Иниго. Как очень точно выразился один гад-философ, правительство нуждается не только в пастухах, но и в мясниках».

Ваймс протянул Иниго маленький арбалет.

– Забирай. Но передай всем: если я хоть у кого-нибудь в нашем городе увижу эту штуковину... В общем, ее владельца ждет большой сюрприз. Она у него мигом очутится там, где солнце никогда не светит.

– А, – сказал Иниго, – это такое местечко в Ланкре? С замысловатым названием? Всего в пятидесяти милях отсюда, насколько я знаю. Мхм-мхм.

– Уж поверь мне, я найду намного более короткую дорогу.

Гаспод попытался еще раз подуть Моркоу в ухо.

– Пора вставать, – прорычал он.

Моркоу открыл глаза, часто заморгал, стряхивая с ресниц снег, и попытался пошевелиться.

– Просто лежи спокойно, хорошо? – попросил Гаспод. – Если поможет, думай о них как об очень большом и тяжелом стеганом одеяле.

Моркоу попытался освободиться. Лежавшие на нем волки зашевелились.

– Решили тебя согреть, – сказал Гаспод, нервно улыбаясь. – Волчье одеяло... Конечно, некоторое время будешь вонять, но лучше заработать

чесотку, чем отправиться на тот свет, правда? – Он старательно почесал за ухом задней лапой. Один из волков недовольно зарычал. – Извини. Жратва скоро будет готова.

– *Еда?* – изумился Моркоу.

В поле зрения Моркоу появилась одетая в кожаную рубаху и штаны Ангва. Положив руки на пояс, она долго смотрела на него сверху вниз. К немалому удивлению Гаспода, Моркоу все же удалось сбросить с себя нескольких волков и приподняться на локтях.

– Ты следила за нами? – спросил он.

– Нет, следили они, – ответила Ангва. – И считали тебя полным придурком. Я слышала это в их вое. И ведь они правы! Ты три дня ничего не ел! В здешних местах зима наступает сразу, а не сообщает о своем приходе аж за целый месяц. О нет, она приходит всего за одну ночь! Что за глупости ты творил?!

Гаспод окинул взглядом поляну, на которой Ангва успела развести большой костер. Гаспод ни за что не поверил бы происходящему, если бы собственными глазами не видел, как самые настоящие волки таскают для нее валежник. А потом другой волк приволок молодого оленя, еще не успевшего сбросить осенний жир. От запаха жарившейся оленины у Гаспода потекли слюни.

Что-то человеческое и очень сложное происходило между Моркоу и Ангвой. Судя по словам, это больше походило на ссору, но *запахи* утверждали обратное. Впрочем, последние события были вполне понятны для Гаспода. Самка убежала, самец бросился в погоню. Так было и будет. Правда, как правило, в погоне участвовало около двадцати самцов самых разных мастей, но у людей, насколько знал Гаспод, все происходило несколько иначе.

А еще он знал, что очень скоро Моркоу увидит сидящего у костра крупного волка. И вот тогда мех полетит во все стороны. Ох уж эти люди.

О своих предках Гаспод мог только догадываться. В нем текла самая разная кровь: немного – от терьера, немного – от спаниеля, немного, возможно, от кого-то еще. Но большая часть крови досталась ему по наследству от дворняг. Тем не менее в любой собаке живет маленькая частичка волка – в это Гаспод верил свято. И сейчас эта самая частичка настойчиво посылала ему сигналы о том, что не стоит особо таращиться на сидевшего у костра самца.

Дело было даже не в том, что этот волк выглядел крайне злобным. Ему не нужно было выглядеть. Даже сидя, он излучал абсолютную уверенность в себе и несокрушимую силу. Гаспод выходил из многих уличных драк

если не победителем, то уцелевшим, но он ни за что на свете не выступил бы против такого зверя – даже если бы его поддерживали два льва и человек с топором.

Гаспод предпочел подползти к высокомерно смотревшей на огонь волчице.

– Ио, сука! – поприветствовал он.

– *Что ты говоришь?!!*

Гаспод мгновенно пересмотрел свою стратегию.

– Привет, лисичка... э... вернее, госпожа волчица, – предпринял он вторую попытку.

Очередное понижение температуры свидетельствовало о том, что и эта попытка оказалась неудачной.

– Хелло, мадам, – с надеждой произнес он.

Волчица повернулась к нему мордой и прищурилась.

– *Кто ты таковой?* – спросила волчица, и каждый произнесенный ею слог жалил, как острые льдинки.

– Меня зовут Гаспод, – пролаял Гаспод с полубезумной веселостью. – Я – *пес*. То есть немного волк. А тебя как зовут?

– Проваливайт.

– Ни в коем случае не хочу тебя оскорбить, но я слышал, волки выбирают себе одного партнера на всю жизнь. Это правда?

– Ну и?

– Вот бы и мне так.

Клыки волчицы щелкнули в дюйме от носа остолбеневшего Гаспода.

– Там, откуда я приходишь, таких, как ты, поедайт! – рявкнула она.

– Спасибо за информацию, – поспешно произнес Гаспод и попятился. – Пытаешься быть дружелюбным, и вот что получаешь в ответ...

Разговор между Моркоу и Ангвой становился все сложнее, и Гаспод предпочел незаметно отползти в сторонку.

– Ты могла бы меня предупредить, – говорил Моркоу.

– Я не могла тратить время на долгие разговоры. Ты всегда и во все пытаешься вникнуть. Кроме того, тебя это не касается. Это *семейное*.

Моркоу махнул рукой в сторону волка.

– А это тоже твой родственник?

– Нет. Он... друг.

Гаспод замотал головой. «Приехали», – подумал он.

– Слишком крупный для волка, – медленно, словно переваривая новую информацию, произнес Моркоу.

– Просто очень большой волк, – сказала Ангва, пожимая плечами.
– Еще один вервольф?
– Нет.
– Просто волк?
– Да, – с издевкой произнесла Ангва. – *Просто* волк.
– И как же его зовут?
– Он не возражает, если его называют Гэвином.
– Гэвином?
– Однажды он съел кое-кого по имени Гэвин.
– Что? Целого человека?
– Конечно нет. Но отъел от него порядочную часть, чтобы этот тип больше не мог устанавливать волчьи капканы. – Ангва улыбнулась. – Гэвин... не совсем обычный волк.

Моркоу посмотрел на волка и тоже улыбнулся. Подняв обломок сука, он небрежно бросил палку в сторону Гэвина. Тот совсем по-собачьи поймал ее на лету зубами.

– Думаю, мы подружимся, – сказал Моркоу.
– Не спеши с выводами, – вздохнула Ангва.

Гэвин, глядя Моркоу прямо в глаза, очень медленно и с громким хрустом перекусил ветку. Гаспод с ужасом наблюдал за этим.

– Моркоу? – ласково произнесла Ангва. – Только не пытайся проделать что-нибудь такое еще раз. Гэвин не принадлежит к этому клану, но он стал вожаком стаи, и никто даже не взвизгнул. Он – *не* собака. Он – убийца, Моркоу. О, не смотри на меня так. Я вовсе не имею в виду, что он охотится на заблудившихся в лесу детей или жрет беспомощных старушек. Но если он решил, что какой-то человек заслуживает смерти, этот человек обязательно умрет. Гэвин будет биться до самого конца. Он очень прямой волк.

– И он твой *старый* друг... – повторил Моркоу.
– Да.
– Просто... друг.

– Да. – Ангва закатила глаза и монотонным, но полным сарказма голосом произнесла: – Однажды я была в лесу и провалилась в старую ловчую яму под снегом. Какие-то волки нашли меня и собрались было убить, но тут появился Гэвин и прогнал их. Не спрашивай почему. Люди иногда совершают такие поступки. Волки тоже. Конец истории.

– Гаспод рассказывал мне, что волки и вервольфы не больно-то ладят, – припомнил Моркоу.

– И он прав. Меня разорвали бы на куски, если бы не Гэвин. Я могу

выглядеть как волк, но я – не волк. Я – вервольф! И я – не человек. Я – вервольф! Понял? Знаешь, что люди говорят о таких, как я? А вот волки даже не говорят ничего. Они сразу вцепляются в горло. Волки обладают отличным чутьем. Их невозможно обмануть. Я могу сойти за человека, но только не за волка.

– Я никогда об этом не задумывался. Мне казалось, что волки и вервольфы...

– Всем так кажется, а все обстоит совершенно иначе, – пожала плечами Ангва.

– Ты сказала, что это семейное, – припомнил Моркоу, словно переходя к очередному пункту составленного в уме списка.

– Я имела в виду, что это мое личное дело. Гэвин добрался до самого Анк-Морпорка, чтобы предупредить меня. Днем он спал в груженных лесом повозках, чтобы время зря не терять. Представляешь, какой храбростью нужно обладать, чтобы проделать такой путь? Так вот, это дело не касается Стражи. И тебя оно тоже не касается.

Моркоу огляделся. Снова повалил снег. Над костром снежинки превращались в дождик.

– Но я уже здесь.

– Уходи, прошу тебя. Я сама разберусь.

– А потом ты вернешься в Анк-Морпорк? Когда все закончится?

– Я... – Ангва замялась.

– Думаю, я должен остаться, – решительно сказал Моркоу.

– Послушай, ты нужен городу, – возразила Ангва. – Ваймс доверяет тебе и...

– Я ушел в отставку.

На мгновение Господу почудилось, будто он слышит, как на землю падает каждая снежинка.

– Правда?

– Да.

– И что сказал на это старина Камнелиц?

– Э... Ничего. На тот момент его уже не было в городе. Он уехал. В Убервальд.

– Ваймс поехал в Убервальд?

– Да. На коронацию.

– И он в это впутался? – спросила Ангва.

– Впутался во что?

– О, моя семья повела себя... очень глупо. Не уверена, что мне известны все детали, но волки обеспокоены. Когда вервольфы

проворачивают какую-нибудь пакость, больше всего страдают *настоящие* волки. Люди начинают убивать всех, кто носит волчью шкуру. – Некоторое время Ангва молча смотрела на огонь, а потом чересчур бодрым голосом произнесла: – И кто ж теперь командует Стражей?

– Не знаю. Но самый старший по званию – Фред Колон.

– Ха, так он и согласился. Это ж его вечный кошмар. – Ангва снова помолчала. – Ты в самом деле ушел из Стражи?

– В самом деле.

– О.

Гаспод снова услышал, как снежинки стучаются о землю.

– Ладно, в одиночку вы в этом лесу не выживете, – подвела итог Ангва, поднимаясь на ноги. – Отдохните еще часок, а потом мы углубимся в настоящую чащобу. Там пока не слишком много снега. Путь предстоит долгий. Надеюсь, вы не отстанете.

На следующее утро, за завтраком, Ваймс подметил, что остальные постояльцы стараются держаться от него как можно дальше – настолько далеко, что его стол обходили, вплотную прижимаясь к стенкам.

– Люди, которые ушли вчера, вернулись около полуночи, сэр, – бодро доложила Шелли.

– Кого-нибудь поймали?

– Гм... В некотором роде, сэр. Нашли семь трупов.

– Семь?

– Они считают, что остальным удалось сбежать по горной тропе.

– Но семь? Детрит убил одного... Я убил одного... Плюс пара раненых... Иниго убил... одного... – Ваймс замолчал.

Он устался на Иниго, сидевшего рядом с другими постояльцами за общим столом в противоположном конце комнаты. Места вокруг Ваймса и госпожи Сибиллы были свободны. Сибилла объяснила это уважением. Маленький чиновник ел суп в своем обособленном мирке среди размахивающих рук и толкающихся локтей. Он даже заложил салфетку за воротник.

– Они были... *совсем* мертвые, сэр, – прошептала Шелли.

– Да, весьма... интересно, – сказала Сибилла, аккуратно вытирая губы салфеткой. – Мне еще не приходилось завтракать супом с колбасой. Шелли, как он называется?

– Жировик, – ответила Шелли. – То есть жирный суп. Шмальцбергские жировые залежи совсем рядом. Суп очень питательный и полезный, особенно в холодную погоду.

– Как интересно... – покачала головой госпожа Сибилла и посмотрела на мужа.

Ваймс не спускал глаз с Иниго. Дверь открылась, и появился Детрит, стряхивающий снег с костяшек пальцев.

– Все не так уж плохо, сэ, – доложил он. – Но все советуют выезжать как можно скорее.

– Не сомневаюсь, – сказал Ваймс.

«Они не хотят, чтобы такой человек, как я, задерживался здесь, – подумал он. – Никому не хочется быть следующим, кто отправится на тот свет».

Ночью народа было куда больше. Некоторые лица отсутствовали. Вероятно, люди отправились в путь еще засветло, а это означало, что слухи о нем уже разлетелись по округе. «Он ввалился весь в крови, в грязи, с арбалетом в руке, а потом, представляете, в лесу нашли целых семь трупов!» Когда же эта новость преодолет еще миль десять, во второй руке у него появится топор, а трупов станет тридцать, не считая собаки.

Неплохое начало дипломатической карьеры, не так ли?

Подойдя к карете, Ваймс сразу заметил торчащую из двери маленькую стрелку. Она была металлической и с металлическим же оперением. В общем и целом стрелка выглядела настолько стремительной, что даже дотрагиваться до нее было страшно – того и гляди обожжешь пальцы.

Ваймс обошел карету сзади и увидел засевшую в крыше стрелу гораздо большего размера.

– Они пытались догнать вас на подъеме, – сообщил подошедший сзади Иниго.

– Ты их убил?

– Некоторым удалось уйти.

– Ну надо же.

– У меня всего одна пара рук, ваша светлость.

Ваймс поднял взгляд на вывеску постоянного двора. На досках красовалось грубое изображение красной головы с хоботом и бивнями.

– «Постояльный Двор Пятаго Элифанта», – прочел за него Иниго. – Когда мы миновали Ланкр, ваша светлость, вместе с ним мы оставили позади закон. А здесь правят *традиции*. Хранишь что можешь. Имеешь что завоевал. Выживает сильнейший.

– В Анк-Морпорке закон тоже не особо хорошо работает, господин Сепаратор.

– В Анк-Морпорке много законов. Просто люди их не соблюдают. Но тут, ваша светлость, совсем иная, так сказать, миска с жиром, ммхм-ммф.

Они выступили конвоем. Детрит сидел на крыше первой кареты, у которой не хватало двери и большей части боковой стенки. Местность была плоской и белой – невыразительные снежные просторы.

Через некоторое время они проехали мимо клик-башни. Пятна копоти на каменном основании говорили сами за себя. Очевидно, кто-то считал, что отсутствие новостей – хорошие новости. Тем не менее заслонки семафора щелкали и подмигивали на свету.

– Весь мир смотрит на нас, – пробормотал Ваймс.

– Но раньше ему было плевать, – сказал Сепаратор. – А теперь он хочет сорвать крышку с этой страны и выпить все то, что под ней, ммф-ммхм.

«Ага, – подумал Ваймс, – значит, нашего смертоубийственного чиновника волнует не только свое ремесло?»

– Анк-Морпорк всегда пытался ладить с другими странами, – возразила Сибилла. – По крайней мере в последнее время.

– Не думаю, что мы особо пытались, дорогая, – пожал плечами Ваймс. – Просто в определенный момент мы поняли, что... Почему мы останавливаемся?

Он открыл окно.

– В чем дело, сержант?

– Ждем, пока протопают енти гномы, сэр, – ответил с крыши тролль.

Несколько сотен гномов, колонной по четыре, шли по заснеженной равнине прямо на них. Судя по всему, настрой у гномов был самый решительный.

– Детрит?

– Да, сэр?

– Постарайся выглядеть не очень похожим на тролля, хорошо?

– Уже маскируюсь, сэр.

Колонна поравнялась с ними, и кто-то пролаял приказ остановиться. Затем из колонны выступил гном и решительно зашагал к карете.

– *Та'грдзк?! –* взревел он.

– Позвольте мне все уладить, ваша светлость, – предложил Иниго.

– Слушай, я посол или кто? – огрызнулся Ваймс и вышел из кареты. –

Доброе утро, карлик^[14], я – надсмотрщик Ваймс из Городского Погляда.

Госпожа Сибилла услышала, как Иниго застонал.

– *Крз? Гр'дазак йад?*

– Подожди, подожди, это я понял... *Я уверен, что ты карлик без убеждений. Давай потрясем дела, карлик^[15].*

– Ну все, по-моему, этого должно хватить, – пробормотал Иниго, – ммф, ммхм.

Лицо старшего гнома побагровело – во всяком случае, в тех его местах, что не были покрыты густой растительностью. Гномий отряд с повышенным вниманием принялся изучать кареты.

Командир сделал глубокий вдох.

– Д'краха?

Тут с крыши прыгнула Шелли. Ее кожаная юбка широко развевалась на ветру.

Вся колонна как один гном уставилась на неожиданное явление. У командира выпучились глаза.

– Б'дан? К'раа! Д'крага «ха'ак»!

Ваймс увидел, какое выражение приобрело маленькое круглое личико Шелли.

Над его головой Детрит со стуком опустил заряженный Шматотворец на край крыши кареты.

– Я знаю, каким словом он ее назвал, – провозгласил он всему миру. – Енто плохое слово. Такие слова нельзя говорить.

– Все нормально, все просто замечательно, ммф-ммхм, – поспешно сказал Иниго, выскакивая из кареты. – Но сейчас успокойтесь все немножко, а я постараюсь сделать так, чтобы мы остались в живых, ммф.

Ваймс поднял руку и осторожно сдвинул Шматотворец так, чтобы тот был направлен в менее опасную сторону.

Иниго очень быстро затараторил по-гномьи – причем практически без акцента, правда, как показалось Ваймсу, привычное «ммф» все же проскальзывало в его речи. Затем Иниго открыл свой кожаный чемоданчик и достал несколько документов, скрепленных восковыми печатями. Подозрительные бумаги, весьма смахивающие на подделку, были тщательно изучены. После чего гном указал на Шелли и Детрита. Иниго нетерпеливо взмахнул рукой – универсальным жестом, отбрасывающим в сторону нечто недостойное внимания. Документы были изучены еще раз.

Наконец, на еще более универсальном языке жестов гном сообщил, что «я мог бы доставить вам массу неприятностей, но лень на вас время тратить», потом милостивым взмахом руки отпустил Иниго, одарил Ваймса взглядом, ясно говорившим, что, несмотря на все физические доказательства, он, гном, считает Ваймса куда ниже себя ростом, и вернулся к своему войску.

Прозвучал громкий приказ. Гномы, сойдя с дороги, браво зашагали по полю в сторону леса.

– Ну, кажется, пронесло, – сообщил Иниго, забираясь обратно в карету. – Госпожа Задранец едва не поставила нас в безвыходное положение, но гномы с инстинктивным уважением относятся к сложным документам. Что-то назревает. Он не сказал, что именно, но хотел обыскать карету.

– Черта с два мы бы ему позволили. Но зачем?

– Кто знает? Мне удалось убедить его в том, что мы обладаем дипломатической неприкосновенностью.

– А что ты сказал ему обо мне?

– Попытался выставить вас полным идиотом, ваша светлость. Ммф-ммхм.

– Правда?

Ваймс услышал сдвоенное хихиканье. Это госпожа Сибилла с трудом сдерживала смех.

– Поверьте, это было необходимо. Не слишком удачная мысль – говорить на уличном гномьем, ваша светлость. Но когда я обратил его внимание на то, что вы аристократ, он...

– Я не... Ну, на самом деле я не совсем...

– Все так, ваша светлость. Но если хотите моего совета, большая часть дипломатии заключается в умении выглядеть более глупым, чем вы есть на самом деле. Начало неплохое, ваша светлость. А сейчас, наверное, нам следует продолжить путь, ммхм.

– Честно говоря, Иниго, я рад, что ты стал вести себя со мной не столь официально, – сказал Ваймс, когда карета тронулась с места.

– О, ваша светлость, я просто узнал вас немного лучше.

Об оставшихся часах той ночи у Гаспода сохранились лишь отрывочные воспоминания. Стая мчалась вперед, и только спустя какое-то время он осознал, что большая часть волков специально бежит впереди Моркоу, утаптывая перед ним снег.

Но для Гаспода снег оставался недостаточно утопанным. Периодически какой-нибудь волк хватал его за загривок и нес некоторое расстояние, приглушенно жалуясь на противный вкус.

Затем снег прекратился и из-за облаков появился кусочек луны.

И постоянно их окружал волчий вой – то приближающийся, то удаляющийся. Иногда стая останавливалась на опушке или гребне какого-нибудь холма, засыпанного свежим снегом, и присоединялась к вою.

Под аккомпанемент очередных завываний Гаспод подхромал к Ангве.

– Зачем это нужно? – спросил он.

– Политика, – объяснила Ангва. – Переговоры. Мы пересекаем чужие территории.

Гаспод бросил взгляд на Гэвина. Вожак не присоединился к воющим собратьям, но с важным видом сидел поодаль, посматривая то на Моркоу, то на свою стаю.

– И это он должен спрашивать разрешения? – удивился Гаспод.

– Он просит, чтобы пропустили меня.

– О. У него по этому поводу возникают проблемы?

– Так, небольшие. На один клык.

– О. Э... А обо мне в этом вое ничего не говорится?

– Только как о гнусном вонючем песике.

– Понятно...

Через несколько минут они продолжили путь вниз по залитому лунным светом склону. Лес был совсем неподалеку, когда Гаспод заметил приземистые тени, мчавшиеся им наперерез по заснеженному полю. На мгновение он оказался между двух стай, старой и новой, а потом их прежнее сопровождение вдруг осталось позади.

«Итак, у нас появился новый почетный караул, – думал Гаспод, окруженный стремительно работающими серыми лапами. – Из волков, с которыми мы еще не встречались. Надеюсь, они добавят в свой вой пункт о том, что и на вкус я не больно-то хорош».

А потом Моркоу упал на снег, но буквально через мгновение поднялся, после чего опять упал. Волки нерешительно кружили вокруг, бросая вопросительные взгляды на Гэвина. Гаспод, неуклюже прорываясь сквозь глубокий снег, подпрыгал к Моркоу.

– Ты в порядке?

– Трудно... бежать...

– Мне не хотелось бы тебя расстраивать, – проскулил Гаспод, – но эти волки нам совсем не друзья. Намек улавливаешь? Наш Гэвин вряд ли может претендовать на звание «самый дружелюбный хвост на свете».

– Когда он в последний раз спал? – спросила, протолкнувшись сквозь волков, Ангва.

– Не знаю, – пожал плечами Гаспод. – Последние несколько дней мы очень быстро двигались.

– Ни сна, ни еды, ни нормальной одежды, – прорычала Ангва. – Идиот!

Волки рядом с Гэвином принялись оживленно перерываться. Гаспод сел у головы Моркоу и стал наблюдать, как Ангва... спорит.

Он не умел разговаривать по-волчьи; кроме того, язык тела и жестов

играет у волков куда более важную роль, чем у собак. Но сейчас даже не самый умный пес догадался бы, что ситуация складывалась не в их пользу. Атмосфера была пронизана... *Атмосферой*. У Господа возникло стойкое ощущение, что если события будут развиваться в том же ключе, то шансы на выживание у некоего маленького песика примерно такие же, как у плитки шоколада на горячей плите.

Завывания и порывания продолжались довольно долго. Один из волков, которого Господ мысленно обозвал Неуклюжим, был чем-то недоволен. Судя по всему, с ним соглашались еще несколько волков. Один из них оскалил зубы на Ангву.

Но потом встал Гэвин. Стряхнув снег со шкуры и оглянувшись по сторонам отсутствующим взглядом, он направился к Неуклюжему.

Вся шерсть на тельце Господа встала дыбом.

Остальные волки, прижимаясь к земле, попятились. Но Гэвин не обращал на них ни малейшего внимания. Когда до Неуклюжего оставалось всего несколько шагов, он склонил голову набок и прорычал:

– Грурррм?

Звук был почти приятным. Но в самых костях Господа он отразился гармоникой, явно говорившей: из этой ситуации у нас есть два выхода – простой и очень простой.

О сложном выходе лучше было не думать.

Неуклюжий некоторое время выдерживал взгляд Гэвина, после чего опустил голову.

Гэвин что-то прорычал. С полдюжины волков во главе с Ангвой побежали к лесу.

Минут через двадцать они вернулись. Ангва опять стала человеком (вернее, поправил себя Господ, приняла человеческий облик), а волки были запряжены в большие сани.

– Позаимствовала в деревне за холмом, – пояснила она, когда сани, скрипнув полозьями, остановились рядом с Моркоу.

– Ну надо ж, какие отзывчивые люди тут живут, – сказал Господ, правда потом решил не продолжать эту тему. – Волки в упряжке? Странное зрелище.

– Это был простой выход, – пожала плечами Ангва.

«Забавно... – размышлял Господ, лежа на санях рядом с дремлющим Моркоу. – Он так подробно выпрашивал Задницу насчет волчьего воя... О том, как волки передают сообщения друг другу. Будь я чуть помнителнее, то решил бы, что он знал. Знал, что она придет к нему, если он попадет в беду. Если он рискнет ради нее своей жизнью...»

Гаспод высунул голову из-под одеяла. Глаза мгновенно забило снегом. Рядом с санями, всего в нескольких футах, бежал Гэвин, шкура его серебрилась под лунным светом.

«С одной стороны волки, с другой – люди, – подумал Гаспод. – И я между ними. Собачья жизнь».

«Вот это жизнь», – думал исполняющий обязанности капитана Колон. Со всякими официальными бумажками к нему больше никто не приставал, а с теми бумажными залежами, что скопились до него, он в два счета разобрался. Пару раз плюнуть. Кроме того, стало гораздо тише.

Когда Ваймс был здесь (Фред Колон вдруг поймал себя на том, что думает о Ваймсе просто как о Ваймсе, никаких вам «господ»), в конторе царил такой шум и гам, что даже собственных мыслей не было слышно. И это называется эффективной организацией труда? Вообще непонятно, как Стража работала.

Он еще раз пересчитал кусочки сахара. Двадцать девять. Впрочем, два он положил в чашку, значит, все правильно. Вот что значит контролировать ситуацию.

Колон подошел к двери и чуть приоткрыл ее. Через щелку можно было видеть все, что происходило внизу, в караулке. Все нарушители дисциплины как на ладони.

Но сейчас в караулке было тихо. И чисто. Ни одной бумажки на столах. Гораздо лучше, чем обычный бардак.

Колон вернулся к столу и снова пересчитал сахар. Двадцать семь кусочков.

Ага! Кто-то пытается свести его с ума. Ну что ж, в эту игру можно играть вдвоем...

Он снова пересчитал кусочки. Их оказалось двадцать шесть, а потом раздался стук в дверь.

От этого стука дверь чуть не слетела с петель, а Колон подпрыгнул на месте.

– Ага! – триумфально возопил он. – Уже даже не прячешься, да? Ну иди, иди! О...

«О» было вызвано тем, что стучавшимся оказался констебль Дорфл, голем. Дорфл был значительно выше дверного проема, а его могучие руки могли разорвать на части любого тролля. Правда, он никогда никого не разрывал, поскольку отличался высокой нравственностью и моралью, но даже Колон не рискнул бы затеять свару с созданием, у которого вместо глаз светящиеся красные дырки. Обычные големы не могут причинить вред

человеку, потому что в их головы вложены магические слова, запрещающие им это. В голове у Дорфла никаких слов не было, но он все равно воздерживался от насилия как такого, поскольку считал насилие аморальным. Однако в любой момент он ведь мог передумать, правда?

Стоявший рядом с големом констебль Башмак лихо отдал честь.

– Мы за жаловатальной ведомостью, сэр, – сообщил он.

– За какой такой ведомостью?

– За жаловатальной, сэр. Мы отнесем ее во дворец и принесем оттуда жалованье, сэр.

– Ничего об этом не знаю!

– Я еще вчера положил ее вам на стол, сэр. Подписанную лордом Витинари, сэр.

В глазах Колона промелькнул огонек ужаса. Он украдкой бросил взгляд на камин, уже переполненный черным пеплом.

Башмак заметил направление его взгляда.

– Никакой ведомости я не видел, – заявил Колон, и лицо его мгновенно побледнело и обмякло, как растаявшее фруктовое мороженое.

– Но, сэр, я абсолютно уверен в этом. Я положил ведомость вам на стол, – настаивал на своем констебль Башмак. – Точно помню, сэр. Со мной был констебль Посети. Я еще повернулся к нему и говорю: «Завтра, Горшок, я отнесу эту...»

– Слушай, ты что, не видишь?! Я занят! – оборвал его Колон. – Пусть этим займется кто-нибудь из сержантов!

– Сержантов не осталось, сэр. Один только сержант Кремень, да и тот лишь шатается по штаб-квартирам и выпытывает у всех, чем он должен заниматься, – сказал констебль Башмак. – Так или иначе, сэр, ведомость должен подписать старший офицер...

Вскочив на ноги, Колон оперся о стол костяшками пальцев.

– Ах, значит, я должен?! Какая неслыханная наглость! Должен, да? Да вам просто повезло, что вы получили эту работу! Толпа зомби, идиотов, архитектурных украшений и бульжников! Как вы мне все надоели!

Башмак ловко увернулся от летящих брызг слюны.

– Что ж, сэр, в таком случае мне ничего не остается, кроме как сообщить о происходящем в Гильдию Стражников.

– Куда? В Гильдию Стражников? – переспросил Колон. – Ха! С каких это пор у нас существует такая Гильдия?

– Гильдия Стражников? – уточнил капрал Шноббс, вразвалку заходя в кабинет. – А сколько сейчас времени? Она существует уже пару часов по крайней мере. Доброе утро, капитан.

- Шнобби, а ты что здесь делаешь?
- Не Шнобби, а господин Шноббс, капитан. И я, если угодно, президент Гильдии Стражников.
- Черт возьми, но такой Гильдии не существует!
- Ошибаетесь, капитан. Зарегистрирована во дворце, все по закону. И вы удивитесь, сколько народа жаждет вступить в нее. – Он достал замызганный блокнот. – Кстати, если у вас есть минутка, мне нужно обсудить с вами несколько вопросов. Ну, не совсем несколько, но...
- Я этого не потерплю! – взревел Колон с побагровевшим лицом. – Это государственная измена. Вы все уволены! Вы все...
- Мы все объявляем забастовку, – спокойно произнес Шнобби.
- Вы не можете объявить забастовку, потому что я вас только что уволил!
- Штаб забастовочного комитета находится в задней комнате «Ведро». Это такая таверна на Тусклой улице, если помните, – сказал Шнобби.
- Это же мой родной кабак! Я запрещаю вам бастовать в моей таверне!
- В общем, захотите обсудить условия, милости просим. Идем, братья. Данный спор будут улаживать официальные инстанции. Они вышли из кабинета.
- И скатертью дорожка! – крикнул им вслед Колон.

Здец был совсем не таким, каким ожидал увидеть его Ваймс. На самом деле, сэр Сэмюель и сам не мог сказать, чего именно он ожидал увидеть, но определенно не *это*.

Город занимал узкую долину, по которой петляла бурная река, и был обнесен стенами. Впрочем, местные стены нисколечко не походили на городскую стену Анк-Морпорка, которая сначала являлась препятствием для разрастания города, а позднее – источником строительного материала для него. На холмах стояли замки. Здесь почти на каждом холме стоял замок. Дорогу перегораживали высокие ворота.

Детрит постучал по стенке кареты, и Ваймс высунул голову из окна.

– На дороге стоят какие-то парни, – доложил Детрит. – С хальбардами.

Ваймс посмотрел вперед и увидел с полдюжины стражников, которые действительно были вооружены алебардами.

– И что они хотят?

– Полагаю, что проверить наши документы и обыскать кареты, – сказал Иниго.

– Одно дело – документы, – буркнул Ваймс, выходя из кареты. – И совсем другое – копаться в личных вещах. Знаю я таких. На самом деле они

просто показывают нам, кто здесь главный. Ты пойдешь со мной и будешь работать переводчиком. Не волнуйся, я буду вести себя крайне дипломатично.

Путь им заграждали двое самых настоящих стражников; шлемы, алебарды – все как полагается. Но только не мундиры. Униформа местных стражников была абсолютно не униформной.

«Нельзя одевать стражников в красно-сине-желтые цвета, – подумал Ваймс. – Их же за версту видно...» Сам Ваймс считал, что мундир – это такая штука, которая должна способствовать незаметности.

Он достал свой значок, высоко поднял его и с располагающей улыбкой зашагал к воротам.

– Просто повторяй мои слова, господин Сепаратор, – велел Ваймс и громко крикнул: – Привет, коллеги, как видите, я командор Ва...

Лезвие описало в воздухе большую дугу. Если бы Ваймс вовремя не остановился, эта самая дуга рассекла бы его ровно на две половинки.

Тогда вперед выступил Иниго: кожаный чемоданчик уже открыт, в руке выглядывшие весьма солидно бумаги, а с губ готовы слететь соответствующие ситуации фразы. Навстречу ему вышел, судя по виду, местный капитан. Выхватив из руки Сепаратора один из документов, стражник уставился на кривые строчки.

– Это было умышленное оскорбление, – произнес Иниго, умудряясь говорить краешком рта и одновременно улыбаться. – Кто-то решил проверить вашу реакцию, ммф-ммхм.

– Что?

– За нами наблюдают.

Стражник вернул бумагу. Последовал скупой обмен вопросами и ответами.

– Капитан стражи ссылается на особые обстоятельства. Он должен будет обыскать кареты, – перевел Иниго.

– Я этого не допущу, – ответил Ваймс, внимательно изучая бледное лицо стражника. – Я сразу вижу, когда люди начинают корчить из себя тупых засранцев. Сам частенько так поступаю.

Он ткнул пальцем в дверь кареты.

– Видишь это? Скажи ему, что это герб Анк-Морпорка. А это – анк-морпоркская карета, собственность Анк-Морпорка. Если они хотя бы пальцем дотронутся до нее, это будет расценено как акт враждебности по отношению к Анк-Морпорку. Переведи.

Выслушав Иниго, стражник нервно облизнул губы. «Бедняга, – подумал Ваймс. – Он-то здесь совсем ни причем. Его ждало очередное

спокойное дежурство, отстоял – и домой. Но кто-то приказал ему так поступить».

– Он очень извиняется, но он всего-навсего выполняет инструкции, – сообщил Иниго. – Хотя понимает, что ваша светлость имеет полное право подать жалобу в самые высокие инстанции, ммф-ммхм.

Стражник было потянулся к дверце кареты, но Ваймс заградил ему путь.

– Скажи, что война начнется прямо здесь, – процедил он. – А уж потом мы и до высоких инстанций доберемся.

– Ваша светлость!

Стражники воззрились на Детрита. Шматотворец никак не выглядел мирной безделушкой, впрочем, Детрит и не пытался выдать его за таковую.

Ваймс смотрел капитану прямо в глаза. «Надеюсь, в его голове имеется хоть капля мозгов. Ведь если Детрит выстрелит, эта штукovina разнесет в клочья пол-округи. А потом мы очень-очень быстро поедem домой».

Хоть бы у него хватило мозгов уступить...

Краем уха Ваймс услышал, как один стражник шепчет что-то другому на ухо. Явственно прозвучали лишь два слова – «Дичий перевал».

Сделав шаг назад, капитан отдал честь.

– Он извиняется за причиненные неудобства и надеется, что вы получите удовольствие от пребывания в их прекрасном городе, – перевел Иниго. – Он также надеется, что вы найдете время посетить Музей шоколада, что на площади князя Водорния. В этом музее работает его сестра.

Ваймс тоже отдал честь.

– Скажи ему, что его ждет большое будущее. И если он хочет дожить до него, то должен немедленно открыть эти треклятые ворота.

Капитан кивнул своим подчиненным, не успел Иниго перевести и половину фразы. Ага...

– Узнай, как его зовут, – попросил Ваймс. На сей раз капитан выждал, пока ему не переведут просьбу Ваймса. Смышленный парень.

– Его зовут капитан Тантони, – сообщил Иниго.

– Я запомню это имя, – кивнул Ваймс. – Кстати, передай, что у него на носу сидит муха.

Надо отдать должное Тантони – его взгляд остался ровным. Лишь чуточку дрогнули веки. Ваймс ухмыльнулся.

Что же касалось города... он был самым обычным. Крыши чуть более крутые, чем в Анк-Морпорке, чуть больше краски на домах. И какой-то

маньяк с лобзиком вдоволь порезвился, отражая свои фантазии в деревянных элементах архитектуры. Впрочем, это украшательство еще ни о чем не говорило. Метафорически выражаясь, настоящее богатство наживают не украшая дом, а экономя на этом.

Кареты загрохотали по булыжной мостовой. А вот камни тут совсем не такие, как дома. Уж Ваймс-то разбирался в булыжных мостовых.

Карета снова остановилась, и Ваймс высунулся из окна. На сей раз дорогу им перегородили два стражника, одетые куда более неряшливо, чем предыдущие.

– О, этих типов я везде узнаю, – мрачно произнес Ваймс. – Полагаю, сейчас мы столкнулись с сержантом Колонным и капралом Шноббски.

Выскочив из кареты, он подошел к стражникам.

– Ну и?

Тот, что пожирнее, на мгновение задумался, но потом решительно вытянул руку.

– Достань верение, – заявил он.

– Иниго? – тихо произнес Ваймс, не поворачивая головы.

– А, – сказал Иниго после недолгих переговоров. – Теперь проблема заключается в сержанте Детрите. В этой части города троллям запрещено находиться в дневное время без соответствующего паспорта, подписанного их... владельцем. Э-э... Вообще, в Здец допускаются только военнопленные тролли. И у каждого тролля должно быть удостоверение личности.

– Детрит – гражданин Анк-Морпорка и мой сержант, – сказал Ваймс.

– И все же он тролль. Быть может, в интересах дипломатии вы черкнете коротенькую...

– А мне тоже требуется это ихнее достаньверение?

– Удостоверение?... Нет, ваша светлость.

– Значит, и ему не требуется.

– Тем не менее, ваша светлость...

– Никаких «тем не менее».

– Но я советовал бы...

– Никаких советов.

К парочке присоединились еще несколько стражников. Ваймс чувствовал на себе их изучающие взгляды.

– Он может быть выдворен из города силой, – предупредил Иниго.

– А вот на *это* я очень хотел бы посмотреть, – сказал Ваймс.

– Енто... Я ж могу и вернуться, коли... – пророкотал Детрит.

– Заткнись, сержант. Ты – свободный тролль. Это приказ.

Ваймс позволил себе еще раз быстренько осмотреть непрерывно увеличивающуюся безмолвную толпу. В глазах людей с алебардами застыл страх. Им вовсе не хотелось приводить закон в исполнение. Как и тому капитану у ворот.

– А теперь слушай меня, Иниго, – продолжил он. – Передай им, что посол из Анк-Морпорка впечатлен их усердием, а также изысканным вкусом в одежде и обещает в дальнейшем неуклонно следовать букве закона. Как думаешь, это сойдет?

– Определенно, ваша светлость.

– Эй, Детрит, разворачивай карету. Иниго, ты с нами?

Выражение лица Иниго мгновенно изменилось.

– В десяти милях отсюда я видел постоялый двор, мы мимо него проезжали, – пояснил Ваймс. – Как считаешь, успеем добраться туда до наступления темноты?

– Но, ваша светлость... Вы не можете просто так развернуться и уехать!

Ваймс очень медленно повернулся к нему.

– Извольте повторить, господин Сепаратор.

– Ну, я имел в виду...

– Мы уезжаем, господин Сепаратор. Ты же можешь поступать, как тебе заблагорассудится.

Он залез обратно в карету. Сидевшая напротив Сибилла решительно сжала кулак.

– Молодец! – похвалила она.

– Прости, дорогая, – сказал Ваймс, пока карета разворачивалась. – Судя по всему, тот постоялый двор, что я видел, не отличается удобствами.

– Так им и надо, мелким задиром, – поддержала его Сибилла. – Ты поступил правильно.

Ваймс выглянул на улицу и увидел стоявшую неподалеку от стражников черную карету с темными окнами. Он даже различил сидевшую в ней фигуру. Несчастные стражники озабоченно поглядывали на черную карету, словно ожидая дальнейших приказаний. Фигура лениво махнула рукой в перчатке.

Ваймс начал считать. Через одиннадцать секунд Иниго догнал их экипаж и прыгнул на подножку.

– Ваша светлость, очевидно, остановившие вас стражники превысили свои полномочия. Они будут строго наказаны и...

– Ничего они не превышали. Я наблюдал за ними. Они получили приказ, – сказал Ваймс.

– Тем не менее с точки зрения дипломатии логичнее было бы принять извинения...

– Чтобы этих ни в чем не повинных бедолаг и вправду наказали? – спросил Ваймс – Ну уж нет. Вернись к этому типу, который тут распоряжается, и скажи, что наши люди могут ходить по этому городу где захотят и в каком угодно виде.

– Гм, сэр, эти требования слишком чрезмерны и...

– Посмотри внимательнее на этих стражников, господин Сепаратор. В руках у них оружие, изготовленное компанией «Коренной-и-Рукисила». Сделано в Анк-Морпорке. Такое же оружие было у стражников у ворот Торговля, господин Сепаратор. Она ведь часть дипломатии, не так ли? Возвращайся и поговори с тем, кто сидит в черной карете, а потом попроси одолжить тебе лошадь, потому что мы будем уже далеко.

– Но может, вы чуточку подождете...

– Даже не мечтай.

Сепаратор догнал карету, когда она миновала городские ворота.

– Все ваши просьбы будут удовлетворены, – задыхаясь, произнес он, и на мгновение в его взгляде проступило восхищение.

– Молодец. Передай Детриту, чтоб разворачивал карету.

– Сэм, ты ухмыляешься, – заметила Сибилла, когда Ваймс с довольным видом откинулся на спинку дивана.

– Да так, просто подумалось... Быть может, эта дипломатическая жизнь еще придется мне по вкусу, – сказал Ваймс.

– Кстати, совсем забыл, – сказал Иниго, садясь в карету. – Существует один исторический артефакт, очень важный для гномов, и вдруг стали распространяться слухи...

– Как давно была украдена Каменная Лепешка?

Иниго так и замер с открытым ртом. Потом закрыл его и прищурился.

– Но... Вы-то откуда об этом знаете, ваша светлость? Ммф?

– У меня кончики больших пальцев начало пощипывать, – совершенно бесстрастно объяснил Ваймс. – У меня очень странные большие пальцы. Их периодически пощипывает.

– Правда?

– О да.

Сексуальная жизнь у собак значительно проще, чем у людей. К такому выводу постепенно приходил Гаспод. Для собак секс – это радость, и быть может, его, Гаспода, эта радость тоже когда-нибудь постигнет.

Но только не здесь и не сейчас, тут уж не было никаких сомнений.

Волчицы, к которым он пытался подойти, сразу начинали лязгать зубами, и вовсе не острастки ради. В общем и целом Гасподу приходилось следить буквально за каждым своим шагом.

Самым странным в сексуальной жизни людей было то, что она могла происходить, когда они были полностью одеты и сидели у костра друг напротив друга. Эта самая жизнь зависела от того, что они говорили друг другу и о чем умалчивали, как смотрели друг на друга и как отводили взгляды.

Прошлым вечером произошла очередная смена стай. Горы стали выше, снег – свежее. Большая часть волков сидела на некотором расстоянии от разведенного Моркоу костра – достаточно далеко, чтобы продемонстрировать: мол, мы – гордые дикие звери и в подобных вещах не нуждаемся, но и достаточно близко, чтобы пользоваться его теплом.

Гэвин сидел немного в сторонке, искоса следя за Моркоу и Ангвой.

– Подданные Гэвина ненавидят мою семью, – говорила Ангва. – Я уже рассказывала: когда вервольфы становятся слишком могущественными, первым делом страдают обычные волки. Вервольфы более коварны, им не составляет труда обмануть охотников. Поэтому волки предпочитают вампиров. Вампирам нет до них никакого дела. А вервольфы иногда и на волков охотятся.

– Неужели? – изумился Моркоу.

Ангва пожала плечами.

– А что тут такого? Они же охотятся на людей, верно? Мы не слишком-то приятные существа, Моркоу. Жестокости в нас хоть отбавляй. Однако мой брат Вольфганг – это нечто особое. Даже отец боится его. И мать тоже, только не хочет в этом признаваться, но она потакает ему, потому что считает его надеждой клана. Вольфганг вынудил моего второго брата уйти из дома и убил мою сестру.

– Но как?...

– Сослался на несчастный случай. Бедная малышка Эльза. Она была йеннорком, как и Андрей. Так называют вервольфов, которые не перекидываются. Я наверняка уже рассказывала тебе об этом. В нашей семье время от времени рождаются йеннорки. В нашей выводке только Вольфганг и я были классическими биморфами. Эльза, с другой стороны, всегда выглядела человеком, даже в полнолуние. А Андрей всегда был волком.

– Ты хочешь сказать, что у тебя была сестра – человек и брат – волк?

– Нет, Моркоу. Они оба были вервольфами. Просто у них... не работал какой-то маленький переключатель внутри. Понимаешь? Они

застряли в одном облике. В древние времена кланы расправлялись с йеннорками еще при рождении, а Вольфганг всегда был ярым приверженцем традиций, особенно когда дело касается какой-нибудь мерзости. Утверждал, мол, они оскверняют нашу кровь. Видишь ли, йеннорки могли уйти из клана, но человек он или волк, в жилах йеннорка все равно течет кровь вервольфа. Он может завести семью, потом у него появятся дети... ну, или щенки... Так и рождаются сказки про всяких чудовищ. Люди, внутри которых живет частичка волка, и волки, проявляющие склонность к насилию... Все это так по-человечески. – Ангва вздохнула и бросила взгляд на Гэвина. – Но Эльза была совсем безобидной. Разумеется, Андрей не стал ждать, когда нечто подобное случится и с ним тоже. Сейчас он служит овчаром в Борогравии. У него все в порядке, насколько мне известно. Выигрывает чемпионаты, – добавила она мрачно.

Ангва отсутствующе поворошила угли.

– Вольфганга нужно остановить. Он сговорился с какими-то гномами, и вместе они что-то затевают. По словам Гэвина, они встречаются на одной полянке в лесу.

– Для волка он хорошо информирован, – заметил Моркоу.

– Знаешь, он совсем не глуп, – чуть ли не прорычала Ангва. – Понимает больше восьмисот слов. Некоторые люди столько слов не знают! А чутье у него почти такое же, как у меня! Волки все видят. Сейчас вервольфы практически не появляются дома. Гоняются за людьми. Мы называем это игрой. А обвиняют во всем волков. Как будто это они нарушают перемирие. А еще эти тайные встречи прямо здесь, в лесу! Они, наверное, считают, что тут их никто не увидит. Судя по всему, кое-кто из гномов задумал что-то очень мерзкое. И обратился за помощью к Вольфгангу! Да это все равно что просить стервятника вытащить кусочек мяса у тебя между зубов!

– А что можешь сделать ты? – спросил Моркоу. – Если даже твои родители не могут с ним справиться...

– Мы часто дрались, когда были маленькими, из-за того, что он очень любил играть в так называемые «догонялки». Большею частью он убегал от меня с воем. Вольфганг ненавидит саму мысль о том, что кто-то может его победить, поэтому не думаю, что он придет в восторг от моего внезапного возвращения. У него свои планы. В этой части Убервальда всегда было относительно спокойно, но только потому, что никто так и не смог захватить абсолютную власть. Однако если гномы начнут ссориться между собой, то наш милый Вольфганг обязательно этим воспользуется. Мигом нацепит какой-нибудь дурацкий мундир, поднимет флаг и вперед.

– Не уверен, что хочу увидеть тебя дерущейся.
– Так не смотри! Я же не просила тебя идти за мной! Думаешь, я этим горжусь? Мой брат работает овчаром!
– И получает *первые призы*, – добавил Моркоу.
Гаспод внимательно смотрел на лицо Ангвы. Такое выражение невозможно увидеть на морде собаки.
– А ты ведь действительно так думаешь, – сказала она наконец. – Взаправду. И тебя совсем не волнует, кем он там работает. Для тебя любое существо – личность. Семь ночей в месяц я вынуждена проводить в корзинке для собак, но и это тебя не беспокоит.
– Да, не беспокоит. Ты сама это прекрасно знаешь.
– А должно! Не спрашивай почему, но должно! Ты такой... *хороший*. Причем не прилагаешь к этому никаких усилий. Но рано или поздно эта твоя хорошесть любую девушку достанет!
– Я вовсе не стараюсь быть хорошим.
– Знаю, знаю. Мне просто хочется... ну, чтобы ты хоть иногда *выражал недовольство*. Нет, не совсем недовольство. Может, вздыхал или что-нибудь говорил...
– Почему?
– Потому что... потому что мне было бы легче! Очень трудно объяснить. Возможно, это чувствуют только вервольфы.
– Извини...
– И не надо постоянно извиняться!
Подобравшись к костру поближе, Гаспод свернулся калачиком. Да уж, у собак все куда проще.
От шкуры его начал валить пар.

Здание, где должно было располагаться посольство, находилось немного в стороне от главной дороги, на тихой боковой улочке. Карета, грохоча колесами, въехала в небольшой задний двор, в углу которого помещалось несколько конюшен. В целом здание очень напоминало постоялый двор.

– Сейчас здесь находится лишь консульство, – сообщил Иниго, шелестя бумагами. – И нас должен встречать... ага, Чудо Спун. Служит здесь уже несколько лет, мхм.

За каретами с треском захлопнулись огромные ворота. Послышался лязг огромных засовов. Ваймс с изумлением уставился на хромавшее к двери кареты привидение.

– Вот уж действительно чудо... – промолвил он.

- О, по-моему, это не...
- Добрый вечер, герр мафтер, фрау мафтер... – поздоровалась фигура. – Добро пожаловать в Анк-Морпорк. Меня величайт Игорь.
- Игорь... а дальше? – спросил Иниго.
- Профто Игорь, герр. Вфегда... профто Игорь, – спокойно объяснил Игорь, раскладывая подножку. – Я работайт рафным рабочим.
- Ну, очень разным, – кивнул Ваймс.
- Ты стал жертвой какого-то ужасного несчастного случая? – спросила госпожа Сибилла.
- Фегодня утром проливайт горячий чай на рубашка, – ответил Игорь. – Очень премило ф вашей фторона это замечайт.
- А где господин Спун? – спросил Иниго.
- Увы, я не знавайт, где герр Фпун. Куда-то запропадайт. Я наятьфя, вы знавайт, что ф ним приключатьфя.
- Мы? – переспросил Иниго. – Ммхм-ммф! Но мы полагали, он встретит нас здесь!
- Две недели позади он фрочно куда-то уезжайт, – пожал плечами Игорь. – Не фоизволяйт говорить куда. Но вхождайте же в дом, мило попрошайт, а я озабочен ваш багаж.
- Ваймс посмотрел вверх. С неба падали редкие снежинки, но было еще достаточно светло, чтобы разглядеть железную сетку, натянутую над двором. Эта сетка, прочные засовы и толстые стены – ну да, самая настоящая клетка.
- Офтанки побывавших времен, – жизнерадостным тоном объявил Игорь. – Волновайтьфя решительно не о чем, герр.
- Какой представительный мужчина, – едва слышно произнесла Сибилла, когда они вошли в дом.
- И, судя по виду, не один.
- Сэм!
- Извини. По крайней мере, сердце у него на месте.
- Совершенно согласна.
- Если это его сердце.
- Сэм, перестань!
- Хорошо, хорошо. Но ты не можешь не признать, что выглядит он несколько... странно.
- Мы такие, какие мы есть, Сэм, и никто из нас не в силах что-либо изменить.
- А он, похоже, все-таки попытался... О боги...
- Какой кошмар, – подтвердила госпожа Сибилла.

Ваймс ничего не имел против охоты – хотя бы потому, что в Анк-Морпорке вряд ли можно было найти какую-либо дичь, кроме разве что огромных крыс, обитавших в районе портовых доков. Но при виде стен новоиспеченного посольства даже самый заядлый охотник попятился бы, громко воскликнув: «О, послушайте, доколе!...»

Предыдущий владелец дома был заядлым охотником, стрелком и рыбаком. Причем, судя по количеству покрывавших буквально все стены трофеев, предпочитал заниматься всем перечисленным одновременно.

Сотни стеклянных глаз, непристойно живых из-за мерцающего в огромном камине пламени, смотрели сверху вниз на Ваймса.

– Очень похоже на кабинет моего отца, – сказала госпожа Сибилла. – Там висела голова оленя, которая пугала меня до смерти.

– Кажется, тут есть *вообще* все. О нет...

– Боги милостивые... – прошептала госпожа Сибилла.

Ваймс затравленно оглянулся. Детрит как раз входил в комнату с несколькими сундуками в лапищах.

– Встань прямо перед ней, – прошептал Ваймс Сибилле.

– Сэм, я не настолько высока! И не настолько широка!

Троль посмотрел на них, потом на охотничьи трофеи и широко улыбнулся. «Здесь холодно, – подумал Ваймс. – А на холоде он быстрее соображает^[16]. Зимой даже Шнобби не рискует играть с ним в покер... Вот ведь проклятье!»

– Что-то не так? – спросил Детрит.

Ваймс вздохнул. Да ладно, чего скрывать-то?

Рано или поздно он все равно увидит ее.

– Детрит, мне очень жаль... – сказал он, отступая в сторонку.

Детрит посмотрел на ужасный трофей и вздохнул.

– Да, в былые времена такое частенько можно было увидеть, – спокойно произнес он, опуская на пол сундуки. – А зубы, само собой, не алмазные. Алмазные всегда выдирали и вставляли стеклянные, но больше размером.

– Тебе что, *все равно*? – изумилась госпожа Сибилла. – Это же голова тролля! Какой-то извращенец прибил к стене голову тролля!

– Но не мою же, – разумно возразил Детрит.

– Но это ведь *ужасно*!

Детрит на мгновение задумался, а затем полез в покрытый пятнами деревянный ящик, где хранились все его пожитки, которые он посчитал нужным прихватить с собой в дорогу.

– В конце концов, енто древняя страна, – пояснил он. – И если вам от

ентого станет легче...

Он достал из ящика коробку поменьше и принялся рыться в каких-то странного вида камешках и тряпицах, пока не откопал нечто желто-коричневое и круглое, похожее на мелкую миску.

– Давно хотел выбросить, – сказал он, – но енто память о бабушке. Она хранила в нем всякую ерунду.

– Это часть человеческого черепа? – наконец нашел в себе силы спросить Ваймс.

– Да.

– И кому этот череп принадлежал?

– Можно подумать, у ентого тролля имя спрашивали! – На мгновение в голосе Детрита проступили раздраженные нотки. Затем он осторожно спрятал череп обратно в коробку. – Раньше все было иначе. Теперь вы не отрубаете нам головы, а мы не натягиваем вашу кожу на барабаны. Все тихо-мирно. А кто старое помянет...

Детрит пожал плечами, поднял сундуки и направился вслед за госпожой Сибиллой к лестнице. Ваймс снова посмотрел на голову тролля. Клыки были очень длинными, таких клыков у троллей не бывает. Охотник, наверное, был настоящим смельчаком, да к тому же еще и везунчиком. Он не только отважился вступить в схватку с троллем, но и умудрился выйти из нее живым. Куда проще подстеречь какого-нибудь старого тролля, а потом заменить его изношенные зубы новыми сверкающими клыками.

«О боги, что мы порой творим?...» Мимо, горбясь под тяжестью двух баулов, прошаркал местный разнорабочий.

– Игорь? – окликнул его Ваймс.

– Йа, ваше превофходительфтво.

– Я, стало быть, превосходительство? – уточнил Ваймс у Иниго.

– Да, ваша светлость.

– А кроме того, еще и светлость?

– Да, ваша светлость. Вы – его светлость его превосходительство герцог Анкский и главнокомандующий Стражей сэра Сэмюель Ваймс, ваша светлость.

– Погоди, погоди, я точно знаю. Либо «ваша светлость», либо «сэр». Одно бьет второе. Как в картах.

– Строго говоря, все верно, ваша светлость, но здесь титулам придается огромное значение, поэтому лучше играть полной колодой, ммф.

– Однажды, еще в школе, я целых полгода отвечал за классную доску. Был главным доскомоем, так сказать, – резко произнес Ваймс. – Может, тебе это тоже пригодится? Наша классная руководительница госпожа

Вентиль утверждала, что никто не умеет вытирать доску лучше меня.

– Весьма полезная информация, ваша светлость. Возможно, она понадобится нам во время бесед в укурительной комнате, ммф-ммхм, – ответил Иниго с нарочито бесстрастным лицом.

– А мы, Игори, вфегда предпочитаит обращение «мафтер», – сообщил Игорь. – Вы какие-нибудь новые приказы придумывайт?

Ваймс указал на головы, которыми были увешаны буквально все стены.

– Я хочу, чтобы их сняли, причем как можно скорее. Я ведь могу это сделать, не так ли, господин Сепаратор?

– Вы посол, сэр. Ммф-ммхм.

– В таком случае я приказываю их снять. Все до единой.

Игорь окинул встревоженным взглядом ряды воняющих камфарой голов.

– Даже меченую рыбу?

– Даже рыбу-меч. – Ваймс был непреклонен.

– И фнежного барфа?

– Да, обоих.

– А тролля?

– Особенно тролля. Позаботься об этом.

Игорь выглядел так, словно весь привычный для него мир вдруг рухнул, причем прямо ему на голову. Конечно, это была его обычная внешность, но общее ощущение было примерно таким.

– Что вы хотите ф ними пофтупайт, герр мафтер?

– Да делай что хочешь. Брось в реку, что ли. Нет, как поступить с троллем, спроси у Детрита. Может, его следует похоронить или еще что-нибудь. Кстати, когда ужин?

– Ну, мы имейт фвежие гардины^[17], ногги^[18], фклот^[19], фвайнфтекф и фофифки, – ответил Игорь, явно расстроенный распоряжением о трофеях. – Завтра я делайт необходимый закупка, ефли герр фветлофть фкажайт, что именно герру надобно.

– Швайнстекс... это свиная вырезка? – спросил Ваймс.

Жители пораженных засухой районов отвалили бы кучу денег, чтобы услышать, как Игорь произносит слово «фофифки».

– Йа, – сказал Игорь.

– А из чего сосиски?

– Э... Из мяфа? – неуверенно произнес Игорь, озираясь по сторонам.

Судя по всему, он искал пути к отступлению.

– Ну хорошо. Попробуем.

Ваймс поднялся по лестнице, а потом двигался на звук разговора, пока не попал в спальню, где Сибилла раскладывала одежду. Ей помогала Шелли.

Стены были покрыты резными деревянными панелями. Кровать размером с небольшое государство была украшена резными деревянными панелями. Причем маньяк с лобзиком и сюда добрался. Разве что полы не были деревянными. Они были каменными и излучали холод.

– Немного смахивает на внутренности часов с кукушкой, правда? – улыбнулась Сибилла. – Шелли вызвалась на время стать моей личной горничной.

Шелли бодро отдала честь.

– А почему бы и нет? – пожал плечами Ваймс.

После выдавшегося денька личная горничная с длинной волнистой бородой выглядела вполне нормальной прислугой.

– Полы немного холодные. Завтра я их измерю, чтобы заказать ковры, – твердым голосом заявила Сибилла. – Знаю, мы здесь надолго не задержимся, но ведь нужно оставить что-нибудь тем, кто въедет сюда после нас.

– Да, дорогая. Очень удачная мысль.

– Здесь есть ванна, – сообщила Сибилла, кивком показывая на дверь. – Очевидно, горячие источники совсем рядом, и вода от них подается по трубам. После ванны ты почувствуешь себя гораздо лучше.

Всего через десять минут Ваймс был с ней целиком и полностью согласен. Правда, вода была странного цвета и немного пахла (мягко скажем, тухлыми яйцами), однако мышцы приятно расслабились, напряжение уходило...

Он откинулся на спину и спокойно лежал в клубах пара, пахнущего перебродившими печеными бобами. Кусок пемзы, которым он соскабливал омертвевшую кожу со ступней, бился о противоположный край огромной ванны. Ваймс невидящим взглядом смотрел на него и думал о событиях прожитого дня.

События воняли ничуть не лучше воды в ванне. Каменная Лепешка была украдена, а он не верил в *подобные* совпадения.

Это было предположением, высказанным наугад. Выстрел вслепую, но в последнее время со слепыми ему везло. Кто-то спер копию Лепешки, а потом пропал *оригинал*, а один человек в Анк-Морпорке, который мастерски изготавливал из резины всякие штуковины, вдруг взял и умер. Не нужно было обладать мозгами попавшего в зимнюю вьюгу Детрита, чтобы понять: все эти события связаны.

Ваймс мучительно пытался вспомнить что-то и не мог. Кто-то что-то сказал, ему показалось это странным, а потом произошло что-то еще, и услышанное вылетело у него из головы. Что-то насчет... добро пожаловать в Здец. Вот только...

Он уже сюда пожаловал. В этом сомневаться не приходилось.

Еще одно подтверждение данного факта он получил через полчаса, за ужином.

Ваймс разрезал сосиску и недоверчиво уставился на тарелку.

– Что это в ней? Такое розовое? – спросил он.

– Э... Мясо, ваша светлость, – ответил с противоположного конца стола Иниго.

– А где структура? Где всякие белые кусочки, желтые кусочки и зеленые кусочки, которые, как ты всегда надеешься, являются пряностями?

– Понимаете ли, ваша светлость, местный гурман никогда не назвал бы анк-морпоркские сосиски сосисками, ммф-ммхм. Ну, или, выражаясь поместному, колбасками.

– Правда? И как бы он их назвал?

– Бумагой, ваша светлость. Возможно, отходом пищеварительного тракта. Но в Убервальде сосиски должны состоять исключительно из мяса, в противном случае мясник может быть повешен. Причем мясо обязано принадлежать носящему кличку одомашненному животному, и кличка эта должна быть качественно иной, нежели Пушок или Рыжик, ммм-ммхм. Впрочем, если ваша светлость предпочитает традиционную анк-морпоркскую кухню, Игорь без труда приготовит какой-нибудь гарнир из черствого хлеба и опилок.

– Спасибо за столь патриотическое замечание, – поблагодарил Ваймс. – Полагаю, я вполне удовлетворен этой едой. Просто немного удивился... Нет!

Он быстро накрыл ладонью кружку, в которую Игорь собирался налить пиво.

– Что-нибудь плохой, герр мафтер?

– Налей простой воды, – попросил Ваймс. – Никакого пива.

– Герр мафтер не пивайт... пива?

– Не пивайт. И будь добр, принеси какую-нибудь кружку без рожи, хорошо? – Он еще раз посмотрел на свою пивную кружку. – Кстати, а почему она с крышкой? Вы боитесь, что в нее случайно попадет дождь?

– Не могу утверждать с полной уверенностью, – сказал Иниго, когда Игорь зашаркал прочь, – но из некоторых наблюдений можно сделать вывод, что пивная кружка с крышкой нужна для того, чтобы пиво не

расплескалось, когда с помощью кружки дирижируют хором, ммм-мхм.

– А. Или для того, чтобы ее содержимое не заглывали залпом, – кивнул Ваймс. – Очень умная мысль.

Сибилла похлопала его по колену.

– Дорогой, ты уже не в Анк-Морпорке.

– Ваша светлость, – промолвил Иниго, наклоняясь поближе к Ваймсу, – пока нет посторонних... Меня очень беспокоит судьба господина Спуна. Исполняющего обязанности консула, помните? Он просто взял и исчез, ммм-мхм. Также исчезли некоторые личные вещи господина Спуна.

– Может, в отпуск подался?

– Только не в это время, сэр! И...

Раздался стук дерева о дерево, и вошел Игорь, многозначительно волоча за собой стремянку. Иниго откинулся на спинку стула.

Ваймс почувствовал, что с трудом сдерживает зевоту.

– Давай поговорим об этом утром, – предложил он, наблюдая, как Игорь подтаскивает стремянку к одной из стен, увешанных кошмарными охотничьими трофеями. – День выдался тяжелым: то одно, то другое...

– Конечно, ваша светлость.

Перина на кровати была настолько мягкой, что Ваймс ложился с некоторой опаской – это болото вполне могло проглотить человека с головой. А еще эта подушка... Всем известно, что подушка – это мешок, набитый перьями, а не жалкое пуховое нечто.

– Сэм, просто взбей ее, – посоветовала Сибилла из глубины перины. – Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

– Сэм?...

В ответ Сэм Ваймс захрапел. Сибилла вздохнула и повернулась к нему спиной.

Доносившийся снизу стук несколько раз будил Ваймса.

– Снежный барс, – пробормотал он и опять заснул.

Потом раздался грохот.

– Лось, – буркнула госпожа Сибилла.

– Или олень вапити? – отозвался Ваймс.

– Лось. Определенно.

Через некоторое время до них донесся глухой крик и почти сразу – тяжелый удар, за которым последовал звук, очень похожий на тот, что издает мирная деревянная линейка, если ее прижать к столу, потом оттянуть один конец и отпустить.

– Рыба-меч, – одновременно произнесли Сэм и Сибилла и снова

заснули.

– Вы должны вручить верительные грамоты правителям Здеца, – сказал утром Иниго.

Ваймс смотрел в окно. У входа в посольство стояли по стойке «смирно» двое стражников в радужной униформе.

– А что *они* здесь делают? – спросил он.

– Охраняют, – ответил Иниго.

– Кого и от чего?

– Просто охраняют, ммф. Полагаю, это вызвано тем, что особенно важным зданиям стражники придают *завершенный* вид.

– Что ты там говорил о верительных грамотах?

– Это просто официальные письма от лорда Витинари, подтверждающие ваше назначение. Ммф-ммм... Традиции – весьма путаная штука, но в данный момент – по порядку старшинства – следует в первую очередь посетить будущего короля-под-горой, потом леди Марголотту и барона фон Убервальда. Каждый из них, естественно, сделает вид, что двум другим вы визиты не наносили. Это называется соглашением. Достаточно нелепая система, но она позволяет сохранять мир.

– Если я правильно понял твой инструктаж, – промолвил Ваймс, все еще разглядывая стражников, – во времена имперского Убервальда балом правили вервольфы и вампиры, а все остальные служили для них обедом.

– Несколько упрощенно, но в целом правильно, – кивнул Иниго, стряхивая пылинку с плеча Ваймса.

– А потом все поменялось, и власть захватили гномы – прежде всего потому, что они жили в Убервальде повсюду и поддерживали друг с другом прочные связи...

– Их система определенно пережила политический переворот.

– А потом... Но что случилось потом? На сходку съехались все местные клопы?

– Клопный конвент, ммм. Конвент на убервальдском значит «встреча», а Клопы – это существовавший в то время крупный город вверх по течению реки, который славился своим печеньем из льняного полотна. Все пришли к... соглашению. Никто не объявлял никому войну, все сосуществовали в мире. Запрещалось выращивать чеснок и добывать серебро. Вервольфы и вампиры пообещали, что ни в чесноке, ни в серебре необходимости больше не возникнет. Ммм-ммм.

– По-моему, все проявили излишнюю доверчивость.

- Некоторое время соглашение соблюдалось.
 - А что обо всем этом думали люди?
 - Понимаете ли, ваша светлость, в истории Убервальда люди всегда были лишь фоном.
 - Наверное, умертвия скучают по былым временам?
 - О, самые сообразительные понимают: прошлого не вернуть.
 - В этом вся загвоздка, верно? Вычислить этих сообразительных. – Ваймс надел свой шлем. – А что ты можешь сказать о местных гномах?
 - Будущий король-под-горой считается весьма умным гномом, ваша светлость, мхм.
 - А как он относится к Анк-Морпорку?
 - Он способен принять Анк-Морпорк таким, каков он есть... или оставить в покое, ваша светлость. В завершение могу лишь сказать, что он нас недолюбливает.
 - А я думал, что недолюбливает нас как раз Альбрехт?
 - Не совсем так, ваша светлость. Альбрехт с удовольствием увидел бы Анк-Морпорк сожженным дотла. А Рыс просто хочет, чтобы нас не существовало.
 - Гм, а мне казалось, он из хороших парней!
 - Ваша светлость, я слышал, как по пути сюда вы не раз выражали негативные чувства по отношению к Анк-Морпорку, мхм-мхм.
 - Да, но я там *живу!* Я имею *право!* Это *патриотично.*
 - Ваша светлость, определение «хороший парень» – весьма странная штука. Согласитесь, ммхм-ммхм, в характеристику «хорошего парня» совсем не обязательно входит «любовь к Анк-Морпорку». Впрочем, осмелюсь предположить, вы и сами скоро это поймете. Кстати, та вчерашняя шутка со стражниками – похоже, это дело рук леди Марголотты. По крайней мере, именно она просила меня вернуть вас. И она пригласила вас выпить. «Посидим попьем», – да, в точности так она и выразилась.
 - О.
 - Она – вампир, ммм-mmm.
 - Что?
- Иниго вздохнул.
- Ваша светлость, я думал, вы понимаете. Вампиры – неотъемлемая часть Убервальда. Они здесь живут. Боюсь, с этим вам придется смириться. Насколько я знаю, сейчас они получают кровь... по соглашению. На некоторых людей титул производит неизгладимое впечатление, ваша светлость.
 - О боги.

– Именно. Так или иначе, вы будете в полной безопасности. Не забываете, у вас дипломатический иммунитет, ммм-мхм.

– Насколько припоминаю, он не слишком-то нам помог на Дичьем перевале.

– О, это были обычные разбойники.

– Правда? Кстати, этот твой Спун объявился? Может, стоит обратиться за помощью к местной Страже?

– Здесь нет Стражи – по крайней мере в нашем понимании. Да вы же сами их видели. Их можно считать привратниками, исполнителями воли правителей города, мхм-mmm, но только не стражниками. Однако я уже начал наводить справки.

– Сибилла должна участвовать в приемах? – спросил Ваймс и подумал: «Совсем недавно мы в Анк-Морпорке были абсолютно такими же».

– Как правило, в церемонии вручения верительных грамот участвуют только новый посол и его охрана.

– Стало быть, Детрит останется здесь, чтобы присмотреть за Сибиллой. Сегодня утром она заявила, что, если постелить везде ковры, дом станет гораздо уютнее, а когда она берет в руки портновский метр, ее уже ничто не остановит. Я прихватчу с собой Шельму и одного из торчащих на улице парней – для солидности. Полагаю, ты тоже едешь со мной?

– В этом нет необходимости, сэ. Ммм. Новый кучер знает дорогу. В конце концов, морпоркский – это язык дипломатии... А я тем временем продолжу наводить справки.

– Деликатно?

– Конечно, ваша светлость.

– А если он убит? Мы должны счесть это объявлением войны?

– И да, и нет, ваша светлость.

– Что? Но Спун служил... *служит* Анк-Морпорку!

Иниго неловко поежился.

– Все зависит от того... где он был и чем занимался...

Ваймс, ничего не понимая, смотрел на него, но потом его вдруг осенило:

– Он мог шпионить?

– Получать информацию. Все этим занимаются, ммм-мхм.

– Да, но если дипломат заходит слишком далеко, его просто отсылают домой. С весьма резкой по тону нотой.

– На побережье Круглого моря, ваша светлость, все так и происходит. Но у местных жителей несколько иной подход.

– Они режут не только нотами?

– Вот именно. Ммм.

Одним из стражников был капитан Тантони. Сначала возникли некоторые трудности, но в итоге стражник был вынужден согласиться с логичным доводом, что он должен везде находиться рядом с Ваймсом, раз уж он поставлен охранять анк-морпоркского посла. В общем и целом Тантони производил впечатление мучительно логичного человека.

Пока карета грохотала колесами по булыжным мостовым города, капитан Тантони украдкой поглядывал на Ваймса. Рядом со стражником, болтая ногами в воздухе, сидела Шелли. Ваймс про себя подметил (хотя не привык обращать внимание на подобные вещи), что форма ее нагрудника была искусно изменена – вероятно, тем же оружейником, услугами которого пользовалась Ангва. Эти усовершенствования преследовали одну цель – показать всем, что грудь под кирасой женской половины Стражи не совсем такой формы, как под кирасой, скажем, у капрала Шноббса, хотя груди такой формы, как у капрала Шноббса, скорее всего, не было ни у кого.

Кроме того, Шелли надела железные башмаки на высоких каблуках.

– Послушай, тебе совсем не обязательно было ехать, – громко произнес Ваймс.

– А я так не считаю, – твердо ответила она.

– Я имею в виду, что мог бы вернуться и взять с собой Детрита. Хотя, если бы я привел тролля в гномью шахту, результат был бы куда более плачевным. Но, с другой стороны, я приведу туда...

– Девушку, – услужливо подсказала Шелли.

– Э... Вот именно.

Ваймс почувствовал, что карета останавливается, и выглянул в окно. Вроде из города они еще не выехали...

Прямо перед собой, на небольшой площади, он увидел напминавшее форт сооружение с непропорционально большими воротами, которые у него на глазах распахнулись.

А за ними начинался уклон. Форт представлял собой не более чем четыре стены, защищавшие полого уходящий вниз широкий тоннель.

– Гномы живут прямо под городом? – спросил он, когда дневной свет постепенно сменился тусклым светом редко расположенных факелов.

Впрочем, даже такое освещение позволяло разглядеть, что карета, грохоча колесами, едет мимо длинной вереницы из повозок. Свет факелов выхватывал из темноты лошадей и о чем-то говоривших между собой возниц.

– Не только под городом, но и под большей частью Убервальда, – сказала Шелли. – Это просто ближайший вход, сэ. Вероятно, через минуту-другую мы остановимся, потому что лошади не любят... Ага.

Карета снова притормозила, и кучер громко постучал по стенке, сообщая, что поездка подошла к концу. Вереница из повозок уходила в другой тоннель, а их карета остановилась у небольшой ниши с большой дверью. Дверь охраняли два гнома с топорами за спинами, хотя по гномьим стандартам охранники считались «изысканно одетыми», а не «тяжеловооруженными». Зато их позы на всех языках мира означали лишь одно – так могут стоять только стражники.

– Сэм Ваймс – главнокомандующий Гор... посол Анк-Морпорка, – представился Ваймс, передавая одному из стражников документы.

По крайней мере, рядом с гномами нетрудно выглядеть высокой персоной.

К его немалому удивлению, бумаги были тщательно изучены. Один гном, выглядывая из-за плеча другого, указывал на наиболее интересные подпункты. Официальная печать была внимательно рассмотрена.

Один стражник показал на Шелли.

– Кра'к?

– Мой официальный охранник, – сказал Ваймс. – Включен в пункт «ассоциированные дипломатические сотрудники» на странице два, – вежливо добавил он.

– Должен шмонать твой карета, – сообщил стражник.

– Не выйдет. Дипломатическая неприкосновенность, – возразил Ваймс. – Шельма, объясни.

Шелли бегло затараторила на гномьем. Потом один из стражников, лицо которого недвусмысленно говорило о том, что ему не дает покоя некая мысль, толкнул своего товарища в бок и отвел в сторонку.

Там гномы стали оживленно перешептываться. Ваймс ничего не понимал, лишь уловил слово «Дичий». А чуть позже слово «хр'грат», что на гномьем означало «тридцать».

– О боги, – простонал он. – Не считая собаки?

– Вы все правильно поняли, сэ, – подтвердила Шелли.

Документ был торопливо возвращен. Ваймс отлично понимал язык жестов, даже если слова были написаны более мелким «шрифтом», чем обычно. Проблема оказалась стражникам не по зубам, и они с радостью переложили ее решение на плечи того, у кого больше зарплата.

Один из гномов дернул висящий рядом с дверью шнурок. Через некоторое время дверь открылась, и Ваймс увидел за ней маленькую

комнату.

– Мы должны войти, сэр, – сказала Шелли.

– Но там нет других дверей!

– Все будет в порядке, сэр.

Ваймс вошел в комнату. Гномы закрыли дверь, и они оказались в глухом помещении, освещаемом единственной свечой.

– Это такая приемная? – спросил Ваймс. Откуда-то издалека донесся глухой металлический звук. Пол задрожал, потом Ваймс с беспокойством почувствовал, что комната пришла в движение.

– Комната *двигается*? – спросил он.

– Да, опускается на несколько сотен футов. Думаю, это делается при помощи противовесов.

Дальше они стояли молча, и тишину нарушали только скрип и потрескивание стен. Потом что-то задрезжалось, в тело вернулось ощущение веса, и комната остановилась.

– Куда бы мы ни попали, – предупредил Ваймс, – держите ушки на макушке. Что-то созревает, я чувствую.

Дверь скользнула в сторону, и Ваймс увидел под землей звездное небо. Звезды были повсюду, вокруг него, над головой... под ногами.

– Кажется, мы спустились слишком глубоко, – сказал он, а потом его мозг наконец осмыслил то, что видели глаза.

Движущаяся комната доставила их к началу огромной пещеры, и сейчас Ваймс смотрел на тысячи свечей, расставленных по дну пещеры и ее галереям. Вдруг он заметил, что многие свечи двигаются, и только тогда осознал истинные масштабы раскинувшегося перед ним ландшафта.

Воздух был заполнен гулом, состоящим из тысяч голосов, которые отражались от стен многократным эхом. Иногда в общем шуме выделялся крик или смех, но в основном это было бескрайнее море звука, с грохотом накатывавшееся на берега барабанных перепонки.

– А я думал, вы живете в небольших шахтах, – сказал Ваймс.

– А я думала, люди живут в маленьких домиках, – парировала Шелли. Она взяла с полки у двери свечу и зажгла ее. – Но потом я приехала в Анк-Морпорк.

В движении огоньков можно было углядеть некий порядок. Целое созвездие направлялось к невидимой стене, на которой блики света очерчивали вход в огромный тоннель. Перед входом созвездие ждала вереница огоньков.

Ваймс обдумал происходящее. Одна шеренга что-то охраняет, а на нее движется толпа...

– Как-то все... не мирно, – заметил Ваймс. – Похоже, это скопление задумало что-то недоброе. Видно по походке.

– Командор Ваймс?

Он обернулся. В полумраке Ваймс различил нескольких гномов со свечами на шлемах. Чуть впереди, похоже, стоял предводитель.

Он видел подобных гномов в Анк-Морпорке, вернее – их спины, поскольку такие гномы старались не попадаться людям на глаза. Это был *глубинный* гном.

Надетый на нем плащ был сшит из частично перекрывавших друг друга кожаных пластин. Обычный круглый шлем (иногда Ваймсу казалось, что все гномы рождаются в таких шлемах) заменяла остроконечная кожаная шляпа с кожаными же «ушами» по периметру. Переднее «ухо» было привязано к тулье, дабы владелец шляпы мог смотреть на окружающий мир или, по крайней мере, на подземную его часть. В общем и целом гном представлял собой мобильный конус.

– Э... Да, он самый, – сказал Ваймс.

– Добро пожаловать в Шмальцберг, ваше превосходительство. Я – королевский *джар' ахк' хага*, что на вашем языке означает...

Но Ваймс уже быстро шевелил губами, пытаясь перевести.

– Дегустатор... идей? – спросил он.

– Ха! Можно и так выразиться. Меня зовут Ди. Прошу вас, следуйте за мной. Это не займет много времени.

Фигура скрылась. Один из гномов очень осторожно подтолкнул Ваймса, показывая, что тот должен следовать за дегустатором.

Доносившийся снизу звук усилился. Кто-то истошно заорал.

– Проблемы? – спросил Ваймс, догоняя быстро семенившего Ди.

– У нас нет никаких проблем.

«Ага, он солгал, – подумал Ваймс. – Начинается дипломатия».

Ваймс двинулся за гномом по извилистым пещерам. Или тоннелям – точно сказать было трудно, потому что в темноте сэр Сэмюель мог полагаться только на свое чувство пространства. Пару раз они проходили мимо освещенного входа в другую пещеру или в другой тоннель. У каждого входа дежурили гномы со свечами на шлемах.

Чуткий радар стражника постоянно посылал тревожные сигналы. Происходило что-то скверное. Ваймс чувствовал витающее в воздухе напряжение, словно бы все вокруг было пропитано тихой паникой. Периодически им навстречу попадались другие гномы, которые, никого не замечая вокруг, спешили по своим делам. Что-то *очень* скверное... Люди не знают, что делать, поэтому пытаются делать *все сразу*. И сейчас очень

важные чиновники должны были бросить все свои дела только ради того, чтобы какой-то идиот из далекого города вручил им несколько клочков бумаги.

Наконец в темноте распахнулась дверь. Она вела в большую овальную пещеру, которая из-за книжных шкафов, сплошь закрывавших стены, и заваленных бумагами письменных столов скорее походила на какую-нибудь контору.

– Присаживайтесь, командор.

Вспыхнула спичка. Потом загорелась свеча – одиноким парусом в море темноты.

– Мы хотим, чтобы наши гости чувствовали себя как дома, – сказал Ди и поспешил занять место за своим столом.

Он снял остроконечную шляпу и нацепил на нос, к немалому удивлению Ваймса, толстые дымчатые очки.

– У вас документы с собой? – спросил он.

Ваймс передал ему бумаги.

– Здесь говорится «его светлость», – подметил гном, пробежав взглядом документы.

– Это я.

– А еще «сэр».

– И это тоже я.

– И «его превосходительство».

– Боюсь, что так. – Ваймс прищурился. – А еще я целых полгода был главным по классной доске.

Из-за двери в дальнем конце пещеры донеслись чьи-то сердитые голоса.

– И в чем это главенство выражалось? – поинтересовался, чуть повысив голос, Ди.

– Что? Э... После каждого урока я должен был вытирать классную доску.

Гном кивнул. Голоса стали еще громче и напряженнее. Гномий язык идеально подходил для выражения недовольства.

– Стало быть, вы удаляли учения после их усвоения! – завопил Ди, перекрикивая гномий гвалт.

– Э... Да!

– Очень ответственное задание! Кому угодно его не поручишь!

– Наверное!

Ди сложил верительную грамоту и вернул ее Ваймсу, украдкой бросив взгляд на Шелли.

– Что ж, по-моему, все в порядке, – сказал он. – Не желаете что-нибудь выпить, прежде чем покинуть нас?

– Простите? Но я думал, что должен представиться вашему королю...

Дверь, из-за которой доносились голоса, уже начала прогибаться под напором ругани.

– О, в этом нет никакой необходимости, – пожал плечами Ди. – Пожалуй что, сейчас не стоит его беспокоить по...

– Таким пустякам? – закончил Ваймс. – А как же традиции? Я всегда считал гномов яркими приверженцами традиций.

– В данный момент это... нецелесообразно! – снова повышая голос, откликнулся Ди. – Надеюсь, вы меня понимаете.

– Предположим, я слишком глуп, – ухмыльнулся Ваймс.

– Уверяю, ваше превосходительство, король видит все, что вижу я, и слышит все, что слышу я.

– Это относится и к тому, что вы видите и слышите сейчас?

Ди забарабанил пальцами по столу.

– Ваше превосходительство, в вашем городе я пробыл очень недолго и смог получить лишь общее представление о ваших обычаях и привычках, но почему-то мне кажется, что вы надо мной насмехаетесь.

– Я могу говорить честно?

– Судя по тому, что я слышал о вас, ваше наблюдательство, вы всегда так и поступаете.

– Вы уже нашли Каменную Лепешку?

Выражение лица Ди сообщило Ваймсу, что этим вопросом он попал в самую точку. Но также оно сообщило, что все сказанное гномом в дальнейшем будет ложью.

– Какие странные и несоответствующие действительности слова вы произнесли! Каменную Лепешку невозможно украсть! Это не подвергается сомнению! И нам не хотелось бы, чтобы эту гнусную ложь в дальнейшем повторяли!

– Вы сказали, что я... – предпринял еще одну попытку Ваймс.

Судя по шуму, за дверью началась настоящая драка.

– Лепешка будет выставлена на всеобщее обозрение во время коронации! И это наше личное дело, Анк-Морпорка оно не касается! Я выражаю протест по поводу вмешательства в нашу частную жизнь!

– Но я просто...

– Кроме того, мы не обязаны предъявлять Лепешку какому-то чересчур любопытному нарушителю спокойствия. Это наша святыня, и она находится под надежной охраной!

Ваймс молчал. Ди умел врать гораздо лучше Это-Все-Я Дункана.

– Каждое лицо, покидающее Пещеру Лепешки, находится под наблюдением! Лепешку невозможно вынести оттуда! Она в полной безопасности! – Ди перешел на крик.

– Да, да, я все понял, – тихо произнес Ваймс.

– Вот и отлично!

– Значит, ее так и не нашли. Пока, во всяком случае.

Ди открыл рот, закрыл его и откинулся на спинку стула.

– Я думаю, ваша светлость, вам будет лучше...

Дальняя дверь распахнулась. В пещеру ворвался конусоподобный гном в плаще, остановился, оглядел всех присутствующих свирепым взглядом, выпрыгнул обратно в дверь, чтобы прокричать что-то, пришедшее в голову в последний момент, влетел обратно и ринулся через пещеру к противоположной двери. Однако тут же остановился, едва не налетев на Ваймса.

Склонив голову набок, гном внимательно осмотрел Ваймса с ног до головы. Между кожаными лоскутами поблескивали сверкающие яростью глаза.

– Арнак-Морпорак?

– Да.

Ваймс не понял слов, которые за этим последовали, но в злобном тоне сомневаться не приходилось. Главное – продолжать улыбаться. В этом вся дипломатия.

– Ну конечно, большое спасибо. Могу лишь сказать...

Тут гном увидел Шелли. Он что-то проворчал, а потом...

– Ха'ак! – вдруг заорал он.

С противоположной стороны пещеры, где толпились проникшие в дверь гномы, донеслись изумленные вздохи. Ваймс бросил взгляд на Шелли. Она стояла, закрыв глаза. Ее била дрожь.

– Кто этот гном? – спросил Ваймс у Ди.

– Это Альбрехт Альбрехтсон, – ответил дегустатор идей.

– Один из претендентов?

– Да, – хрипло откликнулся Ди.

– В таком случае скажи этому типу: если он еще хоть раз произнесет подобные слова в моем присутствии или в присутствии моих сотрудников, это повлечет за собой, как выражаемся мы, дипломаты, многочисленные последствия. А теперь упакуй все это поддипломатичнее и засунь ему куда следует, хорошо?

Ваймс краем уха услышал недовольное перешептывание. Очевидно,

кое-кто из присутствующих все же был знаком с морпоркским. Пара гномов с решительным видом направилась к нему.

Ди что-то истерически провизжал на гномьем. Несколько гномов подскочили к застывшему с открытым ртом Альбрехту и спокойно, но решительно вывели его из пещеры. По пути один из уводивших сделал небольшой крюк и успел шепнуть что-то на ухо дегустатору идей.

– Э... Король желает вас видеть, – пробормотал Ди.

Ваймс посмотрел на дверь, откуда продолжали прибывать гномы. На некоторых из них была одежда, которую Ваймс считал нормальной для гномов, но кое-кто был облачен в темные кожаные плащи глубинных кланов. Гномы пересекали пещеру и удалялись в другую дверь, награждая Ваймса сердитыми взглядами.

И вдруг пещера опустела.

– А вы пойдете? – спросил Ваймс.

– Только если он меня вызовет, – сказал Ди. – Желаю удачи, ваше наблюдательство.

За дверью располагалась зала. Книжные полки тянулись аж до самого потолка. Горевшие тут свечи не дарили света, но лишь изменяли плотность темноты. Свечей было много, и они уходили куда-то вдаль. Ваймс не мог не поразиться размерам этой пещеры...

– Здесь хранятся записи о каждом браке, каждом рождении, каждом перемещении гнома с одного рудника на другой. Также мы фиксируем порядок престолонаследия для каждого рудника, продвижение каждого гнома по к'закре, заявки на открытие рудников, легенды о знаменитых топорах и еще много всякого, – раздался голос за его спиной. – А еще, что наиболее важно, в этой комнате хранятся все принятые гномами решения за последние полторы тысячи лет.

Ваймс обернулся. Гном, низкорослый даже по гномьим стандартам, стоял за его спиной и, казалось, ждал ответа.

– Э... Что, правда все-все решения?

– Да.

– И все они были справедливыми?

– Справедливые или нет, они были приняты, и это главное, – пожал плечами король. – Благодарю тебя, э-э... гном, можешь выпрямиться.

Шелли стояла, согнувшись в низком поклоне.

– Прошу прощения, но я тоже должен поклониться? – спросил Ваймс. – Ты ведь... король или нет?

– Пока еще нет.

– Я... Вообще-то я... ожидал увидеть кого-нибудь...

– Продолжай.

– Кого-нибудь более царственного.

Король-под-горой вздохнул.

– То есть... Ну, ты выглядишь... Как самый обычный гном, – неуверенно произнес Ваймс.

На сей раз король улыбнулся. Ростом он был чуть ниже среднего гномьего и одет весьма непринужденно: в обычный почти-комбинезон из кожи и кольчугу домашней ковки. Король выглядел старым – впрочем, гномы начинали выглядеть старыми в возрасте пяти лет и выглядели такими же старыми лет этак через триста. Музыкальные нотки, звучавшие в его речи, напомнили Ваймсу говор жителей Лламедоса. В общем и целом шахтная кулинария Буравчика была полным-полна таких вот гномов.

– Эта дипломатия... – заговорил король. – Ну и как она тебе? Немножко разобрался?

– Должен признать, дипломатия дается мне не больно-то легко... ваше величество.

– Насколько мне известно, до последнего времени ты служил стражником в Анк-Морпорке?

– Э... да.

– А еще у тебя есть знаменитый предок – цареубийца?

«Начинается», – подумал Ваймс.

– Да, Камнелиц Ваймс, – ответил он, с трудом сохраняя спокойный вид. – Но я всегда считал такое отношение к нему немного несправедливым. Он убил всего одного короля. Не то чтобы он на этом специализировался.

– Но ты тоже не испытываешь симпатии к королям, – заметил гном.

– Я не много знал королев, сэр, – сказал Ваймс, надеясь, что его слова сойдут за дипломатичный ответ.

Король удовлетворенно кивнул.

– Однажды, еще в молодости, мне довелось побывать в Анк-Морпорке, – сказал он, подходя к длинному, заваленному свитками столу.

– Э... Правда?

– Меня называли украшением лужаек. А еще... как это... ах да... низкожопым. Дети бросали в меня камни.

– Мне очень жаль.

– Я думал, ты скажешь, что подобное в наше время уже невозможно.

– Почему ж? Иногда случается и такое, правда редко. Впрочем, всегда найдутся идиоты, которые не хотят шагать в ногу со временем.

Король едва не пронзил его взглядом.

– Ну да, конечно, со временем... Но сейчас существует лишь анк-морпоркское время. Ты меня понимаешь?

– Прошу прощения?

– Когда люди говорят: «Нужно шагать в ногу со временем», на самом деле они имеют в виду: «Ты должен поступать как я». А еще есть люди, которые считают Анк-Морпорк своего рода... вампиром. Он кусает и превращает укушенных в копии самого себя. Он сосет кровь. Наши лучшие гномы уезжают в Анк-Морпорк и живут там в нищете. Вы выпиваете нас досуха.

Ваймс не знал, что и ответить. Этот коротышка, сидящий сейчас за длинным столом, был куда умнее его – впрочем, даже не в этом дело. В данный момент мозг Ваймса больше напоминал пламя крошечной, грошовой свечи. А еще было совершенно очевидно, что король очень давно не спал. И тогда Ваймс решил, что лучше будет говорить напрямую.

– Я ничего не могу сказать на это, сэр, – промолвил он, выбирая один из вариантов поведения «я-говорю-с-Витинари». – Но...

– Да?

– Я задумался бы... Если бы я стал королем, то задумался бы немного о другом: почему мои подданные чувствуют себя более счастливыми, живя в анк-морпоркской нищете, чем здесь, дома?... Сэр.

– Ага. Значит, теперь ты решил научить меня думать?

– Ни в коем случае, сэр. Просто рассказываю, как думаю я. По всему Анк-Морпорку разбросаны гномьи бары, там, на стенах, можно увидеть самые разные инструменты для горных работ, и каждый вечер в этих барах собираются гномы, пьют пиво и поют печальные песни о том, как бы им хотелось вернуться домой в горы и добывать золото. Но стоит только сказать: «Отлично, ворота открыты, проваливайтесь, пишите письма!» – и в ответ ты услышишь: «Ну да, наверное, но сперва мне нужно достроить новую мастерскую... Хотя, может, в будущем году мы и в самом деле вернемся в Убервальд».

– Они возвращаются в горы умирать, – парировал король.

– А *живут* в Анк-Морпорке.

– И почему же, как тебе кажется?

– Не могу сказать. Скорее всего потому, что им не у кого спросить совета.

– А теперь вы еще хотите отобрать у нас золото и железо, – пожал плечами король. – Нам что, вообще ничего нельзя иметь?

– Увы, сэр, и здесь я промолчу. Я не обучен этой работе.

Король что-то пробормотал едва слышно и добавил, уже гораздо

громче:

– Особых побряжек от нас не ждите, ваше превосходительство. Слишком трудные времена настали.

– Зато моя настоящая работа – узнавать всякие вещи, – сказал Ваймс. – И если я могу хоть чем-нибудь...

Король сунул документы в руки Ваймсу.

– Верительные грамоты, ваше превосходительство. Я ознакомился с их содержанием и все учел.

«То есть типа заткнись», – подумал Ваймс.

– Впрочем, я хотел бы задать еще один вопрос, – продолжил король.

– Да, сэр?

– Действительно тридцать человек, не считая собаки?

– Нет, всего семь. Одного из них убил я, но только потому, что иначе поступить не мог.

– А как погибли остальные?

– Э... Стали жертвами обстоятельств, сэр.

– Ну хорошо, я не раскрою твою тайну. И тебе доброго утра, госпожа Задранец.

Шелли пораженно воззрилась на него.

– Права личности, – улыбнулся в ответ король. – Знаменитое достижение Анк-Морпорка. Спасибо, Ди, его превосходительство как раз собирался уходить. Можешь приглашать делегацию Медной горы.

Когда Ваймса выпроваживали, он заметил толпившуюся в приемной группу гномов. Один или двое даже кивнули ему, когда он проходил мимо.

Ди повернулся к Ваймсу:

– Надеюсь, вы не слишком утомили его величество?

– Судя по его виду, кто-то уже приложил к этому немало усилий.

– Времени на сон катастрофически не хватает, – сказал дегустатор идей.

– А что, Лепешка так и не нашлась? – с невинным видом спросил Ваймс.

– Ваше превосходительство, если вы не смените свою позицию по этому вопросу, лорду Витинари будет направлена нота протеста!

– Он просто обожает всякие ноты. Выход здесь?

Больше не было произнесено ни слова, пока Ваймс и его спутники не оказались в карете и перед ними не забрезжил дневной свет.

Краем глаза Ваймс заметил, что Шелли все еще бьет дрожь.

– Когда из теплого подземелья выезжаешь на свежий воздух, никак не можешь согреться, верно? – поинтересовался он.

Шелли облегченно улыбнулась.

– Именно так.

– Кстати, вполне приятный гном, – задумчиво произнес Ваймс. – По крайней мере честный. А что он пробормотал, когда я сказал, что не обучен этой работе?

– Он сказал: «А кто обучен?», сэр.

– Вот и мне так показалось. Все эти споры... Гораздо проще сидеть на троне и приказывать: «Сделайте то, сделайте это».

– Гномы великие спорщики, сэр, хотя, конечно, с этим многие не согласятся. Так или иначе, главные кланы нашего сообщества никак не могут прийти к соглашению. Ну, сами знаете, как бывает: медногорцы не хотят Альбрехта, цмальцбергцы никогда не поддержат кандидата по имени Золтссон, гномы Анк-Морпорка разделились пополам, а Рыс является представителем мелкого угледобывающего клана, живущего рядом с Лламедосом, и клан этот слишком слаб, чтобы встать на чью-либо сторону...

– То есть король – это не тот, кто нравится всем, а тот, кого все более-менее терпят?

– Именно, сэр.

Ваймс взглянул на скомканные верительные грамоты, которые король сунул ему в руку. Только при дневном освещении он заметил появившуюся в уголке мелкую надпись. Всего три слова:

«В ПОЛНОЧЬ, ПОНЯТНО?»

Что-то напевая себе под нос, Ваймс оторвал от документа клочок с посланием и скатал его в мелкий шарик.

– Ну и куда теперь? В гости к кровососам? – предложил он.

– Да не переживайте вы так, сэр, – попыталась помочь Шелли. – Ну, что она вам сделает? Голову, что ли, откусит?

– Спасибо, капрал, успокоила. Послушай, а эти плащи, в которые одеты некоторые гномы... Я так понимаю, на поверхности гномы укрываются ими от солнечного света, но зачем под землей-то их натягивать?

– Традиция, сэр. Их носили особые гномы... Их еще называли сигнальщиками.

– Правда? И чем они занимались?

– Вы знаете, что такое рудничный газ? Иногда он проникает в шахты и взрывается.

Шелли стала объяснять, а в воображении Ваймса возникали ужасные картины...

Рудокопы, если повезет, успевали выбраться из шахты. А потом туда входил сигнальщик, облаченный в несколько слоев кольчуги и кожи, с мешком плетеных, набитых промасленными тряпками шаров. И с длинным шестом. И с рогаткой.

Далеко внизу, в шахте, в полном одиночестве, он мог слышать стук, своего рода сигналы. Это шумел Аги Молотокрад и другие подобные твари, обитающие глубоко под землей. И никаких тебе ламп, потому что свет означал быструю, жуткую смерть в огне. Сигнальщик на ощупь пробирался в полной темноте, глубоко под землей.

А еще в шахтах обитал особого вида сверчок, который, почуяв рудничный газ, начинал громко стрекотать. У каждого сигнальщика обязательно был такой сверчок – сидел в привязанной к шляпе коробочке.

Когда сверчок заводил свою песню, сигнальщик, который был либо очень уверенным в себе, либо крайне самоубийственным, отступал назад, зажигал на конце длинного шеста факел и шел обратно в тоннель, выставив шест перед собой. Более осторожные сигнальщики отходили подальше, вкладывали в рогатку шар горячей промасленной ветоши и выстреливали этим шаром в невидимую смерть. А толстые кожаные одежды должны были защитить сигнальщика от взрыва.

Раньше эта опасная профессия не была наследственной – ну кто, спрашивается, захочет жениться на сигнальщике? Эти гномы считались ходячими мертвецами. Иногда молодые гномы сами вызывались на эту работу. Семьи устраивали им торжественные проводы, очень гордились их самоотверженностью, однако, раз попрощавшись, в дальнейшем говорили о них исключительно в прошедшем времени. Так было проще.

Впрочем, иногда сигнальщики возвращались. И те, кто умудрился раз остаться в живых, жили довольно долго, ведь выживание – это всего лишь дело практики. Порой они рассказывали о том, что слышали в глубоких темных шахтах – стук погибших гномов, пытавшихся вернуться в мир живых, далекий хохот Аги Молотокрада, биение сердца черепахи, на которой покоился мир.

И, как правило, сигнальщики становились королями.

Ваймс слушал с открытым ртом и никак не мог взять в толк: ну почему гномы считают, что у них нет религии? Есть – и религия, и священнослужители. Религией гномов была сама жизнь. Они уходили в темноту ради блага клана, слышали там что-то, перерождались и возвращались к своему народу, чтобы рассказать...

Примерно пятьдесят лет назад один живший в Анк-Морпорке и работавший жестянщиком гном обнаружил, что если закрыть пламя фонаря простой мелкой сеткой, то в присутствии газа пламя окрасится в голубой цвет, но сам газ не взорвется. Данное открытие имело огромную ценность для всего гномьего племени и, как это часто случается с подобными открытиями, немедленно привело к войне.

– А после, – печально произнесла Шелли, – гномы разделились. Те, что живут на Медной горе, начали использовать лампы и патентованные детонаторы газа, ну а шмальцбергцы, наоборот, стали рьяно отстаивать традиции. Конечно, все мы – гномы, но отношения сложились довольно... напряженные.

– Не сомневаюсь.

– О нет, все гномы признают необходимость избрания короля-подгорой, просто...

– ...Кое-кто не понимает, почему сигнальщики до сих пор располагают такой властью?

– Все это очень печально, – сказала Шелли. – Мой брат Храпун тоже ушел из дома, чтобы стать сигнальщиком... Я не рассказывала об этом?

– Кажется, нет.

– Он погиб где-то под Борогравией. Внезапный взрыв газа. Зато он делал то, что всегда хотел делать. – Она подумала и в приступе внезапной честности добавила: – По крайней мере пока не рвануло. А после этого... не знаю, вряд ли он так радовался своей работе.

Карета ехала вверх по склону возвышавшейся рядом с городом горы. Ваймс опустил взгляд на маленький круглый шлем сидевшей рядом гномихи. «Иногда мы считаем, будто знаем о человеке все, а на самом деле...» – подумал он.

Колеса загрохотали по деревянному настилу подъемного моста.

Замки бывают разные, но этот выглядел так, словно его могла взять приступом даже маленькая группка самых неумелых солдат. Архитектор, строивший его, никогда не слышал о фортификационных сооружениях. Зато он вдохновлялся сказками и дизайнерскими тортами. Это был замок, которым нужно было любоваться. Что же касается обороны, куда эффективнее было бы просто спрятаться под одеялом.

Карета остановилась во внутреннем дворике. К изумлению Ваймса, ей навстречу, приволакивая ноги, вышла знакомая фигура в потрепанном черном пальто.

– Игорь?

– Йа, герр мафтер?

– Какого черта ты здесь делаешь?

– Э... Открывайт каретную дверь, герр мафтер, – ответил Игорь.

– Но почему ты не...

И буквально через мгновение до Ваймса дошло, что это был другой Игорь. У этого Игоря глаза были одинакового цвета, и шрамы находились в других местах.

– Извини, – пробормотал он. – Я думал, что ты Игорь.

– Вы, наверное, имеют в виду мой двоюродный родфтверник? – догадался Игорь. – Он работайт пофольфтво. И как он поживайт?

– Э-э, выгядит... неплохо, – ответил Ваймс. – В принципе... неплохо, да.

– А он не поминайт, как дела у Игоря, герр мафтер? – сказал Игорь и засеменял вперед так быстро, что Ваймсу приходилось поспевать за ним чуть ли не бегом. – Никто из наф не получайт о нем найн вефтей. Даже Игорь, который бывайт ему так близок.

– Прошу прощения? В вашей семье что, всех зовут Игорями?

– Конечно, герр мафтер. Так куда легкой.

– Правда?

– Йа, мафтер. Любой проживатель Убервальда, который хоть что-нибудь из фебя предфтваляйт, и думайт не думайт, чтоб нанимайт к фебе не Игоря. Уже приходийт, герр мафтер. Фрау мафтер готова ваф принимайт.

Они вошли в арку. Игорь услужливо распахнул дверь, которая была усеяна гвоздями со шляпками сверх всех возможных приличий. Дверь вела в коридор.

– Ты уверена, что хочешь ийти со мной? – спросил Ваймс у Шелли. – Она ведь вампир.

– Я нормально отношусь к вампирам, сэр.

– Везет тебе, – сказал Ваймс и посмотрел на молчаливого Тантони.

Стражник явно выгядел напряженным.

– Передай нашему приятелю, что мы в нем не нуждаемся и он может подождать нас в карете, чертов счастливчик. Последнюю характеристику можешь не переводить.

Тантони стрелой умчался прочь. Игорь тем временем открыл внутреннюю дверь.

– Его фветлофть его превофходительфтво...

– А, сэр Сэмюель, – улыбнулась леди Марголотта. – Входьите же, очень вас прошью. Я слышьала, вам не нравьитса быть его светлостью. Это так утомительно, йа? Но служба есть служба.

Он ожидал увидеть нечто совсем иное. Настоящие вампиры не могут

носить жемчуга и розовые джемперы. И ходить по дому в мягких туфлях без каблуков. В их замках не может быть гостиных, в которых вся мебель – буквально вся – обита ситцем.

Леди Марголотта больше смахивала на добрую тетушку, ну, или, скажем, на даму, которая получила дорогое образование и сейчас жила в свое удовольствие вместе с любимым пони по кличке Непоседа. Леди Марголотта двигалась как человек, давно привыкший к своему телу, и в целом выглядела так, как и должна была выглядеть, согласно мнению Ваймса, «женщина определенного возраста» (насколько «определенного» – этого не знал даже сам Ваймс).

Хотя... тут присутствовали некоторые детали, которые не могли не вызвать вопросов. На розовом джемпере были вышиты *летучие мыши*, и узоры на мебельной обивке определенно напоминали летучих мышей. Маленькая собачка с большим бантом, лежавшая на подушечке, смахивала скорее на крысу, чем на собаку. Правда, в последнем Ваймс был не совсем уверен – собачки подобного типа все до единой напоминали крыс. Общее впечатление от обстановки было довольно сумбурным: кто-то тут явно умел читать ноты, но оригинальных мелодий никогда не слышал.

Вдруг Ваймс осознал, что хозяйка ждет именно его, и неуклюже поклонился.

– О, милостиво прошью, без церемоний, – сказала леди Марголотта. – Садьтесь, садьтесь. – Она подошла к застекленному шкафчику и открыла его. – Не жьелаете глоток Бычьей Крови?

– Это такой коктейль с водкой? Потому что...

– О нет, – тихо произнесла леди Марголотта. – Боюсь, это несколько иной напиток. Мы с вами очень похвожи друг на друга. Мы оба не пьем... алкоголь. Насколько мне известно, вы были алкоголиком, да, сэр Сэмюель?

– Нет, – ответил захваченный врасплох Ваймс. – Я был пьяницей. Чтобы стать алкоголиком, у меня было слишком мало денег.

– Хорошо сказано. Я приньесу лимонад, если жьелаете. А фрау Задранец что будьет пить? Кстати, пива у нас не имьеется.

Шелли удивленно посмотрела на Ваймса.

– Э... Тогда, может, немного хереса?

– Разумьеется. Игорь, ступай. Он просто сокровище, вы так не счьтаете? – добавила она, когда Игорь удалился.

– Он определенно выглядит так, словно его совсем недавно выкопали из земли, – не задумываясь брякнул Ваймс. Данной фразы не было в дипломатическом протоколе встречи.

– О, все Игори так выглядят. Он служит моей семье почти двести лет. По крайней мере большая его часть.

– Правда?

– Он почему-то пользуется бешеным успехом у молодых фрау. Как, впрочем, и все Игори. Я предпочла не выяснять причин. – Леди Марголотта широко улыбнулась Ваймсу. – Итак, пьем за ваше пребывание здесь, сэр Сэмюель.

– Вы многое обо мне знаете, – слабым голосом произнес Ваймс.

– О, уверяю, только хорошее, – сказала она. – Вы не любите канцелярский труд, легко выходите из себя, слишком сентиментальны, сильно жальете о том, что не получили в свое время образования, не доверяете эрудиции других, весьма гордитесь своим городом и часто размышляете над тем, не есть ли вы классовый предатель. Мои... друзья в Анк-Морпорке не смогли найти на вас ничего особо плохого, хотя, поверьте мне, искать они умеют. А еще вы пытаете отвращение к вампирам.

– Я...

– О, я вполне понимаю. Мы ужасные люди, в общем и в целом.

– Но вы...

– Я стараюсь оптимистически глядеть на вещи, – пожала плечами леди Марголотта. – Кстати, как вам король?

– Он весьма немногословен, – дипломатично ответил Ваймс.

– Скорее коварен. Не сомневаюсь, о вас он знает много больше, чем вы о нем. Не жьелаете печенья? Я сама его, конечно, не ем, но в городе живет один человек, он выпькает изумительное шоколадное печенье. Игорь?

– Йа, фрау мафтер, – откликнулся Игорь, и Ваймс едва не расплескал лимонад по всей комнате.

– Но его ведь здесь не было! – воскликнул он. – Я сам видел, как он уходил! Слышал, как закрылась дверь!

– Неисповеданны пути Игоря. Игорь, приньеси сэру Сэмюелю салфетку.

– Вы сказали, что король коварен, – напомнил Ваймс, вытирая лимонад с бриджей.

Игорь поставил на стол блюдо с печеньем и, волоча ноги, вышел из комнаты.

– Правда? Нет, вряд ли я мьогла такое сказать. Ведь это так... недипломатично, – возразила леди Марголотта, даже глазом не моргнув. – Я вьерю, мы все поддърживаем нового короля-под-горой, уважаем выбор

гномов, пусть даже некоторые из них считают его ярким приверженцем традиций и темной лошадкой.

– Я правильно понял вашу последнюю фразу? – спросил Ваймс, чувствуя себя в море дипломатии как рыба в воде, чему немало способствовали мокрые бриджи.

– Конечно нет. Вы слышали, что их Каменную Лепешку кто-то украл?

– Сами гномы это отрицают, – сказал Ваймс.

– И вы им верьете?

– Нет.

– А вы знаете, что нет Лепешки – нет и коронации?

– И нам придется ждать, пока они выпекут другую? – спросил Ваймс.

– О нет. Но королей-под-горой больше не станет, – ответила леди Марголотта. – Легитимность, понимаете? Лепешка символизирует преемственность до самого Б'хриана Кровавого Топора. Легенда гласит, что он сел на Лепешку, когда она была еще теплой, и оставил на ней отпечаток определенной части тела.

– Вы намекаете, что королевский титул передается от жо... от ягодиц к ягодицам?

– Люди верят в короны, не так ли?

– Да, но корону хотя бы носят на противоположной части тела!

– Ну хорошо, тогда в троны. – Леди Марголотта вздохнула. – Люди придают большое значение всяким пустякам. Коронам. Реликвиям. Чесноку. Как бы там ни было, начнется гражданская война за лидерство, в которой Альбрехт, несомненно, одержит победу, после чего прервет торговые отношения с Анк-Морпорком. Вы это понимаете? Он считает ваш город источником зла.

– Анк-Морпорк таков и есть, – подтвердил Ваймс. – Уж я-то знаю, поскольку живу там.

– Еще я слышала, что он называет всех живущих там гномов *д'храраками*, – продолжала вампирша. Шелли, стоявшая за спиной Ваймса, громко охнула. – То есть не-гномами.

– Он слишком много на себя берет, – хмыкнул Ваймс. – Кроме того, наших гномов это вряд ли расстроит.

– Гм, – сказала Шелли.

– Вот именно. Молодая фрау выглядит немного обеспокоенной, и я советую вам прислушаться к ее словам, сэр Сэмюель.

– Прошу прощения, – перебил Ваймс, – но почему вы проявляете о нас такое беспокойство?

– Вы действительно совсем-совсем не пьете, сэр Сэмюель?

– Совсем-совсем.
– Ни глоточка?
– Ни глоточка, – резко отрубил Ваймс. – Вы бы и сами это знали, если бы...

– Тем не менее вы дьержите бутылку в нижнем ящике своего стола, – заметила леди Марголотта. – Вы себя испытываете? Все равно что носить вывернутую наизнанку власяницу.

– Я хочу знать, кто сообщил вам все это!

Леди Марголотта вздохнула. У Ваймса сложилось отчетливое впечатление, что он только что провалил еще одно испытание.

– Я богата, сэра Сэмюель. С вампирами такое случается. Лорд Витинари, насколько мне известно, считает информацию твердой валютой. Но твердая валюта – это *всегда* информация, известнейший факт. Деньгам не нужно говорить, деньгам достаточно лишь слушать.

Леди Марголотта неожиданно замолчала и уставилась на Ваймса, как будто ожидая его ответа. Под ее пристальным взглядом Ваймс даже заерзал.

– Кстати, как поживает Хэвлок Витинари? – поинтересовалась она.

– Патриций? Насколько мне известно, у него все в порядке.

– Он, наверное, очень постарьел.

– Никогда не знал точно, сколько ему лет, – пожал плечами Ваймс. – Но, полагаю, он примерно моего возраста.

Леди Марголотта вдруг резко вскочила на ноги.

– Что ж, сэра Сэмюель, встреча была интересной. Надеюсь, госпожа Сибилла чувствует себя хорошо?

– Э...да.

– Отлично. Я очень рада. И уверяю, мы еще встретимся. Игорь вас проводит. Привет барону. Гладьте его от меня.

– Шельма, что все это значит? – спросил Ваймс, когда карета покатила вниз по склону горы.

– Что именно, сэра?

– Практически все. Почему гномы в Анк-Морпорке должны взбунтоваться, если кто-то назовет их не-гномами? Они-то знают, что это не так.

– Законы гномов перестанут на них распространяться, сэра.

– Вот уж не знал, что на них распространяются местные законы.

– Я имею в виду... нарушится весь уклад жизни, сэра. Браки, похороны, все остальное. Браки разом станут незаконными. Будет запрещено погребение старых гномов на родной земле. Это ужасно. Нет такого гнома,

который не мечтал бы ближе к старости вернуться домой и открыть собственную маленькую шахту.

– Что, даже те, кто родился в Анк-Морпорке, мечтают об этом?

– Дом – это не просто место жительства, сэр, – пояснила Шелли. – Кроме того, возникнут и другие трудности. Все контракты утратят свою силу. Гномы предпочитают жить по старым добрым твердым правилам, сэр.

– У нас в Анк-Морпорке тоже есть законы. Ну, более или менее.

– В сделках между собой гномы предпочитают пользоваться своими законами, сэр.

– Готов поспорить, гномам с Медной горы это совсем не понравится.

– Конечно, сэр. Начнется раскол. А потом еще одна война. – Шелли вздохнула.

– Интересно, почему она все время поднимала тему выпивки?

– Не знаю, сэр.

– Терпеть не могу вампиров... Никогда их не любил и не люблю.

– Понимаю вас, сэр.

– Ты заметила ту крысу?

– Да, сэр.

– По-моему, она смеялась надо мной.

Карета снова загрохотала по булыжным мостовым Здеца.

– Война будет кровавой?

– Думаю, куда кровавее, чем та, что случилась пятьдесят лет назад, – ответила Шелли.

– Что-то не припоминаю никакой войны, – нахмурился Ваймс.

– Мало кто из людей слышал о ней, – промолвила Шелли. – Почти все боевые действия происходили под землей. Делались подкопы, прорывались тоннели для вторжения, и так далее. А на поверхности ничего не было. Ну, обрушилась парочка домов, да кое-где вдруг пропал уголь. Вот и все.

– Хочешь сказать, гномы имеют привычку рушить тоннели друг другу на головы?

– Именно.

– А я всегда считал вас весьма законопослушными гражданами.

– И правильно делали, сэр. Мы весьма законопослушны, да только недостаточно милосердны.

«О боги, – думал Ваймс, пока карета переезжала через мост в центре города. – Оказывается, меня послали вовсе не на коронацию, а на самую настоящую войну, которая вот-вот разразится».

Он поднял голову и поймал пристальный взгляд Тантони. Заметив это,

капитан быстро отвернулся.

Леди Марголотта следила за каретой, пока та не въехала в городские ворота. Она предусмотрительно заняла позицию чуть сбоку от окна, за занавеской. Небо было затянуто облаками, но инстинкт самосохранения – весьма живучая штука.

– Какой рассерженный человек, правда, Игорь?

– Йа, фрау мафтер.

– Я замьетила, как за его терпеливостью проступает ярость. Интересно, когда он дойдет до крайности?

– Я подавай катафалк, фрау мафтер.

– О, уже так поздно. Тогда пора выезжать. Когда я не появляюсь на встрече, все как-то падают духом.

Замок на противоположной стороне долины был гораздо более грубым, чем кондитерское жилище леди Марголотты. Впрочем, ворота были широко распахнуты, и, судя по виду, закрывались они не часто.

Высокая главная дверь выглядела весьма внушительно. Единственной особенностью, свидетельствовавшей о том, что вряд ли эту дверь заказывали по стандартному каталогу для оборудования замков, была вставная маленькая дверца высотой всего несколько футов.

– А это еще зачем? – спросил Ваймс. – Сюда даже гном с трудом пролезет.

– Ну, некоторые люди возвращаются домой в разных видах... – мрачно сказала Шелли.

Главная дверь распахнулась, едва Ваймс успел коснуться рукой дверного молотка в виде волчьей головы. На этот раз он уже был готов.

– Доброе утро, Игорь.

– День добрый, ваше превофходительфтво, – с поклоном ответил Игорь.

– Игорь и Игорь передают приветы.

– Фпафибо, ваше превофходительфтво. Но коли вы об этом упомянайт, мочь я покладайт ваша карета пофылку к Игорю?

– Ты имеешь в виду посольского Игоря?

– Его фамого, ваше превофходительфтво, – терпеливо подтвердил Игорь. – Он прошайт у меня руку помощи.

– Не вижу никаких проблем.

– Благодафтвовайт. Я хорошо ее оборачивайт, а лед не давайт тухнуть. Благоволийте ходить фюда. Мафтер в данный момент перекидаефтя.

Игорь, хромая, вошел в огромный зал, одну стену которого занимал

гигантский камин, и отклонялся.

– Он сказал то, что я подумал? – спросил Ваймс. – Я имею в виду руку и лед.

– Думаю, вы неправильно его поняли, сэр, – сказала Шелли.

– Надеюсь. О боги, ты только посмотри на это!

Со стропил свисал огромный красный флаг.

В центре его красовалась черная волчья голова с полной пастью стилизованных молний вместо зубов.

– Думаю, это их новый флаг, – сказала Шелли.

– А мне казалось, на нем должен быть изображен герб с двуглавой летучей мышью.

– Может, они решили, что настало время перемен, сэр?

– А, ваше превосходительство! А где же Сибилла?

Вошедшая женщина была Ангвой, только несколько располневшей с годами. На ней было длинное зеленое платье, несколько старомодное по анк-морпоркским стандартам, но некоторые стили никогда не выходят из моды, главное – надевать на правильную фигуру. Шагая через зал, женщина расчесывала волосы.

– Э... Сегодня она решила остаться в посольстве. Поездка была достаточно утомительной. А вы, видимо, баронесса Серафина фон Убервальд?

– Да, а вы Сэм Ваймс. Сибилла писала о вас в каждом своем письме. Барон скоро присоединится к нам. Мы охотились и потеряли счет времени.

– С лошадьми бывает много хлопот, – вежливо заметил Ваймс.

Улыбка Серафины на мгновение стала странной.

– Ха, да, конечно, – согласилась она. – Приказать Игорю принести вам что-нибудь выпить?

– Нет, спасибо.

Она села в одно из кресел и лучезарно улыбнулась ему.

– Вы уже познакомились с новым королем, ваше превосходительство?

– Сегодня утром.

– Похоже, у него возникли неприятности.

– Почему вы так решили?

Серафина выглядела удивленной.

– Я думала, все об этом знают.

– Ну, я пробыл здесь не более пяти минут, поэтому вряд ли меня можно отнести ко всем.

Ваймс с удовольствием отметил, что баронесса озадаченно нахмурилась.

– Мы... просто слышали, что возникли какие-то проблемы, – неуверенно произнесла она.

– Да, конечно... Новый король, организация грядущей коронации... Столько хлопот, проблемы неизбежны, – ответил он.

«Так вот что значит дипломатия, – подумал Ваймс про себя. – То же самое, что вранье, только по отношению к людям выше классом».

– Разумеется.

– С Ангвой все в порядке, – сказал Ваймс.

– Вы точно не хотите выпить? – спросила Серафина и вдруг вскочила на ноги. – А, вот и мой муж...

Барон ворвался в комнату, словно смерч, который где-то по пути прихватил несколько щенков. Собаки то вырывались вперед, то возвращались и прыгали вокруг хозяина.

– Привет! Привет! – взревел барон.

Ваймс увидел перед собой огромного мужчину – не слишком толстого, не слишком высокого, но общими масштабами на одну десятую больше среднего человека. Также можно было бы сказать, что у барона было лицо с бородой, на самом же деле это была борода с лицом, которое едва-едва виднелось в узкой полоске между бровями и усами. Барон надвигался на Ваймса в облаке шерсти, прыгающих щенков и запаха старых половиков.

Ваймс был готов к рукопожатию, но не к такому. Он даже поморщился, когда чудовищная сила чуть не смолочила в порошок кости его руки.

– Рад, что зашел, эй? Много слышал о тебе!

«Но видимо, все-таки недостаточно», – подумал Ваймс, подозревая, что больше никогда не сможет пользоваться правой рукой. Она все еще находилась в тисках. Собаки заметили гостя. Ваймс был тщательно обнюхан.

– Огромный привет Анк-Морпорку, эй? – воскликнул барон.

– Э... Да, конечно, – пробормотал Ваймс. Кровь доходила только до запястья.

– Садись! Садись! – пролаял барон. Ваймс пытался подобрать другое слово, но не смог, потому что барон не говорил, а именно лаял – короткими, отрывистыми фразами, заканчивая каждую либо вопросительным, либо восклицательным знаком.

Ваймса подвели к креслу. Наконец барон отпустил его руку и упал на огромный ковер, а возбужденные щенки мгновенно облепили его.

Серафина издала звук, одновременно похожий на рычание и мягкий укор заботливый жены. Барон послушно сбросил с себя собак и переместился на кресло.

– Принимайте нас такими, какие мы есть, – сказала Серафина, улыбаясь одними губами. – В нашей семье принята неформальная обстановка.

– У вас тут очень красиво, – неубедительно произнес Ваймс, окидывая взглядом огромный зал.

Стены были увешаны охотничьими трофеями, но по крайней мере тролльих голов тут не было. Не было и оружия. Никаких вам копий, ржавых старинных мечей или сломанных луков – вопиющее нарушение закона, касающегося внутреннего убранства замков. Ваймс долго смотрел на стену, потом на резную панель над камином. Затем опустил взгляд чуть ниже.

Один из псов – тут следует сразу объяснить: Ваймс использовал термин «псы» только потому, что они находились в помещении, а в таком месте очень редко встретишь волка – наблюдал за ним. Ваймсу еще не приходилось встречать животных, умеющих смотреть столь оценивающе. Пес именно что рассматривал его.

И что-то знакомое было в бледно-золотистой шерсти, смахивающей на гриву. На самом деле она напоминала гриву Ангвы, но была несколько гуще. И еще одно отличие... На первый взгляд оно могло показаться мелким и незначительным, но в действительности было *страшно* важным. В этом псе, как и в Ангве, ощущалось некое едва сдерживаемое движение, но если Ангва всегда выглядела так, словно вот-вот бросится наутек, то этот пес, судя по его виду, готов был кинуться вам в горло.

– Вам понравилось посольство? Знаете, этот дом принадлежал нам, пока мы не продали его лорду В... Ве...

– Витинари, – подсказал Ваймс, неохотно отводя взгляд от пса-волка.

– Конечно, ваши люди многое там переделали, – продолжила она.

– Да и мы от себя добавили, – сказал Ваймс, вспомнив о блестящих пятнах на деревянных стенах, где еще совсем недавно висели охотничьи трофеи. – Но ванна – это поистине... Прошу прощения?

Со стороны барона донеслось едва слышное поскуливание. Серафина смерила своего супруга уничтожающим взглядом.

– Да уж, – резко произнесла она. – Очень неплохой дом. Был.

– Вам так повезло, что в городе есть теплые источники, – сказал Ваймс.

«В этом тоже заключается дипломатия, – подумал он. – Твой рот болтает без умолку, а ты следишь за глазами собеседников. Все как у стражников».

– Сибилла как раз собиралась поехать на воды в Бад-Хайсс-Бад...

Он услышал за спиной тихое рычание барона и заметил, как на лице Серафины буквально на мгновение проступило выражение недовольства.

– Я говорю что-то не то? – спросил он с невинным видом.

– Мой супруг сейчас неважно себя чувствует, – произнесла Серафина особым голосом жены, и Ваймс мгновенно понял смысл ее слов: «Сам-то он считает, что все хорошо, но погоди, муженек, вот останемся мы наедине...»

– Думаю, будет лучше, если я все-таки вручу свои верительные грамоты, – сказал Ваймс, доставая бумаги.

Серафина протянула руку и быстро выхватила у него документ.

– Я его прочту, – пообещала она. – Конечно, это не более чем формальность. Командора Ваймса все знают. Не хочу вас обидеть, но мы были несколько удивлены, когда патриций В...

– Лорд Витинари, – услужливо подсказал Ваймс, сделав ударение на первом слоге.

В ответ ему раздалось тихое рычание.

– Ну да, конечно... Сказал, что приедете именно вы. Хотя мы ожидали увидеть кого-нибудь из более... опытных... дипломатов.

– О, я ничуть не хуже других разношу бутербродики с огурцами, – успокоил ее Ваймс. – А если нужно сложить горкой золотистые кругленькие конфетки, лучшего человека вы днем с огнем не сыщете.

Баронесса долго смотрела на него ничего не выражающим взглядом.

– Прошу прощения, ваше превосходительство. Морпоркский – не мой родной язык, боюсь, мы случайно могли понять друг друга неправильно. Насколько я знаю, в реальной жизни вы стражник?

– В реальной жизни – да.

– Мы всегда выступали против организации стражи в Здеце, – заявила баронесса. – Всякая стража ограничивает свободу личности.

– Да, да, мне приходилось слышать подобные доводы, – согласился Ваймс. – Но все зависит от того, является ли личность, о которой вы так печетесь, вами самими либо кем-то, вылезавшим из окна вашей ванной комнаты, – он заметил, как баронесса поморщилась, – с мешком фамильного серебра за плечами.

– К счастью, с личной безопасностью у нас никогда не было проблем, – пожала плечами Серафина.

– Неудивительно, – заметил Ваймс. – Учитывая стены, ворота и все такое прочее.

– Надеюсь, Сибилла сможет присутствовать на приеме сегодня вечером. Но мы, кажется, вас задерживаем, я знаю, у вас столько дел...

Игорь вас проводит.

– Йа, фрау мафтер, – откликнулся появившийся за спиной Ваймса Игорь.

Ваймс почувствовал, что река ярости вот-вот прорвет плотину собранности.

– Я передам сержанту Ангве, что вы справлялись о ее здоровье, – пообещал он.

– Конечно, – кивнула Серафина.

– Но сейчас мне так не терпится принять приятную, расслабляющую ванну, – сказал Ваймс и с удовольствием отметил, что барон и его супруга дружно вздрогнули. – Что ж, удачного вам дня.

Шелли браво шагала рядом с ним по длинному коридору.

– Пока мы отсюда не уберемся, ни слова, – прошипел Ваймс.

– Сэр?

– Потому что я хочу убраться отсюда живым.

Несколько псов провожали их до порога. Они не рычали, не скалили зубы, но двигались с куда большей целеустремленностью, чем та, которая, как правило, свойственна животным, склонным нюхать друг у друга под хвостами.

– Я покладайт пофылку в карету, ваша фветлофт, – сказал Игорь, открыв дверь кареты и постучав себя костяшками пальцев по лбу.

– Я обязательно передам ее Игорю, – пообещал Ваймс.

– О, не Игорю, герр мафтер. Нужно отдавайте ее *Игорю*.

– Разумеется.

Когда лошади пошли рысью, Ваймс выглянул в окно. Волк с золотистой шкурой сидел на ступенях лестницы и смотрел им вслед.

Наконец карета выехала из внутреннего двора замка. Откинувшись на спинку дивана, Ваймс закрыл глаза. Шелли была достаточно умна, чтобы хранить молчание.

– И никакого оружия на стенах, ты заметила? – спросил Ваймс через некоторое время. Его глаза по-прежнему были закрыты, словно он разглядывал запечатленную на веках картинку. – Почти во всех замках стены буквально увешаны подобным хламом.

– Но они же вервольфы, сэр.

– Ангва что-нибудь рассказывала о своих родителях?

– Нет, сэр.

– Они не пожелали говорить о ней, и это факт. – Ваймс открыл глаза. – Гномы? – пожал плечами он. – С гномами я всегда ладил. И с вервольфами... С ними у меня тоже не возникало никаких проблем. Но

сегодня мне досталось от всех. От всех, кроме этой поганой вампириши. Почему?

– Понятия не имею, сэр.

– У них очень большой камин.

– Вервольфы любят спать у огня, сэр, – сказала Шелли.

– Да, я заметил. Барон крайне неудобно чувствовал себя в кресле. А что там за девиз выгравирован на огромной каминной доске? «Хомими...»

– «Хомо Хомини Люпус», сэр, – поправила Шелли. – Это значит: «Человек человеку – волк».

– Ха! Шельма, почему я до сих пор не повысил тебя в звании?

– Потому что я стесняюсь кричать на других, сэр. Сэр, кстати, вы не заметили ничего странного в развешанных на стенах трофеях?

Ваймс снова закрыл глаза.

– Олень, медведи, какой-то зверь, похожий на пуму... Почему ты спрашиваешь, капрал?

– А под ними?

– Дай-ка вспомнить... По-моему, под ними ничего не было.

– Вот именно, сэр. Пустое место с тремя крюками. Как-то... неаккуратненько.

Ваймс задумался.

– Ты имеешь в виду, – осторожно произнес он, – что на этих трех крюках тоже висели трофеи, но по какой-то неведомой нам причине их сняли?

– Похоже на то, сэр. Или, может, трофеи не сняли, а просто еще не успели повесить?

– Головы троллей?

– Кто знает, сэр?

Карета въехала в город.

– Шельма, у тебя сохранилась серебряная кольчуга?

– Э... Нет, сэр. Я перестала ее надевать, потому что мне это показалось немного предательским по отношению к Ангве, сэр. А что?

– Да так, пришла в голову одна мысль. О боги, под сиденьем... Это посылка для Игоря?

– Думаю, да, сэр. Послушайте, я немного знаю об Игорях. Если это и настоящая рука, поверьте, прошлому владельцу она уже не пригодится.

– Что? Они отрезают себе запчасти от мертвецов?

– По-моему, лучше так, чем отрезать их от живых, сэр.

– Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду.

– Сэр, есть такое правило хорошего тона. Если один из Игорей чем-то

помог вам, вы должны указать в своем завещании, что они вправе воспользоваться любой частью вашего тела, если это поможет кому-то еще. Деньги Игори никогда не берут. Просто носят с собой небольшие карточки. И пользуются большим уважением в Убервальде. Игори мастерски владеют скальпелем и иглой. На самом деле, это настоящая профессия.

– Но они с головы до ног покрыты шрамами и швами!

– Это естественно. Они сначала пробуют все на себе, а уж потом помогают другим.

Ваймс решил разобраться в этом кошмаре до конца. Это отвлекло его от мыслей об отсутствующих на стене трофеях.

– А существуют Игориньки? Или Игоретты?

– Понимаете ли, любая молодая девушка только и мечтает о том, чтобы залучить себе в женихи какого-нибудь Игоря...

– Правда?

– Обычно от Игорей рождаются очень красивые дочери.

– Все такие из себя ладно скроенные?

– О да.

Когда дверь в ответ на долгий стук наконец открылась, их встретило не лицо Игоря, ставшее уже почти родным, а рабочий конец арбалета Детрита, что было значительно хуже.

– Это мы, сержант, – сказал Ваймс. Арбалет исчез, и дверь отворилась немного *шире*.

– Извините, сэр, но вы ж сами велели быть начеку.

– Нет никакой необходимости...

– Игорь ранен, сэр.

Игорь с забинтованной головой сидел в огромной кухне. Вокруг хлопотала госпожа Сибилла.

– Я отправилась на его поиски пару часов назад и нашла Игоря лежащим на снегу, – сказала она и наклонилась к Ваймсу чуть ближе. – Он почти ничего не помнит.

– Эй, старина, ты помнишь, что тогда делал? – спросил Ваймс, присев рядом с Игорем.

Игорь посмотрел на него мутным взглядом.

– Герр мафтер, я ходийт разгружайт продукты другая карета, взыйт в руки какой-то пакет, и фвет мерк-мерк перед глазами. Вероятнофтно, я пофкользийт.

– Или кто-то ударил тебя?

Игорь пожал плечами. На мгновение оба его плеча оказались на одном уровне.

– Но что там было воровать?! – воскликнула госпожа Сибилла.

– Может, кому-то до смерти захотелось сэндвича со свиными голяшками, – предположил Ваймс. – Что-нибудь пропало?

– Я проверил все по списку, который мне дала ее светлость, сэр, – отрапортовал Детрит, многозначительно посмотрев на Ваймса. – Ничего не пропало, сэр.

– Пойду проверю лично, – сказал Ваймс.

Выйдя на улицу, он подошел к карете и внимательно осмотрел снег вокруг. Кое-где из-под снега выглядывали булыжники. Потом Ваймс поднял взгляд на сетку, растянутую над двором.

– Все в порядке, Детрит, – сказал он. – Можешь говорить.

– Сэр, у меня возникло странное чувство, – пророкотал тролль. – Я знаю, что «тупой» – это мое отчество...

– Вот уж не думал, что у тебя есть еще и фамилия, сержант.

– Но вряд ли все это было случайно случившейся случайностью.

– Он мог свалиться с кареты, когда ее разгружал, – намекнул Ваймс.

– В таком случае я – фея Брякбряк, сэр.

Ваймс был поражен. Детрит в который раз демонстрировал свои низкотемпературные умственные способности.

– Дверь на улицу была открыта, – продолжил Детрит. – Я полагаю, Игорь спугнул когой-то, кто пытался выкрасть наши вещи.

– Но ты сам сказал, что ничего не пропало.

– Видимо, вор испугался, сэр.

– Увидел Игоря и испугался? А что, вполне возможно...

Ваймс осмотрел сумки и коробки. Потом осмотрел их еще раз. Они были разбросаны вокруг как попало. Так кареты не разгружают, разве что ты ищешь что-то определенное и очень торопишься. Кто мог пойти на такой риск? И ради каких-то продуктов?

– Гм, стало быть, ничего не пропало... – сказал он и задумчиво потер подбородок. – Кто грузил вещи в карету, Детрит?

– Не знаю, сэр. Кажется, ее светлость. Велела грузить все подряд.

– И уезжали мы в некоторой спешке...

Ваймс замолчал. Сейчас лучше помолчать. Есть одна идея, но где доказательства? Логика простая. Из того, что должно было здесь находиться, ничего не пропало. Значит, взяли то, что *не должно* было здесь находиться. Да. Пока запомним, а дальше...

Вернувшись в дом, Ваймс заметил пачку визитных карточек на стоявшем у дверей столике.

– Было много посетителей, – пояснил Детрит.

Ваймс взял несколько карточек. Некоторые из них были с золотым обрезаем.

– Приходили разные, ну, как их, чемоданы...

– Дипломаты.

– ...Дипломаты и звали вас на форшмак...

– На фуршет.

– ...На фуршет херес гонять, – наконец завершил свой рассказ тролль.

– На рюмку хереса, значит... – рассеянно произнес Ваймс, перебирая карточки. – Гм-м... Клатч... За-Лунь... Орлея... Ланкр... Ланкр? Да это королевство переплюнуть можно! И у них тоже имеется посольство?

– Нет, сэр, только почтовый ящик.

– И мы все в него поместимся?

– На время коронации они сняли дом, сэр.

Ваймс бросил приглашения на столик.

– Вряд ли я все это выдержу, – сказал он. – Человек может выпить лишь определенное количество стаканов фруктового сока и выслушать определенное количество плоских шуток. Детрит, где находится ближайшая клик-башня?

– Милях в пятнадцати в сторону Пупа, сэр.

– Хочу узнать, что происходит дома. Думаю, сегодня мы совершим с госпожой Сибиллой приятную прогулку по окрестностям. Это немного отвлечет ее от грустных мыслей.

«Теперь главное – дожидаться полуночи, понятно?» – добавил про себя он. А сейчас еще чуть за полдень...

В конце концов Ваймс остановился на следующих кандидатурах: Игорь в качестве кучера и гида, плюс два стражника – Тантони и еще один, «сержант Колонный». Сепаратор так и не показывался – очевидно, где-то проворачивал свои гнусные делишки, – а Ваймсу очень не хотелось покидать посольство без охраны.

«Кстати, вот еще один синоним для дипломата, – размышлял он. – Шпион. Единственное отличие состоит в том, что принимающее правительство прекрасно знает, чем ты занимаешься. А дальше начинается игра в „кто кого перехитрит“...»

Солнце было теплым, дул прохладный ветерок, и в прозрачном воздухе горные вершины выглядели так, словно до них можно было дотянуться рукой. На выезде из города заснеженные виноградники и фермы цеплялись за крутые склоны (вообще-то в Анк-Морпорке склоны такой крутизны называли стенами), но через некоторое время горы немного

расступились, и они въехали в сосновый лес. На поворотах можно было увидеть петлявшую далеко внизу реку.

Сидевший на козлах Игорь что-то тихо напевал.

– Он утверждает, что все Игори очень быстро поправляются, – сказала госпожа Сибилла.

– Иначе и быть не может.

– Сэм, господин Сепаратор говорил, что все они очень одаренные хирурги.

– Судя по всему, пластическая хирургия тут совсем не развита.

Лошади замедлили ход.

– Игорь, а тебе часто приходилось здесь бывать? – спросил Ваймс.

– Я вывожусь фюда гофподина Фпуна раз неделя, герр мафтер, забирайт фообщения.

– Гораздо проще было бы построить приемную башню прямо в Здеце.

– Городфкой фовет протэфтовайт, герр мафтер.

– А ты?

– Я вфегда приветфтовайт перемены, герр мафтер.

Из-за очередного поворота показалась клик-башня. Ее первые двадцать футов или около того были каменными, с узкими зарешеченными оконцами. На этих каменных стенах располагалась широкая площадка, из которой, собственно, и вырастала сама башня. Из-за высокого каменного основания врагу было труднее добраться до башни или поджечь ее. Внутри каменного домика было достаточно места для хранения припасов, там можно было переждать осаду, а кроме того, враг должен был отлично понимать, что находящиеся внутри вызовут подмогу буквально через тридцать секунд после начала атаки. У семафорных компаний были деньги, и устроены они были по принципу всех транспортных компаний. Если башня прекращала работу, обязательно появлялся человек, задававший неприятные, *острые* вопросы. Закона тут не было, поэтому люди, являвшиеся от семафорных компаний, всегда старались оставить ясное и недвусмысленное послание: клик-башни лучше не трогать.

Некоторые уроки народ усваивает очень быстро, поэтому Ваймс весьма удивился, увидев, что огромные сигнальные заслонки стоят без движения.

Волосы у него на загривке зашевелились.

– Сибилла, не выходи из кареты, – велел он.

– Что-то не так?

– Пока не знаю, – ответил Ваймс, хотя на самом деле все уже знал.

Выскочив из кареты, он кивнул Игорю.

– Я посмотрю, что происходит внутри. Если возникнут... неприятности, немедленно вези госпожу Сибиллу назад в посольство, понял?

Затем Ваймс снова сунулся в карету и, стараясь не смотреть на Сибиллу, поднял одно из сидений. Из потайного отделения он достал предусмотрительно спрятанный там меч.

– Сэм! – осуждающе воскликнула Сибилла.

– Извини, дорогая. Я подумал, лишний меч нам никогда не помешает.

Приблизившись к башне, Ваймс увидел рядом с дверью шнурок звонка и дернул за него. Откуда-то сверху донесся звон.

Когда ответа не последовало, он осторожно потянул за дверную ручку. Дверь распахнулась.

– Всем привет!

Тишина.

– Это Стра...

Ваймс замолчал. Какая Стража? Только не здесь. Здесь бляха стражника не поможет. Кто он вообще такой? Любопытный, сующий нос не в свои дела сукин сын, вторгнувшийся на чужую территорию.

– Эй, тут есть кто-нибудь?

Комната была завалена мешками, ящиками и бочками. Куда-то вверх вела деревянная лестница. Ваймс поднялся и обнаружил на втором этаже совмещенную со столовой спальню. Две койки, неубранные.

На полу валялся стул. Стол был накрыт – даже столовые приборы аккуратно разложены. На плите в чугунном котелке что-то варилось, но уже почти выкипело. Ваймс приоткрыл дверцу печки и услышал глухой хлопок, когда ворвавшийся в топку поток воздуха заставил вспыхнуть обуглившиеся дрова.

А еще он услышал металлический звон наверху.

Ваймс задумчиво посмотрел на лестницу, которая вела к люку в потолке. Любой поднявшийся по ней и сунувший голову в люк моментально заработает нож в горло или пинок сапогом в висок...

– Коварная лестница, не так ли, ваша светлость? – услышал он голос сверху. – Думаю, вам стоит сюда подняться. Ммм-ммхм.

– *Иниго?*

– Здесь достаточно безопасно, ваша светлость. Кроме меня, никого. Ммм.

– С каких это пор ты стал считать себя безопасным?

Ваймс поднялся по лестнице. Иниго сидел за столом и просматривал какие-то бумаги.

– А где бригада?

– Это, ваша светлость, – сказал Иниго, – большая загадка, ммм-mmm.

Одна из.

– А что, есть и другие?

Иниго кивнул на лестницу, которая вела на следующий этаж.

– Посмотрите сами.

Система управления заслонками была полностью разрушена. Рама замысловатой конструкции превратилась в грудку планок и обрывков проволоки.

– Думаю, на ремонт уйдет несколько часов. И то, если будут работать специалисты, – сообщил Иниго, когда Ваймс вернулся.

– Иниго, что здесь произошло?

– Могу сказать только одно: работавшие тут люди вынуждены были покинуть свои рабочие места, ммф-ммхм. Причем в срочном порядке.

– Но это ведь хорошо укрепленная башня!

– И что с того? Им все равно нужно выходить за дровами. О, у компании строгие правила. Она помещает троих молодых парней в башню вдали от цивилизации, каждая смена – по десять недель, и ждет от них, что они будут работать как часы. Видите люк, который ведет к пульта управления? Он должен быть все время заперт. А теперь, ваша светлость, представим вас и меня на месте этих... этих...

– Паскудников? – подсказал Ваймс.

– Ну... в принципе... ммм... В общем, мы с вами разрабатываем систему, которая не позволит оперировать заслонками при открытом люке. Так?

– Ну, допустим.

– И пишем правила, согласно которым вменяется, ммхм, в случае появления в башне постороннего немедленно посылать клик на соседние башни. Успеваете следить?

– Вполне.

– В существующей ситуации, как я подозреваю, любой с виду безвредный гость, принесший для ребят, скажем, яблочный пирог, будет встречен с распростертыми объятиями, – вздохнул Иниго. – Парни сменяются раз в два месяца. Вокруг них одни деревья.

– Никакой крови, никаких следов борьбы, – сказал Ваймс– Ты снаружи проверил?

– В конюшне должна стоять лошадь. Ее там нет. Башня построена на скале. Вокруг я обнаружил отпечатки волчьих лап, но они в этих лесах повсюду. Кроме того, шел снег, который мог замести следы. Местные

дежурные... исчезли, ваша светлость.

– А ты уверен, что этот твой гость вошел в дверь? – спросил Ваймс. – Можно приземлиться на площадке, и вот тебе окно, добро пожаловать.

– Вампир? Ммм?

– Об этом стоит подумать, не так ли?

– Но следов крови я не нашел...

– Разумеется. Зачем тратить понапрасну хорошую еду? – пожал плечами Ваймс. – Подумай о детишках, голодающих в За-Луне. А это что такое?

Он вытащил из-под нижней койки ящик. Внутри лежало несколько открытых с одного конца трубок примерно фут длиной.

– «Барсук-и-Нормаль, Анк-Морпорк», – прочел он. – «Ракетный осветительный патрон (красный). С огнепроводным шнуром. В пищу не употреблять». Это фейерверк, господин Сепаратор. Я видел такие на кораблях.

– А, тут что-то такое было... – Иниго быстро пролистал лежавшую на столе книгу. – Вот. В случае серьезной опасности они могли запустить предупреждающую ракету. И все бросаются им на выручку: из специального депо на равнине высылается отряд быстрого реагирования, а ближайшая к Анк-Морпорку клик-башня отправляет пару специалистов. Все башни должны работать. Компания очень серьезно относится к подобным происшествиям.

– Конечно. Потому что теряет деньги, – сказал Ваймс, заглядывая в трубку. – Иниго, эта башня должна заработать. Я не хочу застрять тут в полной безвестности.

– Дороги еще не замело. Возможно, они придут сюда завтра, ближе к вечеру. Сэр, на вашем месте я не стал бы этого делать!

Ваймс, достав из трубки ракету, недоумевающе посмотрел на Иниго.

– Тут требуется огонь, иначе ничего не выйдет, – пояснил он. – Эти штуки абсолютно безопасны. Их даже в качестве оружия не используешь – прицелиться нельзя, а по башке не треснешь, потому что картонные. Пошли посмотрим, что там на крыше.

– Ваша светлость, наверное, лучше дождаться темноты, ммм. Так нашу ракету увидят две-три башни с каждой стороны. А сейчас... В лучшем случае – те, что совсем близко.

– Что ж, и это тоже хлеб.

– Но, сэр, мы даже не знаем, есть ли на этих башнях кто живой. А что, если там случилось то же самое? Ммм?

– Ты думаешь...

– Я не думаю, сэр. Я государственный служащий. Просто даю людям советы, ммм-ммф. А думать – это уже их дело. Так вот, сэр, я советую подождать пару часов. А еще советую, сэр, вернуться в город с госпожой Сибиллой *немедленно*. Как только стемнеет, я запущу ракету, после чего тоже вернусь в посольство.

– Подожди, командующий здесь...

– Нет, ваша светлость, только не здесь. Или вы забыли? Здесь вы гражданское, в некотором смысле, лицо, ммхм-ммм. Не волнуйтесь, мне ничего не угрожает...

– Местная бригада тоже так считала.

– Они не я, ммхм-ммхм. Ваша светлость, ради безопасности госпожи Сибиллы я *советую* вам *немедленно* уехать.

Ваймс медлил. Ему не нравилось сразу несколько вещей. Во-первых, то, что Иниго было абсолютно прав. А во-вторых, то, что этот чиновник, несмотря на все уверения в собственной *бездумности*, думал за него. Вообще-то он, Ваймс, в данный момент совершал со своей женой увеселительную поездку по сельской местности.

– Ну хорошо. Но вот что еще я хотел спросить. Как ты здесь оказался?

– Спуна в последний раз видели, когда он ехал сюда отправлять сообщение.

– А... Значит, твой господин Спун был не из тех дипломатов, что разносят бутербродики с огурцами. Я прав?

Иниго кисло улыбнулся.

– Абсолютно прав, сэр. Он был дипломатом несколько иного сорта. Ммм.

– Твоего?

– Ммм. Вам пора, ваша светлость. Солнце клонится к закату. Ммм-ммм.

Капрал Шноббс, президент и глава Гильдии Стражников, проводил строевой смотр.

– Отлично. А теперь еще раз. Наши требования?

Заседание забастовочного комитета началось давно и проходило в баре. Стражники уже начинали страдать легкой потерей памяти.

Руку поднял констебль Пинг.

– Э... Надлежащий порядок рассмотрения жалоб, создание комитета по жалобам, пересмотр порядка повышения по службе... Э...

– ...Хорошая посуда в столовой, – подсказал кто-то.

– ...Ограждение от необоснованных обвинений в краже сахарозы, –

сказал кто-то еще.

- ...Не более семи ночных смен подряд...
- ...Повышение нормы выдачи башмаков...
- ...Трехдневный отпуск каждый год на похороны бабушки...
- ...Невыплата за голубиный корм из собственного кармана...
- ...И по кружке пива всем.

Последнее требование получило всеобщее одобрение.

На ноги поднялся констебль Башмак. В свободное от работы время он по-прежнему являлся идейным вдохновителем Движения В Защиту Прав Мертвецов, а поэтому изрядно поднаторел в подобных заседаниях.

– Нет, нет, нет, нет, *нет*, – сказал он. – Требования должны быть проще. Они должны *отскакивать* от зубов. Обладать ритмом. Например: «Чего мы хотим? Дзда-ди-дуж-ди. Когда мы хотим? Прямо сейчас!» Понятно? Требование должно быть простым. Попробуем еще раз. Чего мы хотим?

Стражники переглянулись. Никому не хотелось быть первым.

– Еще выпить? – неуверенно предложил кто-то.

– Да! – поддержали из задних рядов. – Когда мы хотим? ПРЯМО СЕЙЧАС!

– Ну вот, кажись, получилось, – сказал Шноббс, когда стражники столпились у стойки. – Редж, а что нам еще нужно?

– Плакаты для пикета, – ответил констебль Башмак.

– Мы устроим пикет?

– Конечно.

– В таком случае, – твердо заявил Шнобби, – нам понадобится большая железная бочка. В которой мы будем жечь всякий хлам.

– Зачем? – удивился Редж.

– Мы будем стоять вокруг большой бочки и греть руки, – пояснил Шнобби. – Чтобы люди видели: мы – официальный пикет, а не толпа каких-нибудь отморозков.

– Но мы и есть отморозки, Шнобби. Во всяком случае, нас частенько так называют.

– Все правильно. Затем и бочка. Мы будем вокруг нее греться, и отморозками нас уже никто не назовет.

Когда карета Ваймса отъехала от клик-башни, солнце уже висело над самым Краем. Игорь подстегнул лошадей. Ваймс глянул в окно на обочину, которая мелькала всего в нескольких футах от колес кареты и в нескольких сотнях футов над текущей внизу рекой.

– Куда мы так торопимся? – крикнул он.

– Должны возвратиться домой до заката! – крикнул в ответ Игорь. – Такой традиция!

Огромное красное солнце нырнуло в густую грядку облаков.

– Не мешай ему, дорогой. Традиция так традиция, – сказала госпожа Сибилла, закрывая окно. – Лучше расскажи, что там в башне случилось.

– Сибилла, мне не хотелось бы тебя волновать...

– Вот теперь я действительно разволновалась, так что выкладывай.

Обреченно вздохнув, Ваймс рассказал ей то немногое, что было известно ему самому.

– Их кто-то убил?

– Возможно.

– Те же люди, что напали на нас в ущелье?

– Гм, вряд ли.

– Не слишком-то приятный получается отпуск, правда, Сэм?

– Я абсолютно бессилен, и это меня бесит, – пожаловался Ваймс. – В Анк-Морпорке... у меня есть связи, контакты, можно было бы разработать хоть какой-нибудь план! А здесь буквально все что-то скрывают. Новый король считает меня дураком, вервольфы смотрят как на какую-нибудь пакость, притащенную в дом кошкой. Единственным существом, которое отнеслось ко мне хоть как-то по-человечески, была эта клятая вампирша!

– Только не кошкой, – вдруг сказала Сибилла.

– Что? – озадаченно спросил Ваймс.

– Вервольфы ненавидят кошек, – пояснила Сибилла. – Я это точно помню. О да, кошатниками их никак не назовешь.

– Ха. Неудивительно. Они предпочитают псов. Кроме того, они терпеть не могут слова «ванна». Интересно, барон умеет приносить палку?...

Карета, резко накренившись, пролетела крутой поворот.

– Наверное... мне стоит рассказать тебе о коврах, – задумчиво промолвила Сибилла.

– Что? Барона в детстве не приучили ходить в туалет?

– Я имею в виду посольские ковры. Помнишь, я говорила, что собираюсь измерить полы? Так вот, на первом этаже измерения не сошлись...

– Не хочу показаться невежливым, дорогая, но сейчас не совсем подходящий момент для обсуждения ковров.

– Сэм?

– Да, дорогая?

– Перестань думать как муж и начинай думать как... стражник, хорошо?

Ваймс бодрым шагом вошел в посольство и сразу же вызвал к себе Детрита и Шелли.

– Сегодня вечером вы идете с нами на бал, – сказал он. – Бал будет шикарным. Сержант, у тебя есть что надеть, кроме униформы?

– Никак нет, сэр.

– Отправляйся к Игорю. Мне говорили, он мастерски владеет иглой. А у тебя, Шельма?

– У меня есть... э... платье, – ответила Шелли, застенчиво потупив взор.

– Правда?

– Так точно, сэр.

– Гм. Отлично. Я присваиваю вам ранг сотрудников посольства. Шельма, ты будешь... военным атташе.

– О! – воскликнул разочарованный Детрит.

– А ты, Детрит, будешь атташе по культуре.

Троль заметно повеселел.

– Сэр, вы не пожалеете об ентом, сэр!

– Очень хотелось бы надеяться, – кивнул Ваймс. – А сейчас иди за мной.

– Енто касается культуры, сэр?

– Возможно. В самом широком смысле этого слова.

Ваймс, сопровождаемый Сибиллой и троллем, поднялся по лестнице в кабинет и остановился у одной из стен.

– Эта? – спросил он.

– Да, – ответила госпожа Сибилла. – Она сразу показалось мне чересчур толстой, но пока я не сделала замеры...

Ваймс провел ладонью по деревянной панели, пытаясь отыскать что-нибудь, готовое сделать «щелк». Потом отступил на несколько шагов.

– Сержант, дай-ка мне свой арбалет.

– Пожалуйста, сэр.

Взяв тяжеленное оружие, Ваймс чуть пошатнулся, но потом все же сумел навести его на стену.

– Сэм, а это разумно? – спросила Сибилла.

Ваймс сделал еще один шаг назад, прицеливаясь... И вдруг под его ногой шевельнулась половица. Стенная панель плавно скользнула в сторону.

– Вы ее до смерти напугали, сэр, – похвалил преданный Детрит.

Ваймс осторожно вернул ему арбалет и попытался сделать вид, будто все изначально так и планировалось.

Он ожидал обнаружить за панелью какой-нибудь потайной ход, а увидел крошечную мастерскую. На полках стояли банки с наклейками, на которых было написано: «Пласт Новаво Местараждения, зона 21», «Жыр, Первый Сорт, Большая Дыра». На кусках породы были наклеены аккуратные картонные ярлычки типа «Штольня № 3, Шахта 9, Рутник Двуручной Керки».

Рядом с полками стоял комод, один ящик которого был доверху забит всякими принадлежностями для грима. Одних накладных усов здесь было не меньше десятка разновидностей.

Ваймс молча открыл лежащую на столе тетрадь. На первых страницах он увидел исполненный карандашом план городских улиц. Карта была вся испещрена какими-то красными линиями.

– Вы только посмотрите, – выдохнул он, листая блокнот. – Карты. Планы. Целые страницы, посвященные исследованиям жировых залежей. Ха, вот послушайте-ка: «Как выясняется, новые месторождения нутряного жира, которые считались перспективными, могут содержать высокое количество ГХТ и, весьма вероятно, скоро истощатся». А вот еще: «За хаосом, спровоцированным пропажей Лепешки, должен последовать тщательно спланированный путч вервольфов... К. сообщает, что многие молодые вервольфы присоединяются к В., который сейчас ведет очень тонкую игру...» Это же... это же самый настоящий шпионаж! А я-то ломал голову, и откуда Витинари столько знает?!

– На самом деле ему являются видения. Дорогой, ты бываешь таким наивным...

– Но здесь столько всякой информации... Ссылки на людей, цифры о производительности гномьих рудников, политические сплетни... Я понятия не имел, что мы занимаемся... *этим!*

– Дорогой, ты и сам постоянно прибегаешь к услугам шпионов, – напомнила Сибилла.

– Я? Никогда!

– Правда? А как насчет Старикашки Рона? Хосе Фигвама? Хромононого Майкла?

– Это *не* шпионаж! Ну какой это шпионаж?! Это называется «собрать информацию». Мы ведь должны знать, что происходит на улицах, иначе не сможем выполнять свою работу.

– Ну, может, Хэвлок думает точно так же, только в более крупных

масштабах.

– Да здесь просто залежи! Сама посмотри: эскизы, чертежи, образцы руды... А это что такое?

Предмет был продолговатым, размером с пачку сигарет. На лицевой поверхности располагался стеклянный диск, по бокам торчали два рычажка.

Ваймс нажал на один из них. Сбоку откинулся крошечный люк, из которого высунулась малюсенькая голова.

– Ага! – воскликнул бесенок.

Таких мелких демонов Ваймс видел впервые.

– Я знаю, что это такое! – воскликнул Детрит. – Это нанодемон! Они больше ста баксов стоят!

– И куда вы все запропалились?! Я уже целых две недели ничего не жрал! – пропищал демон.

– Этот иконограф такой маленький, что его можно спрятать в кармане, – сказал Ваймс. – Для шпиона самое то... Штука из того же разряда, что и однозарядный арбалет Иниго. И гляньте-ка туда...

В углу потайного кабинета обнаружилась небольшая лестница. Ваймс осторожно спустился по ступенькам и открыл маленькую дверцу.

На него накатила волна теплого влажного воздуха.

– Дорогая, подай мне свечу, – попросил он. За дверью он увидел длинный темный коридор.

Вдоль дальней стены тянулись ржавые трубы, из каждого соединения которых струился пар.

– Он мог входить и выходить. Незаметно, – пробормотал Ваймс. – В каком же грязном мире мы живем...

Когда Иниго установил ракету на площадке под огромными квадратными заслонками, небо совсем затянулось тучами, а поднявшийся ветер стегал клик-башню крупными, тяжелыми снежинками.

Он попытался зажечь пару спичек, но ветер задувал их, прежде чем он успевал защитить пламя ладонями.

– Проклятье. Мхм-mmm.

Иниго спустился по лестнице в приятное тепло башни. «Наверное, стоит провести ночь здесь», – подумал он, копаясь в ящиках. Не то чтобы он чего-то боялся, но ветер мог принести очередной буран, а в такую погоду горные дороги – предательская штука.

Вдруг его осенило, и он, открыв печную дверцу, достал из топки щипцами тлеющую головешку.

Когда он вынес ее на верхнюю площадку, угли ярко вспыхнули, и он поднес пламя к запальному отверстию в нижней части картонной трубки.

Трубка выстрелила с хлопком, почти не слышным из-за завывания ветра. Невидимая ракета исчезла за пеленой снега и через несколько секунд взорвалась в сотне футов над головой, на мгновение озарив лес зловещим красным светом.

Иниго едва успел спуститься обратно в комнату, когда кто-то постучал во входную дверь.

Он замер. На этом этаже имелось окошко – по крайней мере, конструкторы башни предусмотрели подобную ситуацию: из окошка можно было рассмотреть, кто стучит в дверь.

На улице никого не было.

Стук раздался снова.

После ухода Ваймса он так и не удосужился запереть дверь, но сожалеть об этом было уже поздно. Однако Иниго Сепаратор прошел обучение в академии, по сравнению с которой любой монастырь, где обучают боевым искусствам, выглядел детским садиком.

Иниго зажег свечу и пополз по лестнице вниз, в темноту. Тени заплясали на мешках с провиантом.

Поставив свечу на один из ящичков, он достал из-под пальто однозарядный арбалет и, уперев его в стену, с трудом взвел тетиву. Потом шевельнул левой рукой – клинок привычно скользнул в ладонь.

При щелчке каблуками из носков туфель выскочили тонкие лезвия.

Вроде бы все в порядке. Устроившись поудобнее, Иниго стал ждать.

Горевшая за его спиной свеча вдруг погасла, словно ее кто-то задул.

Он резко повернулся, арбалетная стрела со свистом умчалась в темноту, а клинок рубанул по пустоте... И только тогда до Иниго Сепаратора дошло, что стучать в дверь можно с *любой* стороны.

А они действительно очень умны.

Мхм-м...

Шелли крутнулась на месте, хотя точнее будет сказать – «переместилась вокруг собственной оси». Такие па даются гномам нелегко.

– Ты выглядишь очень... мило, – признала госпожа Сибилла. – Кроме того, платье полностью закрывает твои ноги. Не вижу ни единого повода для жалоб.

«Разве что среди гостей найдутся особо *модочувствительные* люди», – мысленно добавила она. Проблема состояла в том, что гномодницы, как она их про себя называла, все еще находились в творческом поиске.

Сама госпожа Сибилла предпочитала носить вечерние платья голубого цвета – этот оттенок частенько выбирали дамы определенного возраста и комплекции, чтобы совместить максимум стиля с минимумом обнаженности. Но гномодницы открыли такую штуку, как блески, и, очевидно, решили про себя: раз уж ниспровергать тысячелетние подземные традиции, то действовать надо жестко и непримиримо, а не какими-нибудь там золотыми побрякушками и жемчугами.

– И красный цвет выбран правильно, – искренне похвалила госпожа Сибилла. – Красный – очень приятный цвет. У тебя красивое красное платье. Э... И перья. Э... Сумочка для топора... Э...

– Что, недостаточно блестит? – спросила Шелли.

– О нет! Нет... Если бы мне предстояло отправиться на дипломатический прием с топором за спиной, не думаю, что я захотела бы привлекать к нему внимание излишним блеском. Э... Просто... Это очень большой топор, – закончила она нескладно.

– Вы считаете, что маленький топор был бы мне больше к лицу?

– Ну, в принципе да.

– Может, с несколькими рубинами в топорнице?

– Может, – слабым голосом откликнулась госпожа Сибилла. – Почему бы и нет, в конце концов?

– А как вам я, а, ваша светлость? – пророкотал Детрит.

Игорь поработал на славу, применив к нескольким найденным в гардеробе посольства костюмам все свое новаторское мастерство хирурга – то же самое, что, как правило, применял к несчастливым лесорубам и другим неудачникам, которые неосмотрительно подошли к ленточной пиле слишком близко. Ему понадобилось всего девяносто минут, чтобы соорудить вокруг Детрита некое подобие фрака для торжественных мероприятий. Со всей определенностью можно было сказать лишь одно: это был совершенно точно вечерний фрак. В дневное время такие штуки не проходят. Троль выглядел как каменная стена, которую обрядили в костюм и снабдили «бабочкой».

– Как ты себя чувствуешь? – спросила госпожа Сибилла, решив не рисковать.

– Немножко жмет вот здесь, вокруг... Как это место называется?

– Честно говоря, понятия не имею, – ответила госпожа Сибилла.

– И немного кренит набок, – сказал Детрит. – Но чувствую себя весьма чемоданно.

– И положи арбалет. Он останется в посольстве, – решительно заявила госпожа Сибилла.

– Ага-а, ей-то топор можно... – с обидой протянул Детрит.

– Топоры гномов давно признаны традиционным национальным оружием, – возразила госпожа Сибилла. – Я не очень хорошо знакома с местными правилами поведения в обществе, но полагаю, ты мог бы взять с собой дубину.

«В конце концов, – добавила она про себя, – хотела бы я посмотреть на того, кто попытается ее у тебя отобрать».

– А арбалет – это нетрадиционное оружие?

– Нет. Боюсь, что нет.

– Я могу его, ну, типа начистить.

– К сожалению, этого мало... О Сэм...

– Да, дорогая? – сказал Ваймс, спускаясь по лестнице.

– Это же твой парадный мундир! А где твои герцогские регалии?

– Куда-то запропастились, – с невинным видом откликнулся Ваймс. – Наверное, мы все-таки потеряли на перевале пару-другую чемоданов. Зато у меня шлем с перьями. А кроме того, Игорь начищал нагрудник моей кирасы, пока не увидел в нем свое отражение – не знаю, правда, зачем, но... – Посмотрев на жену, он запнулся. – Дорогая, пойми, герцог – это чисто военный термин. Ни один солдат не отправится в бой в трико. Он ведь может и в плен попасть.

– Сэм, я нахожу твои объяснения крайне подозрительными.

– Не веришь мне, спроси хотя бы у Детрита, – предложил Ваймс. – Он подтвердит.

– Так точно, сэр! – выпалил Детрит. – Вами был отдан четкий приказ: поддерживать вас в любой...

– Кстати, мы уже опаздываем... – всполошился Ваймс. – О боги... Неужели это Шельма?

– Так точно, сэр, – смущенно ответила Шелли.

«В конце концов, – подумал Ваймс, – на протяжении многих веков ее родственники, одеваясь в кожу и кольчуги, ходили навстречу подземным взрывам...»

– Очень мило, – кивнул он.

Яркие лампы освещали тоннель, ведущий к подземному городу, который Ваймс про себя называл Нижним Здецом. Охранявшие тоннель гномы, едва завидев герб Анк-Морпорка, взмахом руки пропускали карету. Стражники, дежурившие рядом с гигантским лифтом, повели себя менее уверенно. Но Сэм Ваймс многому научился, наблюдая за госпожой Сибиллой. Она шла по миру так, словно не существовало ни малейшей

возможности того, что кто-то ее остановит и начнет задавать вопросы, и в большинстве случаев именно так и происходило. Причем это ее поведение было абсолютно неумышленным. Такой уж она была рождена, именно так всегда поступали представители ее класса.

В лифте кроме них были и другие люди. В основном дипломаты, которых Ваймс не знал, а еще – гномы-музыканты. В специально огороженном веревкой углу они играли приятную, но слегка назойливую музыку, сверлившую мозг Ваймса на протяжении всего мучительно долгого путешествия вниз.

Когда двери наконец открылись, он услышал, как охнула от изумления госпожа Сибилла.

– Ты, кажется, говорил, что здесь все похоже на звездную ночь, Сэм?

– Э... Они явно подкрутили фитиль...

Тысячи свечей горели в расставленных вдоль стен огромной пещеры канделябрах. Именно канделябры первым делом привлекали к себе внимание: во-первых, их было очень много, а во-вторых, каждый из них был высотой с четырехэтажный дом. Ваймс, который в любой иллюзии первым делом искал какой-нибудь потайной механизм, приводящий все в действие, внимательно оглядел пещеру. На специальных козлах в полутьме лихорадочно трудились сотни гномов. Сквозь специальные отверстия в потолке то и дело прибывали корзины с новыми свечами. Если Пятый Слон – это не миф, то сегодня должен был сгореть по меньшей мере один его палец.

– Ваша светлость! – донесся чей-то оклик. Сквозь толпу по направлению к лифту пробирался Ди.

– А, дегустатор идей, – кивнул Ваймс подошедшему гному. – Позвольте представить вам герцогиню Анкскую... Это госпожа Сибилла.

– У... Э... Да... Конечно... Я чрезвычайно рад возможности познакомиться с вами, – пробормотал гном, явно не ожидавший столкнуться со столь *внушительным* очарованием. – Но... Э...

Сибилла мгновенно поняла тайный умысел Ваймса. Слово «герцогиня» он просто ненавидел и употреблял его только в тех случаях, когда хотел кого-то как следует *отгерцожить*, поэтому Сибилла направила на остроконечную шляпу Ди все свое герцогиньство, которым только обладала.

– О господин Ди, Сэм так много рассказывал о вас, – зашебетала Сибилла. – Как я понимаю, вы самый близкий к его величеству человек...

– ...Гном, – прошипел Ваймс.

– ...Гном! Вы обязательно должны открыть мне один секрет. Как вам

удалось добиться здесь столь *восхитительного* освещения?

– Э... Просто зажгли много свечей, – пробормотал Ди, свирепо глядя на Ваймса.

– Дорогая, Ди нужно обсудить со мной ряд политических вопросов, – произнес Ваймс, непринужденно опуская руку на гномье плечо. – Ты со свитой иди вниз, а я скоро к вам присоединюсь.

Он знал, нет в мире силы, которая смогла бы помешать Сибилле величаво прошествовать через всю пещеру. Эта женщина умела шествовать. Люди, мимо которых она шествовала, еще долго приходили в себя.

– Вы привели сюда тролля, привели сюда *тролля!* – завопил Ди.

– Он еще и гражданин Анк-Морпорка, если вы забыли, – напомнил Ваймс. – К тому же защищен дипломатической неприкосновенностью и скверно пошитым фракком.

– Тем не менее...

– Никаких «тем не менее», – отрубил Ваймс.

– Но мы с троллями находимся в состоянии *войны!*

– Для того и нужна дипломатия, не правда ли? Чтобы останавливать войны. Кстати, насколько я знаю, эта война продолжается целых пятьсот лет. По-моему, никто уже и не пытается в ней победить.

– Предупреждаю, мы подадим жалобу на самом высоком уровне!

– Опять вы об этих своих жалобах... – вздохнул Ваймс.

– Кое-кто считает, что Анк-Морпорк сознательно выставляет напоказ всю свою знаменитую порочность! Чтобы наш король знал!

– Король? – ласковым тоном переспросил Ваймс. – Но он ведь еще не совсем король. Пока во всяком случае. По крайней мере до коронации, которая связана с определенным... предметом.

– Простая формальность, не более.

Ваймс подошел ближе.

– Но на самом деле это ведь не так, – тихо произнес он. – Это сама вещь и вещь в себе. В короле должна присутствовать толика волшебства. Иначе это будет не король, а кто-то похожий на тебя, помывающий людьми и отдающий безответственные приказы.

– Человек по имени Ваймс решил мне объяснить, что такое королевская власть? – пробормотал Ди.

– Без этого предмета все возможные традиции будут нарушены, – сказал Ваймс. – Начнется война. Под землей загремят взрывы.

Раздался едва слышный металлический звук, Ваймс достал из кармана часы и открыл крышку.

– Ничего себе, уже полночь.
– Следуйте за мной, – буркнул Ди.
– Вы хотите что-то мне показать? – спросил Ваймс.
– Не совсем, ваше превосходительство. Я собираюсь показать вам то, чего нет.
– А. Тогда я хотел бы взять с собой капрала Задранец.
– Эту... Абсолютно исключено! Это будет расценено как осквернение...

– Ничего подобного, – возразил Ваймс. – Ведь в действительности она никуда не пойдет, как и мы с вами. Вы определенно не собираетесь посвящать в свои секреты представителя потенциально враждебной страны и говорить ему, что в вашем карточном домике не хватает карты, причем в самом низу. О нет, ни за что на свете! И этого разговора никогда не было. В течение следующего часа или около того мы будем болтать о всякой ерунде и закусывать какими-нибудь бутербродиками. И сейчас я не говорю то, что говорю, а вы меня не слушаете. Но капрал Задранец лучше всех умеет работать на месте преступления, и я хочу, чтобы она пошла с нами.

– А вы умеете убеждать, ваше превосходительство. Вы нарисовали очень... зрительную картинку. Что ж, зовите своего капрала.

Ваймс нашел Шелли стоящей спина к спине, вернее, спина к коленям с Детритом. Их окружала толпа любопытствующих. Всякий раз, когда Детрит поднимал руку, чтобы сделать глоток, стоявшие рядом гномы торопливо отпрыгивали.

– Куда мы направляемся, сэр?
– Никуда.
– А, давненько я там не бывала.
– Но положение уже улучшается, – сказал Ваймс. – Ди открыл для себя новое местоимение. Хоть он и плюется, произнося его.
– Сэм! – окликнула госпожа Сибилла, шествуя сквозь толпу. – Тут будут давать «Кровавый Топор и Железный Молот»! Чудесно, правда?

– Э...
– Это опера, сэр, – прошептала Шелли. – Часть Кобольдского цикла. Наша история. Каждый гном знает ее наизусть. В ней рассказывается о том, как у нас появились законы, короли и... Лепешка, сэр.

– В пансионе для благородных девиц я исполняла партию Железного Молота, – поведала госпожа Сибилла. – Конечно, мы давали не полную, пятинедельную версию, а сокращенную... И все же я так рада возможности увидеть эту оперу здесь. Это одна из самых захватывающих романтических историй.

- Романтических? – переспросил Ваймс. – Типа... про любовь?
- Ну да, разумеется.
- А Кровавый Топор и Железный Молот оба были... Ну, то есть...

Разве они не были...

– Они оба были *гномами*, сэр, – сказала Шелли.

– Да, да, конечно, – мгновенно согласился Ваймс. Все гномы – гномы. Лучше даже не пытаться понять их мир с человеческой точки зрения. – Надеюсь, ты получишь удовольствие, дорогая. А мне предстоит... Король хочет, чтобы я... В общем, некоторое время меня не будет. Политика, сама понимаешь.

Он поспешил удалиться. Шелли вприпрыжку едва поспевала за ним.

Затем Ди повел их длинными темными тоннелями. Издалека, подобно шуму прибоя в ракушке, донеслись звуки начавшейся оперы.

Наконец они добрались до какого-то канала. В темноте раздавался плеск воды. У берега стояла небольшая лодка, в которой сидел стражник, явно ожидавший их прихода. Ди жестом предложил сесть в лодку.

– Крайне важно, чтобы вы в полной мере осознавали увиденное, ваша светлость, – сказал он.

– Хорошо. Но сейчас я практически ничего не вижу, – признался Ваймс. – А я-то считал, что у меня неплохое ночное зрение.

Что-то звякнуло, и через мгновение загорелась лампа. Стражник вывел лодку через арку в небольшое озерцо. Ввысь уходили отвесные стены.

– Мы находимся на дне колодца? – спросил Ваймс.

– Вы дали неплохое определение, – усмехнулся Ди и пошарил под сиденьем.

Достав оттуда изогнутый металлический рог, он дунул. Единственная нота эхом отразилась от каменных стен.

Через несколько секунд в ответ донесся похожий звук сверху. Потом загремели тяжелые древние цепи.

– Подниматься невысоко, мы все-таки под землей, а не в горах, – сообщил Ди, когда железная плита со скрежетом опустилась, плотно запечатывая вход в колодец. – Всего-то полмили. Несколько барж легко справляются.

Вода вокруг лодки забурлила. Стены начали погружаться.

– Это единственный способ добраться до Лепешки, – пояснил сидевший за спиной Ваймса Ди.

Вода как будто кипела, в воздухе повисла мутная завеса из водяного тумана.

– Рядом с горными вершинами размещены специальные резервуары,

оттуда подается вода и туда же откачивается. Тут у нас построена целая система шлюзов. Понимаете?

– *Само собой*, – пробормотал позеленевший Ваймс. К горлу подкатывала тошнота, а голова кружилась.

Наконец стены стали тонуть медленнее. Лодка перестала раскачиваться. Вода плавно подняла лодку и перенесла ее через край колодца в небольшой тоннель, к краю причала.

– Внизу дежурят стражники? – едва выговорил Ваймс, ступая на благословенно твердую землю.

– Обычно четверо, – ответил Ди. – Но сегодня я несколько изменил... установленный порядок. Стражники отлично все понимают. Тут нечем гордиться. И должен заявить, что лично я *крайне неодобрительно* отношусь ко всему этому... предприятию.

Ваймс окинул взглядом пещеру. На каменном выступе над успокоившимся озерцом стояла пара гномов. Судя по всему, именно они приводили в действие насосы.

– Ну что, идем? – спросил Ди.

От пещеры отходил быстро сужающийся проход. Отдельные места Ваймсу пришлось преодолевать, сложившись пополам. Один раз железные плиты, устилавшие пол, звякнули и чуть сдвинулись под его ногами. Дальше проход снова стал выше, Ваймс поднырнул под очередную арку, а потом...

Гномы либо наткнулись на огромную друзовую полость, либо тщательно выложили стены пещеры кристаллами кварца, так чтобы каждая грань отражала свет двух свечей, стоявших на каменных постаментах в центре небольшого зала. После полумрака тоннеля Ваймс едва не ослеп.

– Поразитесь же, – мрачно произнес Ди, – величину пропавшей Лепешки.

На плоском круглом камне высотой всего несколько дюймов, возлежащем меж свечей, было абсолютно пусто.

Сразу за камнем располагалась естественная чаша. Вода, вытекающая из нее, двумя ручейками огибала камень и исчезала в каменной воронке.

– Ну хорошо, – сказал Ваймс. – А теперь выкладывайте все начистоту, без утайки.

– О краже сообщили три дня назад, – сказал Ди. – Дрема Длиннопал заметил пропажу, когда пришел сюда менять свечи.

– И он занимает должность...

– Свечного капитана.

– А.

- Очень ответственная должность.
- Да, я видел канделябры. И как часто он сюда приходит?
- Он приходил сюда каждый день.
- Приходил?
- Больше он не занимает эту должность.
- Потому что стал главным подозреваемым?
- Потому что умер.
- И как это произошло? – медленно и отчетливо произнес Ваймс.
- Он... сам лишил себя жизни. Мы уверены в этом, потому что дверь в его пещеру нам пришлось взламывать. Шестьдесят лет он служил свечным капитаном. Думаю, он не вынес мысли о том, что подозрение может пасть на него.
- Лично мне он кажется самым логичным подозреваемым.
- Он не похищал Лепешку! Мы это точно знаем.
- Но под этими вашими накидками можно спрятать все, что угодно. Его обыскивали?
- Конечно нет! Я сейчас... продемонстрирую. – Он пошел по длинному, устланному металлическими плитами тоннелю. – Вы меня видите, ваше превосходительство?
- Да, вижу.
- Грохоча плитами, Ди вернулся.
- Сейчас я возьму что-нибудь, например ваш шлем... Только для демонстрации. Вы не против?
- Ваймс передал ему шлем. Дегустатор идей снова зашел в тоннель. Однако не успел он сделать и пяти шагов, как раздался звон колокола и с потолка упали две металлические решетки. Через несколько секунд к дальней решетке прижались встревоженные лица стражников.
- Ди что-то сказал им. Лица исчезли. Через некоторое время решетки медленно поднялись.
- Механизм очень сложный и достаточно древний, но мы поддерживаем его в исправном состоянии, – пояснил Ди, отдавая Ваймсу шлем. – Если на выходе вы будете весить больше, чем весили на входе, стражники поинтересуются, почему так произошло. Механизм невозможно обмануть, он измеряет ваш вес с точностью до нескольких унций и тем самым исключает процедуру унижительных досмотров. Обмануть систему можно только в том случае, если ты умеешь летать. Воры умеют летать, ваше превосходительство?
- В зависимости от того, какого они вида, – рассеянно произнес Ваймс. – А у кого еще имеется сюда доступ?

– Каждые шесть дней помещение проверяется мной лично, и каждый раз меня сопровождают двое стражников. Последняя проверка была пять дней назад.

– А кто-нибудь еще сюда заходил? – спросил Ваймс.

Краем глаза он заметил, что Шелли взяла с пола горсть желтоватого песка и принялась пропускать песчинки сквозь пальцы.

– В последнее время нет. Конечно, когда новый король будет коронован, Лепешку придется часто выносить отсюда. Она задействована во многих церемониях.

– Песок, которым посыпан пол пещеры... Вы используете тут только один вид песка?

– Да. А это важно?

Шелли едва заметно кивнула.

– Честно говоря... не уверен, – медленно произнес Ваймс. – Скажите, а какова действительная ценность Лепешки?

– Что это значит? Она бесценна!

– Согласен. Как символ Лепешка имеет очень большую ценность, но какова ее *истинная* стоимость?

– У нее нет цены!

– Я просто пытаюсь понять, зачем кому-то понадобилось воровать ее, – теряя терпение, пояснил Ваймс.

Шелли приподняла круглый плоский камень, на котором когда-то покоилась Лепешка, и заглянула под него. Ваймс поджал губы.

– Что... что... *она* делает? – спросил Ди, вложив в это местоимение все отвращение, на какое только был способен.

– Капрал Задранец ищет улики, – ответил Ваймс. – Так мы называем следы, которые могут помочь нам в расследовании. О, это великое искусство.

– А вот это письмо вам ничем не поможет? – язвительно осведомился Ди. – На нем есть надписи. Так мы называем... следы, которые могут помочь вам в расследовании.

Ваймс взглянул на протянутый лист бумаги. Коричневатая и жесткая бумага была испещрена рунами.

– Я не умею... читать руны, – сказал он.

– О, это великое искусство, – мрачно заметил Ди.

– Зато я умею, сэр, – встряла Шелли. – Позвольте-ка.

Она взяла лист бумаги и про себя прочла написанное.

– Это очень похоже на требование выкупа, сэр, – наконец сказала она. – От... Сыновей Аги Молотокрада. Они заявляют, будто бы Каменная

Лепешка у них и они ее... Они ее уничтожат, сэр.

– Ну и в чем навар? – поинтересовался Ваймс.

– Ни в чем. Они требуют, чтобы Рыс отказался от своих намерений стать королем-под-горой, – ответил Ди. – Только и всего. Я нашел письмо на своем столе. Впрочем, в последнее время кто ни попадя подсовывает мне на стол всякие бумажки.

– А кто такие эти Сыновья Аги Молотокрада? – спросил Ваймс, глядя Ди прямо в глаза. – И почему вы не сообщили мне об этом раньше?

– Мы не знаем. Это вымышленное название. Какие-то мятежники, как мы полагаем. А еще мне сказали, что *вы* будете задавать *мне* вопросы.

– Значит, это уже не обычное преступление, – сделал вывод Ваймс. – А политика. Но почему король не может отказаться от претензий на трон, вернуть Лепешку, а потом объявить, что, мол, держал пальцы скрещенными? Это ведь было принуждение, так что...

– Мы очень серьезно относимся к клятвам, ваше превосходительство. Отказавшись от притязаний на трон, Рыс не сможет на следующий день передумать. А если он допустит, чтобы Лепешка была уничтожена, королевская власть потеряет легитимность и начнутся...

– Волнения, – закончил за него Ваймс.

«И они непременно докатятся до Анк-Морпорка, – добавил он про себя. – А пока что мы имеем дело всего-навсего с легкими уличными беспорядками».

– И кто станет королем в случае его отречения?

– Альбрехт Альбрехтссон, кто ж еще.

– И это тоже вызовет волнения, – кивнул Ваймс. – А возможно, и гражданскую войну, насколько я слышал.

– Король собирается отречься. Он уже принял решение, – тихо произнес Ди. – Нет ничего хуже хаоса. Гномы не любят хаос.

– Но вас так или иначе ждет хаос, – сказал Ваймс.

– Бунты против королей случались и раньше. Зато гномий народ выживет. Королевская власть продолжится. Традиции будут соблюдены. Лепешка возвратится на свое место. В нашу жизнь вернется... смысл.

«О боги, – подумал Ваймс. – Могут погибнуть тысячи гномов, но это никого не волнует, только бы уцелел какой-то кусок камня. Здесь я не страж порядка. Чем я могу помочь?»

– В общем и целом ничего страшного не произошло! – вдруг завопил Ди, неожиданно теряя самообладание. – Но нет, Анк-Морпорку обязательно нужно сунуть свой нос в наши дела!

– А, стало быть... Вы не хотите, чтобы люди узнали о случившемся...

А поэтому сохраняете спокойствие, будто все идет как надо. Но если какой-нибудь тупой чужеземец вдруг сунет нос не в свои дела, вы сделаете вид, что совсем тут ни при чем. Чистенькими хотите уйти?

Ди замахал руками.

– Это все не моя затея!

– Послушайте, лично я вашим стражникам даже детскую копилку не доверю. Я уже придумал два или три способа незаметно вынести отсюда Лепешку. К примеру... Как насчет какого-нибудь потайного хода, ведущего сюда?

– Нет тут никакого потайного хода!

– Что ж, хорошо. Вы хотя бы иногда даете честные ответы. А теперь подождите нас у лодки. Мне нужно поговорить с капралом Задранец.

Ди неохотно ушел. Ваймс выждал, пока его шаги не стихнут в тоннеле.

– Ну и дела, – пробормотал он. – Тайна закрытой комнаты. Да только дверь нараспашку. Это значительно все усложняет.

– Сэр, вы предполагаете, что Дрема носил под плащом мешки с песком? – спросила Шелли.

«Ничего подобного я не предполагал, – сказал про себя Ваймс. – Но теперь я, похоже, знаю, как гном справился бы с этой загадкой».

– Возможно, – ответил он вслух. – Такой песок встречается повсюду. Каждый день ты добавляешь к своему весу горстку песка, но очень осторожно, чтобы весы не сработали. И в итоге ты... Сколько весит Лепешка?

– Около шестнадцати фунтов, сэр.

– В итоге ты набираешь шестнадцать фунтов, а потом просто рассыпаешь песок по полу, прячешь Лепешку под плащом и... В общем, могло получиться.

– Рискованно, сэр.

– Но никто и не предполагал, что Лепешку попытаются украсть. Хочешь убедить меня в том, что четверо стражников, торчащих тут двадцать четыре часа кряду, *постоянно* находятся на чеку? Зачем время зря терять, если можно поиграть в покер?!

– Я думаю, они полагаются на то, что всегда знают, когда поднимется лодка, сэр.

– Правильно. Серьезная ошибка. И вот еще что. Готов *поспорить*, что бдительность они теряют в тот самый момент, когда лодка опускается обратно. Главное – добраться досюда, а уж украсть Лепешку совсем не трудно. Это вполне возможно, просто нужно обладать некой ловкостью и уметь хорошо плавать.

– Вообще, сэр, встречавшие нас стражники показались мне достаточно бдительными.

– Согласен. Особую бдительность стражники демонстрируют именно после кражи. Хитрые, как лисы, острые, как ножи... Мы спали?! Да никогда, чтоб мы да глаза сомкнули?! Я – *стражник*, Шельма. И знаю, насколько скучно бывает что-нибудь охранять.

Ваймс шаркнул ногой по песку.

– Сегодня они тщательно проверяли все кареты и повозки, которые въезжали в пещеру или выезжали из нее, но только потому, что Лепешка уже была украдена. Именно в такое время ты вдруг становишься очень официальным, очень умелым и очень деятельным. Хочешь сказать, на прошлой неделе они открывали каждую бочку и тыкали вилами в каждый воз с сеном? А то, что сюда ввозили, они тоже проверяли? Кстати, где там Ди? Его не слышно?

Шелли прислушалась.

– Никак нет, сэр.

– Хорошо.

Ваймс вошел в тоннель, прижался к стене, сделал глубокий вдох и уперся ногами в противоположную стену. Потом он пробрался над плитами весов, дюйм за дюймом передвигая ноги и лопатки и морщась при каждом движении, пока наконец не спустился на пол с другой стороны. Скоро он подошел к разговаривающему со стражниками Ди.

– Но как вы...

– Не имеет значения, – перебил Ваймс. – Скажем просто: я несколько длиннее гнома.

– Вы раскрыли преступление?

– Нет, но некоторые идеи появились.

– Правда? Так быстро? – недоверчиво спросил Ди. – И какие же?

– Я все еще сортирую их, – ответил Ваймс. – Вам очень повезло, что король попросил вас обратиться именно ко мне. Но на данный момент лишь одно я знаю наверняка – от гномов никогда не получишь правдивого ответа.

Когда Ваймс, стараясь двигаться как можно незаметнее, занял место рядом с Сибиллой, опера уже близилась к финалу.

– Я ничего не пропустил? – спросил он.

– Они поют просто прекрасно. А ты где был?

– Все равно ты не поверишь.

Невидящим взглядом он уставился на сцену, на которой пара гномов

очень осторожно изображала показную схватку.

Ну хорошо. Если это политика, значит, это... политика. В политике он плохо разбирался. Тогда попробуем представить, что это обычное преступление...

Итак, прежде всего отсеиваем самые простые версии. И начать лучше с главного правила всякого стражника: первым делом подозревай жертву. Но кто тут жертва? Неясно. Переходим ко второму правилу: подозревай свидетеля. Преступник – покойный Дрема? Он спокойно мог вынести Лепешку за несколько дней до того, как «обнаружил» пропажу. Да он вообще мог творить тут что угодно – учитывая, как эта штука охранялась. Даже Шнобби и Колон справились бы с охраной лучше. Гораздо лучше, мысленно поправил себя Ваймс. Потому что они обладали хитростью, свойственной настоящим стражникам. Лепешку охраняли почетные гномы, а именно таким и нельзя доверять охрану. Нет, на такую работу следует нанимать хитрых людей.

Но какой смысл Дреме похищать Лепешку? Он мгновенно стал бы главным подозреваемым. Ваймс не слишком хорошо разбирался в гномьих законах, но догадывался, что главного подозреваемого вряд ли ждало радужное будущее, тем более что другого кандидата в козлы отпущения могло и не найтись.

А может, он просто сбрендил? Шестьдесят лет менять свечи – всякий свихнется. Впрочем, нет, и эта версия не проходит. Тут главное – выдержать первые десять лет, а дальше уже катишься по накатанной... Как бы то ни было, некоторое время назад Дрема отправился на небесные – или подземные – золотые рудники. Ну, или во что там верят гномы? А значит, на вопросы он ответить не сможет.

«Ты сумеешь раскрыть это преступление, – говорил себе Ваймс. – У тебя есть для этого все необходимое. Теперь осталось задать нужные вопросы и сделать правильные выводы».

Однако знаменитые Ваймсовы инстинкты отчаянно пытались подсказать ему что-то.

С формальной точки зрения похищение чужого имущества и требование за него выкупа (ну, или выполнения каких-то условий) – все это преступные деяния. Но в данном случае это не *главное* преступление.

О нет, тут было совершено еще одно преступление. Он чувствовал это – так рыбак по водной ряби определяет приближение рыбного косяка.

Схватка на сцене продолжалась. Периодически участники прерывались на то, чтобы спеть песню – предположительно о золоте.

– Э... А в чем здесь дело? – спросил он.

– Уже финал, – прошептала Сибилла. – Показали только часть оперы, которая касается выпекания Лепешки, но, к счастью, включили Арию Выкупа. Железный Топор с помощью Скальта сбежал из темницы, украл спрятанную Аги истину, запек ее в Лепешку, после чего уговорил охранявших лагерь Кровавого Топора стражников пропустить его. Гномы верят, что когда-то истина была *осязаемой*, как исключительно редкий металл, и последняя ее частица заключена в Лепешке. Стражники не могли отказать Железному Топору из-за абсолютной власти истины. Сейчас они поют о том, как любовь, подобно истине, всегда проявит себя так, как проявила частица истины, сделав истинной всю Лепешку. На самом деле это одно из самых гениальных музыкальных произведений. Золото тут почти не упоминается.

Ваймс уставился на сцену. Он не понимал песен, текст которых был сложнее, чем в песнях типа «Ах, куда подевалась перчица (и студень уж совсем не тот)».

– Кровавый Топор и Железный Молот... – пробормотал он.

Сидящие рядом гномы принялись бросать на него раздраженные взгляды.

– А кто из них...

– Шелли уже говорила тебе. Они оба были гномами, – резко ответила Сибилла.

– А, – мрачно произнес Ваймс.

Все эти вопросы были выше его понимания. Есть мужчины, и есть женщины. Все просто и понятно. Сэм Ваймс был незамысловатым человеком, когда дело касалось того, что поэты громко величали «списками любви»^[20]. Он знал, что на некоторых улицах Теней можно найти самые экзотические удовольствия, однако смотрел на все это как на далекие страны – он в них никогда не бывал, а значит, это не его проблемы. Правда, иногда он диву давался: и до чего только не додумаются люди, если им предоставить побольше свободного времени!

Однако с гномами... Это было так же трудно вообразить, как пытаться нарисовать себе мир, не глядя на его карту. Гномы не то чтобы игнорировали секс, просто... не считали его *важным*. Вот бы и с людьми было так. Работать стало бы намного проще.

На сцене дело дошло до смертного ложа. Ваймсу с его поверхностными знаниями уличного гномьего было трудно разобраться, что именно происходит. Кто-то умирал, кто-то другой сильно сожалел о происходящем. У обоих главных певцов были бороды, в которых можно было спрятать целый курятник. Что же касается актерской игры, то

выражалась она большей частью в периодическом взмахе рукой.

Впрочем, вокруг него периодически раздавались сдавленные всхлипы, иногда кто-то сморкался. Даже у Сибиллы дрожала нижняя губа.

«Это ведь всего лишь песня! – хотелось воскликнуть ему. – Она далека от реальности. Реальны преступления, улицы и погони... Песня не поможет тебе выбраться из трудного положения. Попробуй спеть перед вооруженным стражником в Анк-Морпорке, увидишь, к чему это приведет...»

После представления зрители долго и тепло аплодировали – как всегда бывает, когда аудитория не совсем поняла, о чем ей пытались рассказать, но инстинктивно осознает, что надо бы показать обратное. Затем Ваймс принялся пробиваться сквозь толпу на выход.

Ди разговаривал с каким-то юношей крепкого телосложения и в черных одеждах. Молодой человек показался Ваймсу знакомым. Очевидно, как и Ваймс ему, поскольку юноша резко, почти вызывающе кивнул, приветствуя его.

– А, ваша светлость Ваймс, – сказал он. – И как вам опера?

– Особенно понравился эпизод, в котором пелось о золоте, – ответил Ваймс. – А вы?...

Молодой человек щелкнул каблуками.

– Вольф фон Убервальд.

Что-то переключилось в голове Ваймса, и глаза сразу начали отмечать детали: немного удлинённые резцы, слишком густые светлые волосы на шее...

– Брат Ангвы? – уточнил он.

– Именно, ваша светлость.

– Стало быть, ты, так сказать, волковольф?

– Благодарю вас, ваша светлость, – торжественно кивнул Вольф. – Очень смешно. Честное слово! Давненько не слышал столь смешных шуток! Знаменитое анк-морпоркское чувство юмора!

– Я вижу серебро на твоём... мундире. Эти... эмблемы. Волчьи головы с молниями вместо клыков...

Вольф пожал плечами.

– Сразу видно стражника. Ничто не ускользнет от вашего внимания, да? Но это не серебро, а никель!

– Что-то я не припомню эту эмблему. И какого она полка?

– Нас скорее можно назвать... движением, – поправил Вольф.

Он и повадками напоминал Ангву. Выглядел так, словно в любой момент готов был броситься в бой, словно все тело его представляло собой

готовую распрямиться пружину, и вариант отступления здесь даже не рассматривался. Когда у Ангвы было плохое настроение, люди при встрече с ней ежились и поднимали воротники, сами не отдавая себе отчета почему.

Брат и сестра отличались только глазами. У Вольфа были глаза... Нет, даже не волка. Ни у одного животного не могло быть таких глаз, но Ваймсу приходилось видеть подобный взор в некоторых не очень благоприятных для здоровья анк-морпоркских питейных заведениях, из которых, если повезет, ты успеваешь уйти, прежде чем ослепнешь от выпитого.

Колон называл таких людей «бутылочниками», Шнобби предпочитал термин «психи долбаные». Как их ни называй, тупоголового, злобного и подлого скота Ваймс узнавал сразу. Победить в схватке с таким человеком можно, только вырубив его или серьезно ранив, потому что в противном случае он приложит все силы, чтобы отправить тебя на тот свет. В обычных питейных заведениях драчуны настолько далеко не заходили, ведь убийство стражника грозило большими неприятностями как для убийцы, так и для всего его окружения, но подлинного психа подобные мелочи не волнуют, потому что, когда он дерется, его мозги находятся совсем в другом месте.

– Что, ваша светлость, какие-то проблемы? – улыбнулся Вольф.

– А? Да нет, просто... задумался. Мне почему-то кажется, что мы уже встречались.

– Сегодня утром вы заезжали к моему отцу.

– Ах да.

– Мы не всегда перекидываемся к приезду гостей, – пояснил Вольф.

И в его глазах зажглись оранжевые огоньки. До сегодняшнего дня Ваймс считал, что «горящие глаза» – это не более чем фигура речи.

– Прощу меня извинить, но я должен переговорить с дегустатором идей, – сказал Ваймс. – Политика, ну что тут поделаешь...

Он отвел Ди в сторонку.

– Дрема посещал Пещеру Лепешки каждый день в одно и то же время?

– Думаю, да. Впрочем, это зависело от других его обязанностей.

– Значит, он *необязательно* посещал пещеру каждый день в одно и то же время? Как часто происходила смена караула?

– Каждые три часа.

– Он приходил до смены караула или после?

– Это зависело от...

– О боги! Стражники что, ничего не фиксировали?

Ди изумленно уставился на Ваймса.

– Вы хотите сказать, что он мог прийти и два раза в день?

– Отличная догадка. Но я хочу сказать немного другое. *Кто-то* еще

мог прийти туда. Некий гном приплывает на лодке с двумя свечами... Мог ли он вызвать у стражников повышенный интерес? А если бы *другой* гном с двумя свечами приплыл на лодке через час или чуть позже, когда караул сменился?... Чем он рисковал? Даже в том случае, если бы нашего мошенника остановили, ему достаточно было бы пробормотать что-нибудь о... скажем, плохих свечах или отсыревших фитилях. На самом деле он мог чем угодно отговориться.

Ди задумался.

– Нет, очень рискованно, – заявил он наконец.

– Но если наш вор следил за сменой караула и знал, где находился настоящий Дрема, он ведь мог рискнуть? Ради Лепешки-то?

Ди содрогнулся от одной мысли об этом, но потом все же кивнул:

– Утром стражники будут допрошены с пристрастием.

– Мной.

– Почему?

– Потому что я знаю, как правильно поставить вопрос, чтобы получить ответ. Начнем расследование. Выясним, кто куда ходил, побеседуем буквально со всеми стражниками, договорились? Даже с тем, кто дежурил внизу. Нужно точно выяснить, кто входил и кто выходил.

– Вы правда думаете, что наткнулись на след?

– Скажем так, некоторые идеи начали формироваться.

– Я обо всем... позабочусь.

Ваймс выпрямился и подошел к госпоже Сибилле, которая была похожа на остров в море гномов. Она о чем-то оживленно разговаривала с несколькими из них, и Ваймс, присмотревшись, узнал в них исполнителей оперы.

– Сэм, чем ты занимался? – спросила она.

– Политикой, дорогая, – ответил Ваймс. – А также проверял, можно ли еще верить собственным инстинктам. Ты не видишь, за нами кто-нибудь наблюдает?

– Ах вот в какие игры ты играешь... – поняла Сибилла. Улыбнувшись, она напустила на себя беззаботный вид, словно речь шла о каких-то пустяках. – Да практически все. Но если бы я раздавала призы, то первое место наверняка дала бы довольно грустной даме, которая стоит слева от тебя рядом с небольшой группкой гномов. Сэм, у нее клыки. И жемчуга. Как правило, они плохо сочетаются.

– А Вольфганга ты не видишь?

– Честно говоря, нет. Странно. Буквально пару минут назад он крутился неподалеку. Ты что, занимался любимым делом – нервировал

людей?

– Не совсем. Скорее, позволял людям самим нервировать себя, – ответил Ваймс.

– Как правило, у тебя и то и другое неплохо получается.

Ваймс повернулся немного, словно хотел на что-то посмотреть. Гномы сновали и собирались в группки среди гостей-людей. Пятеро или шестеро гномов кучковались и что-то оживленно обсуждали. Потом один из них отходил и присоединялся к другой группке. Иногда кто-то приходил ему на замену. А иногда вся группка будто взрывалась и ее члены разлетались к другим группкам.

У Ваймса создалось впечатление, что за всем этим существовала какая-то структура, он словно бы наблюдал за медленным и полным значения танцем распространения информации. «Встречи в шахтах... – подумал он. – Небольшие группки – это из-за недостатка места. И все говорят тихо. А потом, когда группа принимает решение, каждый ее член становится распространителем этого решения. Новости расходятся кругами. Общество управляется слухами».

Любой результат тщательно рассматривался, взвешивался и обсуждался. Итог мог получиться каким угодно; к примеру, два плюс два могло составить четыре с небольшим, а возможно, даже ноль ^[21].

Периодически какой-нибудь гном вдруг вставал как вкопанный, некоторое время тарачился в пол, после чего торопливо продолжал свой путь.

– Дорогой, мы должны присутствовать на торжественном ужине, – напомнила Сибилла, привлекая его внимание к общему перемещению в сторону ярко освещенной пещеры.

– О боги... Нам придется пить пиво? Закусывать крысами на вертеле? А где, кстати, Детрит?

– Вон там. О чем-то беседует с атташе по культуре из Орлей. Видишь человека с остекленевшим взглядом?

Они подошли ближе, и Ваймс услышал, как Детрит настойчиво втолковывал своему собеседнику:

– ...Так вот, в этой большой комнате везде расставлены сиденья, а стены красные, и большие золотые дети карабкаются на колонны, но вы не волнуйтесь, потому что это не настоящие золотые дети, а сделанные из гипса или чего-то там еще... – Тут Детрит замолчал, явно задумавшись. – Да и золото не настоящее, в противном случае его бы давно кто-нибудь стибрил. А напротив сцены – огромная яма, в которой сидят музыканты. На этом с этой комнатой все. А в следующей комнате везде стоят

мраморные колонны и на полу валяется красный ковер...

– Детрит? – окликнула госпожа Сибилла. – Надеюсь, ты не слишком утомляешь этого господина?

– Нет, я просто рассказываю ему о культуре, которая есть у нас в Анк-Морпорке, – весело ответил Детрит. – Я знаю каждый дюйм нашеньской Оперы.

– Да уж, – замороженным голосом поддакнул атташе по культуре. – А особо мне понравилось описание картинной галереи. Мне теперь самому хочется увидеть, – он содрогнулся, – «картину ентной женщины. Улыбку художник ни хрена рисовать не умеет, а формы очень даже ничегошные». Сегодня я пережил опыт, который запомню на всю жизнь. Приятного вам вечера.

– Знаете, – сказал Детрит, провожая коллегу взглядом, – по-моему, он ваще не разбирается в культуре.

– Как ты думаешь, кто-нибудь заметит, если мы попытаемся улизнуть? – спросил Ваймс, озираясь по сторонам. – День выдался тяжелым, а мне еще нужно кое-что обдумать...

– Сэм, ты *посол*, а Анк-Морпорк – великая держава, – укорила Сибилла. – Мы не можем просто так взять и смыться. Что люди-то скажут?

Ваймс застонал. Значит, Иниго все же был прав: стоит ему, Ваймсу, чихнуть, Анк-Морпорк потом будет долго отсмаркиваться.

– Ваше превосходительство?

Он опустил взгляд и увидел двух гномов.

– Король-под-горой желает вас видеть, – сказал один из них.

– Э...

– Мы должны быть официально представлены, – прошипела госпожа Сибилла.

– Что, даже Детрит?

– Да!

– Но он же тролль!

Совсем недавно это казалось ему забавным.

Сейчас вся толпа, как заметил Ваймс, дружно двигалась в одном направлении. Бурный поток людей и других существ стремился попасть в некую определенную часть пещеры. Оставалось только влиться в этот поток.

Король-под-горой восседал на маленьком троне под одним из канделябров. Сверху царственную персону закрывал железный навес, на котором уже успели вырасти причудливые по форме сталактиты из воска.

Вокруг короля стояли четыре очень высоких (по гномьим стандартам,

разумеется) и очень грозных гнома. На каждом из них были темные очки, и каждый был вооружен топором. Все, кто проходил мимо, удостаивались сурового и пристального изучения.

В данный момент король беседовал с посланцем Орлей. Ваймс бросил взгляд на Шельму и Детрита. Ну вот, притащил он их сюда, и что? Ничего не скажешь, удачная идея... В официальной мантии король выглядел каким-то недосягаемым и недовольным.

«А ну-ка, соберись, – мысленно приказал Ваймс самому себе. – Они граждане Анк-Морпорка. И не совершают ничего предосудительного. Вернее, – тут же поправил он себя, – не совершают ничего предосудительного по *анк-морпоркским* стандартам».

Очередь медленно двигалась, и Ваймс со свитой почти уже добрался до короля. Перехватив топоры поудобнее, гномы-охранники воззрились на Детрита. Однако тролль как будто не заметил этого.

– А это место даже покультурнее Оперы будет, – произнес он, почтительно оглядывая пещеру. – Енти канделябры весят не меньше тонны.

Он поднял руку, провел ладонью по шее, потом посмотрел на свои пальцы.

Ваймс задрал голову. Что-то теплое, похожее на маслянистую каплю дождя, упало ему на щеку. Смахивая ее, он вдруг заметил, как мелькнула какая-то тень...

Далее все происходило в замедленном темпе. Время текло как патока, и Ваймс словно бы наблюдал за самим собой со стороны. Вот он увидел, как грубо отталкивает Шельму и Сибиллу, как что-то кричит хрипло, потом бросается к королю, подхватывает гнома на руки, а чей-то топор наносит звонкий удар по его кирасе.

Затем он катится по полу с разъяренным гномом в объятиях, а канделябр продолжает падать в облаке свечного пламени, но вдруг появляется Детрит и вскидывает вверх свои лапищи. Глазами тролль меряет расстояние: все ли правильно...

На краткий миг воцарилась полная тишина, и все присутствующие как будто замерли, глядя на тролля, который пытался поймать падающую гору огня. А потом законы физики начали действовать снова, и все исчезло в облаке гномов, обломков, расплавленного воска и горящих, летящих во все стороны свечей.

Очнулся Ваймс в темноте. Чуть поморгав, он коснулся пальцами глаз, убеждаясь в том, что они действительно открыты.

Он резко сел, жажнувшись головой о какой-то камень и тут же увидел

долгожданный свет – в глазах заплясали желтые и лиловые злые огоньки, заполнившие все поле зрения. Он даже вынужден был снова прилечь, чтобы огоньки пропали.

Слегка отдышавшись, он произвел инспекцию личного имущества. Плащ, шлем, меч и доспехи исчезли. Он лежал в рубашке и бриджах. Холодно не было, но воздух обладал какой-то липкой влажностью, которая пробирала до костей.

Итак...

Он не знал, сколько времени ушло на ощупывание камеры, потому что ее пришлось именно ощупывать. Он двигался дюйм за дюймом, размахивал руками перед собой, как человек, овладевающий очень медленными приемами боя с темнотой.

Полагаться на органы чувств он не мог. Ваймс очень осторожно прошел вдоль одной стены, затем – вдоль другой, за которой последовала стена, в которой обнаружилась небольшая дверь с ручкой, и наконец он вернулся к стене с каменным ложем, на котором он некоторое время назад очнулся.

Задача усложнялась тем, что все это Ваймс вынужден был проделывать, опустив голову на грудь. Он был не очень высоким человеком, в противном случае проломил бы себе череп, когда попытался спросонья сесть.

Не имея ничего под рукой, Ваймс измерил камеру патрульными шагами. Он совершенно точно знал, сколько времени уходит на то, чтобы пройти таким шагом от Бронзового моста до дома. Сначала он немного запутался в расчетах, но в итоге все же определил, что площадь камеры составляет примерно десять квадратных футов.

Вопить и звать на помощь Ваймс не стал. Он был в камере. Значит, кто-то посадил его в эту камеру. И кто бы это ни был, вряд ли его интересовала точка зрения Ваймса на сей счет.

Добравшись на ощупь до каменной плиты, он опять лег. В кармане что-тобрякнуло.

Похлопав по бокам руками, Ваймс достал то, что на ощупь и на звук очень напоминало коробок спичек. Спичек оставалось только три.

Таким образом, ресурсы: одежда, которая была на нем, и три спички. Теперь нужно выяснить, что происходит.

Он помнил падающий канделябр. А еще ему *казалось*, что он помнит, как Детрит поймал этот канделябр. Затем последовали какие-то вопли и крики, кто-то бегал вокруг, а король в его объятиях ругался так, как умеют ругаться только гномы. А потом кто-то ударил его, Ваймса, по голове.

Сейчас у него болела не только голова, но и спина, там, где кираса отразила удар топора. Вспомнив об этом, Ваймс пережил прилив национальной гордости. Анк-морпоркские доспехи выдержали удар! Да, конечно, скорее всего, эти самые доспехи были выкованы в Анк-Морпорке убервальдскими гномами из убервальдской же стали. И тем не менее доспехи были анк-морпоркскими.

На сделанной в Убервальде плите лежала подушечка, которая едва слышно звякнула, когда Ваймс повернул голову. Очень странный звук, как-то не ассоциирующийся с перьями...

Ваймс нащупал в темноте подушку и, прибегнув к помощи зубов, наконец разорвал плотную ткань наволочки.

Если то, что он вытащил из наволочки, некогда было частью птицы... в общем, не хотел бы он повстречаться с такой пичужкой. На ощупь предмет очень напоминал однозарядный арбалет Иниго. Палец, крайне осторожно всунутый в трубку, подсказал, что арбалет взведен.

«Всего один выстрел, – вспомнил Ваймс. – Но о том, что он у тебя есть, противник даже не подозревает... С другой стороны, вряд ли эту штуку в подушку засунула зубная фея, разве что в последнее время ей попадались особо непослушные детишки».

Ваймс спрятал арбалет обратно в наволочку и вдруг заметил приближавшийся свет. Он был очень тусклым, но позволил различить, что в двери имеется забранное решеткой окошко. За окошком возникли какие-то неясные силуэты.

– Вы очнулись, ваша светлость? Весьма своевременно.

– Ди?

– Он самый.

– Вы пришли сообщить мне, что произошла ужасная ошибка?

– Увы, нет. Хотя лично я убежден в вашей полной невиновности.

– Правда? Я тоже, – пробурчал Ваймс. – На самом деле, я настолько убежден в собственной невиновности, что даже не подозреваю, в чем меня обвиняют! Выпустите меня, а не то...

– ...А не то, боюсь, вам придется остаться здесь, – перебил Ди. – Это очень крепкая дверь, и вы не в Анк-Морпорке, ваша светлость. Конечно, я при первой же возможности сообщу вашему лорду Витинари о том, что вы попали в затруднительное положение, но, насколько я знаю, клик-башня была сильно повреждена...

– Мое *затруднительное положение* заключается только в том, что вы заперли меня тут! Почему?! Я же спас вашего короля!

– Имеются некоторые... противоречия.

- Кто-то умышленно уронил канделябр!
- Да, несомненно. Как оказалось, это был один из сотрудников вашего посольства.
- Вы сами знаете, что это ерунда! Детрит и Задранец находились рядом со мной, когда...
- Господин Сепаратор относится к вашим сотрудникам?
- Он... Да, но... Я... Он не стал бы...
- Насколько мне известно, в Анк-Морпорке существует некая Гильдия Наемных Убийц, – спокойно сказал Ди. – Поправьте меня, если я не прав.
- Он находился в клик-башне!
- В выведенной из строя клик-башне?
- Она была выведена из строя, до того как он... – Ваймс замолчал. – И вообще, зачем ему выводить из строя клик-башню?
- А я и не утверждал, что это был он, – промолвил Ди все так же спокойно. – Кроме того, есть серьезные основания считать, что буквально за мгновение до падения вы подали сигнал...
- Что?!
- Коснулись щеки рукой или что-то вроде. Возможно, вы предвидели такое развитие событий.
- Эта штука раскачивалась! Послушайте, дайте мне поговорить с Сепаратором.
- Вы обладаете сверхъестественными возможностями, ваша светлость?
- Ваймс запнулся, но потом все же выдавил из себя этот вопрос:
- Он мертв?
- Мы считаем, что в процессе отсоединения канделябра он запутался в механизме лебедки. Кстати, на месте происшествия нашли трупы трех гномов.
- Но зачем ему...
- Ваймс снова замолчал. А затем. Просто затем. Он ведь член соответствующей Гильдии, и Ди об этом прекрасно знает...
- Ди, вероятно, увидел выражение его лица.
- Вот именно, вот именно. Нами будет проведено тщательное расследование. Если вы невиновны, вам нечего опасаться.
- Эта новость, сообщающая о том, что невиновным нечего опасаться, гарантированно заставила бы трястись от ужаса любого невинного человека.
- А что вы сделали с Сибиллой?
- Сделали, ваша светлость? Ничего, разумеется. Мы ведь не варвары.

О вашей супруге мы слышали только хорошее. Она, конечно, расстроена.

Ваймс застонал.

– А с Детритом и Задранец?

– Они же были вашими подчиненными, ваша светлость. Один из них – тролль, другой... опасно отличается от всех. Именно поэтому и ни по какой другой причине они находятся под домашним арестом в посольстве. Мы неукоснительно соблюдаем традиции дипломатии и не допустим, чтобы нас обвинили в злом умысле. – Ди вздохнул. – Но есть еще одна проблема...

– Вы собираетесь обвинить меня в краже Лепешки?

– Вы подняли руку на короля.

Ваймс изумленно уставился на него.

– Ха! На него должен был упасть канделябр в тонну весом!

– Это будет принято во внимание.

– И я заключен под стражу за то, что спас его от гибели, которую сам же и спланировал?

– Так значит, это вы ее спланировали?

– Нет! Послушайте, эта штука падала, и как, по-вашему, я должен был поступить? Дернуть ковер и попытаться вытащить его величество вместе с троном?

– Да, да, я все понимаю. Однако существует очень известный прецедент. В тысяча триста сорок пятом году, когда правящий в то время король упал в озеро, никто из свиты даже пальцем не посмел его коснуться. Этого требовал закон, и проведенное в дальнейшем расследование показало, что свита поступила правильно. К королю категорически запрещается прикасаться. В любом случае. Я, конечно, пытался объяснить конклаву, что в Анк-Морпорке не существует подобных традиций, но здесь не Анк-Морпорк.

– Да вы постоянно напоминаете мне об этом!

– Вы останетесь нашим... гостем, пока длится следствие. Вы будете обеспечены едой и питьем.

– А светом?

– Конечно. Прошу простить нашу небрежность. Пожалуйста, отойдите от двери. Меня сопровождают вооруженные стражники, а они простые и незамысловатые гномы.

Решетка в двери открылась, на полочке появилась светящаяся клетка.

– Что это? Полудохлый червь-светляк?

– Это такой жук. И очень скоро вы узнаете, что света он дает более чем достаточно. Мы-то давно привыкли к темноте...

– Послушайте! – воскликнул Ваймс, когда решетка захлопнулась. – Вы

же понимаете, что эти обвинения нелепы! Я не знаю, как обстоит дело с господином Сепаратором, но, клянусь, скоро выясню это! И насчет кражи Лепешки тоже! Я очень близок к разгадке. Позвольте мне вернуться в посольство, ну куда я оттуда денусь?

– Нам не хотелось бы выяснять, куда вы можете оттуда деться. Допустим, вы вдруг посчитаете, что жить в Анк-Морпорке гораздо приятнее.

– Правда? И как мы туда попадем?

– У вас могут оказаться друзья в самых неожиданных местах.

Ваймс вспомнил о смертоносном оружии в подушке.

– К вам будут хорошо относиться. Таковы наши традиции, – сказал Ди. – Я навещу вас, когда появятся новости.

– Эй...

Но силуэт Ди мелькнул в тусклом, почти отсутствующем свете и пропал.

Жук, оставленный в камере Ваймса, старался изо всех сил, однако с темнотой ему так и не удалось справиться – он смог лишь превратить ее в наслоения зеленоватых теней. Теперь можно было ходить по камере, не боясь врезаться в стену, но не более того.

Один выстрел, о наличии которого никто не знает.

Он, *вероятно*, помог бы выбраться в коридор. Подземный. Кишмя кишачий гномами.

С другой стороны, просто поразительно, сколько доказательств можно накопать на человека, было бы желание.

Но в конце концов, посол Ваймс или нет?! Куда подевалась хваленая дипломатическая неприкосновенность? Впрочем, тяжело настаивать на справедливости, когда тебя окружают незамысловатые гномы с оружием. Всегда есть риск, что они захотят испытать собственную незамысловатость.

Один выстрел, которого никто не ожидает...

Через некоторое время в замке загремел ключ и дверь распахнулась. Ваймс сумел разглядеть двух гномов. Один держал в руках топор, другой нес поднос.

Гном с топором взмахом руки приказал Ваймсу отойти назад.

«Охранник с топором? Вот уж неудачная идея...» – подумал Ваймс. Топор, как всем известно, любимое оружие гномов, но в тесном помещении от него очень мало толку.

Ваймс поднял руки и сложил их на затылке. Гном с подносом осторожными шажками начал приближаться к каменной плите.

Эти гномы явно его боялись. Возможно, им редко приходилось

встречаться с людьми. Что ж, этого человека они запомнят надолго.

– Хотите, фокус покажу? – спросил Ваймс.

– Грз'дак?

– Смотрите, – сказал Ваймс, выбросил руки вперед и закрыл глаза, прежде чем чиркнуть спичкой.

Он услышал, как упал на пол топор, когда его владелец попытался закрыть глаза руками. Это было случайностью, неожиданным даром с небес, но у Ваймса не было времени благодарить бога отчаявшихся людей. Он бросился вперед, нанес изо всех сил удар ногой и услышал, как кто-то резко охнул от боли. Потом прыгнул в темноту, где прятался второй гном, нащупал его голову, резко развернулся и вогнал эту голову на манер тарана в невидимую стену.

Первый гном пытался подняться на ноги. Ваймс нащупал его в полумраке, схватил за шиворот, поднял на уровень своего лица и прохрипел:

– *Кто-то* оставил мне оружие. Чтобы убить вас. Не забывайте о том, что я мог вас убить.

Он ударил гнома в живот. Сейчас был не самый подходящий момент играть по правилам маркиза Пышнохвоста^[22].

Потом Ваймс повернулся, схватил клетку с жучком-светлячком и метнулся к двери.

Он скорее почувствовал, чем увидел, уходящий в обе стороны коридор. Ваймс остановился буквально на мгновение, чтобы поймать щекой легкое дуновение ветерка, после чего побежал туда, откуда дул воздух.

Спустя некоторое время он увидел висевшую на стене клетку с очередным жучком. Светлячок освещал (ну а точнее, делал окружающую темноту менее черной) огромное круглое отверстие, в котором лениво вращался вентилятор.

Лопасты крутились так медленно, что Ваймс без труда проскочил между ними в бархатно-черный грот.

«Кто-то страстно желает моей смерти, – думал он, пробираясь вдоль невидимой стены туда, откуда дул ветерок. – Один выстрел, которого никто не ждет... Никто? Или все-таки кто-то ждет?»

Если ты хочешь освободить узника из тюрьмы, то даешь ему ключ или напильник. Только не оружие. С помощью ключа узник может вернуть себе свободу, а с помощью оружия он может только одно – умереть.

Ваймс вовремя остановился, одна его нога уже была занесена над бездной. Жучок осветил громадную дыру в полу. Ее глубина притягивала, манила к себе.

Сжав в зубах кольцо жучиной клетки, Ваймс отступил на несколько шагов... и неточно рассчитал расстояние. Он ударился о противоположный край дыры всеми ребрами и замер, едва успев впиться ногтями в какую-то трещинку.

Часть знаменитого анк-морпоркского чувства юмора с шипением вырвалась из груди сквозь стиснутые зубы.

Наконец Ваймс с трудом вылез из ямы и перевел дыхание. Потом достал из кармана однозарядный арбалет, разрядил его в пол, бросил оружие в яму, прислушался, услышал через несколько долгих секунд металлический «бряк» и двинулся дальше, навстречу ветерку.

Добравшись до конца тоннеля, он оказался на дне шахты. Зеленоватый свет выявил небольшой сугроб посредине открытого пространства.

Ваймс зачерпнул горсть снега, а когда поднял лицо, снежинка опустилась и растаяла на его щеке. Он улыбнулся. Жучиный свет выхватил из темноты уходившую вверх спиралевидную лестницу.

Впрочем, лестницей это можно было назвать лишь с большой натяжкой. Когда прокладывалась шахта, гномы сделали отверстия в скале и вбили в них обрезки бревен. Он испытал пару ступенек на прочность. Вроде бы должны выдержать. Если продвигаться вперед осторожно, он сможет вскарабкаться...

Ваймс успел подняться достаточно высоко, когда сломалось первое бревно. Правда, он тут же вскинул вверх руки и ухватился за следующее бревно, но сразу же почувствовал, что пальцы соскальзывают с мокрого дерева. Жук-светлячок полетел вниз. Беспомощно раскачиваясь взад-вперед, Ваймс увидел, как круг зеленоватого света сначала сократился до точки, а потом и вовсе исчез.

Он с ужасом понял, что подтянуться не сможет. Пальцы уже онемели, и остаток жизни по своей продолжительности равнялся времени, в течение которого они еще смогут цепляться за отсыревшее дерево.

То есть не больше минуты.

В течение минуты можно сделать многое, но только если у тебя свободны обе руки и ты не болтаешься в темноте над бездной.

Пальцы разжались. Буквально через мгновение он шмякнулся на бревна-ступеньки ярусом ниже, которые мгновенно сломались.

Человек и бревна упали на следующий ярус. Ваймс ударился боком с такой силой, что у него даже ребра затрещали. Покачиваясь на бревне, которое почему-то выдержало, а не сломалось, он слушал грохот падавших на дно шахты обломков.

– ...! – Ваймс хотел выругаться, но после падения никак не мог набрать в грудь воздуха. Он просто висел на бревне, будто сложенные штаны.

Он давно не спал. То состояние, в котором он пребывал на каменной плите в камере, нельзя было назвать сном. После нормального сна во рту не возникает ощущения, словно его залили клеем.

А ведь еще сегодня утром новый посол Анк-Морпорка вручал свои верительные грамоты. А вечером главнокомандующий Стражей Анк-Морпорка собирался раскрыть кражу, казавшуюся такой простой. А сейчас он болтается в какой-то ледяной шахте, и лишь несколько дюймов прогнившей, ненадежной древесины отделяют его от короткого путешествия в мир иной.

Он надеялся только на одно – на то, что вся его жизнь не промелькнет перед глазами. Были в ней определенные эпизоды, которые очень не хотелось вспоминать.

– А... сэр Сэмюэль. Какая неудача. А ваши дела шльи так успешно.

Он открыл глаза и в тусклом лиловом ореоле увидел леди Марголотту. Она сидела в пустоте.

– Вам чьем-нибудь помочь? – спросила она.

Совершенно одуревший Ваймс покачал головой.

– Если хотите знать, мне совсем не нравится то, чем я сейчас занимаюсь, – сказала вампирша. – Все так... предсказуемо. О, а это старое гнилое бревно выглядит не больно-то...

Бревно сломалось. Ваймс, раскинув руки и ноги, приземлился одним витком спирали ниже и начал было падать дальше, но успел схватиться за одну из ступеней и повиснуть.

Леди Марголотта величественно спустилась к нему.

Снизу донесся грохот упавших бревен.

– Теоретически это вполне приемлемый способ спуска. Вы могли бы даже выжить, – пожала плечами вампирша. – Но, увы, к превелькому сожалению, падавшие бревна сломали большую часть ступеней из тех, что идут ниже.

Ваймс перенес вес с руки на руку. Ему показалось, что он более или менее крепко держится за бревно. Вполне возможно, ему удастся подтянуться...

– Я знал, что за всем этим стоишь ты, – пробормотал он, пытаясь усилием воли вдохнуть жизнь в плечевые мышцы.

– Ничего вы не знали. Впрочем, нет. Вы знали, что Лепешка не была украдена.

Ваймс уставился на спокойно парящую в воздухе фигуру.

– Гномы никогда не догадались бы... – начал было он, но бревно как-то противно дернулось под его весом, словно сообщая всем незадачливым пассажирам, что их вот-вот ожидает приземление.

Леди Марголотта подлетела поближе.

– Мне известно, что вы ненавидите вампиров, – сказала она. – Это вполне обычно для вашего типа личности. Вы личность... так сказать, проникающая, стремящаяся вовне. Но на вашем месте я задала бы себе одьин вопрос... Неужели я не люблю вампиров настолько, что готов расстаться с жизнью?

Она протянула ему руку.

– Всего один укус, и мои мучения закончатся, да? – прорычал Ваймс.

– Всего один укус... Но это ровно на одьин укус больше, чем нужно, Сэм Ваймс.

Дерево затрещало. Она схватила его за запястье.

Ваймс, если бы он мог сейчас думать, предположил бы, что повиснет на вампирше. Вместо этого он просто завис в воздухе.

– Даже не думайте отпустить мою руку, – приказала Марголотта, когда они стали плавно подниматься вверх по стволу шахты.

– Ровно на одьин укус больше, чем нужно? – переспросил Ваймс, вдруг поняв смысл произнесенной фразы. – Так ты... завязала?

– Да. Вот уже почти четыре года как.

– Что, ни капли?

– Только кровь животных. Я считаю, это добрее, чем убивать их на бойне. Конечно, они становятся туповатыми, но, честно говоря, нье думаю, что какая-нибудь корова способна получить приз как Лучший Мыслитель Года. Да, господин Ваймс, я повязала.

– Завязала... Мы говорим «завязала», – промолвил Ваймс слабым голосом. – И что... Кровь животных способна заменить человеческую?

– Примерно настолько же, насколько лимонад способен замьенить виски. Тем не менее существо мыслящее всегда можьет найти достойную... замену.

Стены шахты остались внизу, и они уже парили в чистом морозном воздухе, который мгновенно пробрался под тонкую рубашку Ваймса. Затем леди Марголотта отлетела немного в сторону, и Ваймс упал в доходящий до колен снег.

– У наших гномов есть одна хорошая черта – они редко придумывают что-то новое и всегда придерживаются старых методов, – сказала вампирша, паря над снегом. – Найти вас было совсьем не трудно.

– Где мы сейчас? – спросил Ваймс, окидывая взглядом засыпанные снегом камни и деревья.

– В горах, господин Ваймс. Достаточно далеко от города. Он в той стороне, против вращения. А теперь прощайтесь.

– И ты бросишь меня здесь?

– Извините? Это ведь вы сбьезжали из тюрьмы. Меня даже и близко не было. Чтобы я, вампир, вмешивалась в дела гномов? Это невысказано! Могу лишь сказать... я люблю, когда людям дают равные шансы.

– Но здесь холодно! У меня даже куртки нет! Чего ты добиваешься?

– Зато у вас есть свобода, господин Ваймс. Самая желанная вещь на свете. Разве свобода не греет вас?

И леди Марголотта исчезла за стеной снега.

Ваймса начала бить дрожь. Он только сейчас понял, как тепло было под землей. Он попытался прикинуть, сколько сейчас времени. Горы озарялись тусклым, очень тусклым светом. Солнце только что закатилось? Или еще не вошло?

Снежинки налипали на влажную одежду.

Свобода может и убивать.

Убежище... Надо срочно найти какое-нибудь убежище. Какая разница мертвецу, сколько сейчас времени и где он находится? Мертвые всегда находятся здесь и сейчас.

Ваймс отошел подальше от жерла шахты и углубился в лес – туда, где было поменьше снега. Падающие снежинки напоминали жуков-светлячков, они тоже излучали свет, только более тусклый, словно, падая, поглощали его из воздуха.

Ваймс не умел ориентироваться в лесу. Обычно он видел лес только на горизонте. Если он когда-нибудь и думал о лесе, то представлял себе много-много деревьев, коричневых внизу и зеленых наверху.

А здесь были кочки и ямы, темные ветви, трещавшие под весом снега. Иногда что-то с легким шелестом осыпалось. Периодически откуда-то сверху падали целые сугробы, освобождая ветви и осыпая Ваймса градом колючих ледяных кристалликов.

Наконец он набрел на какую-то дорогу – или просто на открытое пространство, покрытое гладким слоем снега, – и двинулся вдоль нее. Особого выбора у Ваймса не было. Свобода, конечно, греет, но недолго.

Ваймс обладал так называемым городским зрением. У стражников оно развивалось очень быстро. Стражника-стажера сразу было видно – он просто смотрел на улицу. Он учился, и если он учился плохо, его ждал незачет в виде Смерти. Стражник, который провёл на улицах какое-то

время, на все обращал внимание: фиксировал мельчайшие детали, вглядывался в тени, видел как задний, так и передний планы, людей, которые стремились остаться незамеченными на любом из планов. Ангва так смотрела на улицы. Работала над собой.

Опытному стражнику (а в хорошие дни – даже Шнобби) достаточно было бросить на улицу один-единственный взгляд, потому что он видел все и сразу.

Таким образом, может, существует и... сельское зрение? Лесное зрение? Ваймс видел лишь деревья, сугробы и снег, ничего больше.

Ветер усиливался, начинал завывать между деревьями. Снежинки жалили.

Деревья. Ветки. Снег.

Ваймс пнул сугроб рядом с дорогой. Снег соскользнул, открыв путаницу из темных сосновых ветвей. Ага...

Ваймс опустил на карачки и стал копать.

Здесь тоже было холодно и снег лежал на опавших иголках, но ветви под весом снега опустились до самой земли, образовав вокруг ствола некое подобие шатра. Ваймс, не забыв поздравить себя с этой маленькой победой, подполз поближе к стволу. Здесь не было ветра, и, вопреки всякому здравому смыслу, толстый слой снега на ветках создавал ощущение *тепла*. Тут даже пахло теплом... и какими-то животными...

Три волка, свернувшиеся вокруг ствола, с интересом смотрели на него.

К нормальному ознобу Ваймса добавился метафорический. Звери не выглядели испуганными.

Волки!

Больше сказать было нечего. С тем же успехом можно было заорать: «Снег!» Или: «Ветер!» Но в данный момент бесспорными убийцами были волки.

Ваймс где-то слышал, что волки нападают, только если ты показываешь, что боишься их.

Вся беда состояла в том, что очень скоро он должен был уснуть. Он чувствовал, как сон постепенно овладевает телом. Он терял способность мыслить здраво, у него болели все мышцы...

Снаружи завывал ветер. И его светлость герцог Анкский действительно уснул.

Проснулся Ваймс от собственного храпа и, к превеликому удивлению, обнаружил, что все его руки-ноги были на месте. Прямо над его головой лежащий на ветвях снег чуть подтаял – на его щеку упала капля холодной воды и скатилась вниз по шее. Мышцы уже не болели. Он просто *не*

чувствовал их.

Волки исчезли. У дальнего конца соснового шатра снег был утоптан, и оттуда струился такой яркий свет, что Ваймс даже застонал.

Как оказалось, свет был дневным, а излучало его ясное небо. Настолько синего неба Ваймсу видеть не доводилось, оно было таким синим, что в зените обретало лиловый оттенок. Ваймс вылез наружу, сделал пару шагов по скрипучему снегу и увидел мир, весь покрытый инеем, как сахарной глазурью.

Меж деревьев петляли волчьи следы. Ваймс сразу понял, что по следам идти не стоит – вряд ли он тем самым увеличит продолжительность своей жизни. Вчера волки, так сказать, отдыхали, но сейчас наступил новый день, и они отправились на поиски завтрака.

Солнце выглядело теплым, воздух был холодным, и дыхание застывало морозными облачками, едва успев покинуть рот.

Неужели здесь совсем нет людей? Ваймс плохо разбирался в сельской жизни, но разве в лесу не должно быть всяких углежогов, лесорубов и... он напряг память... маленьких девочек, относящих пирожки бабушкам? Все истории, слышанные Ваймсом в детстве, предполагали, что в любом лесу жизнь буквально ключом бьет: всякий шум, гам, крики... А здесь царила абсолютная тишина.

Он направился – как ему показалось – вниз, под уклон, сам не зная почему, просто по привычке. Другой важной проблемой была еда. У него оставалась пара спичек, и, вероятно, если придется провести еще одну ночь в лесу, он сможет развести костер, но с тех пор, когда он последний раз что-то ел... когда это было? ах да, на приеме... прошло слишком много времени.

Сам Анк-Морпорк, собственной персоной, шел вперед, с трудом пробираясь сквозь снег...

Примерно через полчаса Ваймс достиг дна неглубокой долины, по которому между обледеневших берегов бежал ручей. От ручья клубами валил пар.

Вода была теплой на ощупь.

Некоторое время Ваймс шел вдоль берега, испещренного следами животных. Периодически ручей разливался глубокими заводями, от которых пахло тухлыми яйцами. Вокруг заводей росли кусты с голыми, поникшими и покрытыми льдом ветвями.

Впрочем, еда может и подождать. Ваймс сорвал с себя одежду, вошел в одну из заводей, вскрикнул, когда вода едва не обожгла ноги, и лег на спину.

Кажется, именно так поступают туристы в Пустофьорде? Он где-то слышал об этом. Принимают горячие паровые ванны, а потом носятся по снегу и стегают друг друга березовыми ветками. Или еще чем-то. Нет такой глупости, которую уже не совершил бы какой-нибудь иностранец.

О боги, как *приятно*. Горячая вода – это цивилизация. Ваймс чувствовал, как тепло расслабляет окоченевшие мышцы.

Полежав еще немного, он, шлепая по воде, прошел к берегу, порылся в карманах и достал расплюснутую пачку сигар, в которой обнаружил нечто напоминающее окаменевшие веточки. Да уж, прошедшие сутки были бурными...

И всего две спички.

Ну и ладно, любой дурак может развести костер одной спичкой.

Он снова лег в воду. Это было правильным решением. Он чувствовал, что окончательно приходит в себя, благодаря теплу внутри и снаружи обретает привычную форму...

– А, ваша светлость...

На противоположном берегу сидел Вольф фон Убервальд. Совершенно голый. От его тела поднимался пар, словно он только что напряженно трудился. Мышцы блестели как намащенные. Вероятно, так оно и было.

– Приятно пробежаться по снегу, не так ли? – любезно осведомился Вольф. – Вы неплохо усваиваете традиции Убервальда, ваша светлость. Госпожа Сибилла жива-здорова и сможет выехать домой, как только перевал немного очистится от снега. Думаю, вам приятно будет об этом услышать.

К Вольфу подтягивались другие вервольфы – мужчины и женщины, все столь же раскованно обнаженные, как и их вожак.

Есть люди, которые уже мертвы, но еще ходят. Ваймс тоже был уже мертв, но еще плавал. Его будущее ясно читалось во взгляде Вольфа.

– Ничто не сравнится с хорошей горячей ванной перед завтраком, – сообщил он.

– Да, конечно. Кстати, мы тоже еще не завтракали, – улыбнулся Вольф.

Он встал, потянулся и одним гигантским прыжком перемахнул через заводь. Тщательно обыскал бриджи и рубашку Ваймса.

– Эту штуковину Иниго я выбросил, – пожал плечами Ваймс. – Вряд ли ее мог подложить какой-нибудь неведомый мне друг.

– Все это большая игра, ваша светлость, – сказал Вольф. – Не упрекайте себя! Выживает сильнейший, как и должно быть!

– Все это спланировал Ди, не так ли?

Вольф рассмеялся.

– Наш маленький добрый Ди? О да, у него был план. Неплохой план, хотя и слегка безумный. К счастью, этот план нам уже не нужен.

– Ты хочешь развязать войну между гномами?

– Сила – это *хорошо*, – сказал Вольф, аккуратно складывая одежду Ваймса. – Но, подобно многим хорошим вещам, сила хороша, пока принадлежит кому-то одному, а не многим.

Он отбросил одежду Ваймса как можно дальше.

– Что вы хотите от меня услышать, а, ваша светлость? – продолжал Вольф. – Что-нибудь вроде: «Вы все равно умрете, так почему бы мне все вам не рассказать?»

– Ну, послушать бы не отказался.

– Вы все равно умрете, – с улыбкой произнес Вольф. – Тогда почему бы вам все мне не рассказать?

Разговоры помогали выиграть время. Может, буквально через минуту подтянутся местные лесорубы и углежогы? Но если они оставили свои топоры дома, всем грозят *большие* неприятности.

– У меня практически нет сомнений в том, зачем в Анк-Морпорке была украдена копия Лепешки, – сказал Ваймс. – Я уже давно заподозрил, что с нее была сделана еще одна копия, которая и была тайно провезена сюда в одной из наших карет. Ведь багаж дипломатов не досматривается.

– Умница!

– Жаль только, что Игорь решил разгрузить багаж именно тогда, когда по карете лазал один из твоих подручных.

– О, Игорям крайне трудно причинить вред.

– Тебе просто все равно, да? Кучка гномов, цепляющихся за древние обычаи, хочет усадить на тро... на Лепешку Альбрехта, но тебе нужно лишь одно: чтобы гномы передрались между собой. И неужели старина Альбрехт получит назад настоящую Лепешку? Что-то я сомневаюсь.

– Могу заявить одно: в данный момент наши интересы совпадают, – сказал Вольф.

Краем глаза Ваймс заметил, что остальные вервольфы начали окружать заводь.

– А потом ты подставил меня, – продолжил он. – Достаточно непрофессионально, честно говоря. Но убедительно. Вам пришлось срочно действовать, ведь я был близок к разгадке и мог раскрыть Ди. Кстати, это бы сошло вам с рук. Люди – плохие свидетели-очевидцы, уж я-то *знаю*. Они верят в то, что хотели бы увидеть, а также в то, что, по словам других людей, они видели. И подкинуть мне этот чертов арбалет – довольно милый штрих. Ди явно надеялся, что при попытке к бегству я кого-нибудь

убью...

– Кстати, не пора ли вам вылезать из этой... заводи? – спросил Вольфганг.

– Ты хотел сказать «ванны»?

Ну точно, он поморщился, и это не ускользнуло от внимания Ваймса. «О мой мальчик, ты ходишь на двух ногах и умеешь разговаривать, ты силен как бык, но в существе, застрявшем между человеком и волком, есть что-то собачье».

– У нас существует древний обычай, – сказал Вольф, отворачиваясь от Ваймса. – Очень хороший. Любой может бросить нам вызов. А потом начинается... погоня. Большая игра! Состязание, если угодно. Если человеку удастся от нас улизнуть, он получает четыреста крон. Это очень большая сумма! Человек может начать собственное дело. Конечно, вы понимаете, что, если человеку не удастся от нас улизнуть, вопрос о деньгах уже не поднимается!

– А в этой игре кто-нибудь когда-нибудь побеждал? – спросил Ваймс.

«Ну, где же вы, лесорубы, людям так нужны дрова!»

– Конечно. Ловкие, физически сильные и знакомые с местностью люди. Многие предприниматели Здеца обязаны своим успехом нашему древнему обычаю. Вам же мы дадим... скажем, час форы. Забавы ради! – Он махнул рукой. – Здец находится вон там, в пяти милях отсюда. Согласно правилам, вы не имеете права заходить в жилища других людей, пока не доберетесь до города.

– А если я не побегу?

– Тогда все закончится быстро и неинтересно. Нам не нравится Анк-Морпорк. И здесь вы нам совсем не нужны!

– Странно, – пробормотал Ваймс.

Вольф наморщил лоб.

– Что вы имеете в виду?

– Просто куда бы в Анк-Морпорке я ни пошел, постоянно натываюсь на выходцев из Убервальда, понимаешь? Гномов, троллей, людей... Все они с удовольствием работают и пишут письма домой типа: «Приезжайте, тут просто здорово, и никто вас здесь живьем не сожрет».

Верхняя губа Вольфа презрительно загнулась, обнажив клыки. Ваймсу часто приходилось видеть такое выражение на лице Ангвы. На ее жаргоне это означало, что день выдался волосатым, то есть плохим. А у вервольфа волосатым может быть любой день.

Ваймс решил еще раз попытать удачу. Раз уж эта негодница совсем от него отвернулась, что ж, ей же хуже. Сейчас он из нее все жилы вытянет.

– Кстати, у Ангвы все в порядке...

– Ваймс! Господин Цивилизованный! Анк-Морпорк! Ты *побежишь!*

Надеясь, что ноги его не подведут, Ваймс медленно вышел из воды на заснеженный берег. Вервольфы встретили его дружным хохотом.

– Ты что, в одежде купаешься?

Ваймс опустил глаза на прилипшие к телу мокрые кальсоны.

– А вы никогда не видели кальсон?

Вольф снова усмехнулся и с триумфальным видом посмотрел на свою стаю.

– Вот она... цивилизация!

Раскурив новую сигару, Ваймс окинул заснеженную равнину как можно более высокомерным взглядом.

– Четыреста крон, говоришь? – уточнил он.

– Да!

Ваймс с презрением глянул на лес.

– И сколько это в анк-морпоркских деньгах? Около полутора долларов?

– Вопрос денег даже не возникнет! – взревел Вольф.

– Понимаешь, мне не хотелось бы истратить весь приз здесь...

– *Беги!*

– Учитывая обстоятельства, я даже не буду спрашивать, есть ли у тебя с собой деньги.

Ваймс повернулся к вервольфам спиной и двинулся прочь по заснеженному полю, радуясь про себя, что его лица сейчас им не видно. Кожа со спины так и норвила переползти на грудь.

Он шагал размеренным, спокойным шагом, потрескивая мокрыми кальсонами на морозном воздухе, пока не убедился в том, что стая скрылась из виду.

Итак, разберемся... Они гораздо сильнее тебя, прекрасно знают местность, и если они настолько же хороши, как Ангва, то учуют твой пук, даже если рядом с тобой прыгает разъяренный скунс. Кроме того, у тебя уже начинают болеть ноги.

А плюсы есть? Есть. Ты очень сильно разозлил Вольфа.

Ваймс перешел на бег.

Не больно-то весомый плюс, учитывая сложившуюся ситуацию.

Ваймс побежал *быстрее*.

Где-то далеко позади раздался волчий вой.

Есть такая пословица: «Семь бед – один пикет».

Как раз сейчас капрал Шноббс, вернее президент Гильдии Стражников С. В. Сн. Дж. Шноббс, размышлял над ее двусмысленностью. Легкий ранний снежок с легким шипением испарялся над раскаленной докрасна огромной бочкой (все как велят традиции), установленной перед зданием Городской Стражи.

Главная проблема заключалась в следующем: они пикетировали одно из самых непопулярных зданий в городе. Никто, кроме стражников, по своей воле туда не ходил. Есть в этом что-то философски неправильное... Нельзя преградить людям путь туда, куда они и так идти не хотят. Просто невозможно.

Хоровое пение тоже не возымело действия. Правда, одна старушка подала им пару пенсов.

– Долой, Колон! Долой, Колон! Долой, Колон! – завопил Редж Башмак, весело размахивая плакатом.

– Звучит как-то странно, Редж, – сказал Шноббс. – У тебя «долойколон» получается. Могут подумать, что мы рекламируем какой-нибудь новый одеколон.

Он посмотрел на другие транспаранты. Дорфл держал огромный плакат, на котором мелкими буквами излагались все их жалобы до единой со ссылками на устав Городской Стражи и цитатами из ряда философских трактатов. Но цитаты – это еще что... Вопрос, запечатленный на щитах констебля Посети, мог кого угодно поставить в тупик. «Что за польза царствию, коли бык дефлорирован был? Шарады II, стих 3» – вопрошали щиты, а вместе с ними и констебль.

Несмотря на столь весомые аргументы, город пока что категорически отказывался вставать на колени.

Заслышав грохот колес по мостовой, Шноббс обернулся. К ним приближалась карета, на двери которой красовался герб, состоявший большей частью из черного щита. Из окна над щитом выглядывало лицо лорда Витинари.

– А, не кто иной, как капрал Шноббс... – поприветствовал лорд Витинари.

Сейчас Шноббс многое отдал бы, чтобы оказаться кем угодно, но только не капралом Шноббсом.

Он не был уверен, должен ли забастовщик отдавать честь, но на всякий случай взял под козырек, ведь это еще никому не вредило.

– Как я понимаю, вы самоотстранились от своих обязанностей, – продолжил лорд Витинари. – Думаю, что в твоем случае, капрал, это был особо нелегкий выбор.

Шнобби не совсем понял смысл произнесенной фразы, но тон патриция показался ему дружелюбным.

– Не могу оставаться равнодушным, когда дело касается безопасности города, сэр, – отрапортовал он, сочась оскорбленной преданностью из каждой поры.

Лорд Витинари молчал достаточно долго, чтобы в сознание Шнобби проник обычный, мирный шум города, находящегося, по мнению капрала, на грани катастрофы.

– Впрочем, мне даже в голову не приходило вмешиваться в ваши дела, – сказал он наконец. – Это дело Гильдии. Уверен, его светлость поймет вас, когда вернется в город. – Патриций постучал по стенке кареты. – Едем!

Карета отбыла.

Мысль, которая уже давно не давала Шнобби покоя, выбрала именно этот момент, чтобы завладеть его разумом.

«Господин Ваймс будет страшно зол. Просто безумно зол...»

Лорд Витинари откинулся на спинку сиденья и улыбнулся чему-то, известному только ему одному.

– Э... Вы говорили серьезно, сэр? – спросил сидевший напротив Стукпостук.

– Конечно. Не забудь распорядиться на кухне, чтобы в три часа им доставили какао и булочки. Анонимно, разумеется. Сегодня не было совершено ни одного преступления, Стукпостук. Что весьма необычно. Даже Гильдия Воров залегла на дно.

– Да, мой господин, не могу представить почему. Когда кошки нет...

– Конечно, Стукпостук, но мыши, в отличие от людей, не отягощены мыслями о будущем. А люди как раз знают, что примерно через неделю вернется Ваймс. И будет крайне недоволен. В этом сомневаться не приходится. А когда главнокомандующий Городской Стражей недоволен, он начинает разбрасывать свое недовольство большой лопатой.

Патриций снова улыбнулся.

– В такие времена, Стукпостук, разумные люди предпочитают быть честными. Очень надеюсь, что Колон не станет пытаться исправить положение. Сейчас его глупость нам очень помогает.

Снег усилился.

– Какой красивый снег, сестры...

Три женщины сидели у окна своего домика в самой глуши и смотрели на белую убервальдскую зиму.

- А ветер такой холодный, – сказала вторая сестра.
- Третья сестра, младшая, грустно вздохнула.
- Ну почему мы всегда говорим только о погоде?
- А о чем еще здесь можно говорить?
- На улице либо жуткий холод, либо палящий зной. Другой погоды тут не бывает.
- Что поделать, таков уж наш родной Убервальд, – медленно и сурово произнесла старшая сестра. – Ветер и снег зимой, палящий зной летом...
- Знаете, а если бы мы вырубili вишневый сад, то могли бы устроить площадку для катания на роликах...
- Нет.
- Или оранжерею, где выращивали бы ананасы.
- Нет.
- А если бы мы переехали в Здец, то могли бы купить большую квартиру на вырученные от продажи усадьбы деньги...
- Это наш дом, Ирина, – сказала старшая сестра. – Дом утраченных иллюзий и несбывшихся надежд...
- Мы могли бы каждый вечер ходить на танцы.
- А вот я хорошо помню времена, когда мы жили в Здече, – мечтательно промолвила средняя сестра. – Хорошие были времена...
- Тогда все было лучше, – подтвердила старшая сестра.
- Младшая сестра опять вздохнула и уставилась в окно, а потом вдруг охнула от удивления.
- Какой-то мужчина бежит по нашему вишневому саду!
- Мужчина! Интересно, чего он тут ищет?
- Младшая сестра прищурилась.
- Похоже... он ищет... штаны...
- Ах, – мечтательно произнесла средняя сестра. – Раньше и штаны были куда лучше.

Когда в воздухе разнесся волчий вой, стая слегка замедлила свой бег через промерзше-синюю долину и остановилась. Ангва прыгнула на сани, схватила зубами мешок с одеждой, бросила на Моркоу настороженный взгляд и скрылась среди сугробов. Через несколько минут она появилась обратно, заправляя в штаны рубашку.

– Вольфганг опять устроил свои любимые «догонялки», – сказала она. – Это нужно прекратить. Достаточно того, что мой отец поддерживал эту традицию, но он по крайней мере играл честно. А Вольфганг жульничает. У него *нельзя* выиграть.

- Ты имеешь в виду ту игру, о которой рассказывала?
- Да. Но отец играл по правилам. Если противник был умным и ловким, то получал четыреста крон, и отец даже приглашал его на ужин в свой замок.
- А если он *проигрывал*, отец ужинал им в лесу?
- Спасибо, что напомнил.
- Я просто пытаюсь не быть любезным.
- Оказывается, у тебя к этому талант. Только прежде он не раскрывался, – фыркнула Ангва. – Но я хотела сказать совсем другое: гоняться за людьми – это плохо, это неправильно. Я служила в Страже Анк-Морпорка. Каков девиз нашего города? «Каждый Имеет Право Не Быть Убитым».
- На самом деле этот девиз...
- Моркоу! Я знаю! А девиз нашего рода – «Хомо Хомини Люпус», «Человек человеку – волк»!

Какой бред. Думаешь, этим девизом хотели сказать, что человек робок, застенчив, лоялен и убивает только для того, чтобы добыть себе пропитание? Конечно нет! Этот девиз *значит*, что человек относится к человеку, как к *человеку*, и чем человек хуже, тем больше ему хочется стать похожим на волка! Люди ненавидят вервольфов, потому что видят в нас волков, а волки ненавидят нас, потому что видят в нас людей. И я их за это совсем не осуждаю!

Ваймс шарахнулся от дома и быстро метнулся к стоявшему рядом амбару. Наверняка там что-то найдется. Какие-нибудь мешки... Раздражающие свойства обледеневшего нижнего белья сильно недооценивались.

Он бежал уже целых полчаса. Ну хорошо, на самом деле чуть меньше – двадцать пять минут, а еще пять минут он прихрамывал, боролся с одышкой, хватался за грудь и пытался вспомнить, каковы первые симптомы сердечного приступа.

Внутри амбар был похож на... амбар. Там хранилось сено, валялась самая разная запыленная сельскохозяйственная утварь... и на гвозде висели два потрепанных пустых мешка. Ваймс с облегчением сорвал один из них.

За его спиной со скрипом приоткрылась дверь. Прижав к себе мешок, он резко развернулся и увидел трех женщин в очень мрачных платьях. Женщины с интересом разглядывали пришельца. Одна из них сжимала в дрожащей руке кухонный нож.

- Ты пришел изнасиловать нас? – спросила та, что с ножом.

– Мадам! Меня преследуют вервольфы!

Женщины переглянулись. Мешок вдруг показался Ваймсу таким маленьким...

– Э... И ты весь день будешь этим занят? – спросила одна из женщин.

Ваймс еще крепче прижал к себе мешок.

– Дамы! Умоляю! Мне нужны штаны!

– Мы это видим.

– А еще оружие и ботинки, если у вас они есть! Умоляю!

Женщины зашептались.

– У нас есть тоскливые и совершенно бесполезные штаны дяди Вани, – наконец промолвила одна из них нерешительным голосом.

– Он редко их носил, – добавила другая.

– А у меня в комодке спрятан топор, – сообщила самая молодая и виновато посмотрела на своих товарок. – Только ничего не подумайте, я положила его туда так, на всякий случай. Я вовсе не собиралась ничего вырубать.

– Я буду очень вам признателен, – сказал Ваймс.

Он снова бросил взгляд на старые, но добротные платья, еще хранившие побитую молью элегантность, и открыл единственную свою козырную карту.

– Я – его светлость герцог Анкский, хотя понимаю, в сложившейся ситуации в это трудно поверить...

– Анк-Морпорк! – раздался в ответ трехсложный восторженный вздох.

– У вас такая восхитительная Опера и много-много картинных галерей!

– Такие чудесные улочки!

– Истинный рай на земле! Средоточие культуры и утонченных вкусов, обитель утонченных и нетронутых мужчин!

– Э... Вообще-то я говорил об Анк-Морпорке, – осторожно намекнул Ваймс. – «А» – Анк, «М» – Морпорк.

– Мы всегда мечтали побывать там!

– Как только вернусь домой, немедленно вышлю вам три билета на почтовый дилижанс, – пообещал Ваймс, каждую секунду ожидая услышать хруст снега под лапами. – Но, дорогие дамы, будьте так любезны, не могли бы вы одолжить мне те самые штаны...

Женщины поспешили прочь, однако самая молодая задержалась у дверей.

– А в Анк-Морпорке есть долгие и холодные зимы? – спросила она.

– Как правило, они весьма краткие и слякотные.

– А вишневые сады?

– Боюсь, ни одного.

Девушка триумфально выбросила вверх сжатую в кулак руку.

– Йес-с-с!

Буквально несколькими минутами спустя Ваймс снова остался в одиночестве. Но теперь он стоял в древних черных шароварах, которые пришлось затянуть на поясе веревкой, а в руках сжимал на диво острый, судя по всему недавно наточенный, топор.

Итак, сколько у него форы? Волкам не приходится постоянно останавливаться, чтобы обследовать себя на предмет надвигающегося инфаркта.

То есть бежать бессмысленно. Волки бегают куда быстрее. Стало быть, следует держаться поближе к цивилизации и к таким ее отличительным признакам, как штаны.

Хотя, возможно, время играет на стороне Ваймса. Ангва крайне неохотно рассказывала о своем мире, однако как-то раз она вскользь упомянула, что вервольфы, приняв какой-то облик, медленно, но верно теряют качества, свойственные *другому* их облику. После нескольких часов, проведенных на двух ногах, обоняние из сверхъестественного становится просто хорошим. А если слишком долго находиться в облике волка, ты становишься как будто... пьяным (по крайней мере, Ваймс именно так определил для себя это состояние): мозг еще пытается отдавать приказы, но все тело ведет себя очень глупо. Человеческая половина начинает терять контроль.

Он снова окинул взглядом амбар. На верхний ярус вела лестница. Ваймс поднялся по ней и выглянул из незастекленного окошка на заснеженный луг. Неподалеку виднелась река, на берегу которой стояло некое сооружение, похожее на лодочный сарай.

Что ж, попробуем мыслить как вервольф...

У амбара вервольфы замедлили бег. Их вожак посмотрел на своего заместителя и кивнул. Тот вприпрыжку поскакал к лодочному сараю, все прочие последовали за Вольфом. Последний на мгновение перекинулся в человека – чтобы закрыть дверь и задвинуть засов.

Однако, чуть углубившись в амбар, Вольф вдруг остановился. Вокруг высились беспорядочно разбросанные стожки сена.

Вольф легонько провел перед собой лапой, и с туго натянутого каната, обнаружившегося под сеном, полетели клочья пеньки.

Вольф набрал полную грудь воздуха, и остальные вервольфы, поняв,

что сейчас произойдет, тактично отвели глаза. На месте волка возникла борющаяся сама с собой бесформенная масса, но буквально сразу же эта масса слепилась в человека. Недоуменно моргая, Вольф распрямылся. Все выглядело так, будто какое-то первобытное существо встречало рассвет разума.

«Забавненько... – подумал Ваймс, наблюдая за происходящим с верхнего яруса. – Значит, первые пару секунд после смены облика они не понимают, где находятся и что такое с ними случилось».

– О, ваша светлость, – сказал Вольф, внимательно оглядывая амбар. – *Ловушка?* Как... цивилизованно.

Он наконец заметил стоявшего на верхнем ярусе Ваймса.

– И каково было ее назначение, ваша светлость?

– Отвлечь противника, – сообщил Ваймс, наклоняясь, чтобы поднять масляную лампу.

Бросив лампу на сухое сено, он сильным щелчком послал следом за ней сигару, схватил топор и выпрыгнул в окно как раз в тот момент, когда масло с глухим гулом воспламенилось.

Ваймс упал в сугроб, кое-как выбрался и побежал к лодочному сараю.

Туда вели следы – не человеческие. Приблизившись к двери, Ваймс широко размахнулся и нанес удар по темноте внутри сарая. В ответ раздался громкий, резко захлебнувшийся взвизг.

Хранившийся в полуразрушенном сарае челн был наполовину залит темной водой, но Ваймс даже не позаботился ее вычерпать. Приладив пыльные весла, он ценой больших усилий и малой скорости вывел суденышко в реку.

Затем Ваймс обернулся и издал громкий стон. Вольф бежал по снегу в сопровождении своей стаи. Похоже, ряды вервольфов нисколечко не поредели.

– Очень цивилизованно, ваша светлость! – крикнул Вольф, приложив ладони к губам. – Одна лишь ошибка вышла. Когда вы, ваша светлость, поджигаете амбар с волками, они начинают паниковать! Но если это вервольфы, один из них просто открывает дверь! Вервольфов невозможно *убить*, господин Ваймс!

– Скажи это тому, кто валяется в лодочном сарае! – крикнул Ваймс в ответ и почувствовал рывок: течение подхватило челн.

Вольф оглянулся на сарай, после чего снова поднес ладони к губам:

– Он поправится, господин Ваймс!

Ваймс едва слышно выругался, потому что, вопреки его надеждам, два вервольфа прыгнули в реку и, мощно рассекая воду, устремились к

противоположному берегу. Откуда? Почему? Это ведь чисто собачье поведение! С радостью нырять в любую уличную лужу и отчаянно сопротивляться, когда ты пытаешься запихнуть их в ванну.

Вольфганг бежал легкой трусцой вдоль реки. Два вервольфа добрались до противоположного берега и уже вылезали из воды. Волчьи клещи вот-вот готовы были сомкнуться.

Но течение несло суденышко все быстрее. Ваймс обеими руками принялся вычерпывать воду.

– Вольф, в состязании с рекой вы рано или поздно все равно проиграете! – крикнул он.

– Спасибо за заботу, господин Ваймс! Но тут вопрос стоит несколько иначе: кто выиграет в другом состязании – вы или водопад? До скорой встречи, Цивилизованный!

Ваймс посмотрел вперед. Река ниже по течению выглядела какой-то... укороченной. Он прислушался, и его чуткий на неприятности слух уловил далекий грохот.

Схватив весла, Ваймс принялся грести против течения, и ему даже удалось проплыть пару десятков метров. Но он не мог грести быстрее, чем бежали волки, а высаживаться на берег, где его ждет весьма неласковый прием, – нет, это тоже не слишком удачное решение.

Зато если он рискнет пройти водопад, возможно, ему удастся вырваться вперед...

Звучало не слишком привлекательно, но он решил попробовать.

Ваймс выпустил из рук весла и подтянул к себе веревку, которую бывший хозяин лодки использовал вместо швартовов. «Возможно, если я привяжу к спине топор, то не потеряю его», – подумал он.

В его воображении сразу возникла отчетливая картинка, повествующая о том, что ждет человека, падающего в водопад с привязанным к телу очень острым куском металла...

– ДОБРОЕ УТРО.

Ваймс изумленно заморгал. В лодке появилась высокая фигура в черном балахоне.

– Ты – Смерть?

– ЭТО ВЕДЬ КОСА, НЕ ТАК ЛИ? ПО-МОЕМУ, ЕЕ ОЧЕНЬ ТРУДНО НЕ ЗАМЕТИТЬ.

– Значит, я умру?

– ВОЗМОЖНО.

– Возможно?! Ты что, теперь стал появляться, когда люди, *возможно*, умрут?

– ГМ, С НЕДАВНИХ ПОР – ДА. НОВЫЕ ВЕЯНИЯ. А ВСЕ ИЗ-ЗА ЭТОГО ПРИНЦИПА НЕУВЕРЕННОСТИ.

– А это что такое?

– Я НЕ СОВСЕМ УВЕРЕН.

– Исчерпывающее объяснение.

– МНЕ КАЖЕТСЯ, ЭТО ЗНАЧИТ, ЧТО ЛЮДИ МОГУТ ЛИБО УМЕРЕТЬ, ЛИБО НЕ УМЕРЕТЬ. ТЕПЕРЬ МОЙ РАБОЧИЙ ГРАФИК ТРЕЩИТ ПО ШВАМ, НО Я ВСЕГДА СТАРАЛСЯ ИДТИ В НОГУ СО ВРЕМЕНЕМ.

Грохот стал громче. Ваймс лег на дно челна и схватился за борта.

«Я разговариваю со Смертью, чтобы отвлечься от того, что ждет меня впереди», – подумал он.

– Кстати, в прошлом месяце мы, случаем, не встречались? Я тогда гнался за Больше-Чем-Малый-Дэйв Дэйвом по Персиковопирожной улице и свалился с карниза.

– ВСЕ ПРАВИЛЬНО.

– Но я упал на телегу. И не умер!

– НО ВЕДЬ МОГ.

– Я думал, у каждого из нас есть похожая на песочные часы штуковина, которая сообщает, когда наше время подходит к концу.

Грохот стал почти осязаемым. Ваймс еще крепче вцепился в борта лодки.

– О ДА. ТЫ АБСОЛЮТНО ПРАВ, – подтвердил Смерть.

– Значит, она может ошибаться?

– НЕТ. НЕ МОЖЕТ. ТУТ НЕТ НИКАКИХ СОМНЕНИЙ.

– Но ты же сказал...

– ДА, ПОНЯТЬ ЭТО ДОСТАТОЧНО СЛОЖНО. НО ЕСТЬ ТАКАЯ ШТУКОВИНА, КАК ШТАНЫ ВРЕМЕНИ, И ЭТО УЖЕ ДОСТАТОЧНО СТРАННО, ПОСКОЛЬКУ ВРЕМЯ НИКОГДА НЕ...

Челн свалился в водопад.

Ваймс оказался во власти клокотавшей, немилосердно швырявшей его воды, а затем к общему сумбуру добавился еще и звон в ушах, когда челн упал в заводь под водопадом. Ваймс попытался было направиться туда, где, согласно его прикидкам, находилась поверхность, но его подхватило течение, шмякнуло о валун и понесло дальше в пенистых бурунах.

Некоторое время он вслепую размахивал руками. Наконец ему посчастливилось зацепиться за камень, и, совершив оборот, Ваймс оказался в сравнительно тихой заводи. Однако не успел он толком перевести дыхание, как увидел, что к нему, прыгая с камня на камень, направляется

серая тень. Приземлившись прямо перед Ваймсом, серый кошмар злобно ощерил клыки.

В отчаянии Ваймс рванулся вперед и крепко схватил тварь, пытаясь не думать о лязгающих рядом с рукой челюстях. Затем мохнатая лапа соскользнула с мокрого камня, и вдруг, оказавшись в сложной ситуации и отреагировав чисто автоматически, тварь... *перекинулась*.

Два облика как будто прошли сквозь друг друга. В одном и том же пространстве в одно и то же время, на краткий, чудовищно искаженный миг волк стал меньше, а человек – больше.

А потом случилось то, чего он и ожидал. Секундное замешательство после смены облика...

Впрочем, этот миг длился достаточно долго, чтобы Ваймс, собрав все силы до последней крупинки, ударил ставшую человеческой голову о камень. Ему показалось, что послышался треск.

После чего Ваймс выплыл на середину реки и позволил течению подхватить его тело, лишь изредка подгребая руками, чтобы оставаться на поверхности. Рядом по реке струилась кровь. Ваймс впервые собственными руками убил живое существо. Честно говоря, он никогда никого не убивал. То есть специально. Хотя, конечно, Смерть всегда был рядом, ведь когда люди скатываются с крыши, пытаясь задушить друг друга, только от везения зависит, кто окажется сверху в момент удара о землю. Но тогда все было *иначе*. И каждую ночь он засыпал, искренне веря в это.

А сейчас... Зубы стучали от холода, и от яркого солнечного света болели глаза, но он чувствовал себя... хорошо.

На самом деле, ему хотелось бить себя в грудь и вопить во все горло.

Они пытались *убить* его!

«Пусть они остаются волками, – сказал тоненький внутренний голос. – Чем больше времени они проведут на четырех лапах, тем глупее станут».

А другой голос, низкий, полный первобытной кровавой ярости, твердил из самой глубины души: «Убей их! Убей их всех!»

Ярость кипела, прогоняя из тела холод.

Ноги Ваймса коснулись дна.

В этом месте река растекалась в стороны, превращаясь в нечто достаточно широкое и весьма похожее на озеро. От берега почти до середины озерца тянулся большой ледяной язык, кое-где присыпанный снегом. Вдоль льдины стелился туман – туман с отчетливым запахом серы.

Дальний берег был весьма обрывистым, но с ближнего берега за Ваймсом наблюдал одинокий вервольф, очевидно приятель той самой твари, что дрейфовала сейчас вниз по течению кверху лапами. Ваймс

ощутил на лице крупные грубые снежинки – это набежавшие на солнце облака принесли с собой снег.

Ваймс с трудом добрал до ледяного языка и попытался выбраться на него. Лед под его весом угрожающе затрещал и дал длинную извилистую трещину.

Волк, осторожно ступая, подошел ближе. Ваймс предпринял еще одну отчаянную попытку, но тут край льдины откололся и встал на ребро, утаскивая человека за собой. Вервольф немного постоял в нерешительности, после чего тихонько двинулся дальше, раздраженно рыча всякий раз, когда под лапами возникала паутина из трещинок.

Вдруг некая тень скользнула по мелководью, и уже в следующее мгновение Ваймс взметнулся вверх, проламывая лед и поднимая тучи брызг. Руки его сомкнулись на вервольфе и утащили за собой, обратно под воду.

Когтистая лапа чуть не вспорола ему бок, но Ваймс изо всех сил держал вервольфа, обхватив его руками и ногами. Это было чистым безумием, ведь сейчас все зависело лишь от емкости легких. Но это не у *Ваймса* только что выдавили из груди весь воздух. В ушах нарастал гул, мерзкая тварь отчаянно сопротивлялась, щелкала челюстями, пыталась драть когтями, и вот уже сил совсем не осталось, и нужно было выбирать: либо тонуть, либо отпустить... И он, оттолкнувшись ногами, вынырнул на поверхность.

Никто не бросился на него. По угрожающе потрескивающему льду Ваймс дошел до берега, упал на колени, и его тут же вырвало.

И вдруг с горных вершин – как ему показалось, отовсюду – донесся вой.

Ваймс поднял голову. По рукам текла кровь. В воздухе воняло тухлыми яйцами. А на холме, всего в какой-то миле, возвышалась клик-башня.

...С каменными стенами и дверью, которую можно было запереть на засов.

Он побрел вперед. Снег под ногами постепенно сменился грубой травой вперемешку со мхом. Воздух стал теплее, но тепло это было скорее похоже на липкий жар больного лихорадкой. Ваймс огляделся по сторонам – и наконец понял, где оказался.

Впереди он видел только голую землю, усеянную камнями, но большей частью земля эта двигалась и пузырилась.

Везде, куда ни кинь взгляд, бурлили жировые гейзеры. Кипящие лужи были окружены кольцами древнего затвердевшего сала, такого старого и

прогорклого, что даже Сэм Ваймс окунул бы в него тост, только если бы очень уж проголодался. В лужах плавали какие-то черные точки, при ближайшем рассмотрении оказавшиеся насекомыми, которые, очевидно, слишком туго соображали, чтобы осознать – ситуация пахнет паленым.

Ваймс припомнил один из Игоровых рассказов. Иногда гномы, разрабатывающие верхние пласты, жир в которых превратился в сало еще несколько тысячелетий назад, – иногда эти гномы находили странных древних животных, прекрасно сохранившихся, но полностью изжаренных, с хрустящей корочкой.

Такой вот, понимаешь ли... Ваймс вдруг понял, что сгибается от хохота, порожденного полной, абсолютной усталостью... коптец.

Мва-ха-ха.

Начался сильный снегопад. Лужи сразу принялись плеваться жиром.

Он бессильно опустился на колени. Болело буквально все. Дело было даже не в том, что мозг продолжал выписывать чеки, которые тело уже не могло оплатить. Это состояние он давным-давно миновал. Но сейчас его ступни брали кредиты у обанкротившихся ног, а мышцы спины пытались искать мелочь, затерявшуюся между диванных подушек.

И за ним по-прежнему никто не гнался. Они ведь должны были переправиться через реку.

А потом он увидел вервольфа – там, где буквально мгновение назад никого не было. Затем из-за ближайшего сугроба вынырнул еще один вервольф.

Твари преспокойненько уселись и принялись наблюдать за ним.

– Ну давайте же! – завопил Ваймс. – Чего вы ждете?

Вокруг шипели и пузырились жировые лужи. Впрочем, здесь хотя б тепло. Что ж, раз они ничего не предпринимают, он тоже не сдвинется с места.

На самом краю долинки жировых гейзеров Ваймс заметил дерево. Оно влачило жалкое существование, с концов ветвей, что подлиннее, свисали сосульки жира, но забраться на него не представляло труда. Ваймс сосредоточился – примерно прикинул расстояние до цели, соотнес полученный результат со скоростью, которую он сможет развить...

Вервольфы тоже устали на дерево.

Еще один вервольф появился на противоположной стороне долинки. Теперь уже три вервольфа не спускали с него глаз.

«Они бросятся на меня, только когда я побегу, – понял Ваймс. – Иначе ведь будет *неинтересно*».

Он пожал плечами, равнодушно отвернулся от дерева, сделал пару

шагов, а потом резко повернулся и побежал. Не преодолев и половины пути, он почувствовал, что сердце вот-вот выпрыгнет из груди через горло, но все равно продолжал бежать, потом неуклюже подпрыгнул, схватился за нижнюю ветку, сорвался, задыхаясь, поднялся на ноги, снова схватился за ветку и наконец смог подтянуться, ожидая, что буквально через секунду почувствует, как острые зубы пронзают кожу...

Он качался на покрытом жиром дереве. Вервольфы даже лапой не шевельнули, просто с интересом наблюдали за ним.

– Вот сволочи... – прохрипел Ваймс.

Осторожно ступая меж гейзеров, вервольфы не торопясь подошли к дереву. Ваймс вскарабкался повыше.

– Эй, Анк-Морпорк! Господин Цивилизованный! Где ж твое оружие, Анк-Морпорк?

Это был голос Вольфганга. Ваймс прищурился, вглядываясь в сугробы, испещренные фиолетовыми тенями уходящего дня.

– Я убил двоих из вас!

– Ага, некоторое время им придется помучиться головной болью. Мы – *вервольфы*, Анк-Морпорк! Нас так просто не остановишь!

– Ты сказал, что...

– А ваш господин Спун умел бегать быстрее, чем ты, Анк-Морпорк!

– Так-таки быстрее?

– Да, но ненамного! И тот человечек в маленькой черной шляпе дрался куда лучше тебя!

– Так-таки лучше?

– Да, но ненамного! – весело прокричал Вольфганг.

Ваймс зарычал от ярости. Даже наемный убийца не заслуживает такого вот конца.

– Скоро закат! – крикнул он.

– Да! И это не имеет никакого значения! Я тебе солгал!

– Тогда разбудите меня на рассвете. Хороший сон мне сейчас не повредит!

– Ты замерзнешь, Цивилизованный Человек!

– Вот и здорово!

Ваймс посмотрел на другие деревья, растущие в долинке. Даже если он сможет допрыгнуть до какого-то из них, все они относились к хвойным породам, на которые больно падать и с которых легко упасть.

– Ты пытаешься шутить, да? Знаменитое анк-морпоркское чувство юмора?

– Да нет, самая обычная ирония! – рявкнул Ваймс в ответ, продолжая

высматривать древесно-воздушные пути отступления. – Ты поймешь, что такое знаменитое анк-морпоркское чувство юмора, когда я начну рассказывать анекдоты о грудях и задницах, самодовольный гаденыш!

Итак, проанализируем все варианты. Можно остаться на дереве и умереть, а можно попытаться удрать и тоже умереть. Из двух вариантов погибель единым куском выглядела несколько более привлекательной.

– А ТЫ НЕПЛОХО СПРАВЛЯЕШЬСЯ. ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА ТВОЕГО ВОЗРАСТА.

На расположенной чуть выше ветке сидел Смерть.

– Ты что, преследуешь меня?

– ТЕБЕ ЗНАКОМО ВЫРАЖЕНИЕ: «И СМЕРТЬ СЛЕДОВАЛ ЗА НИМ»?

– Но обычно я тебя *не вижу!*

– МОЖЕТ, ТЫ СЕЙЧАС НАХОДИШЬСЯ В СОСТОЯНИИ, ТАК СКАЗАТЬ, ПОВЫШЕННОЙ БДИТЕЛЬНОСТИ? НУ ТАМ, НЕДОСТАТОК ПИЩИ, СНА, КРОВИ?

– Ты мне поможешь?

– СКОРЕЕ ВСЕГО.

– И когда?

– КОГДА БОЛЬ СТАНЕТ ОСОБО НЕСТЕРПИМОЙ. – Смерть немного помолчал и добавил: – ИЗВИНИ. Я ВДРУГ ПОНЯЛ, ЧТО ТЫ ЖДАЛ НЕСКОЛЬКО ИНОГО ОТВЕТА.

Солнце, казавшееся огромным и красным, уже касалось горизонта.

Бег наперегонки с солнцем... Еще одна традиционная убервальдская забава, да? Добраться домой до захода солнца...

Ваймс почувствовал, что дерево закачалось, и опустил глаза. В холодном синем полумраке кто-то быстро карабкался вверх по веткам.

«Но это неправильно! – взъярился Ваймс. – Нечестно!»

Снизу донеслось недовольное ворчание – вервольф поскользнулся на покрытой жиром ветке и с трудом удержал равновесие.

– НУ И КАК ТЫ СЕБЯ ОЩУЩАЕШЬ? ЧТО ЧУВСТВУЕШЬ?

– Заткнись! Видимо, у меня и в самом деле галлюцинации...

Что он может противопоставить вервольфам? Должен же быть хоть какой-то выход.

Преимущество только одно: тот самый момент сразу после смены облика. Но они знают, что он знает.

Никакого оружия. Это он заметил еще в замке. В замке *всегда* есть оружие. Копья, боевые топоры, нелепые доспехи, огромные ржавые мечи... Даже у вампиров на стенах висят шпаги. А все потому, что даже вампирам

иногда приходится прибегать к помощи оружия.

Но только не вервольфам. Вот и Ангва всегда медлит, прежде чем обнажить меч. Для вервольфа материальное оружие имеет *второстепенное* значение.

Ваймс переплел ноги и стремительно качнулся на ветви, навстречу поднимающемуся противнику. Один удар пришелся вервольфу по уху, но второй удар, когда тот поднял голову, угодил прямо в нос.

Однако вервольф тоже достал его, да так, что у Ваймса зазвенело в ушах. На этом все могло бы и закончиться, но вервольф, нанося ответный удар, немного подтянулся вверх – и оказался в пределах досягаемости Локтя Ваймса.

Локоть заслуживал заглавной буквы. Он побеждал во многих уличных драках. Еще в самом начале своей стражнической карьеры Ваймс узнал, что на кладбищах полным-полно людей, которые тщательно следовали правилам маркиза Пышнохвоста. Тогда как сама *идея* драки очень и очень проста: нужно как можно быстрее сделать так, чтобы противник перестал тебя бить. Никаких очков, никаких баллов ты в драке не зарабатываешь. Ваймсу частенько приходилось драться в обстоятельствах, когда всякое размахивание руками – роскошь, о которой можно только мечтать. И в таких вот драках хорошо поставленным ударом локтя, особенно если немножко помочь коленом, можно добиться поразительных результатов.

Он буквально вогнал локоть в горло вервольфа, за что был награжден очень неприятным хрустящим звуком. Потом Ваймс схватил противника за волосы, изо всех сил дернул, отпустил и тут же нанес удар ладонью в лицо – так, чтобы у врага не было ни секунды на размышления. Он просто не мог этого допустить, потому что видел размеры его мускулов.

И вервольф отреагировал не думая.

Дальше последовал миг морфологической несогласованности. Нос превратился в морду, чтобы перехватить приближающийся кулак Ваймса, но когда волк открыл пасть, чтобы вонзить в него зубы, помешали этому сразу две вещи.

Во-первых, вервольф находился высоко на дереве, то есть в крайне нестабильном положении для существа, предназначенного для быстрого бега по земле. Во-вторых, он не учел силы тяжести.

– Там, внизу, правят традиции, – тяжело дыша, произнес Ваймс, когда вервольф принялся царапать когтями промасленную ветку, отчаянно пытаясь удержаться. – А здесь, наверху, – я.

Он поднял руки, схватился за верхнюю ветку и нанес удар обеими ногами сразу.

Вервольф взвизгнул, потом взвизгнул еще раз, когда упал на ветку ниже.

Пролетев примерно половину пути, он попытался изменить облик, но в итоге превратился в падающую массу, в которой сочетались черты существа, не способного удержаться на дереве, и существа, очень плохо переносящего падение на землю.

– Вот так тебе! – завопил Ваймс.

В ответ окружающие долинку леса наполнились громким волчьим воем.

И в этот же самый момент ветка, на которой сидел Ваймс, с оглушительным треском сломалась. На мгновение он повис, зацепившись за сук тоскливыми шароварами дяди Вани, но потом ветхая ткань затрещала, штаны разошлись по швам, и Ваймс полетел вниз.

Падал он несколько быстрее, чем вервольф, потому что тот сломал почти все ветки, зато падение было более мягким, поскольку вервольф как раз пытался подняться на лапы.

Откатившись в сторону, Ваймс зашарил по земле руками и случайно нащупал сломанный сук.

Оружие.

Стоило пальцам сжаться, как мыслительный процесс словно бы остановился. На смену ему по извилистым тропам мозга неудержимым потоком хлынуло нечто иное, нечто очень древнее, прятавшееся где-то глубоко внутри.

Вервольф снова поднялся на лапы и уже собирался броситься на Ваймса. Удар суком пришелся твари прямо в висок.

Пар валил от сэра Сэмюеля Ваймса, когда тот бросился вперед, вопя что-то нечленораздельное. Он наносил удар за ударом своей дубиной. Он ревел. Слов не было. То был звук, возникший задолго до слов, – бессловесный, бессмысленный. Этот рев нес в себе лишь сожаление о том, что Ваймс не может причинить еще больше боли...

Волк заскулил, упал, перевернулся и... изменил облик.

Человек протянул к нему окровавленную руку и жалобно простонал:

– Умоляю...

Ваймс замер с поднятой дубиной в руках.

Слепящая ярость куда-то испарилась. Он стоял на скованном льдом склоне, сзади садилось холодное солнце, очень скоро его, Ваймса, оставят в покое, он доберется до башни и...

Мгновенно превратившись из человека в волка, вервольф прыгнул. Ваймс упал на спину в снег. Он ощутил дыхание волка, запах крови, но

странно, никакой боли он не почувствовал...

Никто не драл его когтями, не рвал клыками.

А потом тяжесть исчезла с его груди. Кто-то снял с него безжизненное тело вервольфа.

– Еще немного – и вы могли погибнуть, сэр, – услышал он чей-то бодрый голос. – Этим тварям нельзя давать спуска.

Вервольф был насквозь проткнут копьем.

– Моркоу?

– Сейчас мы разведем костер. Дрова отлично горят, если их обмакнуть в жировой источник.

– Моркоу?

– И, похоже, вы давно не ели, сэр. Дичи здесь мало – город слишком близко, но у нас осталось немного...

– Моркоу?

– Э... да, сэр?

– *Какого дьявола ты здесь делаешь?*

– Это немного сложно объяснить, сэр. Позвольте помочь вам подняться...

Ваймс оттолкнул руку Моркоу, когда тот попытался поддержать его.

– Спасибо. Если уж мне удалось проделать такой путь, думаю, удастся и встать на ноги без чьей-либо помощи, – огрызнулся Ваймс, усилием воли заставляя ноги не дрожать.

– Похоже, вы потеряли штаны, сэр.

– Вот оно, знаменитое анк-морпоркское чувство юмора, – проворчал Ваймс.

– Понимаете... скоро вернется Ангва, и... и...

– Родственники сержанта Анвы, капитан, привыкли бегать по лесам и полям с голой жо... совершенно обнаженными.

– Да, сэр, но... я хотел сказать... ну, вы понимаете... это не совсем...

– Даю тебе пять минут на поиски одежной лавки, понятно? В противном случае... Послушай, а куда подевались все вервольфы, а? Я думал, что упаду прямо в оскаленные пасти, но тут появился ты, большое спасибо, конечно, а вервольфы словно сквозь землю провалились!

– Их прогнали подданные Гэвина, сэр. Вы должны были слышать вой.

– Подданные Гэвина, да? Это хорошо! Очень хорошо! Я очень этим доволен! Молодец, Гэвин. Кстати, *а кто такой Гэвин?*

С далекого холма донесся волчий вой.

– Вот это – Гэвин, – сказал Моркоу.

– Волк? Гэвин – волк? *Волки* спасли меня от вервольфов?

– Именно так, сэр. Если подумать, то какая разница, кто спас вас от вервольфов – волки или люди?

– Если подумать, то думаю... мне лучше прилечь, – пробормотал Ваймс слабым голосом.

– Сэр, позвольте проводить вас до саней. Я пытался сказать, что мы нашли вашу одежду. Именно благодаря ей Ангве и удалось напасть на ваш след.

Всего через десять минут завернутый в одеяло Ваймс уже сидел у костра. Мир потихоньку стал приобретать некоторый смысл. Кусок оленины пришелся как раз кстати, и Ваймс был настолько голоден, что его сейчас совершенно не волновала личность мясника, который, похоже, предпочитал пользоваться не ножом, а зубами.

– Волки шпионят за вервольфами? – спросил он.

– В некотором смысле, сэр. Гэвин следит за развитием событий и держит в курсе Ангву. Они... старые друзья.

Молчание несколько затянулось.

– М-да, похоже, очень неглупый волк, – наконец заметил Ваймс, так и не придумав более дипломатичного ответа.

– Это мягко сказано, сэр. Ангва считает, что его далекие предки были вервольфами.

– А такое возможно?

– Она говорит, что да. Я вам не рассказывал, что он добрался до самого Анк-Морпорка? До большого города. Представляете, что ему пришлось пережить?

Услышав какой-то звук за спиной, Ваймс обернулся.

Большой волк стоял на границе освещенного костром участка и внимательно разглядывал Ваймса. Причем не как какое-нибудь животное, пытающееся определить, что ты из себя представляешь – пищу, угрозу или предмет. О нет, за этим взглядом вращались колесики. А рядом с волком Ваймс увидел маленькую, но гордую дворнягу, яростно гонящую блох задней лапой.

– Это что? Гаспод? – изумился Ваймс. – Та псина, которая вечно ошиивается у здания Стражи?

– Да, он... помог мне добраться досюда, – сказал Моркоу.

– Я уже боюсь что-либо спрашивать, – покачал головой Ваймс. – В любую минуту откроется дверца в стволе дерева, и из нее выйдут Фред и Шнобби, я прав?

– Надеюсь, что нет, сэр.

Гэвин лег подальше от костра и стал наблюдать за Моркоу.

– Капитан? – окликнул Ваймс.

– Да, сэр?

– Как ты мог заметить, я не настаиваю на объяснениях, как ты и Ангва здесь оказались.

– Да, сэр.

– Ну и? – сказал Ваймс.

Ему вдруг показалось, что он узнал выражение, застывшее на лице у Гэвина, хотя это лицо скорее относилось к разряду морд. Подобное выражение можно увидеть на лице какого-нибудь господина, который живет на углу рядом с банком, наблюдает за приездами и отъездами карет – в общем, видит, как работает мир.

– Не могу не восхититься вашей дипломатичностью, сэр.

– Гм-м? Что? – переспросил Ваймс, по-прежнему глядя на волка.

– Особенно высоко я ценю то, что вы умеете не задавать вопросов, сэр.

К костру подошла Ангва. Ваймс подметил, каким взглядом она окинула всех собравшихся. Затем Ангва присела на корточки *точно* между Гэвином и Моркоу.

– Они уже за много миль отсюда, – сообщила она. – О, здравствуйте, господин Ваймс.

Снова воцарилось молчание.

– Никто ничего сказать не хочет? – наконец осведомился Ваймс.

– Моя семья пытается сорвать коронацию, – сообщила Ангва. – Вступила в сговор с гномами, которые не хотят... которые хотят, чтобы Убервальд и дальше оставался в изоляции.

– Об этом я уже догадался. Ничто так не способствует проникновению в суть проблемы, как пробежка по зимнему лесу.

– Я должна признаться вам, сэр, что именно мой брат убил сигнальщиков с клик-башни. Его запахом пропитаны буквально все комнаты.

Гэвин издал какой-то странный горловой звук.

– Также он убил еще одного человека, которого Гэвин не знал, но который много времени проводил в лесу, наблюдая за нашим замком.

– Думаю, этим человеком был Спун. Один из наших... агентов, – сказал Ваймс.

– Он был хорошим агентом, сэр. Смог добраться до лодки, в нескольких милях отсюда вниз по течению. К сожалению, там его поджидал вервольф.

– А мне помог водопад, – признался Ваймс.

– Сэр, разрешите говорить начистоту, – попросила Ангва.

– А ты умеешь говорить как-то иначе?

– Они могли схватить вас в любой момент, сэр. Правда могли. Но хотели, чтобы вы добрались до башни. Полагаю, для Вольфганга это имело какое-то символическое значение.

– Я победил троих из них!

– Да, сэр. Но вы не смогли бы победить троих одновременно. Вольфганг просто забавлялся. Он всегда так играет. Умеет предвидеть все заранее. Обожает устраивать засады. Любит набрасываться на беднягу, когда тому остается буквально несколько ярдов до финиша. – Ангва вздохнула. – Послушайте, сэр, я не хочу, чтобы возникли какие-то неприятности...

– Он убивал людей!

– Да, сэр. Но моя мать – невоспитанная выскочка, а на отца особо рассчитывать не приходится. Он столько времени проводит в облике волка, что почти забыл, как ведут себя нормальные люди. Моя семья живет в выдуманном мире. Они действительно считают, что Убервальд может остаться прежним. Богатств тут не так много, но все это – наше. А Вольфганг – кровожадный идиот, который вбил себе в голову, что вервольфы созданы для того, чтобы править. Вся беда в том, сэр, что он точно следовал традициям.

– Да ладно!

– Готова поспорить, в его пользу выступит много свидетелей, которые заявят, что он всем давал фору, как того требуют традиции. Таковы правила игры.

– А вмешательство в дела гномов? Он украл Лепешку, ну, или подменил ее, или еще что-то сделал. Я до конца пока что не разобрался, но один бедный гном уже лишился жизни! Шельма и Детрит – под домашним арестом! Иниго погиб! Сибилла сидит взаперти! И ты утверждаешь, что все в порядке?

– Здесь все не так, как у нас, сэр, – вступился Моркоу. – Всего десять лет назад суд физическим испытанием заменили здесь судом юристов. И то лишь потому, что суд юристов зарекомендовал себя более беспощадным.

– Мне нужно вернуться в Здец. Если они что-то сделали Сибилле, я наплюю на все традиции и...

– Господин Ваймс! – воскликнул Моркоу. – Вы выглядите совершенно изможденным!

– Ничего, как-нибудь справлюсь. Давайте приказывайте своим волкам впрягаться в сани...

– Им никто ничего не приказывает, сэр. Сначала следует спросить

Гэвина, согласны ли они нам помочь, – объяснил Моркоу.

– О. Гм, а вы можете объяснить ему сложившуюся ситуацию?

«Я стою на морозе посреди леса, – подумал Ваймс буквально через мгновение, – и смотрю, как красивая девушка рыками и визгами общается с внимательно слушающим ее волком. Такое не часто увидишь. По крайней мере в Анк-Морпорке. А здесь, вероятно, и дня без этого не проходит».

Наконец шесть волков позволили запрячь себя в сани и вывезли Ваймса по склону холма на дорогу.

– Стоп! – вдруг закричал он.

– Сэр? – не понял Моркоу.

– Мне нужно оружие! В башне должно найтись что-нибудь подходящее!

– Сэр, вы можете взять мой меч! А еще у меня есть... охотничьи копья.

– Знаешь, куда можешь засунуть свои охотничьи копья, или подсказать?

Ваймс пинком открыл входную дверь, ведущую в основание башни. В помещение надуло свежего снега, сгладив острые кромки волчьих и человеческих следов.

Он чувствовал себя пьяным. Часть мозга то включалась, то отключалась. Глазные яблоки были словно обернуты полотенцем. Ноги почти не слушались.

У сигнальщиков определенно было хоть *что-то*.

Исчезли даже мешки и ящики. Ну, в горах живет много крестьян, надвигается зима, а людям, которые прежде здесь работали, еда уже не понадобится. Даже Ваймс не назвал бы *это* воровством.

Он поднялся на следующий этаж. Здесь также побывали хозяйственные лесные жители. Правда, они не забрали с собой пятна крови на полу и маленький котелок Иниго. Котелок необъяснимым образом торчал из деревянной стены.

Он высвободил котелок и увидел выглядывающее из-под тонкого ветра полей острое как бритва лезвие.

«Головной убор наемного убийцы, – подумал он. – Впрочем, нет, совсем не обязательно». Он вспомнил, как еще мальчишкой смотрел на уличные драки между любящими выпить мужиками, которые даже драку голыми кулаками считали бессмысленным понтырством. Кое-кто вшивал в козырек кепки бритвенные лезвия, чтобы получить дополнительное преимущество в рукопашной схватке. Сейчас Ваймс держал в руках шляпу человека, который всегда хотел иметь дополнительное преимущество.

Однако это ему не пригодилось.

Ваймс бросил котелок на пол, задумчиво оглядел комнату, и вдруг его глаза остановились на ящичке из-под ракет. Там тоже порылись, но ракеты были просто разбросаны по полу. Одни боги знали, за что их приняли мародеры.

Ваймс сложил ракеты в ящик. По крайней мере тут Иниго был прав. Крайне неточное оружие. Из него даже в амбарную стену не попадешь, разве что будешь стрелять изнутри амбара, и то твои шансы весьма невелики. Но помимо ракет по полу были разбросаны и другие вещи. Люди, тянувшие здесь лямку, оставили после себя кое-что. Картинки, прищипленные кнопками к стенам. Чей-то дневник, курительная трубка, бритвенный прибор... Содержимое всех ящичков было высыпано на пол.

– Сэр, нам пора, – позвал поднявшийся по лестнице Моркоу.

Их убили. Заставили убежать по темному лесу от злобных чудовищ, а потом какие-то крестьяне с пустыми лицами – эти гады пальцем о палец не ударили, чтобы им помочь! – явились сюда и принялись копаться в их личных вещах.

Проклятье! Ваймс зарычал, сложил все разбросанные пожитки в ящик и потащил его к лестнице.

– Отвезем это в посольство, – заявил он. – Я не собираюсь ничего здесь оставлять. Чертовы мародеры... И не вздумай спорить со мной.

– Даже в голову не приходило, сэр. Даже *не мечтал*.

Ваймс остановился.

– Моркоу? Этот волк и Ангва... – Он замолчал. Да и как можно было продолжить такую фразу?

– Они старые друзья, сэр.

– Правда?

Лицо Моркоу не выражало ничего, кроме привычной честности и искренности.

– О... мы... Что ж, это хорошо, – сбивчиво ответил Ваймс.

Через минуту они продолжили путь. Ангва в облике волчицы бежала далеко впереди саней рядом с Гэвином. Господ спал, свернувшись в клубок под одеялом.

«Я снова пытаюсь опередить закат, – подумал Ваймс. – Только небесам известно, что я тут делаю. В компании с вервольфом и волком, который выглядит куда страшнее вервольфа. А еще я сижу в санях, запряженных волками. Эй, кто-нибудь, дайте мне вожжи! Интересно, что говорит по этому поводу устав?»

Он задремал под одеялом, наблюдая полузакрытыми глазами за мелькавшим среди сосен солнечным диском.

Как можно было выкрасть Лепешку из пещеры?

«Ну, – ответил бы он, – способов много...» И их действительно было много, но все они были довольно рискованными. Тут слишком многое зависело от удачи и сонных стражников. А тот, кто совершил это преступление, не имел права рассчитывать на удачу. Провал был абсолютно недопустим.

Сама Лепешка не так уж важна... Куда важнее та неразбериха, что охватит все гномье сообщество – короля нет, сразу начнутся яростные споры, которые закончатся драками в кромешной темноте. И темнота эта на долгие века вновь воцарится над Убервальдом. Почему-то очень важно свалить всю вину на короля. Типа это он потерял Лепешку.

Каков бы ни был план, все нужно было делать очень быстро. Значит, без семафора не обошлось...

Резиновый Сонки, плавающий в чане...

Ты опускаешь деревянную руку в чан и получаешь перчатку. Рука в перчатке...

Главное не то, куда прятать, главное, чтобы люди думали, будто знают, куда ты это спрятал.

Только это имеет значение. Именно в этом главный секрет любого волшебства.

Ваймс вдруг вспомнил, какая мысль первой пришла ему в голову, когда он увидел Шельму, разглядывающую пол Пещеры Лепешки. Маленький стражник в его голове тут же принялся бить в колокол.

– Что, сэр? – спросил Моркоу.

– Гм-м? – Ваймс заставил себя открыть глаза.

– Вы только что кричали, сэр.

– И что же я кричал?

– Вы кричали: «Эту, треклятье, штуку никто, треклятье, не воровал!», сэр.

– Сволочи! Я знал, что близок к разгадке! Главное – думать не по-гномьи, и все сразу становится понятным! Капитан, сначала мы убедимся, что Сибилла в полном порядке, а потом...

– Надерем кое-кому задницу, сэр?

– Вот именно.

– Но есть одна проблема, сэр...

– Какая же?

– Вы беглый преступник, сэр.

Только скрип полозьев по снегу нарушал тишину.

– Что-о-о ж, – наконец протянул Ваймс. – Здесь не Анк-Морпорк, я это

уже знаю. Мне почему-то постоянно напоминают об этом. Но, капитан, где бы ты ни был, куда бы тебя ни занесло, стражник всегда остается стражником.

Свет горел только в одном окне. Капитан Колон сидел рядом со свечой и смотрел в пустоту.

Правила требовали, чтобы в штаб-квартире Стражи всегда кто-нибудь находился, и сейчас он обеспечивал соблюдение правил.

Половицы в помещении этажом ниже поскрипывали, принимая новую форму. Много месяцев подряд по ним круглосуточно ходили, потому что в караулке постоянно пребывало не менее полудюжины стражников. Стулья, привыкшие к теплу постоянно менявшихся задов, тоже поскрипывали, остывая.

Только одна мысль назойливо зудела в голове Фреда Колона.

«Господин Ваймс казначенется от ярости. Он нас всех убиблиотекарит».

Его рука опустилась на стол, но снова вскинулась. Фред Колон продолжал смотреть в пустоту.

В столе кто-то с хрустом грыз кусочек сахара.

Снова пошел снег. Стражник, которого Ваймс прозвал Колонным, стоял, привалившись к стене своей будки, что находилась рядом с пупсторонними воротами Здеца. Следует признать, он был настоящим мастером в данном виде искусства – а это именно искусство, спать стоя и с открытыми глазами. Впрочем, долгие скучные ночи – лучшие учителя.

– У нас есть два варианта, – раздался женский голос у него над ухом.

Поза Колонного не изменилась. Он продолжал смотреть прямо перед собой.

– Ты ничего не видел. И это чистая правда. Просто кивни.

Он кивнул.

– Молодец. Ты не слышал, как я подошла, верно? Просто кивни.

Кивок.

– Значит, ты не услышишь, как я уйду, правильно? Просто кивни.

Кивок.

– Тебе не нужны неприятности. Просто кивни.

Кивок.

– Тебе слишком мало платят за такую работу.

На сей раз кивок получился особенно выразительным.

– Тебе и так слишком часто приходится дежурить по ночам.

У Колонного отвисла челюсть. Незнакомка словно бы читала его мысли.

– Молодец. Оставайся здесь и следи за тем, чтобы ворота никто не украл.

Колонный старательно смотрел прямо перед собой. Он услышал, как ворота со скрипом открылись и закрылись.

Потом до него дошло, что разговаривавшая с ним знакомка ни словом не обмолвилась о *втором* варианте. И это очень хорошо.

– А каким был второй вариант? – спросил Ваймс, пока они торопливо шагали по заснеженным улицам.

– Мы нашли бы другой способ проникнуть в город, – пожала плечами Ангва.

Людей почти не было, улицы покрывал густой свежий снег – за исключением редких мест, где из вмурованных в тротуар решеток струился пар. Могло создаться впечатление, что в Убервальде сразу после заката наступал комендантский час. Что ж, это было только на руку, поскольку Гэвин постоянно тихонько порывивал.

Из-за угла появился Моркоу.

– Гномы выставили посты вокруг посольства, – сообщил он. – И судя по всему, на переговоры они не пойдут, сэр.

Ваймс опустил взгляд. Они стояли на решетке.

Капитан Тантони из Городской Стражи Здеца был не больно-то доволен возложенным на него заданием. Вечером он побывал на опере, а потом у него на глазах произошли некие события, которые, согласно указаниям бургомистра, никогда не происходили. Конечно, приказам всегда следует подчиняться. Главное – подчиняться приказам, и тебе ничто не угрожает. Это известно любому стражнику. Но в полученных им приказах было что-то не то, что-то небезопасное.

Он слышал, будто в Анк-Морпорке все совсем иначе. Поговаривали, что его светлость Ваймс мог упрятать за решетку кого угодно.

Тантони поставил стол в главном зале посольства, чтобы иметь возможность наблюдать за входной дверью. Он даже взял на себя труд расставить своих людей внутри здания – не доверял дежурившим снаружи гномам. Им был отдан приказ при виде Ваймса стрелять на поражение. Что за ерунда! А как же судебное разбирательство, все такое?

Какой-то странный шум донесся до него сверху. Он осторожно встал и потянулся за арбалетом.

– Капрал Швельц?

Опять странный шум. Тантони подошел к нижним ступеням лестницы.

На самом верху вдруг появился Ваймс. Рубашка его была заляпана кровью. На щеке засох кровавый потек. К превеликому ужасу капитана, Ваймс стал медленно спускаться по лестнице.

– Я буду стрелять!

– Таков приказ, да? – спросил Ваймс.

– Да! Ни с места!

– Но если меня все равно застрелят, какая разница? – пожал плечами Ваймс. – Хотя вряд ли ты будешь стрелять, капитан. У тебя есть мозги. – Ваймс прислонился к перилам. – Кстати, почему ты не зовешь на помощь остальных стражников?

– Я приказываю: *ни с места!*

– Ты прекрасно знаешь, кто я такой. Хочешь стрелять – стреляй. Однако... ты совершишь очень умный ход, если дернешь за шнурок звонка. Твоей карьере это пойдет только на пользу. Кроме того, твой арбалет по-прежнему будет направлен на меня. Зато ты кое-что узнаешь.

Тантони посмотрел на него с подозрением, потом сделал несколько шагов в сторону и дернул за шнурок.

Из-за колонны мгновенно появился Игорь.

– Флушайт, герр мафтер?

– Скажи этому молодому человеку, где он находится.

– Он нахожайтфя в Анк-Морпорк, герр мафтер, – спокойным тоном информировал Игорь.

– Видишь? И не сверли Игоря таким свирепым взглядом. Я и сам забыл об этом, но он напомнил мне, поприветствовав. Это суцая правда, сынок. Это *посольство*, – подчеркнул Ваймс, спускаясь еще на пару ступенек. – А значит, официально ты находишься на территории страны, которой принадлежит посольство. Тысячи выходцев из Убервальда живут в нашем городе. Ты же не хочешь, чтобы началась война, верно?

– Но... но... мне сказали... мне приказали... вы – преступник!

– Правильнее, *обвиняемый*, капитан. Убить человека за то, что он *обвиняемый*? Нет, мы в Анк-Морпорке так не поступаем. Разве что случайно. Но никто не может приказать нам стрелять в невинных людей.

Ваймс взял арбалет из безвольных рук Тантони и выпустил стрелу в потолок.

– А теперь отошли своих людей, – велел он.

– Я что, правда в Анк-Морпорке? – спросил капитан.

Даже сквозь пелену, окутывающую сознание, Ваймс уловил в голосе юноши знакомые гармоника.

– Именно, – кивнул он, приобнимая стражника за плечи. – В городе, в Страже которого всегда найдется место для столь способного молодого...

Тело Тантони напряглось. Он сбросил с себя руку Ваймса.

– Вы меня оскорбили, господин. Это моя страна!

– А, – задумчиво произнес Ваймс, чувствуя на своей спине взгляды Моркоу и Ангвы, которые наблюдали за происходящим с лестничной площадки.

– Но я не допущу, чтобы она оказалась опозоренной, – продолжал капитан. – Так нельзя. Я *видел*, что произошло вчера вечером. Вы бросились к королю, а ваш тролль *поймал* падающий канделябр! А потом объявили, будто бы вы пытались убить короля и убили нескольких гномов, бежав из тюрьмы...

– Ты командуешь здешней Стражей?

– Нет. Это обязанность бургомистра.

– А кто отдает приказы ему?

– Да кто угодно, – с горечью ответил Тантони.

Ваймс кивнул. «Видали, – подумал он. – Видали, слышали, мирились...»

– Значит, ты помешаешь мне вывести отсюда моих людей?

– Но как вы надеетесь это осуществить? Дом окружен гномами!

– Мы задействуем... дипломатические каналы. Просто покажи, где кто содержится, после чего мы исчезнем. Если хочешь, перед этим могу дать тебе по голове и связать.

– В этом нет необходимости. Гном и тролль содержатся в подвале. А ее светлость... ее светлость, полагаю, находится там, куда ее увез барон.

Ваймс почувствовал, как по позвоночнику потекла струйка раскаленного льда.

– Барон? – прохрипел он.

– Ну да. – Увидев выражение лица Ваймса, Тантони машинально отступил на шаг. – Она знакома с баронессой, сэр! Сказала, что они – старые подруги! А еще сказала, что они во всем разберутся! Ну вот и...

Голос Тантони перешел в бормотание, а потом и вовсе стих под взглядом Ваймса.

Зато голос заговорившего Ваймса был монотонно-неотвратимым, как летящее в цель копье:

– И ты стоишь здесь в своей блестящей кирасе, дурацком шлеме, с мечом без единой зазубрины, в идиотских панталонах и говоришь мне, что позволил *вервольфам* увезти мою жену?

Тантони отступил еще на шаг.

– Но это был барон...

– Ага, а с баронами ты не споришь. Верно? Ты ни с кем не споришь. Знаешь что? Мне стыдно, просто *стыдно* даже подумать о том, что такой человек, как ты, смеет называться стражником. Давай ключи.

Щеки капитана залились густым румянцем.

– Ты подчиняешься любым приказам, – медленно промолвил Ваймс. – Даже... не думай... о том... чтобы... не... подчиниться... моему.

Быстро спустившись по лестнице, Моркоу положил руку на плечо Ваймса.

– Спокойно, господин Ваймс.

Тантони перевел взгляд с Ваймса на Моркоу и принял самое главное в своей жизни решение.

– Надеюсь, вы... найдете свою жену, господин, – сказал он, протягивая связку ключей. – Искренне надеюсь.

Ваймс, тяжело дыша, передал ключи Моркоу.

– Освободи их.

– Вы собираетесь отправиться в замок вервольфов? – спросил Тантони.

– Да.

– У вас нет ни единого шанса, господин. Они делают все, что пожелают.

– Значит, их надо остановить.

– Вы не сможете. Старый барон соблюдает традиции, но Вольфганг... Для него никаких правил не существует!

– Значит, его *обязательно* нужно остановить. А, Детрит. – Троль отдал честь. – Вижу, арбалет при тебе. С тобой тут хорошо обращались?

– Называли меня тупым троллем, – пожаловался Детрит. – А еще один из них ударил мне ногой прямо по камешкам.

– Этот?

– Нет.

– Но он их капитан, – пожал плечами Ваймс, отходя от Тантони. – Сержант, я приказываю, застрели его.

Троль одним движением вскинул арбалет к плечу и прицелился вдоль огромного пучка стрел. Тантони побледнел.

– Стреляй, – повторил Ваймс. – Это был приказ.

Детрит опустил арбалет.

– Я не настолько туп, сэр.

– Я тебе *приказал!*

– Тогда засуньте свой приказ, куда Валун из Косяка засунул мешок с

гравием, сэр. Со всем уважением, конечно.

Ваймс подошел к трясущемуся Тантони и похлопал его по плечу.

– Просто хотел показать тебе, как нужно относиться к приказам, – ухмыльнулся он.

– Однако, – сказал Детрит, – если ты найдешь того, кто ударил меня по камешкам, я с удовольствием заеду ему в ухо. Его легко узнать. Он прихрамывает.

Госпожа Сибилла пила вино крайне осторожно. Оно было не слишком-то приятным на вкус. На самом деле многое тут было не слишком приятным.

Она никогда не умела готовить. Кулинария так и осталась для нее неведомым зверем. В школе, где училась госпожа Сибилла, считалось само собой разумеющимся, что пищу будут готовить другие люди, причем не меньше чем на пятьдесят персон, которые пользуются вилками по крайней мере четырех типов. Поэтому госпожа Сибилла овладела лишь базовой кулинарией, а именно – приготовлением изысканных блюд на салфеточках.

Впрочем, для Сэма она все равно готовила, поскольку инстинктивно чувствовала: жена должна этим заниматься. Кроме того, его вкусы полностью соответствовали ее кулинарному искусству. Ему нравились подгоревшие сосиски и яичница, которая пружинила при попытке вонзить в нее вилку. Если на стол подавали икру, он предпочитал сделать из нее липкую кашу. Сэм Ваймс относился к тому типу людей, которых очень легко накормить, главное – чтобы в доме было сало.

Но местные блюда... Их готовил тот, кто сегодня впервые увидел плиту. Во время экскурсии по замку госпожа Сибилла заглядывала на кухню – такой кухни в самый раз хватило бы на маленький домик. Кладовые для дичи, напротив, скорее напоминали амбары. Никогда в жизни она не видела столько мертвых животных сразу.

И все же... Госпожа Сибилла была абсолютно уверена в том, что оленину нельзя подавать вареной, тем более с хрустящим картофелем. Если, конечно, это был картофель. Картофель, как правило, белый или желтоватый, но никак не серый. Даже Сэм, которому нравятся черные комочки в пюре, обязательно прокомментировал бы сей факт. Но Сибилла была слишком хорошо воспитана. Не можешь сказать ничего хорошего о еде, похвали что-нибудь другое.

– Какие... интересные у вас тарелки, – промолвила она, следуя правилам приличия. – Э... Ты уверена, что больше новостей не было?

Она старалась не смотреть на барона. Полностью игнорируя всех и

вся, он хватал мясо с тарелки так, словно никогда не слышал ни про вилку, ни про нож.

– Вольфганг с друзьями продолжают поиски, – ответила Серафина. – Но погода такая ужасная, особенно для человека в бегах.

– Он не в бегах! – обрубил Сибилла. – Сэм ни в чем не виноват!

– Конечно, конечно. Все улики косвенные, – успокаивающим тоном произнесла баронесса. – Но, полагаю, как только перевал немного расчистится, тебе вместе с, э-э, сотрудниками лучше будет вернуться в Анк-Морпорк, пока не наступила настоящая зима. Мы знаем нашу страну, дорогая. Если твой муж жив, мы о нем позаботимся.

– Я не позволю позорить его доброе имя! Ты же сама видела, он спас короля!

– Сибилла, я уверена, так оно и было. Боюсь, правда, в тот момент я разговаривала с мужем, но в твоих словах я ни на минуту не сомневаюсь. Кстати, а он действительно убил всех тех людей на Дичьем перевале?

– Что? Но они же были разбойниками!

Барон на противоположном конце стола сграбастал очередной кусок мяса и попытался разорвать его зубами.

– Разумеется. Ну разумеется.

Сибилла, задумавшись, сжала пальцами переносицу. Она никогда не признала бы Сэма Ваймса виновным в убийстве, в настоящем убийстве, даже если бы в небе вдруг возникло послание и свидетелями выступили сразу три бога. Но иногда до нее доходили слухи. В Сэме постоянно копилось напряжение. Иногда оно разом выплескивалось наружу. Однажды какие-то мужики весьма гнусно обошлись с юной девчушкой в «Сестрах Долли», и Сэм, ворвавшись к ним домой, обнаружил там ее туфельку. Она слышала, как Детрит рассказывал, что, если б не он, из комнаты живым вышел бы только Сэм.

Госпожа Сибилла покачала головой.

– Сейчас я бы не отказалась от хорошей ванны... – задумчиво проговорила она и тут же услышала громкий звон посуды с противоположного конца стола.

– Дорогой, ужинать тебе придется в гардеробной, – сказала баронесса, даже не посмотрев на мужа и раздраженно улыбнувшись госпоже Сибилле. – Боюсь, у нас нет такого... устройства в замке. – Вдруг ей в голову пришла одна мысль. – Но мы пользуемся горячими источниками. Это гораздо гигиеничнее.

– Что, в лесу?

– О, совсем рядом. Кроме того, пробежка по свежему снегу помогает

поддерживать тело в тонусе.

– Наверное, мне лучше прилечь, – твердо заявила госпожа Сибилла. – И тем не менее благодарю за предложение.

Кипя благородной яростью, она прошествовала в пахнущую плесенью спальню.

Госпожа Сибилла никак не могла заставить себя относиться к Серафине с любовью, и это было очень необычно, потому что даже Шнобби Шноббс ей нравился, а для этого требуется ну очень много воспитанности. Но вервольфы действовали ей на нервы, как скрежет напильника по стеклу. Она вдруг вспомнила, что даже в пансионе не испытывала к Серафине расположения.

А еще ей очень не нравилось, как Серафина отзывалась о гномах. Она называла их недолюдками. Да, гномы действительно представляли собой миниатюрную пародию на человека, но Сибилла относилась к ним с симпатией. А еще Серафина говорила о троллях исключительно как о неодоушевленных *предметах*. Среди знакомых Сибиллы было немного троллей, но те, которых она знала, растили детей и пытались зарабатывать на жизнь. Все как у людей.

Хуже того, самым своим тоном Серафина подразумевала, что госпожа Сибилла во всем ее поддерживает – ну конечно, ведь они одного *класса*. Сибилла Овнец не получила надлежащего образования по данному вопросу, поскольку в школьном расписании, делающем упор на составлении букетов, этике просто-напросто не нашлось места, но со свойственной ей проницательностью госпожа Сибилла подозревала, что в любом возможном споре правда будет не на стороне Серафины.

И письма она писала ей лишь потому, что так положено. Ты всегда пишешь письма старым подругам, даже если не поддерживаешь с ними дружеских отношений.

Она сидела на кровати и смотрела в стену, пока не услышала вопли. Когда раздавались такие вопли, это означало лишь одно – Сэм жив-здоров и в полном порядке. Только он умел так разозлить людей.

Затем она услышала, как в замке повернулся ключ, запирая ее дверь.

И вдруг Сибилла взбунтовалась.

Она была крупной и доброй женщиной. Учиться в пансионе ей не нравилось. Девичья компания – не то общество, в котором можно быть крупной и доброй, поскольку все интерпретируют это как «глупая» или, того хуже, «лишенная вкуса».

Госпожа Сибилла посмотрела в окно. Ее комната находилась на втором этаже.

Окно было зарешечено, но решетки защищали от незваных гостей извне, тогда как изнутри прутья можно было легко извлечь из пазов. А на кровати лежали заплесневевшие, но крепкие простыни и одеяла. Обычному человеку это ничем не помогло бы, но долгая жизнь в отличавшемся строгостью правил пансионе для благородных девиц способствовала развитию изобретательности в том, что касалось способов бегства.

Буквально через пять минут после того, как в замке провернулся ключ, в окне оставался только один прут, да и тот периодически дергался и натужно скрежетал в каменных пазах, из чего можно было сделать следующий вывод: на крепко привязанных к нему простынях раскачивался солидный груз.

Свет факелов озарял стены замка. Мрачный красно-черный флаг полоскался на ветру. Ваймс посмотрел с моста. Текущая далеко внизу вода пенилась бурунами, прежде чем достичь водопада. Значит, пути только два: либо вперед, либо назад.

Он проинспектировал свое войско. К сожалению, это не заняло много времени. Любой стражник умеет считать до пяти. Правда, был еще Гэвин со своими волками, которые притаились среди деревьев. Ну и на худой конец – совсем уж на худой – был Гаспод, капрал Шноббс собачьего мира, присоединившийся к группе без приглашения.

Так, какие еще преимущества? Противник предпочитает не пользоваться оружием. Весьма сомнительный плюс, учитывая, что враг в любой момент может пустить в дело весьма грозные зубы и когти.

Вздохнув, Ваймс повернулся к Ангве.

– Я знаю, они твои родственники, поэтому не буду тебя винить, если ты откажешься принимать во всем этом участие.

– Посмотрим, сэр. Хорошо?

– А как мы проберемся в замок, сэр? – спросил Моркоу.

– А как поступил бы ты, Моркоу?

– Я попытался бы постучать в дверь, сэр.

– Правда? Сержант Детрит, за дело!

– Сэр!

– Разнеси эти чертовы ворота!

– Есть, сэр!

Ваймс повернулся к Моркоу, а тролль смерил ворота оценивающим взглядом и принялся вращать лебедку арбалета, с кряхтением преодолевая сопротивление мощных пружин. Впрочем, в случае Детрита любое сопротивление было бесполезно.

– Здесь вам не Анк-Морпорк, – сказал Ваймс. – Понятно?

Детрит прижал приклад арбалета к плечу и сделал шаг вперед.

Потом что-то щелкнуло. Ваймс не видел, как пучок стрел вылетел из арбалета. Вероятно, они превратились в щепки, пролетев всего несколько футов. Не одолев и половины пути до цели, облако щепок вспыхнуло от трения о воздух.

Таким образом в ворота ударило нечто вроде шаровой молнии, разъяренной и неудержимой, аки Пятый Слон. Огненный шар почти достиг местной скорости света.

– О боги, Детрит, – пробормотал Ваймс. – Это не арбалет, а какое-то стихийное бедствие.

Несколько обугленных обломков бывших ворот с грохотом упали на бульжную мостовую.

– Волки туда не пойдут, господин Ваймс, – предупредила Ангва. – Гэвин нас поддержит, но они – нет. Даже ради него.

– Почему?

– Потому что они волки, сэр. Это мы в домах как дома, сэр, но не они.

Тишину нарушал только скрип лебедки – это Детрит снова взводил свой арбалет.

– Плевать, сами справимся, – буркнул Ваймс, обнажая меч и делая шаг вперед.

Госпожа Сибилла вытащила платье из панталон и осторожно пересекла маленький дворик. Судя по всему, она находилась где-то в задней части замка.

Услышав шум, она прижалась к стене – насколько это было вообще возможно – и крепче перехватила железный прут, один из тех, что совсем недавно украшали окно.

Из-за угла выскочил огромный волк с костью в зубах. Судя по его вытянувшейся морде, он никак не ожидал встретить здесь госпожу Сибиллу, но еще меньше ожидал увидеть в ее руках железный прут.

– Прошу прощения... – машинально пробормотала Сибилла, когда волк без сознания брякнулся на бульжники.

В другой части замка прогремел взрыв. Сэм славился своим взрывным характером.

– Сэр, как вы думаете, нас услышали? – спросил Моркоу.

– Капитан, думаю, нас услышали даже в Анк-Морпорке. Ну и где все вервольфы?

Вперед выступила Ангва.

– Сюда, – сказала она.

Она провела их вверх по лестнице с низкими ступенями и дернула ручку одной из дверей главной башни. Дверь со скрипом распахнулась.

В зале тоже горели факела.

– Они оставят нам пути к отступлению, – произнесла она. – Мы всегда так поступаем. Мы любим, когда люди убегают.

Пара небольших дверей в конце зала были открыты. Ваймс заметил, что на них нет ручек. Что ж, лапам ручки без надобности.

В зал вошел Вольфганг, сопровождаемый двумя дюжинами вервольфов, которые веером рассыпались в разные стороны. Кто-то сел, кто-то лег, но все без исключения вервольфы принялись с интересом наблюдать за незванными гостями.

– А, Цивилизованный, – весело произнес Вольфганг. – Ты победил! Не хочешь еще раз попробовать? Тем, кто соглашается на вторую попытку, мы всегда позволяем унести ноги. С собой в мешке! Ха-ха-ха! Хорошая шутка, да?

– Я предпочитаю анк-морпоркское чувство юмора, – сказал Ваймс. – Где моя жена, гаденьш?

Он слышал, что Детрит все еще взводит свой арбалет. В этом и заключается недостаток большого оружия. Его можно было считать скорострельным только согласно геологическим стандартам.

– О, милая Дельфина! Смотрите-ка, что собака в дом притащила! – воскликнул Вольфганг, не обращая внимания на Ваймса.

Он сделал еще шаг вперед, и Ваймс услышал, как зарычала Ангва. Этому рыку беспрекословно повиновались почти все уголовные элементы Анк-Морпорка, особенно если слышали его в темном переулке. Гэвин зарычал еще громче.

Вольфганг остановился.

– Вольфи, у тебя на это не хватило бы мозгов, – сказала Ангва. – Без посторонней помощи ты даже из мокрого бумажного мешка не выберешься. Где мать? – Она окинула взглядом развалившихся на полу вервольфов. – Привет, дядя Ульф... тетя Хильда... Магвен... Нэнси... Юнити. Вся стая в сборе, да? Кроме отца, который, как я подозреваю, катается в какой-нибудь пакости на улице. Ну и семейка...

– Я хочу, чтобы все эти гадкие людишки немедленно покинули наш замок, – сказала вошедшая в зал баронесса. Она посмотрела гневным взглядом на Детрита. – И как вы посмели привести в мой дом тролля!

– Ента, сэр... Все, натянул, – довольным голосом сообщил Детрит,

вскидывая на плечо гудящий от напряжения арбалет. – Только скажите, и я сразу стрельну.

– О боги, только не здесь. Мы же в замкнутом помещении!

– Когда я спущу курок, сэр, оно мигом разомкнётся.

– Как *цивилизованно*, – фыркнула баронесса. – Как по-анк-морпоркски! Вы всегда считали нас низшими видами. Думаете, вам достаточно цыкнуть и мы сразу разбежимся, поджав хвосты?

– Вы давно видели свои ворота? – осведомился Ваймс.

– Мы – *вервольфы!* – огрызнулась баронесса. Именно огрызнулась, потому что слова были острыми и четкими, она как будто не произнесла их, а пролаяла. – Всякими дурацкими игрушками нас не испугать!

– Но можно задержать. По крайней мере на время. А сейчас приведите сюда госпожу Сибиллу!

– Госпожа Сибилла отдыхает. И вы не в том положении, чтобы выдвигать требования, господин Ваймс. Мы в отличие от вас не совершали никаких преступных деяний.

У Ваймса отвисла челюсть, а баронесса продолжала:

– Игра не противоречит традициям. В нее играют многие тысячи лет. И какое еще преступление мы, по-вашему, совершили? Украли у гномов любимый булыжник? Мы...

– Я знаю, что он не был украден, – перебил Ваймс. – И я знаю...

– Ничего вы не знаете! Зато всех подозреваете. Впрочем, у вас такой склад ума.

– Но ваш сын сам сказал...

– К сожалению, мой сын довел до совершенства все мышцы своего тела, за исключением тех, которыми думают, – пожалала плечами баронесса. – Это, наверное, в цивилизованном Анк-Морпорке можно врываться в мирные дома, гневно топтать ногами, потрясать оружием, но здесь, в соблюдающем традиции варварском захолустье, для этого требуется нечто большее, чем простые умозаключения.

– Я чую запах страха, – сообщила Ангва. – Мама, он струится из каждой поры твоего тела.

– Сэм?

Все посмотрели вверх. Госпожа Сибилла, выглядевшая смущенной и разгневанной одновременно, стояла на ступенях каменной лестницы, ведущей в зал. В руке она держала изогнутый железный прут.

– Сибилла!

– Она сказала мне, что ты в бегах и что все они пытаются тебя спасти. Но это ведь неправда, да?

Мало кто способен честно признаться себе в этом, но когда ты прижат лопатками к стене... все средства хороши. Ваймс видел, что Сибилла заряжена и готова открыть огонь.

Она всегда ладила с людьми. Ее научили слушать, как только она научилась говорить. А когда Сибилла слушала, у людей поднималось настроение. Вероятно, это частично объяснялось тем, что она была... крупной девушкой. Однако она старалась выглядеть меньше, поэтому окружающие ее люди сразу начинали ощущать себя большими, значительными. Она ладила с людьми не хуже Моркоу. Неудивительно, что даже гномы чувствовали к ней расположение.

Кроме того, в «Книге Пэров Твурпа» ей посвятили целых несколько страниц. Это были своего рода наследственные якоря, уходившие глубоко в прошлое, а гномы уважают того, кто может вспомнить полное имя своего прапрапрадедушки. А еще Сибилла совсем не умела врать – сразу краснела как помидор. Она была цельной, как скала. По сравнению с ней даже Детрит выглядел сущей губкой.

– Дорогая, мы просто совершили приятную пробежку по местным лесам, – сказал Ваймс. – А сейчас иди сюда. Мы уходим, нам еще предстоит встреча с королем. Я расскажу ему все. Наконец-то я во всем разобрался.

– Гномы убьют вас, – хмыкнула баронесса.

– Уж от кого-кого, а от гномов я точно убегу, – пожал плечами Ваймс. – Ну все, нам пора. Ангва?

Ангва не пошевелилась. Он по-прежнему смотрела на мать и тихо рычала.

Ваймс сразу узнал симптомы. Нечто подобное происходило в анк-морпоркских трактирах каждый субботний вечер. Люди постепенно доходили до белого каления, а потом достаточно было, чтобы кто-нибудь всего-навсего уронил стакан. Или просто мигнул.

– Ангва, мы уходим, – повторил он. Вервольфы поднялись на лапы и принялись потягиваться.

Моркоу взял ее за руку. Она резко повернулась и оскалилась. Буквально на долю секунды – на самом деле она взяла себя в руки, прежде чем успела дернуть головой. Но все же она оскалилась.

– Ахрр, это оун? – прорычала баронесса. – Ты пррредала свой нарррроуд ррррради негоу?

Ваймс готов был поклясться, что уши баронессы принялись вытягиваться. И мышцы ее лица вели себя очень странно.

– Чему еще науучил тебя Анк-Моррррпорррк?

Ангва вздрогнула.

– Умению владеть собой, – сказала она. – Я иду, господин Ваймс.

Вервольфы тихонько двинулись вперед.

– Не поворачивайтесь к ним спиной, – спокойно предупредила Ангва. – И не бегите.

– Вот уж и не думали, – огрызнулся Ваймс. Он смотрел на Вольфганга, который пересекал зал наискосок, не сводя глаз с отступавших.

«Им придется сбиться в кучу, чтобы выйти за нами через дверь», – подумал Ваймс и глянул на Детрита. Троль водил гигантским арбалетом из стороны в сторону, пытаясь держать всех вервольфов в зоне обстрела.

– Стреляй, – приказала Ангва.

– Но это же твоя семья! – ужаснулась Сибилла.

– Можете мне поверить, на них все заживает как на собаках!

– Детрит, стреляй только в случае крайней необходимости, – велел Ваймс, пятясь к подвесному мосту.

– Лучше выстрелить *сейчас*, – возразила Ангва. – Рано или поздно Вольфганг бросится на нас, а остальные...

– Сэр, вам необходимо кое-что знать, – перебила ее Шелли. – Действительно необходимо, сэр. Это очень *важно*.

Ваймс обернулся и посмотрел на противоположный берег. В темноте толпились фигуры. В свете факелов поблескивали доспехи и преграждавшее дальнейший путь оружие.

– Да, хуже и быть не может, – согласился он.

– Может, – не согласилась госпожа Сибилла. – Это могли бы быть змеи.

Услышав сдавленный смех своего командора, Моркоу непонимающе повернулся к Ваймсу.

– Сэр?

– Да так, капитан, ничего. Не спускай глаз с этих паскудников. С солдатами потом разберемся.

– Только скажите, сэр, – пророкотал Детрит.

– Вы в лоувуушке! – прорычала баронесса. – Стрррража! Взять их!

На мосту появилась фигура с факелом. Свирепо сверкая глазами, капитан Тантони подошел к Ваймсу.

– Отойдите в сторону, сэр, – велел он. – Отойдите, а не то, клянусь богами, мне придется вас арестовать, посол вы или нет!

Они встретились взглядами. Чуть погодя Ваймс отвел глаза.

– Пропустите его, – сказал он. – Человек решил выполнить свой долг.

Тантони едва заметно кивнул, строевым шагом пересек подвесной

мост и остановился в нескольких футах от баронессы. Он отдал честь.

– Арестуйте этих людей! – приказала баронесса.

– Госпожа Серафина фон Убервальд? – лишенным выражения голосом осведомился Тантони.

– Ты знаешь, кто я такая, вассал!

– Я хотел бы поговорить с вами о некоторых обвинениях, предъявленных в моем присутствии.

Ваймс закатил глаза. «Идиот несчастный... Я же не имел в виду, что ты действительно должен...»

– *Чтоу?* – изумилась баронесса.

– Госпожа, мне сообщили, что член или члены вашей семьи замешаны в заговоре с целью...

– Дау каук ты смеешь? – взывала Серафина. И тут Вольфганг прыгнул, и будущее превратилось в серию быстро меняющихся изображений.

В воздухе он превратился в волка.

Ваймс схватился за нижнюю часть арбалета Детрита и направил стрелы вверх, и в тот же момент тролль спустил курок.

Моркоу ринулся вперед, прежде чем Вольфганг приземлился на грудь Тантони.

Звук выстрела из арбалета эхом отразился от стен замка, заглушив свист тысяч обломков стрел.

Моркоу перехватил Вольфганга в пологом пике. Он врезался в Вольфа плечом, и они оба покатались по мосту.

Потом движущиеся картинки из волшебного фонаря замелькали еще быстрее. Вся сцена словно взорвалась.

Моркоу вскочил на ноги и...

«Вероятно, он так действует потому, что мы за границей, – успел подумать Ваймс. – Пытается все делать по правилам».

Моркоу подскочил к вервольфу, сжал кулаки и принял позу, запечатленную на рисунке номер 1 из «Искусства Благородного Кулачного Боя». Надо отдать должное, эта поза выглядела весьма впечатляющей, пока противник не ломал тебе нос пивной кружкой.

По своему воздействию удар Моркоу можно было сравнить с ударом лома, и ему удалось нанести пару таких ударов, прежде чем Вольфганг поднялся на ноги.

Но вервольф, судя по его виду, просто удивился. Никакой боли он не почувствовал. Вольфганг быстренько сменил облик, поймал обеими руками кулак Моркоу и крепко сжал, после чего, к ужасу Ваймса, сделал шаг вперед и без всякого видимого усилия заставил Моркоу отступить.

– Ангва, даже не пытайся вмешаться, – с довольной ухмылкой сказал Вольфганг. – А не то я сломаю ему руку. Впрочем, я все равно ее сломаю!

Ваймс услышал характерный хруст. Моркоу побелел. Тот, кто держит тебя за сломанную руку, обладает над тобой абсолютной властью. «Еще один идиот, – подумал Ваймс. – Если твой противник валяется на земле, ни в коем случае не давай ему вставать! Чертов маркиз Пышнохвост! Всякие должностные инструкции и правила поведения – это отлично, но сначала сделай так, чтобы твой противник лежал и не рыпался».

– Ага! У него есть еще косточки! – воскликнул Вольфганг, чуть отстраняя от себя Моркоу. Он бросил взгляд на Ангву. – Не подходи, только не подходи! Не то я сделаю ему больно. Нет, *все равно* сделаю!

И тут Моркоу ударил его ногой в живот.

Вольфганг начал падать, потом исполнил в воздухе пируэт, перевернулся, легко приземлился на ноги, одним прыжком подскочил к Моркоу и нанес два стремительных удара в грудь.

Звук напоминал удары лопатой по мокрому бетону.

Вольфганг подхватил падающего человека, поднял его над головой и швырнул на мост к ногам Ангвы.

– Цивилизованный человек! – крикнул он. – Получай, сестричка!

Откуда-то снизу до Ваймса донесся странный звук. Гэвин внимательно наблюдал за происходящим и издавал горлом какие-то клокочущие звуки. «Что, волчок, нравится?» – подумала крошечная часть Ваймса, маленькое, но очень крепкое ядрышко цинизма.

От тела Вольфганга валил пар. Мышцы блестели в свете факелов. Рассыпавшиеся по плечам светлые волосы светились как ореол.

Ангва с бесстрастным лицом упала на колени рядом с телом Моркоу. Ваймс ожидал услышать крик ярости.

Но вместо этого слышал плач.

Рядом завыл Гэвин. Ваймс опустил взгляд на волка. Посмотрел на пытавшуюся поднять Моркоу Ангву, потом – на Вольфганга, потом – снова на Ангву.

– Ну, кто-нибудь еще хочет? – осведомился Вольфганг, пританцовывая на плитах моста. – Может, ты, Цивилизованный?

– Сэм! – прошипела Сибилла. – Только не это...

Ваймс вытащил меч из ножен. Какая разница...

Игры закончились. Вольфганг настроен серьезно, он не будет наносить притворные удары и отскакивать. Эти пальцы могли пронзить грудную клетку Ваймса насквозь.

Что-то мелькнуло на уровне его плеча. Гэвин вцепился Вольфгангу в

горло и сбил его с ног. Они вместе покатались по мосту. Вольфганг быстро перекинулся в волка, чтобы сражаться на равных – клыками. Затем они расцепились, покружились немного и снова бросились в драку.

Ваймс будто во сне услышал чей-то тихий голос:

– Если бы он дрался так дома, то не продержался бы и пяти минут. Его размазали бы по стене! Чертов Пышно-мать-его-хвост!

Гаспод сидел рядом с Ваймсом и яростно переступал с лапы на лапу.

– Тупица! Смотри, как выигрывают в собачьих боях!

Волки катались по мосту, Вольфганг уже подбирался к брюху Гэвина, но вдруг на него налетел рычащий и отчаянно тьявкающий Гаспод. Его маленькая морда сделала стремительный «кляц» и скрылась между задних лап вервольфа. Рычание Гаспода стало чуть приглушенным.

Воздух прорезал жуткий визг, и Вольфганг подпрыгнул вертикально вверх, но его тут же перехватил Гэвин. Все трое рухнули на парапет моста, древняя кладка не выдержала, и волк, вервольф и пес, представляющие собой единый рычащий клубок, зависли на мгновение на краю пропасти, после чего упали в далекую пенящуюся реку.

Все вышперечисленное, начиная с момента появления Тантони, произошло меньше чем за минуту.

Баронесса неверяще смотрела в ущелье. Ваймс, не спуская с нее глаз, спросил у Детрита:

– Сержант, ты точно вервольфоустойчив?

– Точно, сэр. И я уже зарядил арбалет.

– Тогда ступай в замок и приведи местного Игоря, – спокойным тоном приказал Ваймс. – Если кто попытается тебя остановить, стреляй. И постарайся уложить как можно больше, гм, зверья.

– Никаких проблем, сэр.

– Хватит нам цацкаться.

– Да и, енто, нету тут никаких цац, сэр.

– Все, иди. Сержант Ангва?

Она даже не обернулась.

– Сержант Ангва!

Ну вот, услышала.

– Как вы можете быть таким... *холодным*? – прорычала она. – Ему же больно.

– Я знаю. Ступай, поговори со стражниками, которые толпятся у моста. Они выглядят испуганными. Я не хочу, чтобы кто-нибудь еще пострадал. Их помощь может пригодиться весьма кстати. Шельма, накрой чем-нибудь Моркоу и этого парня. Нужно их согреть.

«Жаль, мне самому нечем согреться», – подумал Ваймс. Мысли текли медленно, как замерзающая вода. Он чувствовал себя так, словно от него при каждом движении откалывались льдинки, словно после каждого его шага оставался сверкающий инеем след, словно голова была набита свежим снегом.

– А теперь, мадам, – сказал он, поворачиваясь к баронессе, – вы отдадите мне Каменную Лепешку.

– Он вернется! – прошипела баронесса. – Вот увидишь! Он *найдет* тебя!

– Последний раз повторяю... верните камень гномов. В лесу ждут волки, а в городе – гномы. Верните камень, и все мы, возможно, выживем. Пока что это дипломатия. Не заставляйте меня прибегать к иным методам.

– Да стоит мне только слово сказать...

Ангва зарычала.

Сибилла решительно подошла к баронессе и схватила ее за грудки.

– Ты не ответила ни на одно мое письмо! Я столько лет тебе писала!

Баронесса с изумлением таращилась на нее – типичная реакция людей, столкнувшихся с абсолютно нелогичным гневом госпожи Сибиллы.

– Если ты знаешь, что Лепешка у нас, – повернулась баронесса обратно к Ваймсу, – то не можешь не знать, что она не настоящая. И какая от нее польза гномам?

– Да, вы сделали ее в Анк-Морпорке. Сделано в Анк-Морпорке! Нужно было выбить эти слова на ее основании. Но кто-то убил человека, который изготовил Лепешку. Произошло убийство. Кто-то нарушил закон. – Ваймс ухмыльнулся баронессе. – Это такая типично анк-морпоркская штука.

Гаспод вылез из воды и, дрожа всем телом, остановился на гальке. У него болело буквально все. В ушах противно звенело. По одной лапе текла кровь.

Последние несколько минут прошли как в тумане, но Гаспод помнил, что в тумане этом было очень много воды, которая лупила будто кувалдами.

Он отряхнулся. Там, где вода уже успела превратиться в сосульки, шкура зазвенела.

Чисто по привычке он подошел к ближайшему дереву и, поморщившись, поднял лапу.

– Э-Э, ПРОШУ ПРОЩЕНИЯ.

Дальше последовала напряженная, исполненная размышлений тишина.

– Это было очень глупо, – наконец сказал Гаспод.
– ИЗВИНИ. ВОЗМОЖНО, ЭТО НЕ САМЫЙ УДАЧНЫЙ МОМЕНТ.
– Для меня определено. Могли последовать травмы.
– ДАЖЕ НЕ ЗНАЮ, КАК И ОПРАВДАТЬСЯ.
– Первый раз слышал, как дерево высказывает возражения. – Гаспод вздохнул. – Ну и? Что дальше?
– НЕ ПОНЯЛ?
– Я же умер, верно?
– НЕТ. Я И САМ КРАЙНЕ УДИВЛЕН, НО ПОХОЖЕ, ТВОЕ ВРЕМЯ ЕЩЕ НЕ ПРИШЛО.

Смерть достал песочные часы, посмотрел сквозь них на холодные звезды и зашагал прочь по берегу.

– Слушай, ты меня не подкинешь, а? – заскулил Гаспод, с трудом пытаюсь догнать высокую фигуру и увязая в сугробах.

– К СОЖАЛЕНИЮ, НЕ МОГУ.

– Просто... Когда маленький песик вынужден пробираться по глубокому снегу, это чревато жестоким обморожением этих, ну, сам понимаешь... Хозяйство страдает!

Смерть остановился у небольшой заводи. В нескольких дюймах от берега лежало что-то бесформенное.

– О, – сказал Гаспод.

Смерть наклонился. Гаспод увидел синюю вспышку, потом фигура в плаще исчезла.

Гаспод задрожал. Он вошел в воду и уткнулся носом в мокрую шкуру Гэвина.

– Так неправильно... – проскулил он. – Если бы ты был человеком, тебя положили бы в большую лодку и подожгли. И все бы это видели. А тут только я один. Это неправильно...

Нужно было сделать кое-что еще. Он чувствовал это костями. Поднявшись на берег, Гаспод забрался на ствол поваленной ивы.

Он откашлялся. И завыл.

Начало было плохим, каким-то неуверенным, но постепенно звук нарастал, становился сильнее, богаче... а потом, когда он замолчал, чтобы перевести дух, вой продолжился, покатился через весь лес, от глотки к глотке.

Этот вой окутал спустившегося с поваленного дерева Гаспода, помог ему взобраться на обрывистый берег. Он поднимал его над глубоким снегом. Разносился между деревьями, сплетаясь из сотен голосов, становясь чем-то живым. «А может, он долетит до самого Анк-Морпорка?»

– вдруг подумал Гаспод.
Или еще дальше.

Ваймс был впечатлен. Баронесса, даже загнанная в угол, продолжала сражаться.

– Ничего не знаю ни о каком убийстве...

Из леса донесся вой. Сколько волков там собралось? Они всегда оставались невидимыми, но, когда подавали голос, казалось, что за каждым деревом прячется по волку. Этот вой не смолкал, он был похож на плач, брошенный в огромное воздушное озеро. И круги от этого плача разбегались по всем окрестным горам.

Закинув голову, Ангва закричала. После чего, сжимая и разжимая пальцы, хрипло дыша сквозь сжатые зубы, двинулась на баронессу.

– Верни ему этот... чертов камень, – прошипела она. – Кто-нибудь из вас хочет сразиться со мной? *Сейчас?* Тогда отдай ему камень!

– В чем ефть проблемы?

Через останки ворот проковылял Игорь, сопровождаемый Детритом. Увидев два тела, он накинулся на них подобно огромному пауку.

– Неси камень, – прорычала Ангва. – Тогда... тогда мы уйдем. Я чувствую его *запах*. Или ты хочешь, чтобы я сама забрала его?

Серафина наградила ее испепеляющим взглядом, потом развернулась на каблуках и зашагала в сторону замка. Остальные вервольфы попятнулись от Ангвы, словно ее взгляд бил как кнут.

– Если не сможешь помочь этим людям, – сказал Ваймс опустившемуся на колени Игорю, – тебя ждет весьма короткое и не слишком приятное будущее.

Игорь кивнул.

– У этот, – он ткнул пальцем в Тантони, – поверхнофтный ранение. Зашивайт беф проблем. А у этот, – он постучал Моркоу по груди, – плохо поломанный рука. – Игорь поднял взгляд на Ваймса. – Молодой Вольфганг фнова решайт поиграйт?

– Ты можешь сделать так, чтобы он чувствовал себя хорошо? – резко осведомился Ваймс.

– Наин. Фегодня его фчафтливый день. Я могу фделайт так, чтобы он чувфтовал фебя *лучше*. Мне только что дофтавлиайт фвежий почка, отличный почка, принадлежайт молодому гофподину Крапанфи, не пивайт ни капля крепкий напитоков, но вот попадайт под лавину...

– А они ему нужны? – спросила Ангва.

– Наин, но когда мочь фделайт лучше, лучше фделайт лучше! Я вфегда

так говорийт!

Игорь улыбнулся. Зрелище было странным. Шрамы и швы расползлись по его лицу, будто сороконожки.

– Просто вылечи его руку, – твердым тоном сказал Ваймс.

Появилась баронесса в окружении нескольких вервольфов. Когда Ангва резко повернулась, вервольфы поджали хвосты.

– Забирайте, – фыркнула Серафина. – Забирайте эту дрянь. Это подделка. Никакого преступления не было!

– Я стражник, – возразил Ваймс. – И я всегда найду преступление.

Сани, подгоняемые собственным весом, неслись по дороге к Здецу, а городские стражники бежали рядом и лишь иногда направляли их. Капитан был ранен, и стражники выглядели растерянными и подавленными. Они весьма неохотно слушались Ваймса, но прилежно исполняли все, что приказывала Ангва, поскольку она принадлежала к классу, который традиционно отдавал им приказы. Раненые лежали на одеялах.

– Ангва? – позвал Ваймс.

– Да, сэр?

– Волки всё не отстают. Я видел, как они мелькают за деревьями.

– Знаю.

– Они на нашей стороне?

– Точно могу сказать лишь одно: ничью другую сторону они не занимали. Я им не сильно нравлюсь, но они знают, что я... нравилась Гэвину. Сейчас важно только это. Некоторые из них отправились на поиски моего брата.

– Он что, остался в живых? После падения с такой высоты?

– Его могут взять только огонь или серебро. А здесь... бурная вода на много миль. Он наверняка ранен, но уверяю вас, сэр, его раны заживают невероятно быстро.

– Послушай, я весьма сожалею...

– Не стоит, господин Ваймс. Вольфганг этого недостоин. Моркоу просто не понимал, на что способен мой брат. Победить в честном бою такого, как он... Это попросту невозможно. Да, он мой родственник, но... личное еще не значит важное. Моркоу всегда так говорил.

– Говорит! – резко поправила ее Сибилла.

– Да.

Моркоу открыл глаза.

– Что... там произошло? – спросил он.

– Вольфганг ударил тебя, – ответила Ангва и вытерла ему лоб.

- Чем? – Моркоу попытался подняться, но застонал и лег.
- Что я тебе говорил о маркизе Пышнохвосте? – мрачно осведомился

Ваймс.

- Простите, сэр.

Какая-то искорка мелькнула над лесом. Потом исчезла, и на ее месте расцвела зеленая вспышка. Через мгновение до них донесся глухой хлопок.

- Сигнальщики наконец добрались до клик-башни, – догадался Ваймс.
- Ну, что мы так тащимся?... – под нос буркнула Ангва.

– А значит, теперь мы можем связаться с Анк-Морпорком, – сказал Ваймс.

Сейчас он чувствовал себя странно веселым. Как будто до него донесся далекий человеческий вой. Раньше он бесцельно болтался в пространстве, а теперь был *подвешен* в воздухе. А это уже совсем другое дело.

Это была небольшая общая комната над одной из местных лавок, и поскольку комната принадлежала сразу всем, выглядела она так, словно не принадлежала никому. Пыль скопилась в углах. А стулья, расставленные сейчас по неровной окружности, предназначались для того, чтобы их складывали и хранили в кладовке, но не для того, чтобы на них сидели.

Леди Марголотта улыбнулась окружающим ее вампирам. Ей очень нравились эти собрания.

Среди собравшихся кого только не было, и мотивы некоторых присутствующих были выше ее понимания. Впрочем, все вампиры в комнате разделяли одно убеждение: ты такой как есть, но это не значит, что ты должен оставаться таким и дальше, ведь ты можешь измениться.

Начинать нужно с малого. Сосать, но не вонзать клыки глубоко. И так потихоньку, крошечными шажками... Потом выяснялось, что на самом деле ты жаждешь власти, но добиться ее можно гораздо менее кровожадными способами. А затем ты понимал, что всякая власть – это суета. Любой головорез может захватить власть. Настоящее сокровище – это *контроль*. Вот лорд Витинари понимал это. Уметь правильно отмерять усилия. Это как с весами, чьи чаши ты пытаешься уравновесить касанием пальца.

Всякий контроль начинается с самого себя.

– Меня зовьют, если кратко, леди Марголотта Амайя Катерина Ассумпта Крассина фон Убервальд, и я – вампир.

– Приветствуем тебя, леди Марголотта Амайя Катерина Ассумпта Крассина фон Убервальд! – хором произнесли все собравшиеся.

– Прошло уже почти четыре года, – продолжала леди Марголотта, – но я по-прежнему посьещаю эти ночные встречи. Всего одно горло... это ровно на одно горло больше, чем нужно. Однако всегда можно найти замену...

Городские ворота Здеца никем не охранялись, но у посольства толпились гномы. Запряженные в сани волки с тревогой посмотрели на Ангву и заскулили.

– Я должна их отпустить, – сказала она, подходя к волкам. – Они согласились войти в город только потому, что боятся меня.

Ваймс ничуть не удивился. Сейчас Ангву кто угодно испугался бы.

Несмотря на это, отряд гномов уже спешил к саням.

Ваймс понял, что им потребуется несколько секунд, чтобы осознать происходящее. Они видели перед собой городских стражников, Игоря и вервольфа. Естественно, это вызывало не только удивление, но и подозрение. Открывало едва заметную трещинку, которую он и должен был расширить. И как ни стыдно было в этом признаваться, народ, как правило, слушается всяких высокомерных сволочей.

Он свирепо посмотрел на первого гнома и грозно осведомился:

– Имя!

– Вы аресто...

– Ты знаешь, что Каменная Лепешка была украдена?

– Вы... Что?

Ваймс повернулся и взял лежавший в санях мешок.

– А ну, факел сюда! – крикнул он, и поскольку слова были произнесены человеком, который даже мысли не допускал о том, что его приказ будет не выполнен, этот приказ, разумеется, был выполнен.

«У меня есть секунд двадцать, – подумал он. – А потом чары рассеются».

– А теперь смотрите сюда, – сказал он, доставая из мешка гномью святыню.

Некоторые гномы упали на колени. По толпе прокатился шепоток. Так распространяются слухи. Так летит через леса волчий вой. Его воспаленные глаза без труда увидели картинку, услужливо предоставленную измученным мозгом: клик-башни в ночи, отчаянно щелкая заслонками, несут в Орлею полученное из Анк-Морпорка сообщение. Буква в букву, слово в слово.

– Я хочу лично доставить ее королю, – промолвил он в полной тишине.

– Мы отнесем... – произнес какой-то гном, делая шаг вперед.

Ваймс отошел в сторонку.

– Вечер добрый, парни, – поздоровался Детрит, поднимаясь из саней во весь свой громадный рост.

Жалобные звуки, которые издавала натянутая со сверхъестественной силой тетива, напоминали стоны железного зверя, страдающего от чрезвычайно сильной боли. Гном находился всего в паре футов от нескольких дюжин наконечников стрел.

– С *другой* стороны, – продолжил Ваймс, – мы можем, конечно, поговорить. Похоже, ты из гномов, что любят поговорить.

Гном кивнул.

– Во-первых, существуют ли причины, по которым я не могу поместить двух раненых людей в дом, прежде чем они скончаются от полученных ран?

Арбалет в руках Детрита дрогнул. Гном помотал головой.

– Значит, их можно внести в дом, где им будет оказана соответствующая помощь? – уточнил Ваймс.

Не спуская глаз с громадного пучка стрел, гном согласно закивал.

– Замечательно. Видишь, сколько можно добиться простым разговором? *А теперь* можешь меня арестовать.

– Вы хотите, чтобы я вас арестовал?

– Да. И госпожу Сибиллу. Мы помещаем себя под твою личную юрисдикцию.

– Вот именно, – подтвердила госпожа Сибилла. – Я требую, чтобы меня арестовали.

Она выпрямилась во весь рост и расширилась во всю ширь, распространяя во все стороны цунами праведного негодования. Услышав треск платья, едва сдерживающего готовые взорваться формы, гномы испуганно попятились.

– И в связи с тем, что арест посла определенно приведет к... серьезным трениям в отношениях с Анк-Морпорком, – добавил Ваймс, – я настоятельно рекомендую вам доставить нас прямо к королю.

По счастливой случайности, именно в этот момент с далекой башни в небо взмыла еще одна ракета, заливая на мгновение снег зеленым светом.

– Что это значит? – спросил командир гномов.

– Это значит, что Анк-Морпорк уже знает о происходящем, – ответил Ваймс, надеясь в душе, что это действительно так. – Вряд ли тебе хочется стать тем гномом, который развяжет межвидовую войну.

Гном что-то сказал стоявшему рядом товарищу. Потом к ним присоединился еще один гном. Ваймс понимал далеко не все, поскольку

говорили гномы быстро, но стоявшая за его спиной Шелли прошептала:

– Это за пределами его компетенции. Однако он очень боится за Лепешку.

– Отлично.

Гном повернулся обратно к Ваймсу.

– А как быть с троллем?

– О, Детрит останется в посольстве, – милостиво сообщил Ваймс.

Гномы немножко подуспокоились, но спор все продолжался.

– А что они обсуждают сейчас? – шепотом спросил Ваймс.

– Нет прецедента, – пробормотала Шелли. – Предполагается, что вы – наемный убийца. Однако вы добиваетесь аудиенции у короля. С другой стороны, у вас Лепешка...

– Нет прецедента? – переспросила Сибилла. – Что за пижню они несут, простите мой клатчский!

Набрав полную грудь воздуха, она вдруг запела.

– Ого! – пораженно воскликнула Шелли.

– Что?

Гномы уставились на Сибиллу, а ее голос становился все сильнее, пока не достиг полной оперной глубины. Для непрофессиональной певицы у нее были вполне впечатляющее сопрано и хороший диапазон. По оперным меркам ее голос слегка дребезжал, но он обладал именно той колоратурой, которая требовалась, чтобы произвести на гномов должное впечатление.

Снег скатывался с крыш, дрожали сосульки. «Ничего себе, – удивленно подумал Ваймс. – В утыканном шипами корсете и шлеме с крылышками она вполне может уносить с поля боя павших воинов...»

– Это Ария Выкупа, исполняемая Железным Молотом, – пояснила Шелли. – Ее знает каждый гном! Э... Не ручаюсь за точность перевода, но в ней говорится примерно следующее: «Я пришел заплатить выкуп за мою любовь, принес подарок огромной ценности, и только король обладает властью надо мной, стоять на моем пути противоречит всем законам мира, ведь истина дороже золота». Э... Вокруг последней строки было немало споров, сэр, но потом все признали ее приемлемой, учитывая, конечно, что истина ну очень большая...

Ваймс перевел взгляд на гномов. Они были просто зачарованы. Некоторые губами проговаривали слова арии.

– А это сработает? – шепнул Ваймс.

– Невозможно представить более соответствующий ситуации прецедент, сэр. Это ведь песнь песней! Абсолютная мольба! Она является неотъемлемой частью гномьих законов, почти неотъемлемой! Они не

могут ответить отказом! Тот, кто так поступит... не истинный гном, сэр!

На глазах у Ваймса один из гномов достал из кармана маленький кольчужный носовой платочек и, звякнув им, с чувством высморкался. У кое-кого текли по щекам слезы.

Когда стихла последняя нота, воцарилась тишина, а потом гномы принялись лупить топорами по щитам.

– Все в порядке! – улыбнулась Шелли. – Они аплодируют!

Сибилла, с трудом переводя дыхание, повернулась к мужу. Ее лицо блестело в свете факелов.

– Как по-твоему? Подействовало? – спросила она.

– Судя по этому грохоту, тебя избрали почетным гномом, – хмыкнул Ваймс и протянул ей руку. – Ну что, идем?

Новость быстро разносилась по городу. Когда герцог и герцогиня прибыли к входу в Нижний Здец, их сопровождала толпа гномов.

И навстречу им вывалила еще одна толпа. Гномы подхватили их, к Ваймсу и Сибилле со всех сторон тянулись руки, чтобы коснуться Лепешки.

Гномы даже набились вместе с ними в лифт. А когда Ваймс вышел из опустившегося вниз лифта и поднял Лепешку над головой, все голоса разом стихли. После чего по огромной пещере разнесся многократно усиленный эхом восторженный вопль.

«А ведь они даже не видят ее, – подумал Ваймс. – Для большинства она не более чем крошечная серая точка. И заговорщики прекрасно это понимали. Главное – не кража, главное – объект».

– Они должны быть арестованы! – В сопровождении стражников к ним спешил Ди.

– Что, опять? – пробурчал Ваймс, держа Лепешку над головой.

– Вы пытались убить короля! Совершили побег из тюрьмы!

– Ну, в этом нам еще предстоит разобраться, – ответил Ваймс, стараясь говорить ровно. Лепешка была тяжелой. – Ди, вы не сможете и дальше держать гномов в потемках.

– Я не допущу вашей встречи с королем!

– Тогда я брошу Лепешку!

– Бросайте! Это все равно...

Ваймс услышал, как гномы охнули от ужаса.

– Это все равно... что? – тихо переспросил он. – Это все равно не имеет значения? Но это ведь Лепешка!

Один из гномов, который сопровождал их от самого посольства, что-то

закричал. Его крик подхватили другие.

– Прецедент свидетельствует в вашу пользу, – перевела Шелли. – Они говорят, что еще успеют убить вас. После вашей встречи с королем.

– Ну, не совсем то, что я надеялся услышать, но придется удовлетвориться. – Ваймс снова посмотрел на Ди. – Вы сказали, что хотели бы, чтобы я нашел пропажу, не так ли? Думаю, именно мне следует вернуть ее законному владельцу...

– Вы... Король... Вы можете передать ее мне, – сказал Ди, вытягиваясь до уровня груди Ваймса.

– Исключено! – отрезала госпожа Сибилла. – Когда Железный Молот возвращал Лепешку Кровавому Топору, разве он доверил бы ее Слограму?

Хор голосов подтвердил, что нет.

– Конечно нет, – возмутился Ди. – Ведь Слограм был предате...

Он замолчал.

– Наверное, нам все-таки стоит увидеться с королем, – повторил Ваймс.

– Вы не можете этого требовать!

Ваймс указал на толпившихся вокруг гномов.

– Попробуй объяснить это им, – ухмыльнулся он.

Они удостоились королевской аудиенции только через полчаса. Короля нужно было разбудить. Его нужно было одеть. Король не любил торопиться.

Все это время Ваймс с Сибиллой сидели в приемной на слишком маленьких для человека стульях в окружении гномов, которые и сами не знали, что за функции выполняют – то ли конвоя, то ли почетного караула. Периодически в дверь просовывалась голова очередного гнома. До Ваймса доносились обрывки оживленных разговоров.

На Ваймса практически никто не смотрел. Все гномье внимание было приковано к лежавшей у него на коленях Лепешке. Сразу становилось понятно, что Лепешку гномы видят впервые.

«Маленькие доверчивые человечки, – думал он. – Вы так в нее верили, а очень скоро вам предстоит узнать, что это плохая подделка. Фальшивка. И это окажется страшным ударом по вашему замкнутому миру. Я собирался раскрыть кражу, а в итоге совершу куда более тяжкое преступление.

И мне еще повезет, если я выберусь отсюда живым».

Дверь откатилась в сторону. Появились два гнома, которых Ваймс про себя тут же обозвал тяжеловесами. Они окинули всех присутствующих официальным, профессиональным взглядом, который словно бы говорил:

«Ради вашего удобства и пользы мы убьем вас чуточку позже». Затем вошел, потирая руки, король.

– А, ваше превосходительство, – сказал он так, словно титул был констатацией факта, а не приветствием. – Как вижу, у тебя есть нечто, принадлежащее нам.

От стоявшей у двери толпы отделился Ди.

– Ваше величество, я должен предъявить серьезное обвинение! – воскликнул он.

– Правда? Тогда препроводи этих людей в законную комнату. Под охраной, конечно.

Король быстро отбыл. Ваймс посмотрел на Сибиллу и пожал плечами. Они последовали за королем, оставив позади гул собравшейся в главной пещере толпы.

Ваймс снова оказался в комнате, где было слишком много книжных полок и слишком мало свечей. Король расположился за столом.

– Лепешка тяжелая, ваше превосходительство?

– О да.

– Ее гнетет сама история. Вот, положи-ка на стол, но только *крайне* осторожно. И... Ди?

– Этот... предмет! – закричал Ди, тыкая в Лепешку пальцем. – Это подделка, копия, фальшивка! Она сделана в *Анк-Морпорке*! Все это часть заговора, в котором замешан господин Ваймс! И я это докажу! Это не настоящая Лепешка!

Король поднес свечу ближе к Лепешке и критически осмотрел святыню под разными углами.

– Я много раз видел Лепешку, – заявил он наконец, – и могу заверить, что это сама вещь и вещь в себе.

– Ваше величество, я требую... то есть советую вам настоять на более тщательной проверке.

– Правда? – мягко уточнил король. – Я, конечно, не эксперт, это всем известно. Но нам очень повезло, ибо на коронацию прибыл сам Альбрехт Альбрехтсон, непререкаемый авторитет во всем, что касается Лепешки и ее истории. Так что позови его. Он должен быть где-то неподалеку. К примеру, за этой дверью. Там сейчас собрались чуть ли не все гномы.

– Конечно, ваше величество.

Ди триумфально прошествовал мимо Ваймса, чуть ли не приплясывая от радости.

– Дорогая, боюсь, чтобы уйти отсюда живыми, нам понадобится еще одна песня, – пробормотал Ваймс.

– Сэм, к сожалению, я помню только эту. В остальных, как правило, поется о золоте.

Ди быстро вернулся с Альбрехтом. Следом за ними увязались несколько авторитетных гномьих старейшин.

– А, Альбрехт, – кивнул король. – Ты видишь, что лежит на столе? Кое-кто утверждает, что будто бы это не сама вещь и вещь в себе. Я хотел бы услышать твое мнение. – Король повернулся к Ваймсу. – Мой друг понимает морпоркский, ваше превосходительство, но предпочитает лишний раз не портить воздух. Таков уж он есть, наш Альбрехт.

Альбрехт, опалив Ваймса жгучим взглядом, подошел к столу.

Он долго рассматривал Лепешку под разными углами. Отодвинул свечи и наклонился, чтобы повнимательнее изучить корочку.

Сняв с ремня нож, постучал по Лепешке и со свирепым видом прислушался к получившемуся звуку. Потом перевернул Лепешку и обнюхал ее.

Наконец Альбрехт, презрительно скривившись, отступил от стола.

– *Х'градз?* – спросил он.

После недолгих переговоров гномы по очереди кивнули.

А затем, к вящему ужасу Ваймса, Альбрехт отколол от Лепешки маленький кусочек и положил его себе в рот.

«Гипс, – подумал Ваймс. – Свежий гипс, прямиком из Анк-Морпорка. Кто-кто, а Ди как-нибудь отбрешется...»

Альбрехт выплюнул кусочек на ладонь и уставился в потолок. Его челюсти продолжали что-то жевать.

Потом он и король обменялись многозначительными взглядами.

– *П'акга*, – констатировал Альбрехт, – *a n' акага-ад...*

Вдруг все одновременно заговорили, и Шелли торопливо перевела лишь суть:

– Это сама вещь и вещь в себе...

– Ну а я что говорил? – буркнул Ваймс, а про себя подумал: «Клянусь богами, какие мы мастера. Я горжусь тобой, Анк-Морпорк. Наши копии лучше оригиналов. Если, конечно... я ничего не упустил...»

– Что ж, господа, благодарю, – взмахнул рукой король.

Гномы неохотно потянулись на выход, бросая на Ваймса злобные взгляды.

– Ди? Прошу тебя, принеси из покоев мой топор, – велел король. – Лично. Не хочу, чтобы к нему прикасался кто-то еще. А ты, ваше превосходительство, останься здесь, вместе с супругой. Твоя... гном, однако, должен уйти. У двери будет выставлена стража. Ди?

Дегустатор идей словно окаменел.

– Что?... Да, ваше величество?

– Исполни!

– Ваше величество, предок этого человека однажды убил короля!

– По-моему, его семья уже изжила этот порок. Я велел исполнять!

Гном поспешил удалиться, но у дверей он все же задержался, чтобы пристально глянуть на Ваймса. Король откинулся на спинку кресла.

– Присаживайся, ваше старейшество. И дама тоже. – Он положил руку на подлокотник, подперев подбородок ладонью. – А теперь, господин Ваймс, расскажи мне правду. Выкладывай все начистоту. Я хочу знать истину, которая ценнее небольшого количества золота.

– Не уверен, что она мне известна, – признался Ваймс.

– А, хорошее начало, – улыбнулся король. – Тогда расскажи мне о своих подозрениях.

– Ваше величество, я готов поклясться, эта штука фальшива, как оловянный шиллинг.

– Правда?

– Настоящую Лепешку никто не крал. Ее уничтожили. Полагаю, она была разбита, измельчена и смешана с песком в пещере. Все очень просто, ваше величество. Если что-то пропадает, а потом появляется нечто похожее на пропавшее, люди начинают рассуждать: «Это оно, иначе и быть не может, потому что оно оказалось совсем не там, где мы думали». Люди всегда так рассуждают. Что-то исчезает, что-то похожее появляется совсем в другом месте, а они считают, что это какой-то фокус. Магия... – Ваймс ущипнул себя за нос. – Прошу прощения, давно не спал...

– Ты неплохо держишься для спящего на ходу человека.

– Вор работал вместе с вервольфами, как мне кажется. Именно они стояли за пресловутыми Сыновьями Аги Молотокрада. И хотели шантажом свергнуть вас с трона. Чтобы Убервальд и дальше оставался темным и невежественным. Если бы вы не согласились отречься от престола, началась бы война, а если бы согласились, Альбрехт получил бы поддельную Лепешку.

– Что еще тебе известно?

– Подделка была сделана в Анк-Морпорке. Мы на это большие мастера. Я думаю, кто-то приказал убить изготовителя, но остальное я выясню, только когда вернусь. А я ведь выясню.

– Вероятно, в твоём городе работают действительно хорошие мастера, если им удалось обмануть Альбрехта. И как, по-твоему, у них это получилось?

– Вы хотите знать правду, ваше величество?
– Несомненно.
– Возможно, в этом был замешан сам Альбрехт. Мой старый сержант всегда повторял: «Ищи, в чем навар».
– Ха! А кто сказал: «Где стражник, там и преступление»?
– Я, ваше величество, но...
– Давай же поточнее выясним, в чем преступление. По-моему, у Ди было достаточно времени на раздумья.

Дверь открылась. В комнату вошел дегустатор идей с гномьим топором. Это был горный топор, острый конец которого предназначался для изысканий, а обычное лезвие – для тех, кто пытался этому помешать.

– Ди, прикажи стражникам войти, – сказал король. – И пригласи молодого гнома его превосходительства. Это должны увидеть все.

«О боги, – подумал Ваймс, заметив, как изменилось лицо Ди, когда остальные вошли в комнату. – Прямо как по уставу. Каждый стражник сталкивался с подобными ситуациями. Ты даешь понять, что знаешь о провинности, но не уточняешь, о какой именно. И не показываешь, как много ты знаешь, а чтобы вывести из равновесия, говоришь нарочно тихим голосом...»

– Ди, положи руки на Лепешку.

Ди быстро развернулся.

– Ваше величество?

– Положи руки на Лепешку. Выполняй. Немедленно.

«...Угроза должна находиться на виду, но ты ее как будто игнорируешь. Потому что за тебя уже работает их воображение. Оно всю измывает над своими хозяевами. А ты лишь нагнетаешь обстановку, пока они не сломаются или, как выражалась моя классная руководительница, пока не почувствуют, что в башмаках стало мокро».

И самое главное, на теле подопытного не остается никаких следов пыток.

– А теперь расскажи мне о смерти свечного капитана Длиннопала, – велел король, после того как Ди, предчувствуя дурное, опасно коснулся Лепешки.

– О, как я уже сообщал, ваше величество, он... – торопливо заговорил дегустатор идей.

– Ди, если ты не будешь держать руки прижатыми к Лепешке, их прижмут. Начинай сначала.

– Я... он... покончил с собой, ваше величество. Не вынес позора.

Король взял в руки топор и повернул его острым концом вверх.

– Еще раз.

Ваймс услышал частое дыхание Ди.

– Он покончил с собой, ваше величество!

Король улыбнулся Ваймсу.

– Существует старый предрассудок, ваше превосходительство, будто бы Лепешка, содержащая, как считается, частицу истины, раскаляется докрасна, если человек, касающийся ее, врет. Сомневаюсь, конечно, что в наше время кто-то верит в подобную чепуху.

Он повернулся к Ди.

– А ну-ка, еще раз... – прошептал король. Топор дрогнул в его руке, и на острой кромке заплясал отраженный свет свечей.

– Он покончил с собой! Правда!

– О да. Спасибо, – кивнул король. – Кстати, Ди, ты помнишь тот эпизод, когда Слограм послал Железному Молоту ложную весть о смерти Кровавого Топора в бою? После чего Железный Молот от горя покончил с собой? Кто был в этом виноват?

– Слограм, ваше величество, – мгновенно ответил Ди.

Дегустатор идей не раздумывал ни секунды – судя по всему, этот ответ долбили в его голову еще в детстве, на школьных уроках.

– Именно.

Король позволил этому слову немного повисеть в воздухе и только потом продолжил:

– А кто приказал убить ремесленника в Анк-Морпорке?

– Ваше величество? – сказал Ди.

– Кто приказал убить ремесленника в Анк-Морпорке? – Голос короля не изменился. Остался утешающе-певучим. Король говорил так, словно мог вечно повторять один и тот же вопрос.

– Я ничего не знаю...

– Стража, прижать его руки к Лепешке, да поплотнее.

Стражники подошли ближе. Каждый схватил Ди за руку.

– Еще раз, Ди. Кто приказал убить ремесленника?

Ди стал извиваться так, словно его ладони жгло жаркое пламя.

– Я... Я...

Ваймс заметил, как побелела кожа на руках гнома, когда тот попытался оторвать ладони от Лепешки.

«Но это же подделка! Я готов поклясться, что настоящую Лепешку он уничтожил. Он не может не знать, что это подделка. Просто кусок гипса, внутри, наверное, еще влажный! – Ваймс заставил себя думать быстрее. – Настоящая Лепешка хранилась в пещере, верно? А хранилась ли? Если нет,

то где она находилась? Вервольфы считали, что у них подделка, и я ни на секунду не спускал с нее глаз...» Думать мешал плавающий в голове туман, вызванный страшной усталостью.

Однажды Ваймс почти поверил в то, что настоящая Лепешка содержится в Музее гномьего хлеба. По крайней мере, там она была в безопасности. Никто не станет воровать то, что все считают подделкой. Все это дело было одним большим Пятым Слоном. Сплошной туман. Все не то, чем кажется.

Какая же Лепешка *настоящая*?

– Кто приказал убить ремесленника, Ди? – повторил король.

– Не я! Я лишь сказал, что нужно принять меры! Для сохранения нашей тайны!

– И кому ты это сказал?

– Я могу назвать имена!

– Потом назовешь. Уж это я тебе обещаю, мой мальчик, – улыбнулся король. – А вервольфы как отреагировали?

– Это баронесса предложила убить его. Я правду говорю!

– Убервальд – для вервольфов. Ну да, конечно... «Радость через силу», так сказать. Полагаю, они тебе много обещаний надавали. Можешь снять руки с Лепешки. Не хочу тебя больше мучить. Но почему? Мои предшественники так хорошо отзывались о тебе, у тебя была власть, было влияние... И вдруг ты становишься пешкой в лапах вервольфов. Как ты мог?

– А как *они* могут? – спросил Ди дрожащим от напряжения голосом.

Король бросил взгляд на Ваймса.

– Они? Полагаю, вервольфы еще горько пожалеют о том, что...

– Да не *они*! А эти... в Анк-Морпорке! В косметике, платьях и... и всяких отвратительных вещах! – Ди показал пальцем на Шелли. – *Ха'ак!* Глаза б мои не видели! И вы позволили *ей*... – Ваймсу не приходилось слышать, чтобы это слово произносили с такой злобой, – выставять себя напоказ *здесь*! И это происходит повсюду, потому что гномы потеряли свою силу, утратили способность подчиняться, начали нарушать традиции! Отовсюду поступают донесения. *Они* уничтожают все гномье своими... своими мягкими одеждами, своей краской, своим непристойным образом жизни. Как вы, король, можете допускать все это? Они занимаются этим повсюду, а вы ничего не предпринимаете! Почему *им* все дозволено? – Ди разрыдался. – А *мне* – нет.

Ваймс, к своему немалому удивлению, заметил, что Шелли украдкой смахивает слезы.

– Понятно, – промолвил король. – Полагаю, это вполне сойдет за объяснение. – Он кивнул стражникам. – Уведите... ее. Эта проблема может подождать пару дней.

Шелли вдруг отдала честь.

– Разрешите уйти с ней, ваше величество?

– Скажи на милость, ради чего, юная... гном?

– Я думаю, ей захочется с кем-нибудь поговорить, ваше величество. Мне бы точно захотелось.

– Правда? Что ж, по-моему, у твоего командира нет возражений. Ступай.

Когда стражники увели нового арестанта с его новым консультантом, король устало откинулся на спинку кресла.

– Ну, ваше превосходительство?

– Это настоящая Лепешка?

– А ты сомневаешься?

– Ди сомнева... лась!

– Ди находится в несколько сложном душевном состоянии. – Король задумчиво посмотрел на потолок. – Наверное, мне стоит сказать тебе это хотя бы для того, ваше превосходительство, чтобы ты больше не тратил время на бессмысленные расспросы. Да, это настоящая Лепешка.

– Но как...

– Не перебивай! Как и та, которую измельчила в пещере обезумевшая Ди, – продолжал король. – Как и те... сейчас подсчитаю... пять Лепешек, которые существовали до того. Полторы тысячи лет прошло, а она все как новая? Гномы – такие романтики! Даже самый качественный гномий хлеб живет максимум несколько сотен лет.

– Подделки? – удивился Ваймс. – Все они были подделками?

Король вдруг схватил свой топор.

– Господин Ваймс, это мой фамильный топор. Он принадлежит моей семье почти девятьсот лет, понятно? Конечно, пару раз меняли лезвие. Несколько раз – топорище. Меняли конструкцию металлических частей, подновляли узоры... но разве от этого он перестал быть девятисотлетним фамильным топором? Лишь *благодаря* тому, что он изменялся вместе со временем, он все еще остается хорошим топором. Понимаешь? Очень хорошим. Хочешь сказать, этот топор – тоже подделка? – Король снова откинулся на спинку кресла. Ваймс вспомнил выражение лица Альбрехта.

– Так он *знал*.

– Да, конечно. Как и... верхушка гномьих старейшин. Это знание передается по наследству. Первая Лепешка рассыпалась в пыль через

пятьсот лет, когда правивший в то время король коснулся ее. Мой предок был стражником, который стал свидетелем этого события. Можно сказать, он получил крайне ускоренное продвижение по службе. Уверен, ты меня понимаешь. После этого... мы уже были готовы. А эта пропажа Лепешки... Так или иначе, лет через пятьдесят нам пришлось бы искать новую Лепешку. Я даже рад, что эта Лепешка была изготовлена в великом гномьем городе Анк-Морпорке, и не удивлюсь, если она прослужит нам долго. Посмотри, как хорошо получились эти ягоды.

– Но Альбрехт мог вас разоблачить!

– А что именно тут разоблачать? Он ведь не король, но я очень удивлюсь, если по прошествии некоторого времени кто-нибудь из его рода не сядет на трон. Как выражаются Игори: «Что посеешь, то и пришьешь».

Король наклонился к Ваймсу поближе.

– Полагаю, тебя ввели в некоторое заблуждение. Ты считаешь Альбрехта плохим гномом только потому, что ему не нравится Анк-Морпорк и он придерживается... старомодных взглядов. Но я знаю его уже двести лет. Он честен и благороден... чего не скажешь обо мне. Пятьсот лет назад он стал бы превосходным королем. Сегодня, возможно, нет. Возможно, ха, топору моих предков требуется иное топорище. И сейчас король – я, и он принимает это всем своим сердцем, потому что иначе не смог бы считать себя гномом. Конечно, он будет осуждать каждое мое действие. Должность короля-под-горой – непростая работа. Но если прибегнуть к помощи одной из ваших метафор, все мы плывем в одной лодке. Мы можем иногда пытаться столкнуть друг друга за борт, но только такому маньяку, как Ди, может прийти в голову проделать в днище дыру.

– А капрал Задранец считала, что вы находитесь на пороге войны, – неуверенно произнес Ваймс.

– Ну, горячие головы всегда найдутся. Мы можем спорить, кто должен сидеть у руля лодки, но не можем отрицать, что отправились в очень важное плавание. Что ж, вижу, ты устал. Пусть же твоя добрая супруга отвезет тебя домой. Один лишь вопрос на дорожку. Что хочет Анк-Морпорк, ваше превосходительство?

– Анк-Морпорк хочет знать имена убийц, – откликнулся Ваймс.

– Нет, этого хочет командор Ваймс. А что хочет *Анк-Морпорк*? Золота? Зачастую все сводится именно к золоту. Или, может, вы нуждаетесь в железе? Вы используете много железа.

Ваймс заморгал. Его мозг как будто взял и отключился. Сил совсем не осталось. Он даже сомневался, что сумеет встать.

И тут он вспомнил слово.

– Жир, – тупо произнес он.

– Ага, так вам нужен Пятый Слон. Ты уверен? У нас есть хорошее железо. Железо делает тебя сильным, а жир – всего лишь скользким.

– Жир, – настаивал на своем Ваймс, чувствуя, как вокруг смыкается тьма. – Много жира.

– Хорошо, согласен. Цена – десять анк-морпоркских центов за баррель. А теперь, ваше превосходительство, когда я узнал тебя поближе, думаю...

– Пять центов за баррель топленого жира первого сорта, три цента за баррель жира второго сорта, десять центов за баррель твердого жира. Плюс ваша доставка до Анк-Морпорка, – протараторила Сибилла. – Весь жир должен происходить из штолен в Шмальцбергской излучине, вес – по шкале Ломозуба. У меня имеются некоторые сомнения по поводу сроков хранения жира из месторождений Большого Бивня.

Ваймс пытался сосредоточить взгляд на жене. Она почему-то выглядела очень далекой.

– Что?

– Изучила кое-какие материалы, пока торчала в посольстве. Я имею в виду те блокноты. Извини.

– Мадам, вы хотите нас разорить? – воскликнул король, вскидывая руки.

– Хорошо. Мы готовы частично взять доставку на себя, – согласилась госпожа Сибилла.

– Клатч готов платить за первый сорт не меньше девяти центов, – возразил король.

– Да, но где этот клатчский посол? Почему-то я его здесь не вижу, – парировала Сибилла.

Король улыбнулся.

– К его превеликому сожалению, госпожа, он не женат на вас. Шесть, пять и пятнадцать.

– Шесть с понижением до пяти после двадцати тысяч. Три с половиной и не больше за второй сорт. За твердый жир могу предложить тринадцать.

– Приемлемо, но предложите четырнадцать за белый твердый жир, и я соглашусь на семь за светлый нутряной жир, который мы только начали разрабатывать. Из него получают вполне приличные свечи, уверяю вас.

– Увы, могу дать только шесть. До конца вы эти месторождения не проверили, и было бы разумным предполагать в них высокое содержание воска и ГХТ, особенно на нижних уровнях. Кроме того, я думаю, что ваш

прогноз, касающийся этих месторождений, чересчур оптимистичен.

– Что еще за ГХТ? – пробормотал Ваймс.

– Горелые Хрусткие Твари, – расшифровала Сибилла. – В основном невероятно огромные древние животные. Хорошо прожаренные.

– Вы меня поражаете, госпожа Сибилла, – покачал головой король. – Вот уж не подозревал, что вы прошли курс обучения по добыче жира.

– Приготовление завтраков для Сэма способно многому научить, ваше величество.

– Ну, что на это может возразить простой король... Значит, шесть. Цена не подлежит пересмотру в течение двух лет... – Король заметил, что Сибилла собирается открыть рот. – Хорошо, согласен, в течение трех лет. Я благоразумный король.

– Оплата по доставке?

– Разве я могу вам отказать?

– Тогда договорились.

– Все бумаги будут подготовлены к утру и немедленно присланы вам. А теперь нам действительно пора расходиться, – сказал король. – Вижу, у его превосходительства выдался очень трудный денек. Зато очень скоро Анк-Морпорк будет буквально купаться в жире. Ума не приложу, зачем вам столько.

– Чтоб делать свет... – попытался было объяснить Ваймс, но темнота наконец одолела его, и он тихо провалился в радушные объятия сна.

Сэм Ваймс проснулся от запаха горячего жира.

Он весь был окутан чем-то мягким. Практически пленен.

Сначала он решил, что это снег, но снег не бывает таким теплым. Наконец он понял, что лежит на роскошных перинах посольской кровати, напоминающих по своей консистенции облака.

Разобравшись с этим, он снова принялся. Запах обладал... некоторыми интересными оттенками. В нем определенно присутствовал компонент подгорелости. Учитывая то, что гастрономические пристрастия Ваймса колебались от «хорошо прожаренного» до «кремированного», запах был весьма многообещающим.

Ваймс перевернулся на бок и немедленно об этом пожалел. Каждая мышца принялась выражать бурные протесты. Он замер и стал ждать, когда погаснет разгоревшееся в спине пламя.

Обрывочные воспоминания о последних двух днях постепенно соединялись в общую картину. Пару раз он поморщился. Неужели он и в самом деле вот так вот выскочил из-под льда? Неужели Сэм Ваймс и

вправду вступил в схватку с вервольфом, который способен был завязать его меч узлом? Неужели Сибилла действительно выторговала столько жира у короля? И...

Ладно, главное – сейчас он лежит в мягкой теплой постели и, судя по запахам, завтрак вот-вот будет готов.

Еще одна часть воспоминаний заняла в голове надлежащее место. Ваймс застонал и заставил себя спустить ноги с кровати. Нет, Вольфганг никак не мог остаться в живых.

Не одеваясь, он прошлепал босыми ногами в ванную комнату и крутанул огромные краны. В ванну хлынула горячая пахучая вода.

Буквально через минуту он вытянулся в ванне в полный рост. Вода была чересчур горячей, но он слишком хорошо помнил снег. Наверное, он теперь будет мерзнуть до конца дней своих...

Вода смыла боль с тела.

Кто-то постучал в дверь.

– Сэм, это я.

– Сибилла?

Она вошла с двумя очень большими полотенцами и чистой одеждой.

– Приятно видеть тебя бодрым. Игорь жарит сосиски, хотя ему это очень не нравится – он убежден, что сосиски нужно варить. А еще он решил приготовить паровой пирог, фиккун из морского окуня и Сдавленный Пудинг. Мне не хотелось, чтобы продукты пропадали. Вряд ли мы задержимся тут до окончания празднования.

– Понимаю, что ты имеешь в виду. Как Моркоу?

– Он отказался есть сосиски.

– Что? Он ведь... Он уже встает?

– По крайней мере, сидит. Игорь – просто чудо. Ангва говорила, что перелом очень сложный, но Игорь соорудил какой-то механизм, и... Моркоу даже не пришлось подвязывать руку!

– Судя по всему, такого человека очень полезно иметь рядом, – согласился Ваймс, натягивая свои цивилизованные штаны.

– По словам Ангвы, Игорь устроил в подвале ледник, где хранит в банках всякие... Скажем так. Он спросил, не желаешь ли ты на завтрак жареную печенку с луком, и я ответила, что нет.

– Но я люблю жареную печенку с луком, – запротестовал Ваймс, потом немножко подумал и добавил: – По крайней мере, любил. Раньше.

– По-моему, король тоже хочет, чтобы мы уехали. Но из вежливости не говорит об этом. Рано утром приходили очень вежливые гномы с кучей документов.

Ваймс мрачно кивнул. Все правильно. Будь он на месте короля, то постарался бы, чтобы этот Ваймс поскорее убрался отсюда. «Примите мою искреннюю благодарность, мы заключили выгодный торговый договор, очень жаль, что вам пора уезжать, обязательно приезжайте еще, только не слишком спешите...»

Именно о таком завтраке он и мечтал. С аппетитом поев, Ваймс пошел навестить больного.

Моркоу был бледным, с серыми мешками под глазами, но с улыбкой на губах. Он сидел на кровати ипил жировик.

– Приветствую вас, господин Ваймс. Значит, мы победили?

– А Ангва тебе ничего не рассказывала?

– Госпожа Сибилла сказала, что она ушла куда-то с волками, когда я еще спал.

Ваймс поведал ему о событиях прошлой ночи со всеми подробностями, какие только смог вспомнить.

Выслушав его, Моркоу покачал головой:

– Гэвин был очень благородным животным. Мне очень жаль, что он погиб. Думаю, мы стали бы хорошими друзьями.

«И ты говоришь это совершенно искренне, – подумал Ваймс. – Уж я-то знаю. Но для тебя все закончилось благополучно, не так ли? А если бы все повернулось по-другому? Если бы Гэвин первым бросился на Вольфганга? Тогда вместе с этим гадом в пропасть улетел бы ты. И все же... погиб именно Гэвин. Если бы ты был игровой костью, то всегда выкидывал бы шестерку».

Хотя игральные кости сами себя не бросают. Если бы это не противоречило всему тому, что Ваймс хотел считать истинным в этом мире, он бы сейчас уверовал, что людьми руководит некая судьба. И боги всегда помогают людям. На самом же деле эти боги где-то шлялись, пока злая судьба бродила по миру и ломала всяких бедняг о свое колено...

Вслух же он произнес:

– Бедняга Гаспод тоже свалился в пропасть.

– Что? Он-то как влез в эту драку?

– Э... Скажем так. Благодаря Господу достоинство нашего врага сильно пострадало. Настоящий уличный боец.

– Бедняга... В душе он был очень добрым песиком.

Ну вот опять. Произнеси эти слова кто-то другой, они показались бы банальными и глупыми. Но Моркоу сказал их правильно, так, как нужно.

– А как дела у Тантони? – поинтересовался Ваймс.

– По словам госпожи Сибиллы, он ушел рано утром.

– Ничего себе! А ведь Вольфганг играл в «крестики и нолики» на его груди!

– Игорь мастерски работает иглой, сэр.

Через некоторое время погруженный в мысли Ваймс вышел в каретный двор. Игорь уже грузил багаж.

– Э... Ты который из них? – уточнил Ваймс.

– Игорь, герр мафтер.

– А, понятно. Э... Игорь, ты доволен своей жизнью здесь? Нам такой человек, как ты, очень пригодился бы в Страже. Честно говорю.

Игорь воззрился на него с крыши кареты.

– В Анк-Морпорке, герр мафтер? Ничегойт фебе. Да вфе только мечтайт езжать Анк-Морпорк, герр мафтер. Очень манящее предложение. Но здефь я нужней, ваше превофходительфтва. Должен готовийт дом к приезду фледующего превофходительфтва.

– О, конечно...

– Тем не менее фоверженно по флучаю мой племянник Игорь ифкайт работу, герр мафтер. В Анк-Морпорке он будет чувфтвовайт фебя хорошо. Флишком модный для Убервальда, найн фомнений.

– А хороший парень-то?

– Фердце у него нужный мефто. Это я точно знавайт, герр мафтер.

– Вот и здорово. Тогда сообщи ему об этом. Мы хотим уехать как можно скорее.

– Он будет так радовайтфя, герр мафтер! Я флыхайт, в Анк-Морпорке тела буквально улица валяйтфя. Любой, кто хочет, забирайт!

– Ну, ну. Не настолько там все плохо.

– Правда? Что поделайт, невозможно получайт вфе и фразу. Я быфтро-быфтро фообщайт ему. – И Игорь, несмотря на свою хромоту, как будто испарился в воздухе.

«Интересно, почему они все хромают? – подумал Ваймс. – Может, у них одна нога короче другой? Либо это, либо они совершенно не умеют выбирать обувь».

Он присел на ступени дома и выудил из кармана сигару. Вот, значит, как... Опять треклятая политика. Всегда либо треклятая политика, либо треклятая дипломатия. Треклятая ложь в ладно пошитой одежде. Стоит только на пару дней уйти с улиц, как преступники начинают просачиваться сквозь пальцы. Король, леди Марголотта и Витинари... они каким-то образом умели видеть всю картину целиком. На свой счет Ваймс особо не обольщался: он всегда был и останется человеком, способным видеть только маленькие картинки. Ди была очень нужной гномихой, поэтому она

отделается каким-нибудь легким наказанием, пара недель на хлеболомнях – или куда их там ссылают за плохое поведение? Кроме того, она ведь уничтожила всего-навсего очередную подделку. А значит, ни в чем не виновата.

Или виновата?

Она-то считала, что совершает гораздо более тяжкое преступление. А в личной галерее маленьких картинок Сэма Ваймса это кое-что да значило.

Тогда как насчет баронессы никаких сомнений нет. Из-за нее погибли люди. Что же касается Вольфганга... Некоторые рождаются преступниками. Это вовсе не преувеличение. Что бы они ни делали, все становится преступлением – только потому, что это делают они.

Ваймс выпустил струю дыма.

Смерть для таких вот тварей слишком простой выход. Нельзя позволять им выкручиваться так легко.

Интересно, он все-таки погиб... или нет?

Сибилла сказала, что волки осмотрели оба берега на много миль вниз по течению. Не обнаружили даже запаха. А дальше начинались пороги, за которыми находился еще один водопад. Если Вольфганг не погиб сразу, то потом он должен был сильно пожалеть об этом.

Если, конечно, он поплыл вниз по течению... А если вверх?

Нет, он не мог. Никто не способен заплыть вверх по водопаду...

Неприятный холодок пробежал по спине Ваймса. Любое разумное существо немедленно постаралось бы покинуть эту страну. Вольфганга искали волки. И Тантони вряд ли вспоминал о нем с любовью. И если Ваймс правильно понял короля, гномы тоже готовили вервольфам пару сюрпризов.

Вся беда заключалась в том, что если представить себе человека разумного, а потом попытаться наложить этот образ на Вольфганга... ты не получишь ни *единого* совпадения.

Есть одна старая пословица: пес всегда возвращается к своей блевотине, а дурак – к своей глупости. Значит, и Вольфганг, совершив круг, обязательно вернется.

Ваймс встал и осторожно огляделся по сторонам. Никого. С улицы доносились обычные звуки: чей-то смех, звон сбруи, стук лопаты по бульжникам, сгребавшей выпавший за ночь снег.

Прижимаясь к стене, Ваймс вернулся в посольство и прокрался к лестнице, заглядывая по пути в каждый дверной проем. Потом он рысцой пересек широкую прихожую, исполнил кувырок-перекат и оказался у дальней стены.

– Что-нибудь случилось, сэр? – спросила Шелли, с удивлением наблюдавшая за ним с лестницы.

– Э... Ты ничего необычного не замечала? – в ответ спросил Ваймс, машинально отряхиваясь. – Учти, я понимаю свой вопрос. Мы сейчас говорим о доме, в котором обитает Игорь.

– Не могли бы вы хотя бы намекнуть, сэр?

– Я говорю о Вольфганге, неужели не понятно?

– Но он ведь погиб, сэр! Или нет?

– Не совсем!

– Э... И что я должна сделать?

– Где Детрит?

– Начищает шлем, сэр, – отрапортовала Шелли, уже начиная паниковать.

– Почему он тратит время на всякую ерунду?

– Э-э... Потому что через десять минут мы должны выезжать на коронацию, сэр.

– Ах да...

– Госпожа Сибилла приказала мне найти вас, сэр. Весьма *характерным* тоном, сэр.

В этот момент из коридора донесся громовой голос госпожи Сибиллы:

– Сэм Ваймс! А ну, немедленно иди сюда!

– Вот таким, – услужливо подсказала Шелли.

Ваймс поплелся в спальню, где обнаружил госпожу Сибиллу в очередном голубом платье, тиаре и с решительным выражением на лице.

– А нам обязательно так наряжаться? – спросил он. – Я думал просто надеть чистую рубашку...

– Твой парадный мундир висит в гардеробной, – сказала Сибилла.

– Вчера был такой утомительный день...

– Это *коронация*, Сэмюель Ваймс, на нее в чем попало не приходят. Одевайся, и побыстрее. Не забудь шлем с плюмажем. Шлем. С плюмажем. Запомнил?

– Только не красные рейтузы, – взмолился Ваймс, надеясь на чудо. – Умоляю.

– Даже слушать не хочу.

– Они топорщатся на коленях... – пробормотал Ваймс, но это был последний стон побежденного.

– Я позову Игоря, чтобы он тебе помог.

– Большое спасибо, дорогая. Если я не смогу самостоятельно надеть штаны, значит, я уже мертв.

Ваймс торопливо одевался, прислушиваясь... ко всему. Вдруг откуда-то не оттуда донесется подозрительный скрип?

По крайней мере, это был мундир стражника, пусть даже в его комплект входили башмаки с пряжками. Самое главное, в этот же комплект входил меч. А вот герцогу, согласно этикету, меч не полагался, что всегда казалось Ваймсу поразительно глупым. Ты всю жизнь сражаешься на войнах, наконец получаешь герцогское звание, а потом у тебя отбирают то, чем ты сражался.

Из спальни донесся звон стекла, и уже в следующее мгновение в комнату ворвался Ваймс с обнаженным мечом. Сибилла с удивлением воззрилась на своего мужа.

– Я просто уронила пробку от флакона с духами. Сэм, что с тобой происходит? Его тут нет и быть не может. Даже Ангва это говорит. Он, наверное, за много миль отсюда и в таком состоянии, что ему сейчас не до нас! С чего ты так нервничаешь?

Ваймс опустил меч и попытался успокоиться.

– Потому что наш милый Вольфганг – тот еще шалунишка, дорогая. Уж я-то навидался подобных типов. Любой нормальный человек, получив взбучку, предпочитает скрыться. Или, по крайней мере, ему хватает ума затаиться. Но иногда ты сталкиваешься с людьми, которые не умеют признавать свое поражение. Какой-то слабак вдруг бесстрашно бросается на Детрита. Злобные мелкие мерзавцы делают «розочку» о край трактирной стойки и пытаются атаковать пятерых стражников сразу. Ты понимаешь, о ком я говорю? Об идиотах, которые продолжают драться, хотя уже давно пора остановиться, И единственный способ вывести их из игры – это убить.

– По-моему, я понимаю, каких людей ты имеешь в виду, – сказала госпожа Сибилла с легкой иронией, смысл которой Сэм Ваймс понял только через несколько дней.

Она сняла пушинку с его плаща.

– Он вернется, – пробормотал Ваймс. – Я это нутром чую.

– Сэм?

– Да?

– Ты уделишь мне пару минут своего внимания? Пусть Ангва беспокоится о Вольфганге, а мне очень нужно поговорить с тобой спокойно, пока ты не гоняешься за вервольфами.

Она произнесла это так, словно журила его за какой-то мелкий недостаток, как журила за то, что он часто оставлял свои башмаки на самом проходе, где о них постоянно спотыкались.

– Вообще-то... Это они гонялись за мной, – уточнил Ваймс.

– Всегда найдутся люди, которых вдруг обнаружат мертвыми или которые попытаются тебя убить...

– Знаешь, дорогая, я их об этом не прошу.

– Сэм, у меня будет ребенок.

Мысли Ваймса были заняты вервольфами, и автоматическая цепь уже готова была замкнуться и выдать нечто вроде: «Ну конечно, дорогая», или «Выбери тот цвет, который тебе нравится», или «Я попрошу кого-нибудь с этим разобраться». К счастью, его мозг обладал мощным инстинктом самосохранения и вовсе не хотел оказаться в черепе, проломленном прикроватной лампой. Поэтому он написал слова Сибиллы перед внутренними глазами Ваймса раскаленными добела словами, а сам поспешил ретироваться.

– Что? Как? – слабым голосом вякнул командор Сэмюель Ваймс.

– Нормальным способом, я надеюсь.

Ваймс тяжело опустился на кровать.

– Но... не прямо сейчас?

– Нет, чуточку погодя. Ошибки быть не может. Госпожа Контент твердо в этом уверена, а она работает повитухой вот уже пятьдесят лет.

– О. – Некоторые функции мозга начинали восстанавливаться. – Хорошо. Просто... здорово.

– Вероятно, тебе нужно время, чтобы подумать над этим.

– Да. – Вспыхнул еще один нейрон. – Э... Но все будет в порядке, правда?

– Что ты имеешь в виду?

– Э... Ты слегка... Ты же не... Ты...

– Сэм, моя семья долгие века плодилась, чтобы плодиться. Это аристократическая традиция. Ну конечно, все будет в порядке.

– О. Здорово.

Ваймс сидел и смотрел в пустоту. Его голова казалась морем, которое только что расступилось в стороны перед каким-то пророком. На месте бывшей кипучей деятельности остался лишь голый песок, на котором трепыхались рыбки. Но огромные крутые волны по обе стороны уже готовы были обрушиться и затопить города на сотни миль вокруг.

Снова зазвенело стекло, теперь уже на нижнем этаже.

– Сэм, там Игорь. Он, наверное, что-то уронил, – объяснила Сибилла, заметив встревоженное лицо Ваймса. – И нечего так беспокоиться. Просто разбился какой-нибудь бокал.

Вдруг до них донеслось рычание, а потом – резко оборвавшийся крик.

Ваймс вскочил на ноги.

– Запри за мной дверь и придвинь к ней кровать! – У двери он на мгновение задержался. – Главное, не перенапрягайся! – добавил он и бросился к лестнице.

Вольфганг уже пересекал прихожую.

На сей раз он выглядел иначе. Волчьи уши торчали из сохранившей человеческую форму головы. На шее и плечах появились похожие на гриву полосы. Голая, заляпанная кровью кожа периодически сменялась облезлой шкурой.

Остальные его части... словно бы никак не могли решить, во что им превратиться. Одна рука, например, пыталась стать лапой.

Ваймс потянулся за мечом, но вспомнил, что оставил его на кровати. Он принялся лихорадочно шарить в карманах. Там должна быть одна штукавина – он точно брал ее с туалетного столика...

Наконец его пальцы наткнулись на искомое, и он стремительным движением выхватил значок из кармана.

– Стоять! Именем закона!

Вольфганг уставился на него одним желтым глазом. Второй глаз вервольфа представлял из себя кровавое месиво.

– Привет, Цивилизованный, – прорычал он. – Ты ждал меня, да?

Он нырнул в коридор, ведущий к комнате, где лежал раненый Моркоу. Ваймс бросился следом и успел заметить, как когтистые пальцы вонзились в дверь и мгновенно сорвали ее с петель.

Моркоу потянулся к мечу...

А потом Вольфганг отлетел назад – в него всем своим весом врезалась Ангва. Они упали на пол коридора и покатались прочь комом шерсти, когтей и зубов.

Когда вервольф дерется с вервольфом, любой облик обладает своими преимуществами. Извечное соревнование – кто победит: руки или когти? И каждый облик живет собственной жизнью – очень опасная черта, ведь чуть ослабишь контроль, и это может привести к непредвиденным последствиям. К примеру, кошка инстинктивно прыгает на все, что шевелится, но эту ее реакцию едва ли можно назвать правильной, поскольку из движущегося объекта может торчать дымящийся фитиль. Разум вынужден бороться сразу с двумя телами: с собственным – за контроль и с телом врага – за выживание. Смешай все вместе и получишь, судя по шуму, четыре существа, которые сплелись в яростный клубок. Причем каждое существо не забыло привести с собой друзей. Ни один из которых не испытывал ко всем остальным участникам драки ни малейшего

расположения.

Чья-то тень заставила Ваймса резко повернуться. Детрит, облаченный в до блеска надраенные доспехи, положил Шматотворца на перила лестницы и начал прицеливаться.

– Сержант! Нет! Попадешь в Ангву!

– Никаких проблем, сэр, – откликнулся Детрит. – Енто их не убьет. А потом мы соберем куски, которые были Вольфгангом, подождем, пока они срastутся, дадим ему как следует по башке и...

– Если ты выстрелишь, его куски перемешаются с нашими. И это будут очень *маленькие* кусочки! *Опусти* свой треклятый арбалет!

Ваймс видел, что Вольфганг с трудом контролирует свой облик. Он застрял между волком и человеком, и Ангва успешно этим пользовалась. Она уворачивалась, извивалась... кусала в ответ.

Но все впустую. Его можно было только бить, а нужно было – убивать.

– Господин Ваймс! – Шелли отчаянно махала ему рукой из коридора, ведущего в кухню. – Идите сюда, быстрее!

Ее лицо было белым как мел. Ваймс толкнул в бок Детрита.

– Если они расцепятся, просто хватай его и держи, понял? Попробуй загнать его в угол.

Игорь лежал на полу кухни среди осколков стекла. Вольфганг, должно быть, сбил его с ног, а потом выместил на беспомощной жертве всю свою злобу. Лоскутный человек истекал кровью и был похож на разбитую о стену куклу.

– Мафтер... – простонал он.

– Шельма, ты можешь чем-нибудь ему помочь?

– Даже не представляю, с чего начать, сэр!

– Герр мафтер, не забывайте, что я говорю, хорошо?

– Э... Да... Что?

– Вы должны покладайте меня в подвальный ледник и фообщайт Игорю. Понимайте?

– Которому Игорю? – в отчаянии спросил Ваймс.

– Любому! – Игорь схватил Ваймса за рукав. – Передавайте: фердце у меня шалийт, но печень лучше не бывайт. Хороший разряд молнии приводийт мой мозг в работу. Игорь может забирайт моя правая рука, у него уже ефть кто хотейт ее. Толфтая кишка флужийт еще нефколько лет. Левый глаз не очень зорковатый, но какой-нибудь бедняга удовлетворяйт. Правое колено фовфем недавно вфтавляйт, оно новый. Фтарая госпожа Продзки, которая проживайт окраина, давно поджидайт мое тазобедро. Вы вфе запомнайт?

– Да, да, думаю, что все.

– Гут. И еще запоминайт... Что пофевайт, то и пришивайт...

Игорь обмяк.

– Он умер, сэ, – сообщила Шелли.

«Но скоро воскреснет и снова пойдет. Правда, на чужих ногах», – цинично подумал Ваймс, но вслух этого не произнес. Решил побереечь слишком мягкосердечную Шельму. Вместо этого он сказал:

– Можешь оттащить его в ледник? Судя по звукам, Ангва одерживает верх...

Он бегом вернулся в прихожую и застал там настоящий кавардак. Он с изумлением смотрел на происходящее. Ангва ухитрилась зажать голову Вольфганга под мышкой, разбежалась и со всей скорости воткнула его в деревянную колонну. Вольфганг закачался, а она сделала подсечку и сбила его с ног.

«Это я ее научил, – подумал Ваймс, увидев, как брат Ангвы тяжело рухнул на пол. – Научил драться грязно, вернее – *по-анк-морпоркски*».

Но Вольфганг тут же подпрыгнул, как резиновый мячик, перевернулся через голову и оказался у входной двери. Распахнув ее мощным пинком, он выскочил на улицу.

И... все. На некоторое время сцена замерла. Заваленная обломками мебели прихожая, влетающие в открытую дверь снежинки и рыдающая на полу Ангва.

Ваймс поднял ее. Кровь текла из дюжины ран. Ваймс как-то не привык рассматривать обнаженных девушек в непосредственной близости, поэтому лучшего диагноза он вынести не мог.

– Все в порядке, он ушел, – сказал Ваймс, поскольку надо было что-то сказать.

– Нет, не в порядке! Он заляжет на время, а потом вернется! Я его *знаю*! Куда бы мы ни уехали! Вы *видели* его! Он выследит нас и будет преследовать, пока не убьет Моркоу!

– Почему?

– Потому что Моркоу – мой!

По лестнице, с арбалетом Ваймса в руках, спустилась Сибилла.

– Бедняжка, – покачала головой она. – Иди-ка сюда. Сейчас мы найдем чем прикрыть тебя. Ваймс, неужели ты ничего не можешь сделать?

Ваймс изумленно уставился на нее. Весь вид Сибиллы выражал абсолютную уверенность в том, что он *может* что-то сделать.

Всего час назад он спокойно завтракал. Десять минут назад напяливал этот дурацкий мундир. В нормальной комнате рядом с женой. Это был

реальный мир с реальным будущим. И вдруг вернулась тьма, покрытая кровавыми пятнами ярости.

И он проиграет, если позволит себе дать слабину. Внутри его пронзительно визжал зверь, но Вольфганг был более свирепым зверем. Ваймс знал: ему, Ваймсу, недоставало ловкости, безумной, неистовой злобы; рано или поздно его мозг встрянет в драку, и это убьет его.

«Но может, – предложил мозг, – меня стоит задействовать с самого начала?»

– Да-а, – протянул Ваймс. – Да, может, и стоит...

«Огонь и серебро, – подумал он. – Но серебро найти в Убервальде достаточно трудно».

– Мне идти с вами, сэр? – спросил Детрит, умеющий чувствовать порывы начальства.

– Нет. Я... я всего-навсего собираюсь провести один арест. Никаких войн. В любом случае тебе лучше остаться здесь, если он вдруг надумает вернуться. Но ты можешь одолжить мне свой перочинный ножик.

Ваймс нашел в одном из разбитых ящиков простыню и оторвал длинную полосу. После чего взял у жены свой арбалет.

– Видишь ли, он только что совершил преступление. В Анк-Морпорке. Значит, он мой.

– Сэм, но мы не...

– Знаешь, мне так часто повторяли: ты не в Анк-Морпорке, ты не в Анк-Морпорке... Я даже поверил в это. Но это посольство и есть Анк-Морпорк, и в данный момент, – взмахнул арбалетом Ваймс, – я здесь закон.

– Сэм?

– Да, дорогая?

– Мне знаком этот взгляд. Постарайся, чтобы никто больше не пострадал, хорошо?

– Не волнуйся, дорогая. Я буду вести себя очень *цивилизованно*.

На улице он увидел гномов, которые обступили своего товарища, валявшегося в луже крови.

– Куда? – спросил Ваймс, и они, пусть даже не поняли его, поняли сам вопрос.

Сразу несколько гномов показали вдоль улицы.

Ваймс прижал к груди арбалет и на ходу раскурил тонкую сигару.

Сейчас ему было понятно, что делать. Он всегда чувствовал себя скованно, когда дело касалось политики, в которой хорошее от плохого отличалось лишь точкой зрения на один и тот же предмет – по крайней мере, так уверяли люди, занимавшие сторону, которую Ваймс неизменно

считал плохой.

В политике вечно все так запутанно... А если ты чувствуешь себя запутанным, значит, кто-то пытается тебя обдурить. Но на улицах, во время погони по горячим следам, все ясно и понятно. В конце погони кто-то один останется в живых, и главное – приложить все усилия к тому, чтобы этим кем-то оказался ты.

На углу он увидел перевернутую телегу и возницу, стоявшего на коленях у лошади с распоротым брюхом.

– Куда?

Кучер показал.

Ваймс выскочил на улицу, которая была широкой и оживленной, сквозь толпу медленно ехали элегантные кареты. Ну разумеется... коронация.

Но все это принадлежало миру герцога Анкского, а его в данный момент здесь не было. Был только Сэм Ваймс, который очень не любил коронации.

Впереди раздались крики, и вдруг навстречу Ваймсу устремился поток людей, поэтому он вынужден был, как лосось, двигаться против течения.

Улица привела его на широкую площадь, по которой в панике металась толпа. Это подсказало Ваймсу, что он следует в правильном направлении. Вольфганга можно было найти именно там, где больше никто не хотел оставаться.

Сбоку возникло какое-то движение, и мимо Ваймса пробежал отряд городских стражников. Вдруг отряд остановился, и один из стражников вернулся чуть назад. Это был Тантони.

Он оглядел Ваймса с головы до ног.

– Наверное, я должен поблагодарить вас за то, что вы сделали для меня прошлой ночью? – спросил он.

На его лице были видны свежие царапины, но они уже заживали.

«Нам *обязательно* нужен такой Игорь», – напомнил себе Ваймс.

– Да, – кивнул Ваймс. – Было хорошее, было и плохое.

– Теперь вы понимаете, что может случиться, если вы попытаетесь выступить против вервольфа?

Ваймс открыл было рот, чтобы сказать: «Капитан, на тебе вообще мундир или маскарадный костюм?», но вовремя прикусил язык.

– Немного не согласен. Такое, как правило, происходит, если ты идешь против вервольфа один на один. Без подмоги и огневой поддержки, – возразил он. – Рано или поздно все мы извлекаем этот урок. Из честности получают неважные доспехи.

Стражник покраснел.

– Кстати, что вы здесь делаете? – спросил Тантони.

– Наш лохматый приятель только что совершил убийство в посольстве, которое...

– Да, да, знаю... Является территорией Анк-Морпорка. Но здесь не ваша территория. Здесь стражник – я!

– Я преследую преступника по горячим следам, капитан. А... Насколько я вижу, тебе знаком этот термин.

– Я... я... К данной ситуации он неприменим!

– Правда? Каждому стражнику известны правила погони по горячим следам. В преследовании по горячим следам допускается пересечение границ юрисдикции. Конечно, уже после поимки преступника могут возникнуть всякие юридические заморочки, но давай поговорим об этом позже.

– Я арестую его сам! За совершенные сегодня преступления!

– Ты слишком молод, чтобы умирать. Кроме того, я первым его заметил. И вот что я скажу... После того как он меня убьет, у тебя будет возможность рискнуть. Это честно? – Он посмотрел Тантони прямо в глаза. – А теперь не мешай мне.

– Я могу вас арестовать.

– Вероятно, но до этого момента ты казался мне вполне разумным молодым человеком.

Тантони кивнул, чем и доказал правоту Ваймса.

– Хорошо. Как мы можем помочь?

– Вы очень мне поможете, если не будете путаться под ногами. Да вот еще что... Буду весьма признателен, если вы потом отскоблите меня от мостовой. Ну, если у меня ничего не получится.

Ваймс развернулся и двинулся прочь, чувствуя на своей спине пристальный взгляд Тантони.

В центре площади стояла скульптура, изображающая Пятого Слона. Древние мастера попытались запечатлеть в бронзе и камне именно тот момент, когда аллегорическое существо с грохотом рухнуло с неба, наградив страну богатейшими залежами полезных ископаемых. Вокруг стояли идеализированные и несколько грузные фигуры гномов и людей, которые, приняв величавые позы, сжимали в руках молоты и мечи. Вероятно, они олицетворяли Истину, Индустрию, Справедливость и, насколько понял Ваймс, Матушкины Домашние Жирные Блины. Вдруг он еще раз почувствовал, что находится очень далеко от дома – в стране, где никто не покрывает стоящие в общественных местах статуи

непристойными надписями.

На булыжниках, неуклюже раскинув в стороны руки и ноги, лежал какой-то мужчина, рядом на коленях стояла женщина. Она посмотрела на Ваймса полными слез глазами и что-то сказала по-убервальдски. Он смог лишь кивнуть в ответ.

Вольфганг спрыгнул с памятника Бездарному Ваятелю, приземлился в нескольких ярдах от Ваймса и усмехнулся.

– А, Господин Цивилизованный! Хочешь еще поиграть?

– Ты видишь значок, который я держу в руке?

– Слишком маленький!

– Но ты видишь его?

– Да, я вижу твой маленький значок! – Расслабленно болтая руками, Вольфганг начал прыгать из стороны в сторону.

– И я вооружен. Ты слышал? Я сказал, что вооружен.

– Этим-то жалким арбалетом?

– Но ты слышал, как я только что предупредил тебя, что вооружен, верно? – уточнил Ваймс, поворачиваясь, чтобы все время находиться лицом к вервольфу.

Он пару раз пыхнул сигарой, раскуривая ее получше.

– Да! И это ты называешь цивилизованным?

Ваймс усмехнулся.

– Да. Это наш образ жизни.

– Мой лучше!

– В общем, ты арестован, – заключил Ваймс. – Пошли, и не вздумай сопротивляться. Мы тебя надежно свяжем и передадим в руки того, кто тут ходит за правосудие. Понимаю, звучит смешно, но будем обходиться тем, что есть.

– Ха! Опять твое анк-морпоркское чувство юмора!

– Ага, и я уже вот-вот спущу штаны, чтобы показать тебе задницу. Итак, ты оказываешь сопротивление при аресте?

– К чему все эти глупые вопросы? – Вольфганг уже пританцовывал от нетерпения.

– Ты оказываешь сопротивление при аресте?

– Да, конечно! О да! Удачная шутка!

– В таком случае посмеемся вместе.

Ваймс отбросил арбалет в сторону и одним движением выхватил из-под плаща трубку. Она была сделана из картона, и из одного ее конца торчал красный конус.

– Это ж какой-то дурацкий фейерверк! – закричал Вольфганг и

бросился на Ваймса.

– Сейчас увидим... – пробормотал Ваймс. Он даже не попытался прицелиться. Эти штуки никогда не славились ни своей точностью, ни своей скоростью. Ваймс просто вынул изо рта сигару, прищурившись, глянул на стремительно приближающегося Вольфганга и сунул ее в запальное отверстие.

Заряд вспыхнул, трубка дернулась, и ракета медленно, как-то лениво, закладывая большую дымную дугу, устремилась вперед. Самое глупое оружие на свете – после карамельного копья, разумеется.

Вольфганг с усмешкой плясал под ракетой, а когда она пролетала над ним всего в нескольких футах, грациозно подпрыгнул и поймал ее зубами.

А потом ракета взорвалась.

Ракеты были устроены так, чтобы их вспышка была видна с расстояния двадцати миль. И Ваймс увидел ее даже сквозь плотно сжатые веки.

Когда тело, катящееся по булыжникам, остановилось, Ваймс окинул взглядом площадь. На него из карет смотрели люди. Толпа молчала.

Он мог бы многое сказать. Уместно было бы крикнуть: «Вот так тебе, сукин сын!» А еще: «Добро пожаловать в цивилизацию!» Или: «Ну что, вкусно?» И в конце концов просто: «Фас!»

Но Ваймс ничего такого не сказал. Ведь тогда он признался бы себе, что совершил... убийство.

Ваймс отвернулся, швырнул через плечо пустую трубку фейерверка и небрежно промолвил:

– Ну вот и все.

В такие моменты он особо жалел, что бросил пить.

Тантони смотрел на него.

– Лучше молчи, – предупредил Ваймс, не замедляя шага. – Иначе можешь сказать лишнее.

– Я думал, эти штуки летают гораздо быстрее.

– Я немножко подправил заряд, – пояснил Ваймс, подбрасывая и ловя перочинный нож Детрита. – Не хотел, чтобы кто-нибудь *пострадал*.

– Я слышал, как вы предупредили его о том, что вооружены. Я слышал, как он дважды отказался сдаться. Я все слышал. Я слышал все, что, по вашему мнению, должен был услышать.

– Да.

– Конечно, он мог не знать, что есть такой закон.

– Правда? А я не знал, что законы этой страны разрешают гонять по полям и лесам какого-нибудь бедолагу, измываться над ним. Можно даже

лишить его жизни... Только мое незнание никого не остановило. – Ваймс покачал головой. – И не смотри на меня таким обиженным взглядом. Да, теперь ты можешь сказать, что я поступил неправильно. Можешь заявить, что я должен был действовать иначе. Такие слова легко говорить *после*. Может, я и сам в будущем не раз их произнесу.

«К примеру, посреди ночи, – добавил он про себя. – Буду повторять всякий раз, когда проснусь, увидев в кошмарном сне эти безумные глаза».

– Но ты не меньше меня хотел его остановить. Да, да, хотел. Но не мог, потому что у тебя не было средств. А у меня были, и я смог. И сейчас ты можешь позволить себе роскошь судить меня только потому, что до сих пор жив. Вот тебе твоя истина, в красивой такой упаковочке. Наслаждайся.

Толпа расступалась перед Ваймсом. Он слышал, как люди настороженно перешептывались.

– С *другой* стороны, – сдержанно произнес Тантони, словно бы не слышал всего сказанного, – вы выстрелили из этой штуки, как бы предупреждая его...

– Что?

– *Совершенно* очевидный факт. Вы никак не могли предположить, что он инстинктивно попытается поймать... взрывчатку, – продолжал Тантони, как будто проговаривал вслух некую будущую речь. – Человек, приехавший из большого города, не мог знать о том, что вервольфам присущи некоторые собачьи повадки.

Ваймс долго смотрел ему в глаза, а потом похлопал по плечу.

– Ты абсолютно прав, парень.

Он двинулся дальше, но очень скоро вынужден был остановиться, когда прямо перед ним затормозила карета. Совершенно бесшумно, ни тебе звона сбруи, ни ударов копытами по булыжникам – Ваймс даже отпрыгнул в сторону.

Лошади были черными с черными султанами на головах, а карета на самом деле была катафалком с традиционными длинными окнами из черного дымчатого стекла. Кучер на катафалке отсутствовал как класс, а вожжи были небрежно завязаны на бронзовом поручне.

Дверь распахнулась. Из кареты выглянула закрытая вуалью голова.

– Ваше превосходительство? Позвольте подвезти вас до посольства. Вы выглядите таким уставшим.

– Нет уж, спасибо, – мрачно ответил Ваймс.

– Приношу извинения за излишнюю мрачность, – сказала леди Марголотта. – Но, думаю, в светле некоторых последних событий мой выбор вполне оправдан...

Ваймс вскочил на подножку и буквально ворвался в катафалк.

– Сейчас ты все мне расскажешь! – закричал он, потрясая пальцем у нее перед носом. – Как ему удалось взобраться вверх по водопаду? Насчет этого паскудника я готов поверить во что угодно, но даже он не был способен на такое!

– Это определенно загадка, – спокойным голосом ответила вампирша, когда карета без кучера двинулась с места. – Возможно, благодаря сверхчеловеческой силе?

– А теперь его нет, и счет стал один ноль в пользу вампиров, да?

– Лично я придерживаюсь мнения, что его смерть станет благом для всей страны. – Леди Марголотта откинулась на спинку дивана. Ее крыса с бантиком, сидящая на розовой подушечке, с подозрением смотрела на Ваймса. – Вольфганг был садистом и убийцей, атавизмом, приводящим в ужас даже собственную семью. Наконец-то Дельфина... извините, Ангва сможет обрести душевный покой. Я всегда считала ее очень умной дьевушкой. Она правильно поступила, когда решила покинуть эту страну. Теперь темнота станет менее пугающей. А мир – нъемного безопаснее.

– А все я, да? Преподнес вам Убервальд на блюдечке? – буркнул Ваймс.

– Не говорите глупости. Убервальд – огромная страна, а это лишь его малая часть. Но именно отсюда начнутся перьемы. Мы словно бы съделали глоток свежего воздуха.

Леди Марголотта достала из сумочки длинный мундштук и вставила в него черную сигарету. Сигарета зажглась сама собой.

– Подобно вам я нахожу утешение в... другом грехе, – сказала она. – Черный Скопани. Этот табак выращивают в полной тьмноте. Попробуйте как-нибудь. Его листьями можно крыть крыши. Насколько мне известно, Игори делают из нього сигары, раскатывая листья на собственных ляжках. – Леди Марголотта выпустила струйку дыма. – Ну, или еще на чьих-то. Конечно, я глубоко собольезную баронессе. Иногда мы не понимаем, что воспитываем чудовище, пусть даже это чудовище изначально вервольф. Что же касается барона, ему достаточно бросить косточку, и он ньесколько часов будьет счастлив. – Еще одна струйка дыма. – Позаботьтесь об Ангве. Среди умертвий счастливые браки так редки...

– Вы помогли ему! Как помогли мне!

– О, он все равно вьернулся бы. Рано или поздно. И вьернулся бы, когда вы мьеньше всего ожидали бы этого. Он выследьил бы Ангву как росомаха. К счастью, все закончьилось здесь и сейчас. – Она оценивающе

посмотрела на него сквозь клубы дыма. – А вы хорошо умеете сдерживать ярость, ваша светлость. Копите ее до нужного момента, а потом разом выплескиваете.

– Но вы не могли знать, кто из нас победит! Вы бросили меня посреди леса! Я даже не был вооружен!

– Хэвлок Витинари не послал бы в Убьервальд дурака. – Дым клубился в воздухе. – По крайней мере, *глупого* дурака.

Ваймс прищурился.

– Вы с ним когда-то встречались, да?

– Да.

– И именно вы научили его всему тому, что он сейчас знает.

Леди Марголотта выпустила дым из ноздрей и одарила его сияющей улыбкой.

– Прошу прощения? Вы думаете, это я научила его? Мой дорогой сэр... Вы интересовались моей выгодой, тем, что я получу в результате происшедших событий. Так вот, моя выгода – это... ньемного свободного пространства. Ньемного влияния. Политика куда интереснее крови, ваша светлость. И гораздо забавнее. Бойтесь переродившегося вампира, сэр, жажда крови – это всего лишь жажда, но при желании эту жажду можно направить в нужное русло. Убьервальду понадобятся политики. А, кажется, мы уже приехали, – вдруг заявила леди Марголотта, хотя Ваймс готов был поклясться, что она даже не пыталась выглянуть в окно.

Дверь открылась.

– Если мой Игорь еще здесь, перешлите ему, пожалуйста, что я буду ждать его в Ньижнем Здеце. Было так приятно повидаться с вами. Уверена, мы еще встретимся. И... сердечный привѣт лорду Витинари.

Дверь захлопнулась за Ваймсом. Карета отъехала.

Он тихо, но витиевато выругался.

В прихожей посольства Ваймс увидел толпу Игорей. Кое-кто почтительно приветствовал его, поднося ладони к... тому, что у многих из них заменяло лоб. Игори выносили из дома тяжелые железные контейнеры разных размеров, на крышках которых проступал иней.

– Что здесь происходит? – поинтересовался Ваймс. – Похороны Игоря? – А потом до него дошло. – О боги... Никто не уйдет обиженным, да? Каждый унесет с собой его частичку? Если не в сердце, то в мешке.

– Можно выражайтьфя и так, герр мафтер. В некоторый род это дейфтверительно похороны, – подтвердил один из Игорей. – Но мы фчитайт, хоронить тела земля – это отвращайтельно. Вфякие черви, личинки... – Игорь постучал по жестяной банке, которую держал под мышкой. – А так,

вы и глазом не успевайте моргать, как он уже снова бежит, – бодро сообщил он.

– Перевоплощение в рассрочку, да? – неуверенно произнес Ваймс.

– Очень фмешно, герр мафтер, – укоризненно произнес помрачневший Игорь. – Вы поражайте, фколько вфего нужно для людей. Фердце, печень, руки... Мы заводим целый фпифок, в котором перечифляют фамый важный флучай. Уже к вечеру в этих частях фтраны появляются много-много фчафтливых людей...

– Счастливых потому, что в них много-много этих вот частей?

– Правильно, герр мафтер. А вы имейте офтрый мозг, как наблюдайте. И ефли когда-нибудь какой-нибудь бедный человек зарабатывает тяжелую травму в голове... – Игорь многозначительно постучал по замороженной банке. – Что пофеваете, то и пришивайте.

Он кивнул Шелли, потом Ваймсу.

– Что ж, мне пора ходить, герр мафтер. Фтолько дел, впрочем, вам ли объяфняют.

– Могу себе представить... – кивнул Ваймс.

«Дедушкин топор... – подумал он. – И круговорот частей в природе. Всегда найдется какой-нибудь Игорь».

– На самом деле они абсолютно бескорыстны, сэр, – промолвила Шелли, когда, прихрамывая, удалился последний Игорь. – Делают много хороших дел. Э... Они унесли даже его костюм и башмаки. Сказали: может, кому пригодятся.

– Да я понимаю, но...

– А я понимаю вас, сэр. Все собрались в гостиной. Госпожа Сибилла была уверена, что вы обязательно вернетесь. Как она выразилась, человек с таким взглядом не может не вернуться.

– Мы все отправляемся на коронацию. Нужно довести дело до конца. Шельма, ты собралась идти вот в этом?

– Да, сэр.

– Но это же... обычная гномья одежда. Штаны и все прочее.

– Да, сэр.

– Ты можешь носить все, что хочешь.

– Да, сэр. Но я подумала о Ди. И я наблюдала за королем, когда он разговаривал с вами... Да, я могу носить все, что захочу, сэр. В этом-то все и дело. Я не обязана надевать платье, и я не должна носить его только потому, что кто-то там *не хочет*, чтобы я это делала. Кроме того, в этом платье я похожа на пучок салата.

– Шельма, это слишком сложно для моего понимания.

– Возможно, это понятно только гномам, сэр.
Ваймс распахнул двери в гостиную.
– Все закончилось.
– Никто больше не пострадал? – спросила Сибилла.
– Только Вольфганг.
– Он вернется, – уверенно сказала Ангва.
– Нет.
– Вы убили его?
– Я вывел его из игры. А, ты уже почти поправился, капитан?
Моркоу неуверенно поднялся на ноги и отдал честь.
– Извините, что от меня было мало толку, сэр.
– Ты просто выбрал не самое удачное время для честной игры. Ну, как ты себя чувствуешь? Поедешь с нами на коронацию?
– Э... Я хотел бы остаться здесь с Ангвой, если не возражаете, сэр.
Нам надо о многом поговорить. Многое... э... сделать.

Это была первая коронация, на которой присутствовал Ваймс. Он ожидал, что она будет... несколько более необычной. Больше похожей на триумф.

На самом деле церемония была весьма унылой, правда масштабно-унылой. Унылость была доведена тысячелетней историей до совершенства; у нее даже появился какой-то торжественный лоск, который, как правило, появляется даже на глубоко въевшейся грязи, если ее долго-долго полировать. Потом эту унылость чуть обстучали молотом и придали форму церемонии.

А еще всякая коронация – это серьезное испытание на емкость вашего мочевого пузыря.

Гномы по очереди зачитывали пассажи из древних свитков. Потом зазвучали отрывки, чем-то напоминающие Кобольдский цикл, и Ваймс уже было подумал, что их ждет очередная опера, но, к счастью, чтение продолжалось не более часа. Затем другие гномы что-то читали. В определенный момент королю, который одиноко стоял в озаренном свечами круге, поднесли кожаный мешок, небольшой горный топор и рубин. Ваймс не уловил смысла подношений, но, судя по дружному шуму, все они имели огромное значение для тысяч стоявших за королевской спиной гномов. Тысяч? Да что там, десятков тысяч! Амфитеатр был битком набит гномами, вплоть до самых верхних ярусов. А может, их были сотни тысяч...

...Тогда как сам Ваймс сидел в первом ряду. Их, четверых, просто привели сюда и усадили. Никто при этом не произнес ни слова, хотя

личность Детрита явно привлекла некоторое внимание. Со всех сторон их окружали длиннородые и богато одетые гномы старейшины.

«Кого-то чему-то пытаются научить, – подумал Ваймс. – Интересно, кому предназначается этот урок?»

Наконец внесли Лепешку, маленькую и серую. Тем не менее огромные носилки, на которых она покоилась, несли двадцать четыре гнома. Затем Лепешку с величайшим почтением водрузили на табурет.

Ваймс почувствовал, что атмосфера в пещере разом изменилась. «В ней нет никакой магии, никакой истории, – подумал он. – Готов поставить все свое жалованье, ее отлили из той же самой резины, что шла на изготовление „Сонки-Сверхзащита-Для-Всей-Семьи“. Вот такое почтение было оказано вашей святой реликвии...»

Снова начались чтения, но на сей раз докладчики закруглились довольно быстро.

Затем гномы, принимавшие участие в бесконечной и совершенно загадочной церемонии, ушли, оставив в центре пещеры короля, выглядевшего маленьким и одиноким, как сама Лепешка.

Гном окинул взглядом толпу. Естественно, он никак не мог разглядеть Ваймса – в таком полумраке да еще среди тысяч собравшихся, – хотя могло показаться, что на какой-то миг внимание короля задержалось на гостях из Анк-Морпорка.

А затем король сел.

Раздался вздох. Он становился все громче и громче, пока не превратился в ураган, составленный из дыхания целого вида. Он отражался эхом от каменных стен, пока не заглушил все остальные звуки.

Даже Ваймс проникся торжественностью ситуации. Он с некоторым страхом ждал, что Лепешка с секунды на секунду взорвется, развалится или раскалится докрасна. «Вот уж глупость, – возмущалась циничная, но заметно уменьшившаяся часть его „я“. – Ведь это же подделка, липа, нечто сделанное в Анк-Морпорке на заказ и уже стоившее жизни нескольким людям. Эта Лепешка ненастоящая! Она никак не может быть настоящей!»

Но, услышав всеобщий вздох, Ваймс вдруг понял: и все-таки она настоящая – для всех тех, кому необходимо было верить и чья вера была настолько сильна, что делала истину отличной от факта. Для всех собравшихся здесь гномов вчера, сегодня и завтра Лепешка была самой вещью и вещью в себе.

Уже почти добравшись до леска, что под водопадом, Ангва заметила, что шаг Моркоу стал увереннее и крепче. Моркоу шагал быстро и легко,

как будто не замечая веса лежащей на плече лопаты.

Снег был испещрен волчьими следами.

– Они не захотели оставаться, – сказала Ангва, углубляясь в лесок. – Его смерть потрясла их, но... волки всегда думают о будущем. Они стараются не помнить того, что осталось в прошлом.

– Везет же им, – заметил Моркоу.

– Просто они реально смотрят на вещи. Будущее для них заключается в следующей возможности поесть, в следующей встрече с опасностью. Твоя рука как, не болит?

– Ничуточки. Как новенькая.

Они нашли окоченевшее лохматое тело Гэвина у кромки реки. Моркоу вытащил его из воды, разгреб снег на покрытом галькой берегу и начал копать.

Через некоторое время он снял рубашку. Синяки на его теле уже почти прошли.

Ангва сидела, смотрела на воду и слушала удары лопаты о землю. Периодически, когда лопата натыкалась на корень дерева, Моркоу недовольно кряхтел. Потом она услышала, как что-то протащили по снегу, на некоторое время воцарилась тишина, после чего раздался шум песка и камней, сыпавшихся обратно в яму.

– Не хочешь сказать пару слов? – окликнул ее Моркоу.

– Ты слышал вой прошлой ночью. В подобных случаях волки воют, – ответила Ангва, по-прежнему глядя на воду. – Никаких слов тут не нужно.

– Тогда, может, просто помолчим?

Она резко повернулась.

– Моркоу! Ты не помнишь, что произошло прошлой ночью? Неужели тебя не волнует, кем я могу стать? Тебя что, совсем не беспокоит будущее?

– Нет.

– Но почему, черт возьми?

– Потому что оно еще не наступило. Нам пора возвращаться. Скоро стемнеет.

– А завтра что?

– Я хотел бы, чтобы ты вернулась в Анк-Морпорк.

– Зачем? У меня там нет будущего.

Моркоу пригладил землю на могиле.

– А здесь есть? Кроме того, я...

«Не смей говорить эти слова, – подумала Ангва. – Только не сейчас».

И вдруг они почувствовали присутствие волков. Волки крались, прячась за деревьями. Темные тени в тусклом вечернем свете.

– Они охотятся, – сказала Ангва, схватив Моркоу за руку.

– О, не волнуйся, на людей они не нападают. Если их не спровоцируешь.

– Моркоу?

– Да?

Волки подошли еще ближе.

– Я – не человек.

– Но вчера...

– Вчера все было иначе. Они помнили Гэвина. А *сейчас* я для них обычный вервольф...

Она увидела, что Моркоу внимательно следит за приближающимися хищниками. Шерсть у волков стояла дыбом. Они рычали. Шли как-то странно, боком, словно существа, чья ненависть с трудом пересиливала страх. В любой момент кто-то из них мог не выдержать, хрупкое равновесие нарушится, и тогда все будет кончено.

Но первым напал Моркоу. Он мертвой хваткой схватил первого волка за шею и хвост и начал трепать, пока тот пытался вырваться и щелкал зубами. Все эти отчаянные попытки вырваться привели лишь к тому, что Моркоу и волк клубком покатались по земле. Остальные волки предпочли отступить в сторонку. Наконец Моркоу удалось вцепиться волку в загривок. Тот жалобно взвыл.

Моркоу отпустил его, поднялся на ноги и обвел взглядом кольцо серых зверей. Волки опускали головы под его взглядом.

– Гм-м-м? – спросил он.

Лежавший на земле волк заскулил и с трудом встал на лапы.

– Гм-м-м?

Волк, поджав хвост, принялся пятиться, но потом остановился. Его с Моркоу словно бы связывала какая-то невидимая нить.

– Ангва? – позвал Моркоу, не спуская с волка глаз.

– Да?

– Ты умеешь говорить по-волчьи? Я имею в виду... в этом облике.

– Немного. Послушай, а как ты понял, что нужно поступить именно так?

– О, я часто наблюдаю за животными, – пояснил Моркоу. Видимо, он считал это достаточным объяснением. – Пожалуйста, скажи им... Скажи им, что, если они уйдут, я не причиню им вреда.

Ей удалось пролаять несколько слов. За прошедшие полминуты или даже меньше все изменилось. Теперь Моркоу писал сценарий.

– А сейчас скажи им, что я уйду, но могу вернуться. Как зовут вот

этого? – Он кивнул на съезжившегося от страха волка.

– Тот-Кто-Ест-Не-То-Мясо, – шепотом ответила Ангва. – Он был... стал вожаком после смерти Гэвина.

– Передай им, что я не возражаю, если вожаком останется он.

Волки внимательно наблюдали за Ангвой. Она знала, что они думают. Моркоу победил вожака. Значит, Все Улажено. У волков слишком мало умственного пространства, и там нет места неопределенности. Роскошь сомнения могут позволить себе только те виды, которые питаются когда хотят и где хотят. А волков от гибели отделяет ровно один прием пищи. В головах этих волков еще оставалась гэвиноподобная дыра, которую сейчас заполнил собой Моркоу. Конечно, это ненадолго. Но больше и не требуется.

«Он найдет выход из любого положения, – подумала Ангва. – Он не тратит времени на размышления, ничего не планирует... просто находит выход. Я спасла его, потому что он не мог спастись сам, а Гэвин спас его, потому что... потому что... у него были какие-то причины. И я почти уверена, Моркоу сам не понимает, почему весь остальной мир так заботится о нем. Почти уверена. Как бы Моркоу ни старался, его ум неспособен породить ни единой циничной мысли. Он добр и справедлив, он рожден быть древним королем, который носит дубовый венок на голове и, сидя на древесном троне, милостиво правит своими подданными. Я почти уверена...»

– Нам пора, – сказал Моркоу. – Церемония коронации скоро закончится, и я не хочу, чтобы господин Ваймс волновался.

– Моркоу! Мне нужно кое-что знать. Прямо сейчас.

– Да?

– *Такое* может случиться и со мной. Неужели ты никогда об этом не думал? В конце концов, он был моим братом. Быть двумя существами одновременно, вечно метаться между одним обликом и другим... Мы не самые уравновешенные существа на свете.

– Золото и грязь добываются из одного рудника, – заметил Моркоу.

– Но это же гномья пословица!

– Тем не менее она очень верна. Ты – не он.

– А если бы это случилось... если бы я... ты бы поступил так же, как Ваймс? А, Моркоу?... Ты бы взял оружие и отправился меня убивать? Я знаю, ты не умеешь врать. Но мне очень нужно знать... Ты бы так поступил?

Снег падал с деревьев. Волки не сводили с него глаз. Моркоу посмотрел на серое небо и кивнул.

– Да.

Она облегченно вздохнула.

– Обещаешь?

Ваймс был поражен, насколько быстро коронация превратилась в обычный рабочий день. Не успело стихнуть эхо фанфар, как толпа зашевелилась и перед королем выстроилась длинная очередь.

– Он даже не успел усесться поудобнее! – негодовала госпожа Сибилла, когда они направились к выходу.

– Наши короли – это... работающие короли, – отозвалась Шелли с нотками гордости в голосе. – Кроме того, сейчас король будет раздавать подарки.

К Ваймсу подбежал гном и почтительно подергал его за плащ.

– Король желает видеть вас прямо сейчас, ваше превосходительство, – сказал он.

– Что? Но там такая безумная очередь!

– И тем не менее, – вежливо откашлялся гном. – Король желает видеть вас прямо сейчас. Вас всех.

Их проводили в голову очереди. Ваймс неловко ежился, чувствуя, как его спину сверлят недоброжелательные взгляды.

Король царственным кивком отпустил очередного просителя, и почетных гостей из Анк-Морпорка бесцеремонно втокнули в самое начало очереди, оттеснив в сторону какого-то гномьего старейшину с бородой почти до колен.

Некоторое время король смотрел на них, а потом внутренняя система регистрации наконец вытащила нужную карточку.

– Правильно, это же вы собственными персонами... – пробормотал он. – Что же я хотел? Ах да, вспомнил... Госпожа Сибилла?

Она сделала реверанс.

– Традиционно после коронации мы всем дарим кольца, – продолжал король. – Но, сказать по секрету, многие гномы считают такие подарки, э-э... немного дешевыми, типа соли для ванны, понимаете? Хотя я считаю, любой подарок приятен, поэтому, госпожа Сибилла, прошу расценить это как символ развития наших отношений.

И король протянул ей тоненькое серебряное колечко. Ваймс был ошеломлен подобным проявлением скупости, но госпожа Сибилла смогла бы грациозно принять даже связку дохлых крыс.

– О, какая пре...

– Обычно мы делаем кольца из золота, – перебил король. – Самый популярный вид металла, а кроме того, о нем можно петь песни. Но это

кольцо – настоящий раритет. Оно выковано из серебра, добытого в Убервальде после многовекового перерыва.

– А как же запрет на... – начал было Ваймс.

– Еще вчера я приказал возобновить работу на серебряных рудниках, – с любезной улыбкой откликнулся король. – Мне показалось, что удачнее момента не найти. Скоро мы сможем выставить нашу руду на продажу, ваше превосходительство, но я буду весьма признателен, если на этот раз госпожа Сибилла не будет участвовать в переговорах. Иначе мы совсем обанкротимся. А госпожа Задранец, как вижу, – добавил король, – решила пожалеть нас сегодня и не особо кутюрить.

Шелли испуганно уставилась на него.

– В смысле, ты сегодня не в платье, – пояснил король.

– Вы совершенно правы, ваше величество.

– Хотя я заметил, ты все же прибегла к ненавязчивой помощи пудры и губной помады.

– Да, ваше величество, – пропищала Шелли, пребывающая на грани инфаркта.

– Очень мило. Не забудь оставить мне адресок своей портнихи, – продолжил король. – Возможно, через некоторое время у меня будет для нее заказ. Я очень серьезно над этим размышлял.

Шелли побледнела.

Ваймс заморгал. Кто-нибудь это слышал? В смысле, кроме него?

Сибилла ткнула его под ребра.

– Сэм, у тебя открыт рот, – прошептала она.

Значит, он действительно *это* слышал...

– ...Подарок в виде мешочка с золотом всегда принимается с радостью, – снова донесся до него голос короля.

Шелли, по-прежнему выпучив глаза, смотрела на его величество.

Ваймс осторожно потряс ее за плечо.

– Сп-пасибо, ваше величество.

Король протянул руку. Ваймс еще раз встряхнул Шелли. Как будто загипнотизированная, она тоже вытянула руку. Король пожал ее.

Ваймс услышал за спиной взволнованное перешептывание. Король пожал руку самопровозглашенной *гномихи*...

– Значит, остался... Детрит, – улыбнулся король. – Ну что, спрашивается, гном может подарить троллю? Я долго думал, а потом решил подарить тебе то же самое, что подарил бы любому гному. Мешочек золота, который ты можешь использовать, как тебе вздумается, а также...

Король встал и протянул руку.

Ваймс знал, что в отдаленных районах Убервальда гномы и тролли все еще воюют. В остальных же районах царил мир – того самого типа, когда воюющие стороны делают перерыв, чтобы перевооружиться.

Шепот стих. Тишина большими кругами стала распространяться по пещере.

Детрит заморгал. Потом взял руку гнома в свою и осторожно, чтобы случаем не сломать, пожал.

Снова раздался шепот. И этот шепот, сказал себе Ваймс, распространится на многие мили.

Вдруг он понял, что какими-то двумя рукопожатиями этот седобородый почтенный гном сделал то, чего не добьешься целой дюжиной хитроумно спланированных заговоров. Когда эта рябь докатится до границ Убервальда, она превратится в цунами. Тридцать человек, не считая собаки, меркли по сравнению с такими новостями.

– Гм-м?

– Я спросил, но чем я могу отблагодарить Ваймса? – повторил король.

– Э... Ничем, как мне кажется, – рассеянно ответил Ваймс.

Два рукопожатия! Очень тихо, с улыбкой на лице, король перевернул с ног на голову все вековые гномьи обычаи. И проделал это так ловко, так аккуратно, что гномы еще много веков будут спорить о происшедшем...

– Сэм! – резко произнесла Сибилла.

– Ну хорошо, тогда я сделаю подарок твоим потомкам, – с совершенно невозмутимым видом заявил король.

Ему принесли длинную плоскую коробку. Он открыл ее и продемонстрировал всем гномий топор, новенькое лезвие которого ярко сверкнуло на фоне черной ткани.

– Со временем он станет дедушкиным топором, – продолжил король. – Не сомневаюсь, что пройдут годы и потребуются заменить лезвие или топорнице. И форма его чуть-чуть изменится, ведь нужно следовать моде, но он всегда во всех деталях и отношениях останется топором, который я подарил тебе сегодня. И он всегда будет острым, поскольку изменялся вместе со временем. В этом есть зерно истины, ты согласен? Надеюсь, возвращение домой будет приятным, ваше превосходительство.

Все четверо молчали почти до самого посольства. Первой тишину нарушила Шелли:

– Король сказал...

– Я слышал, – оборвал ее Ваймс.

– Он практически признался в том, что на самом деле он – это...

– Грядут перемены, – вздохнула госпожа Сибилла. – Вот что хотел сказать король.

– Я никогда раньше не пожимал руку королю, – похвастался Детрит. – И гному тоже, если на то пошло.

– Однажды ты пожал руку мне, – напомнила Шелли.

– Стражники не в счет, – твердо заявил Детрит. – Стражники – это *стражники*.

– Интересно, изменится ли хоть что-нибудь? – спросила госпожа Сибилла.

Ваймс смотрел в окно. «Возможно, все станут жить чуточку лучше, – подумал он. – Но тролли и гномы воевали на протяжении многих веков. Чтобы закончить такую войну, одного рукопожатия мало. Рукопожатие всего лишь символ».

С другой стороны... мир приводится в движение не героями и не злодеями. И даже не стражниками. С равным успехом можно пытаться воздействовать на него символами – ничего у вас не получится. Ваймс знал лишь одно: глупо надеяться совершить что-то глобальное, например установить мир во всем мире, устроить счастье для всех, но каждый может сделать какое-нибудь маленькое дело, благодаря которому мир станет хоть чуточку лучше.

К примеру, застрелить кого-нибудь.

– Ой, совсем забыла сказать, – спохватилась госпожа Сибилла. – Шелли, вчера ты поступила очень хорошо, когда пошла поговорить с Ди.

– Благодаря этой... гномихе я едва не погиб от зубов вервольфов, – процедил Ваймс. Ему показалось необходимым напомнить об этом.

– Ну да, конечно. Но все равно... Шелли поступила очень по-доброму, – сказала Сибилла.

Шелли уставилась себе под ноги, избегая взгляда Сибиллы. Потом она нервно прокашлялась, достала из рукава клочок бумаги и, ни слова не говоря, протянула Ваймсу.

Он развернул записку.

– Она сообщила тебе все эти имена? – изумился он. – Но здесь перечислены весьма влиятельные гномы, живущие в Анк-Морпорке...

– Да, сэр, – подтвердила Шелли и снова откашлялась. – Я знала, что она хочет с кем-то поговорить, и... э... подумала: вдруг она захочет поговорить именно об этом? Извините, госпожа Сибилла. Очень трудно перестать быть стражником.

– Я поняла это давным-давно, – кивнула Сибилла.

– Знаешь, – радостно объявил Ваймс, пытаясь снять возникшее

напряжение, – если отправимся в путь завтра на рассвете, то одолеем перевал еще до заката.

Ночь прошла довольно спокойно, правда пару раз Ваймс просыпался и поднимал голову из глубин пуховой перины, потому что ему мерещились голоса. Потом он снова проваливался в пуховую бездну. Большею частью ему снился теплый снег. Наутро его растолкал Детрит.

– Уже светает, сэр.

– М-м?

– А в зале ждет Игорь и еще... какой-то вьюноша, – сказал Детрит. – У него полная банка носов и заяц, весь покрытый ушами.

Ваймс попытался было снова уснуть, но потом вдруг резко сел на кровати.

– Что?

– Весь покрытый ушами, сэр.

– Ты имеешь в виду кролика с такими большими обвислыми ушами?

– Вы б лучше вылезли из постели и сами глянули на ентого кролика, – обиженно засопев, буркнул тролль.

Осторожно, пытаясь не разбудить Сибиллу, Ваймс накинул халат и зашлепал босыми ногами по холодному полу.

Игорь, переминаясь с ноги на ногу, ждал его в центре прихожей. Ваймс уже потихоньку начинал постигать основы игореведения^[23]. Этого Игоря он видел впервые. Рядом с ним стоял совсем молодой... э... человек, почти юноша, по крайней мере в отдельных местах, но многочисленные швы и шрамы указывали на его постоянное стремление к самосовершенствованию, которое было отличительным признаком всякого хорошего Игоря. Похоже, лишь одного Игоря никак не могли добиться: чтобы их глаза располагались на одном уровне.

– Ваше превофходительфтво?

– Ты... Игорь, да?

– Но как вы догадайтфя, герр мафтер? Мы ведь еще не вфтречайтфя! Но позволяйте предфтавлятьфя: я работаю на доктор Чар, что проживаю противоположный фклон горы, а это мой фын Игорь. – Игорь треснул юношу по затылку. – Игорь, здоровай его фветлофть!

– Для меня титулы не играют роли, – угрюмо проинформировал Игорь-младший. – И никто не заставит меня называть первого встречного «мафтер».

– Вы флыхайт? – спросил его отец. – Прошайт его извиняйт, ваша фветлофть, ну что можно побирайт ф молодой поколение? Надееватьфя, вы помогайт ему ф работа большой город, пофкольку в Убервальде для него

работа найн. Он зер гут хирург, правда иногда у него возникайт очень фтранный идея. По тайне фообщайт, он унафледывайт руки дедушки.

– Да, да, я заметил шрамы, – кивнул Ваймс.

– Везучий порванец, по нафледфту они должны дофтавайтьфя мне, но он уже бывайт дофтаточно взрофлый, чтоб учафтвовайт лотерея.

– Игорьь, ты действительно хочешь вступить в Стражу? – спросил Ваймс.

– Так точно, сэр. Я считаю, будущее сейчас делается именно в Анк-Морпорке, сэр.

Его отец наклонился в Ваймсу.

– Мы не упоминайт о небольших фефектах фикции, герр мафтер, – брызгая слюной, прошептал он. – Конечно, это играйт не на его польза – в мефтных мефтах, если учитывайт флаву Игорей, – но надееватьфя, в Анк-Морпорке люди отнофийтфя к нему доброжелательно.

– Э-э, да, конечно, – согласился Ваймс, машинально доставая носовой платок и вытирая ухо. – А это, э... кролик?

– Его зовут Кошмарик, сэр.

– Хорошее имя. Прекрасное имя. А почему у него по всей спине уши?

– Один из первых моих экспериментов, сэр.

– А это, значит... носы?

В большой банке с завинчивающейся крышкой их было порядка дюжины. Это были... просто носы. Насколько Ваймс мог видеть, их ни у кого не отрезали. У носов имелись маленькие ножки, на которых они подпрыгивали в надежде вылезти из банки, как щенки в витрине зоомагазина. Ему даже показалось, что носы тихонько повизгивают.

– В них наше будущее, сэр, – пояснил Игорьь-младший. – Я выращиваю их в специальных ваннах. А еще я выращиваю глаза и пальцы!

– Но у этих носов ножки!

– Они отсыхают через несколько часов после пересадки, сэр. Они очень хотят быть нам полезными, мои маленькие носики. Следующий век станет веком биомахинаций, сэр. Скоро уже не придется кромсать старые тела, это просто станет немодным...

Отец снова треснул его по затылку.

– Вы видайт? Видайт? Ну какой в этом фмыфл? Рафточительфтво! Надееватьфя, вам удавайтфя на него повлиять, герр мафтер, потому что я руки уже опуфкайт! Как говоряйт, он даже на запчафти не пригождаетфя!

Ваймс вздохнул. Однако Стража постоянно несла какие-нибудь потери, причем в самом прямом смысле, а этот парень... в конце концов, он из Игорей. Кроме того, нельзя сказать, что в Страже служат сплошь

нормальные люди. Да, он разводит носы, зато Стража обеспечит себя нормальной хирургией, никак не связанной с жуткими воплями и ведрами кипящего дегтя.

Ваймс показал на стоявшую рядом с юношей коробку, которая раскачивалась из стороны в сторону и рычала.

– У тебя что, и собачка есть? – спросил он, постаравшись, чтобы вопрос прозвучал полусутоливо.

– Это мои помидоры, – объяснил молодой Игорь. – Триумф современной игоретики. Они вырастают до гигантских размеров.

– Только потому, что пожирайт другой овощ! – воскликнул его отец. – Но, герр мафтер, какие аккуратные, крошечные швы он накладывает – неналюбовайтьфя!

– Хорошо, хорошо, судя по всему, он – тот, кто мне нужен, – согласился Ваймс. – Или по крайней мере почти тот. Надеюсь, для него найдется местечко в одной из карет...

Дверь во двор распахнулась, в нее влетели снежинки и Моркоу, который тут же затопал ногами, стряхивая снег с башмаков.

– Ночью выпал снег, но дороги, кажется, еще открыты, – сообщил он. – Говорят, следующей ночью будет сильная буря, поэтому нам... О, доброе утро, сэр.

– Ты достаточно выздоровел, чтобы отправиться в путь? – спросил Ваймс.

– Да, мы готовы, – сказала Ангва, пересекла прихожую и встала рядом с Моркоу.

Ваймс понял все без слов. В такие моменты мудрый человек не задает вопросов. Кроме того, его босые ноги уже совсем оледенели.

Он быстро принял решение.

– Капитан, дай-ка мне свой блокнот.

Ваймс набросал несколько строчек.

– Остановись у ближайшей клик-башни и пошли сообщение в Ярд, – велел он, возвращая блокнот Моркоу. – Сообщи, что ты уже в пути. Возьми с собой молодого Игоря, позаботься о том, чтобы он нормально устроился в городе. Понял? И сразу по приезду доложи обо всем лорду Витинари.

– Э-э... А вы что, не едете? – удивился Моркоу.

– Ее светлость и я поедem в другой карете, – ответил Ваймс. – Или купим сани. Такая удобная вещь, эти сани. И мы... Мы не будем торопиться. Осмотрим местные достопримечательности. Погуляем... Понятно?

Он заметил хитрую улыбочку Ангвы и подумал: не рассказала ли ей

Сибилла о своем маленьком секрете?

– Конечно, сэр, – отсалютовал Моркоу.

– В Анк-Морпорке зайдешь в лавку «Коренной-и-Рукисила», закажешь пару дюжин лучших образцов ручного оружия по каталогу и пошлешь их со следующей почтовой каретой в Здец. Лично капитану Тантони.

– Но почтовая карета обойдется недешево, сэр... – начал было Моркоу.

– Я не хочу, чтобы ты говорил мне об этом, капитан. Я хочу, чтобы ты просто ответил: «Есть, сэр».

– Есть, сэр.

– И еще. Справься у ворот о трех печальных девушках, которые живут в большом доме неподалеку от города. У них еще вишневый сад. Выясни адрес, а когда вернешься в город, вышли им три билета на почтовую карету до Анк-Морпорка.

– Слушаюсь, сэр.

– Молодец. Ну, благополучно вам доехать. Увидимся через неделю. Или через две. В крайнем случае через три. Хорошо?

Через несколько минут он, дрожа, стоял на ступенях и провожал взглядом исчезающую в утренней морозной дымке карету.

Чувство вины, конечно, присутствовало, но в самой легкой форме. Он отдавал Страже каждый день своей жизни, и теперь настало время, чтобы она отдала ему неделю своей. Или две. В крайнем случае три.

На самом деле и виной это не назовешь – так, надоедливое жужжание, на которое не стоит обращать внимания. Сейчас он отчетливо видел будущее. Впервые в жизни.

Ваймс запер дверь, поднялся наверх и завалился спать.

В ясный день с вершин Овцепикских гор открывается замечательнейший вид на равнины.

Гномы обуздали горные потоки и построили целую вереницу шлюзов, которая наподобие лестницы поднималась в горы на целую милю. Чтобы подняться по этой «лесенке», каждый должен был платить копеечку, а если точнее – весьма круглую сумму в анк-морпоркских долларах. Баржи так и сновали вверх-вниз по этой переправе. Сначала они попадали в реку Смарл, а оттуда расплывались по равнинным городам. Баржи везли уголь, руду, огнеупорную глину, паточные чушки^[24] и жир – словом, все самые невкусные ингредиенты пудинга цивилизации.

В холодном разряженном воздухе видно далеко, и все подходящие к горам баржи были как на ладони. В ясную погоду можно было разглядеть следующую среду.

Капитан одной из барж ждал, когда откроется верхний шлюз. Он выплеснул осадок из чайника за борт и вдруг увидел маленького песика, сидевшего на покрытом снегом берегу. Песик встал на задние лапки и посмотрел на него так жалобно-жалобно.

Капитан уже собирался было вернуться в каюту, но вдруг подумал: «Какой милый песик».

Мысль эта была настолько *отчетливой*, что на мгновение капитану показалось, будто он ее услышал. Капитан оглянулся по сторонам – рядом никого не было, а собаки, как всем известно, разговаривать не умеют.

Тогда он услышал следующую свою мысль: «Этот маленький песик может очень пригодиться. Типа защищать всякие ценные грузы от нашествия крыс».

И снова капитан решил, что это его мысль, потому что рядом никого не было, а собаки – и об этом все знают – разговаривать не умеют.

– Но крысы ведь не едят уголь? – спросил он вслух самого себя.

И тут же ему в голову пришла следующая мысль, ясная как день: «А ты это точно знаешь? А вдруг едят? Кроме того, это такой милый песик, он столько дней пробирался по глубокому снегу. Да только, похоже, всем пофигу».

Хозяин баржи наконец сдался. Нельзя же так долго спорить с самим собой.

Через десять минут баржа начала долгий спуск на равнину, а на носу ее, наслаждаясь свежим ветерком, сидел маленький песик.

«Как ни крути, – подумал Гаспод, – а будущее такая штука, смотреть в которую очень даже приятно».

Шнобби Шноббс прятался в построенном у здания Городской Стражи шалаше и с мрачным видом грел руки, когда над ним нависла чья-то тень.

– Ты чем тут занимаешься, а, Шнобби? – спросил Моркоу.

– Ха? *Капитан*?

– Никого у ворот, никого в патруле. И, похоже, никто не получал мое сообщение... Что тут происходит?

Шнобби облизал губы.

– Ну-у, – произнес он. – В данный момент... Ну... В данный момент Стражи нет. *Как таковой*. – Он вздрогнул, увидев за спиной Моркоу Ангву. – А господин Ваймс вообще с вами?

– Что *происходит*, Шнобби?

– Ну, вы *понимаете*... Фред типа... А потом он в некотором роде... А затем он вдруг решил... Ну а мы... А он перестал выходить... А мы... А он

заколотил дверь... И пришла госпожа Колон, принялась кричать на него через почтовый ящик... А почти все ребята разбежались и нашли другую работу... И остались только я, Дорфл, Редж и Горшок, и вот мы приходим сюда по очереди, пишаем пищу для него в щель почтового ящика... И... Вот, собственно, и все...

– Не мог бы ты повторить еще раз, но заполнить промежутки? – попросил Моркоу.

На это потребовалось гораздо больше времени. Во второй версии тоже присутствовали дыры, но Моркоу довольно быстро их залатал.

– Вот теперь я *понимаю*, – сказал он наконец.

– Господин Ваймс сойдет с ума от ярости, да? – с несчастным видом спросил Шнобби.

– Ну, о господине Ваймсе я не стала бы так волноваться, – пожалала плечами Ангва. – По крайней мере сейчас.

Моркоу смотрел на входную дверь. Она была толстой и дубовой. Окна были закрыты решетками.

– Шнобби, ступай и позови констебля Дорфла.

Через десять минут в стене появился новый дверной проем. Моркоу перешагнул через обломки камней и стал подниматься по лестнице.

Фред Колон, сгорбившись, сидел на стуле и в упор смотрел на одинокий кусочек сахара на столе.

– Осторожно, – прошептала Ангва. – Он может находиться в очень неустойчивом психическом состоянии.

– Вполне может, – согласился Моркоу. Он наклонился и прошептал на ухо Колону: – Фред?

– М-м? – пробормотал Колон.

– *Встать, сержант! Тебе больно? Тебе должно быть больно, потому что я стою на твоей бороде! Пять минут на то, чтобы помыться, побриться и вернуться сюда с сияющей рожей! Встать, я сказал! Марш в умывальню! Кругом! Бегом марш! Раз, два, раз, два!*

Ангве показалось, что ни одна из частей тела Фреда Колона, за исключением, возможно, ушей, не была занята в том, что произошло дальше. Фред Колон *встал* по стойке «смирно», щелкнув каблуками, исполнил поворот кругом и выбежал в коридор.

Моркоу резко повернулся к Шнобби.

– Это и тебя касается, капрал!

Шнобби, дрожа от страха, отдал честь обеими руками сразу и бросился догонять Колона.

Моркоу подошел к камину и поковырял кочергой золу.

– О боги... – покачал головой он.
– Все сгорело? – спросила Ангва.
– Боюсь, что да.
– С некоторыми кипами я уже успела подружиться.
– Ладно, когда начнет вонять, тогда и узнаем: было там что-то действительно важное или нет, – сказал Моркоу.

В дверях опять возникли Шнобби и Колон, запыхавшиеся и розовощекие. Лицо Колона в тех местах, которые он брил особо энергично, было залеплено кусочками бумаги, но он тем не менее выглядел гораздо лучше. Он снова был сержантом. Кто-то отдавал ему приказы. Его мозг работал. Перевернутый мир снова встал с головы на ноги.

– Фред? – окликнул Моркоу.
– Слушаю, сэр?
– У тебя птичий помет на плече.
– Я сейчас уберу, сэр! – воскликнул Шнобби, прыгнув к своему другу. Он вытащил носовой платок из кармана, плюнул на него и торопливо стер с плеча Колона временную звездочку. – Уже ничего нет, Фред! – сообщил он.

– Молодец, – похвалил его Моркоу.
Затем Моркоу встал и подошел к окну. На самом деле смотреть было особо не на что. Но он смотрел так, словно мог видеть самый Край света.

Колон и Шнобби с тревогой переминались с ноги на ногу. Звук этой тишины им совсем не нравился. И когда Моркоу заговорил, они отшатнулись, словно от удара мокрой тряпкой.

– Все, что здесь произошло, – промолвил Моркоу, – я бы назвал очень запутанной ситуацией.

– Вы правы, сэр, вы абсолютно правы, – затараторил Шнобби. – Мы запутались по самое небалуйся, верно, Фред?

Чтобы вывести Колона из вызванного ужасом ступора, Шнобби пришлось врезать ему локтем под ребра.

– У-у? О. Правильно. Да. По самое, – пробормотал Колон.
– И боюсь, я знаю, кого в конечном счете следует винить, – продолжил Моркоу, все еще поглощенный наблюдением за дворником, который подметал лестницу Оперного театра.

Шнобби шевелил губами, беззвучно вознося молитву. У Фреда Колона были видны только белки глаз.

– Это моя вина, – заявил Моркоу. – Виноват только я один. Господин Ваймс назначил меня старшим, а я покинул пост, забыв о своем долге, чем поставил всех в невысказанно сложное положение.

Застывшие лица Шнобби и Фреда выражали абсолютно одно и то же.

Эти люди только что увидели свет в конце тоннеля – оттуда им подмигивала сама фея надежды.

– Мне очень неловко просить вас двоих помочь мне выбраться из ямы, которую я сам себе вырыл, – признался Моркоу. – Не могу даже представить, что скажет обо всем этом господин Ваймс.

Свет в конце тоннеля мигнул и погас. Шнобби и Колон прекрасно представляли, что скажет господин Ваймс.

– И тем не менее, – промолвил Моркоу. Он вернулся к столу и достал из нижнего ящика пачку замызганных, скрепленных между собой листов бумаги.

Комната затаила дыхание.

– И тем не менее все эти люди приняли Королевский Шиллинг и принесли клятву охранять Королевский Покой. – Моркоу постучал пальцем по бумагам. – То есть присягнули на верность королю.

– Да, но это всего лишь... Аргх! – воскликнул Фред Колон.

– Прошу прощения, сэр, – извинился Шнобби. – Вставая по стойке «смирно», я со всей неумышленной силы наступил Фреду на палец.

Раздался растянутый до бесконечности шелестящий звук – это Моркоу извлек свой меч из ножен. Он положил его на стол. Шнобби и Колон отшатнулись от угрожающе направленного на них острия.

– Все они отличные ребята, – мягко произнес Моркоу. – Я уверен, если вы двое зайдете к каждому из них и объясните ситуацию, они поймут, в чем заключается их истинный долг. Передайте им... скажите им, что всегда есть *простой* выход, нужно только знать, куда смотреть. А потом мы продолжим выполнять свою работу, а когда господин Ваймс вернется из заслуженного отпуска, о нескольких запутанных событиях недавнего прошлого можно будет просто...

– Забыть? – с надеждой в голосе предположил Шнобби.

– Именно, – подтвердил Моркоу. – Кстати, Фред, спасибо, что так здорово разобрался с бумагами.

Колон стоял как вкопанный, пока Шнобби не схватил его за шиворот и не выволок в коридор. Второй рукой капрал Шноббс не забывал отдавать честь.

На лестнице Колон и Шноббс принялись спорить. Ангва улыбнулась.

Моркоу встал, смахнул пыль со стула и аккуратно придвинул его к столу.

– Ну вот мы и дома, – сказал он.

– Да, – кивнула Ангва, а сама подумала: «Ты ведь умеешь сердиться, умеешь угрожать. Но используешь это свое умение как когтистую лапу –

выпускаешь когти, только когда это необходимо. А когда когти не нужны, их как будто бы и нет вовсе...»

Он потянулся к ней и взял ее за руку.

– Волки никогда не оглядываются назад, – прошептал Моркоу.

notes

Примечания

1

Не из мертвых камня и железа (в каковом виде они пребывают сейчас), а из самых что ни на есть живых. Гномы посвятили минералам целую мифологию, весьма сложную и изобретательную.

Леди Марголотта была вампиром, а вампиры развивают себе очень длинные имена. Одно из типично вампирских занятий, помогающих скоротать долгие годы.

3

По крайней мере, одетые не так, как *она* обычно одевалась.

4

А также с недавних пор – «капралом Шноббсом».

5

Произнести местоимение «её» было выше их сил.

По крайней мере настоящими исследователями. Местные жители – не в счет.

Главное – бить сильнее.

Своеобразным девизом всех Игорей было: «Вы еще не пользуйте Игоря? Тогда мы шагайт к вам!»

За единственным исключением: на них не стоило наступать во вторник.

Как член мертвого сообщества, Редж Башмак, разумеется, причислял себя к этническому большинству.

Мили и Мили Треклятого Убервальда.

Тут следует отметить: ни одно другое существо в мире так и не смогло овладеть данной позой.

13

Все очень просто. Укусишь сегодня, и кто покормит тебя завтра?

Оно же – «низкая тварь».

Оно же – «низкая тварь».

Кремниевый мозг Детрита, как и у большинства троллей, был очень чувствителен к колебаниям температуры. Когда столбик термометра падал до нижних отметок, Детрит становился опасно разумным.

17

Печенье особого рода, сделанное из занавесок.

Гречневые клецки, фаршированные лучше не знать чем именно.

Хлеб из пастернака, считающийся куда более вкусным, чем тот же пшеничный, который уже набил изрядную оскомину.

Секс, как он однажды про себя отметил, в некотором роде сродни кулинарии. Люди им увлекаются, периодически покупают книги с замысловатыми рецептами и интересными картинками, иногда, особо проголодавшись, устраивают в своем воображении настоящие банкеты, но в конце дня с удовольствием соглашаются на обычную яичницу с чипсами. А если к этому еще добавить половинку помидора, то ужин считается совсем уж роскошным.

Однажды Ваймс обсуждал с Моркоу эфебские представления о «демократии». Ему показалась очень любопытной идея, согласно которой каждому^[25] предоставлялось право голоса, однако потом он выяснил, что помимо предоставления права голоса ему, Ваймсу, в правилах ничего не говорилось о том, что такое же право не получит, допустим, Шнобби Шноббс. Ваймс счел это самым слабым местом демократии.

Маркизу Пышнохвосту в юности не раз приходилось участвовать в драках, причиной многих из которых было прежде всего то, что его звали маркизом Пышнохвостом. Поэтому он разработал ряд правил, которые назвал «Искусством Благородного Кулачного Боя» и которые в основном состояли из списка мест, по которым его, маркиза, запрещалось бить. На многих людей этот труд произвел большое впечатление. Изучив правила, они выступали, благородно выпятив грудь и сжав кулаки в состоянии мужественной агрессивности, против людей, которые не читали книгу маркиза, зато прекрасно знали, как вырубить человека, ударив его по голове, допустим, стулом. В результате чего последними словами ну очень многих людей стали: «Чтоб этот чертов Пышнохвост сдох, скотина...»

Главное было запоминать комбинации шрамов.

Паточные рудники под Анк-Морпорком давно истощились, и об их существовании помнили только по названию улицы. Но в результате падения на Диск Пятого Слона тысячи акров доисторического сахарного тростника ушли под землю как раз на границе Убервальда. Добываемый там кристаллический сахар стал фундаментом для быстро развивающихся горнодобывающей, кондитерской и зубоврачебной отраслей.

За исключением женщин, детей, рабов, идиотов и людей, которые не относились к «нашим людям».